

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 1
ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ**

2022

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ОддАрне Вестад (США), **А.Б. Давидсон** (Россия), **Штефан Карнер** (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), **Николаус Катцер** (Германия), **Доминик Ливен**
(Великобритания), **Г.Ф. Матвеев** (Россия), **В.С. Мясников** (Россия), **В.В. Наумкин** (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), **А.О. Чубарьян** (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), **Л.С. Белоусов** (Россия), **Д.М. Бондаренко** (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), **Владислав Зубок** (Великобритания), **Суви Кансикас** (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), **М.А. Липкин** (Россия), **Леонид Люкс** (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), **Мари-Пьер Рей** (Франция),
Дональд Рейли (США), **Л.П. Репина** (Россия), **И.М. Савельева** (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), **В.В. Согрин** (Россия), **Грегори Фриз** (США), **Б.Л. Хавкин** (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), **Франтишек Штеллнер** (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 1
JANUARY–FEBRUARY

2022

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY:
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL COUNCIL

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A

Web-site: <http://nni.jes.su>

e-mail: novistor57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ**

- Миронов В.В.** Баланс балансу рознь: две интерпретации одного концепта. Из истории формирования Английской школы международных отношений 7
- Синдеев А.А.** Как изучать глобализацию? (О дискуссии, начатой «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte») 18

НОВОЕ ВРЕМЯ

- Дударев В.С.** Спор об императорском титуле: традиционализм Вильгельма I и политика государственных интересов Отто фон Бисмарка 30
- Пеганов А.О.** (Швеция). Полицейское насилие в годы «Прекрасной эпохи». Формирование и деятельность Венгерской королевской жандармерии (1881–1914 годы) 44

**МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И СССР: ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
В МЕЖДУНАРОДНОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ (к 100-летию БНСР и ХНСР)**

- Аманжолова Д.А.** Казахская степь и ее политическая элита в условиях революционного транзита в Евразии начала XX века 57
- Котюкова Т.В.** Русская революция в Туркестане глазами очевидца: «красно»-«белые» воспоминания Александра Гзовского. 69
- Бармин В.А.** Басмаческое движение советского Туркестана в планах некоторых антибольшевистских сил (1918–1933 годы) 84
- Махмудов О.А.** (Узбекистан). «Крыша мира» на пересечении англо-советских геополитических интересов (1917–1922 годы) 98
- Рягузова А.В.** «Индусская работа» Коминтерна в Бухаре в 1920–1921 годах 112
- Сергеев Е.Ю.** Центральная Азия в советской и британской стратегии, 1918 год 122
- Улдуян А.А.** Британское непризнание бухарской независимости в 1922 году: оценки, прогнозы и механизм 135
- Тихонов Ю.Н.** Роль «Бухарского вопроса» при заключении советско-афганского «Договора о дружбе» 1921 года 151

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Трунов Ф.О.** К вопросу периодизации участия ФРГ в урегулировании вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве 164
- Крылов Г.Л.** Основные особенности «садристского течения» («ат-тайяр ас-садрий») как участника политического процесса в современном Ираке 179

ПУБЛИКАЦИИ

- Киселев А.Л.** К вопросу о саботаже иностранными банками приема краткосрочных обязательств Государственного казначейства в период иностранной интервенции на Дальнем Востоке России и в Сибири 194

СООБЩЕНИЯ

- Согрин В.В.** «Права человека» в США. Эволюция. Этапы. Современность 206
- Сагомонян А.А.** Испанцы на фронтах Великой Отечественной войны 227

РЕЦЕНЗИИ

- Гордон А.В.** Антиномии академика Тарле (Е.В. Тарле. Россия и Запад: из неопубликованного и забытого / сост., подгот. к печати, вступ. статья и коммент. Б.С. Каганович. СПб., 2021) 240

Белозеров В.К. Искусство переговоров и решение берлинского вопроса (Р.В. Долгилевич. Советская дипломатия на четырехсторонних переговорах по Западному Берлину (26 марта 1970 г. – 3 сентября 1971 г.) / предисл. и публ. Р.В. Долгилевич. СПб., 2021) 247

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гуськов Е.А., Барина Е.П. Всероссийская научно-практическая конференция «Политические институты, политическая культура и социальные практики от античных держав до глобальных империй» 251

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

- Mironov V.V.** Balance is not the Same as Balance: Two Interpretations of the Same Concept. From the History of the Formation of the English School of International Relations..... 7
- Sindeev A.A.** How to Study Globalization? (On the Discussion Started in *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*) 18

MODERN HISTORY

- Dudarev V.S.** The Dispute over the Imperial Title: the Traditionalism of William I and the Policy of State Interests of Otto Von Bismarck 30
- Piahnanu A.A.** (Sweden). Police Violence During the “Belle Epoque”. Formation and Activity of the Hungarian Royal Gendarmerie (1881–1914) 44

BETWEEN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE USSR: CENTRAL ASIA IN INTERNATIONAL GEOPOLITICS (for the centenary of the BPSR and the KhPSR)

- Amanzholova D.A.** The Kazakh Steppe and its Political Elite in the Conditions of Revolutionary Transit in Eurasia at the Beginning of the 20th century 57
- Kotyukova T.V.** The Russian Revolution in Turkestan Through the Eyes of an Eyewitness: “Red”-“White” Memoirs of Alexander Gzovsky 69
- Barmin V.A.** The Basmachi Movement in Soviet Turkestan in the Plans of Some Anti-Bolshevik Forces (1918–1933) 84
- Makhmudov O.A.** (Uzbekistan). “The Roof of the World” at the Crossroads of Anglo-Soviet Geopolitical Interests (1917–1922) 98
- Ryaguzova A.V.** “Hindu Operation” of the Comintern in Bukhara in 1920–1921 112
- Sergeev E.Yu.** Central Asia in Soviet and British Strategy, 1918 122
- Ulunyan A.A.** The British Non-Recognition of Bukhara’s Independence in 1922: Assessments, Forecasts, and Mechanism..... 135
- Tikhonov Yu.N.** The Role of the “Bukhara Question” in the Conclusion of the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship” of 1921 151

CONTEMPORARY HISTORY

- Trunov Ph.O.** On the Periodisation of the German Involvement in the Settlement of Armed Conflicts in the Post-Soviet Space 164
- Krylov G.L.** The Key Features of the Sadrist Movement (“At-Tayyar As-Sadri”) as a Player in the Political Process in Present-Day Iraq 179

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

- Kiselev A.L.** On the Sabotage by Foreign Banks of Short-Term Obligations of the State Treasury During the Foreign Intervention in the Russian Far East and Siberia..... 194

MESSAGES

- Sogrin V.V.** Human Rights in the United States: Evolution, Milestones, Contemporary Developments 206
- Sagomonyan A.A.** Spaniards in the Great Patriotic War..... 227

REVIEWS

- Gordon A.V.** Antinomies of the Academician Tarle (E.V. Tarle. Russia and The West: From the Unpublished and Forgotten / compiled, prepared for publication, introductory article and commentary by B.S. Kaganovich. Saint-Petersburg, 2021) 240

Belozero V.K. The Art of Negotiation and Resolution of the Berlin Question (R.V. Dolgilevich. Soviet Diplomacy on the Quadriateral Negotiations on West Berlin (March 26, 1970 – September 3, 1971) / preface. and publ. R.V. Dolgilevich. Saint-Petersburg, 2021) 247

ACADEMIC LIFE

Guskov E.A., Varinova E.P. Russian Scientific and Practical Conference “Political Institutions, Political Culture and Social Practices from Ancient Powers to Global Empires” 251

DOI: 10.31857/S013038640015322-2

© 2022 г. В.В. МИРОНОВ

БАЛАНС БАЛАНСУ РОЗНЬ: ДВЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО КОНЦЕПТА. ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Миронов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета (Омск, Россия).

E-mail: vvm_512@rambler.ru

Scopus Author ID: 57218993856; *Researcher ID:* AAR-3034-2021

Аннотация. Статья посвящена анализу содержательных различий понятия «баланс сил» в системе взглядов двух основателей Английской школы международных отношений — Г. Баттерфилда (1900–1979) и М. Уайта (1913–1972). Концепция школы получила признание в 1970-е годы как оригинальный подход к изучению международной политики благодаря работам Х. Булла. Со временем понятие «международное общество», разработанное ученым, стало символом для обозначения всей Английской школы и маркером для демонстрации специфики ее концепции. Между тем книга Х. Булла отразила итоги многолетних дискуссий внутри специфического научного сообщества. Цель статьи — показать часть процесса формирования оригинальной научной концепции на примере изучения внутренней полемики двух основателей сообщества в 1960-х годах. Источниками работы послужили опубликованные тексты представителей Английской школы международных отношений. Новизна предпринятого подхода состоит в выявлении роли понятия в системе взглядов двух разных ученых, с учетом того, что Уайт был учеником Баттерфилда. Г. Баттерфилд видел в балансе сил сущностную историческую основу любых рассуждений о международной политике. Понятие баланса для него являлось интегральным концептом исторического изучения международных отношений. М. Уайт считал идею международной системы основой для создания международной теории, где баланс сил был важным, но не единственным и исчезающим элементом практики межгосударственного взаимодействия. В результате разного понимания термина «баланс сил» Баттерфилд со временем считал свою роль в создании Британского комитета по изучению международной политики исполненной к 1967 г., а Уайт сумел направить работу участников Английской школы на разработку новой теоретической гипотезы, которая привела в итоге к появлению концепции международного общества и формированию научной школы.

Ключевые слова: Английская школа международных отношений, Г. Баттерфилд, М. Уайт.

V.V. Mironov

Balance is not the Same as Balance: Two Interpretations of the Same Concept. From the History of the Formation of the English School of International Relations

Victor Mironov, Omsk State University (Omsk, Russia).

E-mail: vvm_512@rambler.ru

Scopus Author ID: 57218993856; Researcher ID: AAR-3034-2021

Abstract. The article analyses the substantive differences in the interpretation of the 'balance of power' between the two founders of the English School of International Relations, H. Butterfield (1900–1979) and M. White (1913–1972). The School's concept gained recognition in the 1970s as an original approach to the study of international politics through the writings of H. Bull. Over time, the notion of "international community" developed by the scholar became a symbol for the entire English School and a marker to demonstrate the distinctiveness of its concept. The aim of the article is to show part of the process of formation of an original academic conception by exploring the internal polemics between the two founders of the School in the 1960s. The sources for this study are the published texts of representatives of the English School of International Relations. The novelty of the author's approach is to identify the role of the concept in the system of views of the two scholars, bearing in mind that White was a disciple of Butterfield. The latter saw the balance of power as the essential historical basis for any discussion of international politics. For him, the notion of balance was almost identical to that of the international system. M. White saw the idea of an international system as the basis for a theory of international relations, where the balance of power was an important but not the only element gradually fading away from the practice of inter-state interaction.

Keywords: English school of international relations, Herbert Butterfield, Martin Wight, balance of power.

Английская школа международных отношений получила международное признание как оригинальный научный подход, связанный с разработкой концепции «международного общества». Контуры общей школы были очерчены еще в 1960–1970-х годах внутри так называемого Британского комитета по изучению международной политики. Комитет представлял собой сессионно действующий научный семинар, первоначально финансировавшийся Фондом Рокфеллеров, а после прекращения грантовой поддержки собиравшийся за счет средств самих участников. Центральным периодом для создания концепции «международного общества» стали 1970-е годы. В это время выходят исследования Х. Булла, принесшие школе известность далеко за пределами Великобритании¹. Между тем булловское прочтение идеи международного общества отразило итоги долгой научной дискуссии вокруг неоднозначной гипотезы, выдвинутой еще в середине 1960-х годов. Реконструкция этой внутренней полемики между учеными внутри семинара помогает выявить своеобразие подхода сообщества британских международныхников к трактовке истории международной политики.

Исходной точкой дискуссии о международном обществе внутри комитета можно считать доклад Г. Баттерфилда 1965 г., в котором последний сформулировал свое понимание системы в международных отношениях. Идея исторического анализа системы государств, по его мнению, могла стать основой для дальнейшей совместной работы участников проекта. Тем самым Баттерфилд хотел придать импульс коллективной работе в семинаре. Отсюда и его интерес к столь емкому термину, что в целом не было

¹ Хедли Булл (1932–1985) – известный ученый австралийского происхождения, эксперт в области стратегических исследований, профессор Оксфорда в 1977–1985 гг., один из создателей Английской школы международных отношений, родоначальник так называемого второго «большого спора» в науке о международных отношениях.

свойственно для этого ученого. Его видение международной системы восходит к работам немецких авторов XVIII–XIX вв., в первую очередь Л. фон Геерена². Впоследствии некоторые соображения по этому вопросу были опубликованы Г. Баттерфилдом в виде эссе в работе «Дипломатические исследования» – первой совместной монографии участников формирующегося сообщества³.

Для своего времени эта работа была большим научным достижением в обобщении и систематизации знаний о международной политике в Великобритании. В книге уделялось существенное внимание проблеме отсутствия единой международной теории (статья М. Уайта), рассматривались ключевые проблемы для дальнейшего изучения международной политики в виде оценки роли войны (М. Ховард), анализировались изменения в дипломатии (Г. Баттерфилд) и международном праве (Х. Булл). Кроме этого, была намечена перспектива этического измерения международного порядка (Д. Маккиннон, Э. Кидури). В отличие от американской теории международной политики существенное место в книге отводилось изучению баланса сил в качестве фокуса исторического развития международной системы (М. Уайт, Г. Баттерфилд) и некоторым другим аспектам международных отношений.

Любопытно, что в книге два эссе с идентичным названием, посвященных проблеме баланса сил. Помимо Баттерфилда, статья на эту тему была представлена Мартином Уайтом – соруководителем Британского комитета по изучению международной политики в тот период, а впоследствии – вторым его председателем после ухода с этого поста Баттерфилда в 1967 г. Такая ситуация говорит о том, что ученые не смогли выработать общего понимания термина. При этом Баттерфилд был учителем Уайта в университете и впоследствии многое сделал для становления научной карьеры своего бывшего ученика. Кроме того, «Дипломатические исследования» оказались не просто первой совместной работой ряда английских ученых, этапом в становлении сообщества. Они сыграли роль программы научных исследований, которая реализовывалась на протяжении следующих 18 лет и стала основой формирования Английской школы международных отношений. Все эти обстоятельства заставляют внимательнее отнестись к двум одинаково озаглавленным статьям.

Следует сказать, что Баттерфилд и Уайт к моменту начала работы Британского комитета по изучению международной политики были учеными разных «весовых категорий». Герберт Баттерфилд (1900–1979) приобрел широкую известность как историк еще в 1930-х годах. На период после Второй мировой войны пришелся расцвет его деятельности. Баттерфилд состоялся не только как видный исследователь, преподаватель, но и как организатор науки. С 1938 по 1952 г. был редактором «Кембриджского исторического журнала», восстанавливал исторический факультет в Кембридже, чья деятельность приостановилась во время войны. В послевоенные годы он становится вице-канцлером этого старейшего британского университета и ректором родного для него колледжа Петерхауз. С 1955 по 1958 г. Баттерфилд занимает пост президента Исторической ассоциации Великобритании. За заслуги в этой сфере в 1965 г. он был возведен в рыцарское достоинство.

² *Арнольд Герман Людвиг Геерен* (1760–1842) – немецкий историк и философ. С 1787 г. – профессор философии, а затем истории в Университете Гёттингена, иностранный член Академии наук Швеции, почетный член Российской академии наук (1826 г.). Его книга «Руководство к познанию древней политической истории» была издана в Москве М.П. Погодиным в 1836 г. и рассматривалась тогда, как пример нового подхода к античной истории. Геерен уделял пристальное внимание торговым отношениям между античными государствами и исследовал влияние торговых связей на политическое устройство. Историком Английской школы в большей мере интересовала его работа «История европейских государств».

³ *Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics* / eds H. Butterfield, M. Wight. London, 1966.

Баттерфилд не оставлял преподавательской и научной деятельности. Его научные идеи получили широкую известность, лекции пользовались популярностью. Он даже занялся популяризаторской деятельностью, чему способствовала его известность. Биби-си предложила ему провести цикл передач по радио, что он и сделал в 1949 г., объединив свои выступления в курс «Христианство и история»⁴.

Ученый был глубоко религиозным человеком. Эта сторона его мировоззрения заслуживает особого внимания. По своим взглядам Баттерфилд принадлежал к диссентерам (сторонникам методистской церкви). Долгое время принадлежность к этой церкви он скрывал от окружающих. Некоторые его биографы даже считают, что в университет Баттерфилд поступил ради того, чтобы стать методистским епископом⁵. Как христианский мыслитель, он видел в международных отношениях если не руку Провидения, то некую логику, отступление от которой было чревато трагедией⁶. Эти составляющие его мировоззрения позволяли отечественным историкам видеть в нем апологета консервативного направления в британской исторической науке своего времени⁷. Сегодня достаточно признать, что как человек с религиозным кредо Баттерфилд в истории нового времени видел отражение набора вполне определенных идей и явлений. При этом он выступал против вульгаризации истории и необоснованно широкой трактовки исторических фактов. Критика так называемой вигской интерпретации истории принесла ему известность еще в 1930-х годах⁸.

Среди фундаментальных исторических идей, волновавших ученого, «баланс сил» занимал центральное место в его понимании «природы» международных отношений нового времени. В «Дипломатических исследованиях» он писал, что это понятие играет роль закона для международных отношений, как законы Ньютона играют важную роль в физике⁹. И хотя, как любая аналогия, такое сравнение поверхностно, оно показывает значение термина как стержня исторической методологии изучения международных отношений в представлении ученого. Более того, только одна эта оценка демонстрирует отличие подхода Британского комитета от американской традиции, где в основе теоретических представлений оказывался анализ эгоистических (национальных) интересов государств, а баланс сил считался в лучшем случае историческим компонентом европейской дипломатии XVIII в. Специфическое значение данной идеи побуждало Баттерфилда к анализу его роли в истории международной политики.

Баттерфилд выявляет истоки этой идеи в европейской политической мысли XV–XVI вв. Он выделяет главенствующую роль Н. Макиавелли в формулировании и развитии этого понятия. Правда, Баттерфилд полагает, что последнему не хватило теоретической основы для ее глубокого понимания. Поэтому симпатии английского историка – на стороне исторического наследия Ф. Гвиччардини в развитии и интерпретации этой идеи. Он также отмечает роль Филиппа де Коммина и кардинала Ришелье в утверждении рациональной основы концепции баланса сил как руководства для политиков в XVII в.

Для истории международных отношений XVII–XVIII вв. Баттерфилд показывает сформировавшиеся недостатки проведения политики, основанной на идее баланса сил. Он подчеркивает ее консервативный характер, проявившийся в практике разделов Речи Посполитой. Тем не менее ученый отмечает общую стабилизирующую роль баланса сил

⁴ *Butterfield H. Writing on Christianity and History / ed. C.T. McIntire. Oxford; New York, 1979. P. XV.*

⁵ *Watson A. Introduction // Coll A.R. The Wisdom of Statecraft. Sir Herbert Butterfield and philosophy of International Politics. Durham, 1985. P. IX.*

⁶ *Butterfield H. Christianity, Diplomacy and War. London, 1953. P. 66.*

⁷ *Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 8; Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Казань, 2004. С. 73–84.*

⁸ *Butterfield H. The Whig Interpretation of History. New York, 1965.*

⁹ *Butterfield H. Balance of Power // Diplomatic Investigations. P. 132.*

в истории европейских отношений этого периода. Она заключалась в том, что идея политического равновесия, с его точки зрения, дала рациональную основу взаимодействию ведущих европейских государств и сделала возможным поддержание мира в долгосрочной перспективе. Как специалист по истории дипломатии, Баттерфилд подметил, что если Австрия, Пруссия и Россия объединялись вместе, то Великобритания и Франция были вынуждены совместно останавливать подобную коалицию. Это не всегда получалось в силу политических противоречий между Лондоном и Парижем. Поэтому разделы Речи Посполитой в конце XVIII в. в известном смысле были предопределены. Баттерфилд вовсе не стремится ни объяснить, ни тем более оправдать разделы этой страны в новое время. Ученый лишь констатирует факт разделов на основе сохранения политического равновесия между тремя ведущими государствами Восточной Европы. Вместе с тем он не считает разделы и формами девиантного поведения сильных государств по отношению к слабым, как это следовало из традиций либеральной трактовки международной политики. Это лишь этап и важный эпизод в воплощении и развитии фундаментальной международной идеи¹⁰.

При изучении истории международных отношений XIX в. Баттерфилд показал, как баланс сил влиял на регулирование межгосударственных отношений. Он считал эту идею в целом фактором, помогающим выжить слабым государствам в международной системе. Например, Османская империя в XIX в. была уже не в состоянии обеспечивать свою безопасность и противостоять России, что проявилось в период Крымской войны, но уберегало ее от разрома лишь то обстоятельство, что она значилась во внешнеполитических расчетах европейских стран. Учитывая, что Великобритания являлась основным адептом политики поддержки Турции в XIX в., такой пассаж в творчестве английского историка можно даже считать попыткой критического взгляда на обоснованность внешней политики собственной страны, если исходить из подобного понимания баланса.

Стабилизирующая роль баланса сил в истории международной политики нового времени проявилась не только в рациональной основе взаимодействия великих держав, но и в отношении малых стран. «Баланс сил не только гарантирует существование малых государств, но и утверждает за ними некоторую автономию и право на свободу действий. Он охраняет их независимость в сфере внешней политики. Он сделал возможным самостоятельное существование малых стран, которые теперь выступают не просто сателлитами великих держав. В международной системе малые страны даже более свободны в выборе своих союзников, чем крупные государства при формировании альянсов»¹¹.

В целом Баттерфилд считает баланс сил порождением определенного исторического типа европейской политики, ставшей со временем олицетворением всей дипломатии нового времени. Истоки этой идеи — в необходимости поддержания мира между европейскими странами как особой исторической формы государства нового времени. Но, сформировавшись как исторический механизм ограничения войны в поле международного взаимодействия европейских государств, он стал со временем служить более широкой цели — сохранению мира в отношениях между державами, что и определяет его значение для анализа международных отношений. Поэтому баланс сил нельзя рассматривать только в качестве «неписаной конституции Европы». Таким образом, для британского историка баланс сил был необходимым элементом формирования, существования и сохранения международной системы, а не условием оправдания захватов территорий великими державами прошлого. Как фактор международной жизни баланс сил отображает прежде всего фундаментальную идею, требующую абстрактного мышления и особого исторического понимания.

Нельзя не согласиться с тем, что баланс сил стал ключевой международной идеей для ученого, исходя из интерпретации которой, Баттерфилд отталкивался в своем понимании

¹⁰ *Butterfield H. Balance of Power. P. 144–146.*

¹¹ *Ibid. P. 142–143.*

истории международных отношений. Использование широких исторических понятий, к которым относился баланс сил, помогало восполнить некоторые лакуны в понимании общей картины истории международной политики. Кроме того, идея политического равновесия выводила изучение истории международных отношений за рамки анализа отдельных исторических особенностей дипломатии и задавленности предмета международных исследований изучением права международных договоров. Поэтому даже такой скептически относившийся к широким обобщениям ученых, как Баттерфилд, признавал значение и авторитет идеи баланса сил. Последний, по мнению П. Шарпа, явно переоценивал значение концепта в своих теоретических рассуждениях, преувеличивая роль европейской дипломатии в истории международных отношений¹².

При определении места концепта в системе взглядов Баттерфилда необходимо остановиться на двух важных моментах, объясняющих индивидуальное своеобразие подхода ученого. Это специфика формирования его личного интереса к изучению внешней политики и особенности развития науки о международных отношениях в Великобритании в XX в.

Импульсом к изучению международной политики для ученого послужила Первая мировая война. Для ряда английских историков это событие оказалось рубежным в их восприятии мира (Э.Х. Карр, А. Тойнби). Баттерфилд не стал здесь исключением. В межвоенный период он пишет одну из первых своих работ по международной политике¹³. Вторая мировая война только усилила этот интерес и привела к обобщению размышлений о «балансе» до фундаментальной исторической идеи, а кроме того, стала руководством к практическим действиям¹⁴. Как писал один из учеников Баттерфилда в Кембридже и его коллега по Британскому комитету А. Уотсон, объясняя собственный интерес к участию в семинаре, «необходимо было сконцентрироваться на двух важных вопросах, которые могут помочь дать ответ на дилеммы государственных деятелей относительно управления международным обществом. Первый — какова природа дипломатического диалога, а второй — что в действительности было сделано для управления международным обществом после Второй мировой войны?»¹⁵.

Реакцией английского общества на вызов Первой мировой войны стал пацифизм как специфический ответ на беспрецедентный для той эпохи конфликт. Пацифизм затронул и английскую науку. Его приверженцами являлись такие известные ученые, как А. Циммерн, Н. Энджелл, Ф. Ноэль-Бейкер. Баттерфилд не был пацифистом ни в межвоенные годы, ни тем более после Второй мировой войны. Он попытался предложить иной вариант ответа на причины возникновения мировых войн. Ученый считал, что крупнейшие трагедии XX в. были порождены отступлением от определенных традиций, секуляризацией общества, разрывами между поколениями, непониманием существа фундаментальных исторических процессов, отсутствием преемственности политического опыта в условиях демократического режима. В этом смысле для Баттерфилда существовала огромная разница между «исторической» и «новой» дипломатией, что также четко проявилось в «Дипломатических исследованиях», вышедших под его редакцией¹⁶. Как человек религиозный и исследователь, скептически относившийся к спекулятивным обобщениям, он не верил в возможности международных организаций в предотвращении войны. Но как глубокий и вдумчивый историк он хотел реанимировать идею баланса сил в качестве центральной темы в поддержании международного порядка и донести это понимание до сознания нового поколения британских политиков

¹² *Sharp P.* The English School, Herbert Butterfield and Diplomacy // URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20021100_cli_paper_dip_issue83.pdf (дата обращения: 20.12.2015).

¹³ *Butterfield H.* The Peace Tactics of Napoleon, 1806–1808. London, 1929.

¹⁴ *Butterfield H.* International Conflicts in Twentieth Century. A Christian View. Westport (CT), 1974. P. 7.

¹⁵ *Watson A.* Diplomacy. The Dialogue between States. London, 1982. P. 10.

¹⁶ *Butterfield H.* The New Diplomacy and Historical Diplomacy // *Diplomatic Investigations*. P. 181–192.

и дипломатов. В этом он, по-видимому, видел свою профессиональную миссию как ученый и, возможно, свое призвание как христианин.

Такая мировоззренческая позиция неплохо укладывалась в его представления о воспитании британских дипломатов. Многие дипломаты первой половины XX в. были выпускниками Оксфорда или Кембриджа – выходцами как раз из тех классических английских университетов, с которыми Баттерфилд сотрудничал. Отдельных факультетов международных отношений в стране еще не существовало. Было лишь несколько кафедр, где глубоко занимались этой темой, и ограниченный круг специалистов, как правило, лично знакомых друг с другом. Их он и хотел сблизить в рамках Британского комитета. С ними он и хотел разрабатывать систему практических рекомендаций по поддержанию баланса сил для нового поколения дипломатов. Таким образом, у Баттерфилда были некоторые личные и институциональные основания для формулирования собственной «практической» позиции в 1960-е годы.

Однако его система взглядов в Британском комитете со временем вступила в определенное противоречие с развиваемой идеей «международного общества», как и с практикой подготовки специалистов в так называемых «новых» британских университетах. Чтобы осмыслить эту почти личную драму ученого, как и понять причины ухода Баттерфилда с поста председателя Британского комитета, необходимо проанализировать взгляды другого видного участника Английской школы Мартина Уайта на баланс сил.

М. Уайт (1913–1972) был сыном профессора Оксфордского университета, вырос и получил классическое английское образование в этом элитарном для своей страны вузе (колледж новой истории в Хертфорде). Г. Баттерфилд, будучи его наставником в университете, увидел в нем потенциал ученого и лично содействовал его трудоустройству в Центр имени Вудро Вильсона (Уэльс) по окончании учебы. Однако в отличие от Баттерфилда научная карьера Уайта развивалась отнюдь не просто. Центр имени Вудро Вильсона традиционно считается первой кафедрой специализированного изучения международных отношений не только в Великобритании, но и за ее пределами. Предполагалось, что после Первой мировой войны сюда будут приезжать и читать лекции наиболее известные исследователи и политики. Уайт должен был выступать в роли организатора и координатора подобных мероприятий. Предполагалось, что он также будет вести занятия в период между визитами приглашенных лекторов. Однако преподавание международных отношений в этом центре оставалось неразвитым, и Уайт вскоре ушел в Королевский институт международных отношений (Чатем Хаус), где помогал Арнольду Тойнби в подготовке некоторых томов его «Постижения истории». Нет сомнений в том, что знакомство с двумя видными историками повлияло на мировоззрение и научные идеи Мартина Уайта.

Оценить характер этого влияния представляется делом сложным. Уайта нельзя однозначно отнести ни к «баттерфилдовцам», ни к «тойнбианцам». Религиозное влияние Баттерфилда проявилось в формировании специфического пацифистского кредо у его ученика, где критика войны опиралась на христианскую теологию. Эта же черта мировоззрения Уайта стала одной из точек расхождений с Арнольдом Тойнби, которого Уайт считал «теологически наивным человеком». Вместе с тем, как уже говорилось, Баттерфилд был диссентером и скрывал это от окружающих. Уайт свой религиозный пацифизм демонстрировал открыто, что, несмотря на разочарование от безуспешных попыток предотвратить Вторую мировую войну, привело ученого после ее окончания к тому, что он стал одним из создателей журнала «Экуменист» и одним из зачинателей экуменического движения в Европе.

Он сумел сохранить хорошие отношения с Тойнби, хотя и не задержался в роли его ассистента. Уайт вернулся в Чатем-Хаус после Второй мировой войны уже как коллега, а не помощник известного историка. В общей сложности он сотрудничал с Королевским институтом в течение четверти века. Влияние Тойнби на Уайта проявилось в стремлении

к широкому охвату исторического процесса, в желании «больших обобщений» и концептуализации понятий в сфере международной политики, что в целом не было характерно для Баттерфилда. Баланс сил скорее был исключением, а не правилом для отличавшегося консерватизмом учителя Уайта.

После ухода из Чатем-Хауса Уайт сменил несколько видов деятельности – от книготорговца до учителя в школе в период с 1938 по 1941 г., пока во время войны он не примкнул к группе М. Перхам в Оксфорде. Уайт страдал бронхиальной астмой и на военную службу призван не был. Изучение колониальных legislatures в период Второй мировой войны не стало главной темой в научной работе Уайта, но способствовало началу собственной исследовательской деятельности в сфере международных отношений. Проблематика колониального управления вывела ученого из мировоззренческого кризиса, связанного с крушением религиозного кредо межвоенных лет. Кроме того, работа в «старом» британском университете усилила интерес Уайта к разработке системы категорий в сфере международной политики, что он реализовал, выпустив книгу «Политика силы» в 1949 г.

После войны Баттерфилд еще раз способствовал трудоустройству Уайта в Лондонскую школу экономики и политических исследований, где уже давно существовала кафедра по изучению международных отношений под руководством Ч. Мэннинга. Именно отсюда Уайт уехал на стажировку в Америку в 1956–1957 гг., где замещал Г. Моргентау и читал курс по теории международных отношений в Университете Чикаго. При организации Британского комитета по изучению международной политики Баттерфилд вновь вспомнил о своем ученике, и Уайт взял на себя всю организационную работу. В силу данных обстоятельств его биография видно, что Уайт с уважением относился к своему учителю.

Вместе с тем у Уайта были идейные расхождения с Баттерфилдом, которые становятся видны при ретроспективном анализе творческого наследия ученого. Работа в Лондоне и Чикаго привела Уайта к осознанию непохожести теоретических представлений британской науки в сравнении с наукой американской. Эти различия ученый связывал не столько с идеями британской исключительности, что еще было характерно для многих представителей того поколения, сколько с восприятием и изучением европейской общественно-политической мысли. Уайт не отвергал достижений американской науки в области изучения международной политики, но осуществил некоторую методологическую рефлексию. Он считал, что силовой бихевиоризм, выраженный в терминах национальных интересов и борьбы за власть, – центральный элемент анализа международных отношений в США – оказывался недостаточно емкой теоретической площадкой для изучения широкого круга вопросов международной политики. В истории европейской международной политической мысли он видел как минимум три устойчивые традиции, которые по-разному показывали перспективы развития международной политики. Он назвал их реализмом, идущим от Н. Макиавелли и Т. Гоббса, революционизмом, восходящим к творчеству И. Канта и Дж. Мадзини, и рационализмом, генетически связанным с осмыслением творческого наследия Г. Гроция. Этот взгляд присутствовал в его лекциях, которые он читал по возвращении из Америки в Лондонской школе экономики (они опубликованы относительно недавно). Таким образом, как и Баттерфилд, Уайт опаривал универсальный характер американской международной теории того периода.

Но, кроме того, развитие идей о трех традициях показывало и узость оценки международной системы только как аналога принципа баланса сил в истории европейской международной политики, что было квинтэссенцией подхода к термину для его учителя. В эссе в «Дипломатических исследованиях» Уайт исходил не из центральности баланса сил при формировании европейской международной системы, а из его аморфности и многозначности как основы исторического понимания международных отношений. Еще в конце 1940-х годов Уайт стал заниматься изучением основных категорий в сфере международной политики и даже выпустил небольшую работу, которая быстро стала настольной для нескольких поколений английских студентов. Ученый считал баланс сил олицетворением

общего применения силы в международных делах. Идея международной системы должна была включать и оценку развития международного сотрудничества. «Силовой» подход был традиционен для политиков и историков, а Уайт попытался отойти от такой трактовки международных отношений, что проявилось еще в межвоенные годы в его пацифистской позиции. От пацифистских иллюзий ученый избавился уже во второй половине 1930-х годов, а события Второй мировой войны укрепили его скептицизм. Он считал международные отношения «царством повторов и репетиций», что проявилось в специфическом восприятии роли войны в реализме. Поездка и работа в США в 1950-х годах открыла более широкие интеллектуальные горизонты для формулирования новых рамок в анализе международного взаимодействия. Важнейшие работы ученого были еще впереди, но критика силового регулирования увереннее звучала в докладах Уайта в комитете.

Эти обстоятельства проявились в том, что в эссе, изданном в 1966 г., историк сосредоточился на отличиях баланса сил от системы государств. Если Баттерфилд подчеркивал системообразующий характер принципа для истории европейских отношений, то Уайт продемонстрировал многообразие значений баланса, стремясь показать на этом фоне необходимость развития концепта «система государств» как более емкого исторического понятия. К числу основных значений баланса сил в истории он относил:

- практику равного распределения силы в международных отношениях;
- принцип, согласно которому сила должна быть распределена между государствами равным образом;
- существующее распределение силы между участниками до тех пор, пока нет войны;
- принцип равного увеличения силы среди великих держав ради сохранения равновесия;
- обозначение границ минимального порога силы, чтобы отвести опасность от применения силы, распределенной неравномерно;
- специальную функцию в распределении международной власти, в значении — подерживать баланс сил;
- преимущества в существующем распределении власти¹⁷.

Вывод, который напрашивался из многоаспектности значений баланса сил, состоял в том, что это понятие как одно из основных в трактовке международной системы может быть осознано в соотношении с попытками ограничения анархической среды в распределении власти в международных отношениях, с одной стороны, и как антоним к разнообразным практикам универсального (имперского) доминирования — с другой. Немного перефразируя самого Уайта, можно отметить, что между хаосом и империей нужен баланс, который для ученого был представлен в понятии «системы государств» (международном обществе).

Здесь идея политического равновесия становится элементом и одной из конкретно-исторических практик поддержания международного порядка. Поэтому понятие «баланс сил» дает рациональную основу международному взаимодействию в системе европейских государств нового времени, но это не единственный пример существования международной системы в истории. Тем самым Уайт заложил фундамент развития исторической социологии международных систем и включил в предмет изучения Британского комитета сюжеты, более далекие по хронологии и более широкие по географическому охвату. Исторические обобщения Баттерфилда были построены на более «узких» обобщениях периода взаимодействия европейских государств в Новое время.

Тогда баланс сил даже внутри европейской системы государств Нового времени представлял собой лишь один из институтов функционирования международного общества. Не только баланс сил объясняет существование международной системы. В дальнейшем Уайт развил свои взгляды на понятие «система государств» в работе, которая так и называлась — «О системах государств»¹⁸. Как ученик Баттерфилда Уайт не мог и не стал критиковать

¹⁷ *Wight M.* Balance of Power. P. 151.

¹⁸ *Wight M.* De systematibus civitatum // System of State / ed. H. Bull. Leicester, 1977. P. 21–41.

подход своего учителя, но как оригинально мыслящий ученый, он представил собственное видение баланса сил, ставшее альтернативным прочтением термина Баттерфилдом.

Еще один важный аспект, на котором целесообразно остановиться перед подведением итогов, — это соотношение термина «система государств» с идеей «международного общества» у Уайта. Большинство участников Британского комитета по изучению международной политики рассматривали эти понятия в качестве синонимов в тот период. Автономная повестка изучения международного общества была сформулирована Х. Буллом в конце 1970-х годов. Термин «международное общество» Уайт, безусловно, знал. Однако до конца жизни он предпочитал ему понятие «система государств». Видимо, причины подобной ситуации следует искать в его работе в Лондонской школе экономики и политических исследований. Основным протагонистом термина «международное общество» для Уайта был не Г. Баттерфилд и не Булл, а заведующий кафедрой международной политики упоминавшийся выше Мэннинг. Он активно использовал идею международного общества, чтобы показать растущую роль международного права и международных организаций в их воздействии на международные отношения. Тезис Мэннинга состоял в том, что по мере исторического развития международные отношения становятся все более «общественными». Межгосударственный порядок поддерживается не только силой, но и существованием международного общества, которое оказывает на него цивилизующее воздействие. Правда, идеи Мэннинга, не будучи изложены в печатной форме до середины 1960-х годов, и были известны только узкому кругу специалистов, слушавших его лекции. Уайт входил в их число. Считая идею «международного общества» принадлежащей Мэннингу, что, кстати, не подтверждается в современных исследованиях изучения истории Английской школы, Уайт широко использовал конструкцию «система государств», и на этой основе он впоследствии вступил в полемику с Буллом, который, в свою очередь, считал «системный» и «общественный» взгляд на международные отношения разными перспективами их анализа. Все это лишний раз подчеркивает центральность концепта «система государств» для Уайта не только по отношению к балансу сил, но и к идее международного общества.

В своем понимании баланса сил два основателя Английской школы объективно руководствовались разными подходами. Им действительно было сложно стать соавторами. Анализ их взглядов на понятие баланса сил позволяет пролить свет и на некоторые теоретические аспекты формирования концепции международного общества. Баттерфилд смотрел на проект семинара как на вспомогательную площадку для обмена идеями ради недопущения возникновения новой войны. Идея баланса сил должна была связать опыт поколений историков и дипломатов в общем понимании международной системы. Она требовала профессиональной подготовки и навыков расчета баланса политиками и дипломатами. Баттерфилд пытался преодолеть лакуны в изучении международной политики и стремился поделиться опытом собственного понимания истории международных отношений нового времени, который он находил полезным и для современности. Таким образом, к 1967 г. «свою программу» участия в семинаре Баттерфилд исполнил.

Уайт с его склонностью к глубоким теоретическим обобщениям выходил за рамки допустимых для Баттерфилда эмпирических гипотез. К моменту организации Британского комитета он давно перестал быть только учеником известного историка и состоялся как оригинально мыслящий ученый. Умение Уайта видеть проблему с разных сторон позволяло определить иную перспективу изучения международных отношений. Здесь баланс сил был важным, но изменчивым и утрачивающим свое значение элементом в анализе международных проблем. В итоге Уайт сделал понятие «система государств» центральным в разработках школы 1960-х — первой половины 1970-х годов. Именно он задал направление работы Британского комитета, подключил историков к серьезной проработке концептов в изучении международной политики, хотя и вступил впоследствии в полемику с Буллом. Последний, будучи критически мыслящим философом,

на основе анализа уайтовских категорий разработал собственную систему взглядов, которая в итоге и стала идейным стержнем формирующегося научного сообщества.

Объективно полемика между Буллом и Уайтом подтвердила необходимость междисциплинарного изучения международных отношений и институциональный подход, где баланс сил занимал исторически центральное место. А анализ различий взглядов Уайта и Баттерфилда в отношении баланса сил показывает автономный характер и идейное своеобразие формирующейся Английской школы. Уайт и Баттерфилд по-разному укрепили идею международной системы как основы исторических рассуждений о международных отношениях внутри сообщества британских международников, а баланс сил оказался тем многоаспектным понятием, который требовал междисциплинарного анализа, смелых теоретических обобщений и отличал развитие британской науки от аналогичных теоретических исканий в США. Без исторической рефлексии в отношении термина Баттерфилдом сложно представить перспективы междисциплинарного диалога между Уайтом и Буллом, что стало критически важной основой для появления концепции международного общества и Английской школы международных отношений. Вместе с тем разное прочтение роли термина учеными стало индикатором водораздела между традиционной и новой повесткой в изучении истории международных отношений в XX в.

Оригинальность подхода Баттерфилда состояла в рецепции и попытке применения известной исторической идеи к практике международных отношений после Второй мировой войны. М. Уайт критиковал ключевые идеи американских реалистов того периода, но показывал историческую недостаточность баланса сил для системного понимания истории международных отношений. Х. Булл на основе этой полемики сформулировал внутри Британского комитета собственную концепцию, где теоретический анализ баланса сил соединялся с его рассмотрением в качестве центрального института в истории становления современного международного общества.

Библиография / References

- Sogrin V.V., Zvereva G.I., Repina L.P.* Современная историография Великобритании. М., 1991.
- Шарифжанов И.И.* Английская историография в XX веке. Казань, 2004.
- Sogrin V.V., Zvereva G.I., Repina L.P.* Sovremennaya istoriografiya Velikobritanii [Modern Historiography of Great Britain]. Moskva, 1991. (In Russ.)
- Sharifzhanov I.I.* Angliiskaya istoriografiya v XX veke [English Historiography in 20th century]. Kazan', 2004. (In Russ.)
- Butterfield H.* The Peace Tactics of Napoleon, 1806–1808. London, 1929.
- Butterfield H.* Christianity, Diplomacy and War. London, 1953.
- Butterfield H.* The Whig Interpretation of History. New York, 1965.
- Butterfield H.* Balance of Power // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / eds H. Butterfield, M. Wight. London, 1966. P. 132–148.
- Butterfield H.* The New Diplomacy and Historical Diplomacy // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / eds H. Butterfield, M. Wight. London, 1966. P. 181–192.
- Butterfield H.* International Conflicts in Twentieth Century. A Christian View. Westport (CT), 1974.
- Butterfield H.* Writing on Christianity and History / ed. C.T. McIntire. Oxford; New York, 1979.
- Sharp P.* The English School, Herbert Butterfield and Diplomacy // URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20021100_cli_paper_dip_issue83.pdf (access date: 20.12.2015).
- Watson A.* Introduction // Coll A.R. The Wisdom of Statecraft. Sir Herbert Butterfield and philosophy of International Politics. Durham, 1985. P. 1–20.
- Watson A.* Diplomacy. The Dialogue between States. London, 1982.
- Wight M.* Balance of Power // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics/ eds H. Butterfield, M. Wight. London, 1966. P. 148–175.
- Wight M.* Western Values in International Relations // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / eds H. Butterfield, M. Wight. London, 1966. P. 89–131.
- Wight M.* Why is there no International Theory? // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / eds H. Butterfield, M. Wight. London, 1966. P. 17–34.
- Wight M.* De systematibus civitatum // System of State / ed. H. Bull. Leicester, 1977. P. 21–41.

DOI: 10.31857/S013038640018243-5

© 2022 г. А.А. СИНДЕЕВ

КАК ИЗУЧАТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИЮ? (О ДИСКУССИИ, НАЧАТОЙ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte»)

Синдеев Алексей Александрович — доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Россия).

E-mail: a_sin74@mail.ru

Scopus Author ID: 57194104599; ORCID: 0000-0001-5016-7931; Researcher ID: AAO-4508-3924

Аннотация. В основу данного материала положены четыре серийные статьи, вышедшие в течение 2020 г. в журнале «Квартальник новейшей истории» (*Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*) Института современной истории (Мюнхен—Берлин, Германия) и посвященные глобализации как «дискурсивному конструкту». Их авторы — О. Бах, В. Кнёбль, Я. Экель, А. Виршинг — выступили за «историзацию глобализации» (углубленное изучение и включение в исторический оборот связанных с ней фактов, событий, явлений и процессов) и за приоритетность исследования имеющей собственную историю терминологической рефлексии глобализации, т.е. фактически попытались вывести историю глобализации из контекста глобальной истории. Концептуально и содержательно все четыре статьи отличаются друг от друга. Цель этой статьи, обусловившая ее научную новизну, состоит в анализе, обобщении и систематизации представленных подходов, в определении возможных направлений дальнейшего исследования. Структурно она состоит из пяти разделов. Автором детализированы гипотезы в отношении феномена и процесса глобализации (одного из вариантов сплочения мира и его отдельных регионов), показаны возможные (перспективные) переплетения исторических сюжетов. Были выделены три взаимосвязанных направления и два подхода (процессуальный и феноменологический), на основании изучения которых был сделан вывод, что изучение глобализации следует рассматривать как уникальный шанс обеспечить длительную плодотворную работу больших коллективов, наладить международное сотрудничество в новых расширенных форматах, уточнить и (или) обосновать практическую значимость проводимых исторических исследований широкого тематического спектра. Статья носит дискуссионный характер. В силу замысла (анализ тематического спектра статей журнала «*Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*») автор вынужден отказаться от обсуждения вопроса о месте истории глобализации в предметном комплексе глобальной истории.

Ключевые слова: глобализация, историография немецкая, историческая наука, «*Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*», научные дискуссии.

A.A. Sindeev

How to Study Globalization? (On the Discussion Started in *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*)

Alexei Sindeev, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: a_sin74@mail.ru

Scopus Author ID: 57194104599; ORCID: 0000-0001-5016-7931; Researcher ID: AAO-4508-3924

Abstract. The author answers the question posed in the title by analysing four articles published in the journal *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* of the Institute of Contemporary History (Munich) in 2020. All four articles differ from each other conceptually. Nevertheless, their authors advocate the “historisation of globalization”, or in other words, an in-depth study and subsequent analysis of the facts, phenomena, and processes associated with globalisation. Almost unanimously, they also prioritise reflection on the term “globalization”. This approach leads to taking the history of globalisation out of the context of global history. The aim of this essay is to analyse, summarise, and systematise the approaches presented by the authors of the articles and to identify possible directions for further research. This goal also determines the academic novelty of the study presented below. The essay comprises five sections. The first section outlines hypotheses concerning the phenomenon and process of globalisation understood as one of the variants of both international and regional consolidation and illustrates potential intertwining of research. In the following sections, three interconnected lines of research are highlighted and two approaches, procedural and phenomenological, are validated. The author believes that the study of globalisation is a unique opportunity to ensure the long-term fruitful work of large research groups and to establish international cooperation in new formats. With this article, the author attempts to initiate a discussion. He also refrains from detailing the connections between globalization and global history.

Keywords: globalization, historiography, historical science, directions of studying globalization, processes of studying globalization, *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*.

В 2020 г. журнал «*Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*» (Квартальник новейшей истории) провел интересный эксперимент, впервые опубликовав четыре статьи, посвященные феномену глобализации¹. Если принять во внимание привычные сроки подготовки материалов для авторитетных изданий, то значимость этого шага заключалась не в выходе статей в год всемирной пандемии, а в стремлении воскресить культуру проблемно-тематических дискуссий, поддерживая которую, думается, необходимо на различных международных журнальных площадках, способствуя ее географическому расширению и содержательному углублению. Тем более научное понимание феномена, процесса и (или) проекта (проектов) глобализации предоставляет для этого благоприятную возможность².

ВВОДНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Глобализацию привычно интерпретируют как сложный и противоречивый процесс сплочения мира³, что предполагает появление флагманов (регионов-образцов и эквивалентных интеграционных образований); согласованных или произвольных маршрутов, по которым происходит или должно происходить сплочение; конечной цели и некой

¹*Bach O.* Ein Ende der Geschichte?: Entstehung, Strukturveränderung und die Temporalität der Globalisierungsemantik seit dem Zweiten Weltkrieg // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2020. Vol. 68. Nr. 1. S. 128–154; *Knöbl W.* After Modernization: Der Globalisierungsbegriff als Platzhalter und Rettungsanker der Sozialwissenschaften // *Ibid.* Nr. 2. S. 297–317; *Eckel J.* Politik der Globalisierung: Clinton, Blair, Schröder und die Neuerfindung der Welt in den 1990-er und 2000-er Jahren // *Ibid.* Nr. 3. S. 451–480; *Wirsching A.* “Kaiser ohne Kleider”? Der Nationalstaat und die Globalisierung // *Ibid.* Nr. 4. S. 659–685.

² *Страда В.* Глобализация и история // *Новая и новейшая история*. 2002. № 6. С. 57–61; Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005; *Мирзеханов В.С.* История XX века: многообразие историографических подходов к пониманию феномена // *Новая и новейшая история*. 2020. № 5. С. 7–27.

³ *Уткин А.И.* Глобализация: процесс и осмысление // *Свободная мысль – XXI*. 2000. № 11. С. 28–38; № 12. С. 16–29; *Хозин Г.С.* Глобализация международных отношений: объективная тенденция или стратегия США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2000. № 1. С. 65–79; *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; *Сорос Д.* О глобализации. М., 2004; Многополюсная глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004; *Манн М.* Источники социальной власти. Т. 4. Глобализация, 1945–2011 гг. М., 2019; VI Международный научный конгресс «Глобалистика-2020: глобальные проблемы и будущее человечества». Электронный сборник тезисов участников. М., 2020.

группы управленцев, верифицирующих и корректирующих ее ход. Из-за незавершенной процессуальности речь, по мнению ряда коллег, должна идти об исключительно политологической проблеме⁴.

Однако по крайней мере пять причин способны помешать историкам отстраниться от изучения глобализации:

— наличие и противоречивое протекание этого процесса, благодаря чему уже созданы многочисленные «факты глобализации», но до сих пор отсутствует их системное историческое осмысление;

— взаимосвязь глобализации с другими процессами, к примеру с модернизацией;

— влияние на историческое пространство, которое можно интерпретировать как через простую совокупность фактов и событий («произошедшее»), так и через научную фиксацию и иерархизацию фактов, событий, процессов, феноменов («обработанное» и «осмысленное» в духе «объективной» позитивистской реальности «глобальных обобщений», «сконструированной» постмодернистской реальности или с помощью иных парадигм)⁵;

— необходимость выработать консенсус относительно того, является ли глобализация основным процессом или одним из многочисленных субпроцессов, что позволит понять нужность глобализационной теории и соотношение процессуальности и феноменологизации, поскольку процесс глобализации и феномен глобализации отличны по своей сути;

— уникальным шансом — благодаря анализу генезиса процесса и (или) феномена — объединить усилия специалистов из многих стран.

Особенность работы с любым новым процессом и феноменом заключается в том, что принципиально важно, не опасаясь упреков в заданности, представить собственное их видение. Иначе, в силу неясности исходных положений, последующее обсуждение будет скорее всего малопродуктивным.

Едва ли вызовет сомнение утверждение, что человек, общество и государство постоянно работают в пространстве и над пространством, т.е. осваивают его интеллектуально, политически, экономически, социально и, конечно, географически. Несмотря на то, что последнее направление потеряло свое былое значение, вопрос о пространственных границах — хотя бы в контексте способности человека системно фиксировать, понимать, интерпретировать, переосмысливать и изменять пространства — не перестает быть актуальным⁶.

Через освоение пространства воспроизводятся традиционные и продуцируются новые формы коммуникации внутри социальных групп, обществ, государств и между ними⁷. Сменяющаяся освоение работа над пространством ставит на повестку дня проблему политической, приспособленной к потребностям максимально широких слоев общества стратегии.

Сплочение (основное средство и цель глобализации), освоение и работа над пространством имеют длительную историю и предшествуют теперешнему масштабному технологическому рывку⁸.

⁴ О другой причине см.: Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015. С. 74.

⁵ Ренина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011 (особенно гл. 3 и 5).

⁶ Коновалова И.Г. Историческая география в исследовательском поле исторической науки // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции, Москва, 27–29 января 2011 г. / отв. ред. М.Ф. Румянцев. М., 2011. С. 22–30.

⁷ Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М., 2006; Сакс Д. Цена цивилизации. М., 2012; Мюнклер Г. Империя. Логика господства над миром. От Древнего мира до США. М., 2015; Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург, 2018.

⁸ Ср.: Аллен Р. Глобальная экономическая история. Краткое введение. М., 2013. С. 29–40.

По сравнению с другими историческими феноменами и процессами расширения, освоения и удержания пространства глобализация в ее современном проявлении обладает рядом особенностей, к которым среди прочего нужно отнести следующее:

—глобализация не предусматривает прямых территориальных экспансий и захватов.

Последние являются излишними и затратными. Она ориентирована на (относительно) добровольную готовность реципиентов (индивидов, социальных групп и стран) получать ее плоды. Силовые формы презентации власти заменили финансово-экономическая зависимость, массовость адресатов и осязаемый комфорт. Если придерживаться эволюционной теории, то можно предположить, что место знакомых форм насилия и подчинения заняли скрытые (неосознаваемые) формы, т.е. глобализация ведет не к потере власти, а к ее перегруппировке и новому балансу властных отношений и иерархических связей. Представление, что она дает индивиду большую свободу, априори является преувеличением;

—глобализация претендует на привлекательность единственной универсальной модели.

В нынешних условиях универсальностью обладает только западная модель. С учетом тенденций к многополярности принципиальны два вопроса: «Насколько глобализация может существовать при универсальности нескольких моделей?»⁹ и «Способна ли она мирно развиваться (в иной формулировке: можно ли ею согласованно управлять) при наличии нескольких универсальных моделей или претензий на универсальность?». Из-за набирающей скорость соревновательности моделей неясно, продолжится ли сплочение мира или наступит «столкновение цивилизаций», когда придется вести речь о сплочении лишь ближайшей к цивилизационному ядру периферии, об укреплении цивилизаций, ситуативных и крупных межцивилизационных и внутрицивилизационных конфликтах. В этом случае глобализация в ее теперешнем понимании, наверняка, будет трактоваться в качестве первой неудачной попытки человечества перейти к универсальному сплочению, якобы приостановленному пандемией, а на самом деле — невозможностью создать и гарантировать полицентричную универсальность;

—глобализация поддерживается с помощью международного права.

С одной стороны, ничего неожиданного в этом нет, поскольку право — это универсальный инструмент; с другой стороны, напомним, что актуальная система международного права остается западным продуктом, а право — средством укрепления западной модели универсальности;

—глобализация является проектом национальным и интернациональным.

Без сильного государства его успех невозможен. Благодаря глобализации легитимность государства и союзов приобретает новое обоснование¹⁰.

Автора по праву можно критиковать за то, что технологиям (экономической истории) уделено недостаточное внимание. Но технологии и созданные благодаря им продукты представляют собой лишь «сырье», для их появления и «транспортировки» необходимы инфраструктура, усилия государств и обществ, механизмы воспроизводства традиций и опыт модернизации. И это отнюдь не полный список.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ДИСКУРС

Если интерпретировать глобализацию как дискурс, самостоятельный и значимый интеллектуальный продукт или один из способов осмысления и первичной систематизации сложной по своей структуре действительности, то акцент автоматически сместится на содержательный анализ связанных с ней концепций, их эволюцию, иерархию и, возможно, конкуренцию.

⁹ Ср.: Громыко Ал.А. Могла ли холодная война закончиться раньше. Постановка вопроса (к 110-летию А.А. Громыко) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 10. С. 109–115.

¹⁰ Кеннеди П. Указ. соч. С. 782.

Благодаря этому, наряду с «глобализационным дискурсом», может появиться еще и «Globalisierungsrede» («речь о глобализации»), которая в некоторых трактовках «представляет собой исторический продукт... как и другие схожие по влиянию дискурсы»¹¹.

Самодостаточность «глобализационного дискурса», особого предмета исследования, неизменно приведет к тому, что «[н]а передний план вы[йдут]... вопросы, как развиваются идеи о глобализации, какие представления о трансформации за ними скрываются, как они влияют на политическое толкование современности и как они отражаются в политических решениях»¹².

Не получится избежать анализа функций дискурса во времени и пространстве. Ведь, к примеру, Я. Экель полагал, что «[д]искурс глобализации служил между тем не только для того, чтобы объяснить мир, а чтобы его изменить»¹³, что делает неизбежным очередную спор об объективной и сконструированной реальности.

Остается нерешенной и проблема объединения и взаимовлияния дискурса непосредственных акторов глобализации (политиков, предпринимателей) и претендующего на автономность научного дискурса¹⁴. Один из вариантов простого сложения предлагает В. Кнёбль, для которого вместе «с глобализационной семантикой происходят существенные изменения в самопонимании социальных наук, ...почти автоматически изменяю[щие] также взгляд на социальное и его трансформацию»¹⁵. Одновременно он призывает «понимать (глобализацию. — А.С.) как неравномерный и локализованный процесс», не связывая его с гомогенизацией и американизацией, так как в глобализации присутствуют разнообразные локальные и глобальные процессы, а параллельно — «огромное количество неглобальных процессов»¹⁶.

Подобное сложение не формирует единый подход. Вспомним в данном контексте почти хрестоматийное замечание А. Мишеля: «Все находится в связи. Нельзя рассматривать политические и социальные вопросы отдельно, фрагментарно, если только не ограничиваться регистрацией фактов и обработкой цифровых данных: все это вещи полезные, но не первостепенной важности. Невозможно также решать совокупность вопросов социальной и политической философии, не высказавшись за или против великих гипотез, господствующих в науке и человеческом сознании»¹⁷.

Понимание глобализации через дискурс способно превратить процессуальность в нечто лабильное и неопределенное. «[П]о правде, — уточняет В. Кнёбль, — *глобализационный процесс* (выделено мною. — А.С.) во всех своих subprocessах ведет не к глобальному единству, а к регионализациям, потому что subprocessы... предельно различны»¹⁸. С точки зрения В. Кнёбля, именно этим объясняются сложности с периодизацией.

Следовательно, прежде чем описать «глобализационный дискурс» как нечто общее и взаимосвязанное, придется смириться с множественностью влияющих друг на друга дискурсов, выявить их содержательное наполнение, соотнести с глобализацией, а затем попытаться создать систему.

По всей видимости, как раз из-за масштабности и сложности предстоящей работы В. Кнёбль готов сменить глобализационную на цивилизационную парадигму: «Важно лишь указать, — констатирует он, — что с помощью концепции цивилизации была принята попытка не только описать масштабные процессы, протяженность которых

¹¹ *Eckel J.* Op. cit. S. 453.

¹² *Ibid.* S. 454.

¹³ *Ibid.* S. 452.

¹⁴ Ср.: *Бёрк П.* Указ. соч. С. 164, 203.

¹⁵ *Knöbl W.* Op. cit. S. 299.

¹⁶ *Ibid.* S. 313.

¹⁷ *Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М., 2008. С. 523.

¹⁸ *Knöbl W.* Op. cit. S. 314.

часто выходит за границы государства, но и объяснить [их] в... специфической структурности», что дает возможность «оставить позади нетеоретичность глобализационных теорий о глобализации»¹⁹.

В условиях отсутствия консенсуса о феномене глобализации «глобализационный дискурс» превращается в самостоятельный предмет исторического исследования. Для его углубленного изучения необходимо сначала согласовать направления исследовательской работы и хотя бы частично выработать ограничители, помогающие сконцентрироваться на наиболее перспективном и важном.

И если вопрос о том, необходимо ли на данном этапе сотрудничество историков с лингвистами, политологами и социологами, остается открытым, то другое — очевидно: до расширения наших знаний о «глобализационном дискурсе», его формах и уровнях не имеют смысла дискуссии об исторической теории глобализации и смена парадигм.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПОЛИТИКА

Если интерпретировать глобализацию как политику, то необходимо признать «закономерности» политической деятельности, тенденции сохранения и удержания власти; отказаться от морализации, поскольку политическая деятельность обусловлена не только необходимостью развивать государство и общество, но и доминированием определенных типов политиков; отделить исторический и политологический подходы.

В анализируемых статьях представлены две концепции. Согласно первой концепции (автор — Я. Экель в конце XX — начале XXI в. глобализация с ее «выходящ[ей] из-под контроля... динамик[ой]»²⁰, мобильностью технологий и капитала, «синдромом масштабного (weiträumig) переплеления»²¹ воспринималась правительствами США, Великобритании и ФРГ в качестве основного внешнего вызова. Она предоставила им возможность «адекватно противостоять разрушающим привычные критерии трансформационным порывам современности (Veränderungsschübe der Gegenwart)»²², побороть идейный вакуум, «обрести (erfinden) себя по-новому»²³ после длительной стадии оппозиционности и провести реформы, направленные среди прочего на уменьшение госрасходов и корректировку модели государства благосостояния. В идеологическом плане речь шла о «третьем пути»²⁴, во внешней политике — о ценностной экспансии на основе гуманитарной интервенции.

Правительства трех стран получили идейную поддержку от международных организаций (МВФ и Всемирного банка)²⁵: было подготовлено множество аналитических обоснований, но системное понимание ситуации, по всей видимости, отсутствовало. Предположения становились аксиомами, обсуждения и принимаемые решения, по Я. Экелю, «напомина[ли]... блуждание в тумане»²⁶.

Я. Экель настаивает на инструментальной роли политики, а глобализацию понимает как частично сконструированную действительность, противоречивый политический субстрат, в котором объективное соседствует с субъективным, случайным и ошибочным. Кроме того, глобализация — это для него ограниченный временной процесс.

По крайней мере шесть вопросов Экель решил оставить без ответа:

— «Насколько совпадение повесток дня правительств США, Великобритании и ФРГ в конце XX — начале XXI в. зависело от предшествовавших 20–30 лет?»;

¹⁹ Ibid. S. 316.

²⁰ Eckel J. Op. cit. S. 452.

²¹ Ibid. S. 457.

²² Ibid. S. 456.

²³ Ibid. S. 454.

²⁴ Громыко Ал.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М., 2007. С. 94–149.

²⁵ Eckel J. Op. cit. S. 462–463.

²⁶ Ibid. S. 469.

- «Какую роль в политике стран сыграла западная претензия на универсальность оформления мира после окончания холодной войны?»;
- «Что общего между этой западной претензией времен холодной войны и периода ее окончания?»;
- «Как проходил т.н. “спектакль универсального”²⁷ в западных обществах?»;
- «Как при этом изменялась модель государства?»;
- «Что представляли собой согласованные трансформации и каковы их критерии?»

Согласно второй концепции (автор – А. Виршинг) начало современной глобализации приходится на 1970-е годы²⁸. Тогдашняя политика глобализации обуславливалась «национальным интересом промышленных стран Запада»²⁹, стремлением преодолеть кризисы, обеспечить инструментарий роста. При этом «[р]ечь шла... о колоссальном качественном повышении (Steigerung) эффективности уже известных в принципе феноменов»³⁰, в результате чего появился более либеральный подход к международной торговле и финансам, была активизирована ГАТТ, произошел переход к ВТО.

Сознательное уменьшение государственного влияния создало новое политическое пространство, в котором государство задолго до 1990-х годов перестало быть автономной и самостоятельной единицей. В логике А. Виршинга политическое приспособление государства было вынужденным, рациональным и длительным, поскольку не только 1970-е годы, но и 1980-е годы с их спиральным развитием «образовали архимедову точку всесторонних экономических и общественных изменений»³¹.

В числе первых А. Виршинг поднял проблему качественной организации политики в новейшее время. Дополнительных разъяснений, правда, требует ход трансформаций, влияние государственной экономической политики, конкуренции в мире на политику в целом. Отнюдь не бесспорным в концепции А. Виршинга является неиерархичное объединение в 70-х и 80-х гг. прошлого столетия «интернационализации, интеграции и глобализации», понимание глобализации в отличие от той же интернационализации через конструирование «нов[ой], децентрализованн[ой] и в основе детерриториализированн[ой] систем[ы] из коммуникативной, экономической власти и влияния»³².

В обеих концепциях глобализация – это прежде всего анализ процессуальности. Феноменологическая сторона проблемы еще в должной мере не разработана.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЕКТ

Если интерпретировать глобализацию как проект (представление о мерах и подчиненных им целях), то сначала придется решить проблему заданности, поскольку практически любой проект из-за декларируемой его организаторами вневременной исключительности претендует на самостоятельность и оригинальность. Для историка же, наряду с субъективным уровнем самопонимания и самоописания, равноправной, а подчас и большей привлекательностью обладают объективные силы и факторы, включенность в предыдущие (исторические) процессы и феномены.

Помимо конфронтационного потенциала заданности имеется другая принципиальная проблема – установление разделительных линий между «проектом глобализации» и «политикой глобализации», иными словами – проблема выбора исследовательского ракурса, поскольку политику осуществляют исключительно органы власти, а проектом могут заниматься разнообразные акторы. Политика подразумевает конкретные действия

²⁷ Бурдые П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016. С. 94.

²⁸ Ср.: Пикетти Т. Капитал в XXI в. М., 2015. С. 46.

²⁹ Wirsching A. Op. cit. S. 668.

³⁰ Ibid. S. 664.

³¹ Ibid. S. 665.

³² Ibid. S. 680.

и деятельность, тогда как проект являет собой образ цели. В политике образ по сравнению с реально достигнутой целью, как известно, считается менее значимым.

В некоторых ситуациях «проект» оказывается содержательно глубже «политики», из чего позволительно заключить, что природа проектов («политический проект глобализации», «общественный проект глобализации» и т.п.) и методология их анализа должны отличаться разнообразием.

Смещение акцентов с «политического проекта глобализации» на «глобализационный проект бизнеса» наблюдается, к примеру, у О. Баха, для которого одна из линий развития в послевоенном мире сопровождалась переходом «[о]т глобализации международной политики с помощью национального государства к глобализации экономики... Это смещение демонстрир[овало] структурную трансформацию: “One-Worldism”, попавший под колеса формирующихся Первого, Второго и Третьего миров, стал делом считавшего себя цивилизационно выше “World Manager”»³³.

О 1950–1960-х годах О. Бах замечает: «То была универсализация национального государства... глобальная ориентация политики отдельных государств, прежде всего сверхдержав, к примеру “Globalization of Containment”... Национальное государство еще оставалось центральным актором и существенным феноменом глобализации – процессуализированной, становящейся глобальностью в сфере политики»³⁴. Довольно быстро национальному государству пришлось убедиться в собственных ограниченных возможностях осуществлять «International Relations». На авансцену кажущегося открытым мира вышли транснациональные корпорации (ТНК).

С «экспансией ТНК их элиты смогли с большой самоуверенностью создать (entwickseln) самостоятельные глобальные версии (Visionen), моментально потерявшие, на фоне различных кризисных симптомов 1970-х годов и под огнем первой глобализационной критики, легитимность»³⁵. Впрочем, американские компании, а по О. Баху, именно они были авторами глобализационного проекта в формате ТНК, считали, что они выиграют борьбу за рынки. В данной логике проект ТНК распадается на проекты отдельных компаний. Общеисторическое понимание ситуации усложнится, если принять в расчет интеграционные проекты СССР³⁶, а также конкуренцию между западными союзниками.

Результатом кризисов в 1970-х годах, по О. Баху, стал «переход от глобализации как задачи оформления и позитивной версии развития к глобализации как к условию внешнего мира и вызову», по сути – к «феномен[у] окружающей реальности, на который отдельные фирмы должны были теперь настраиваться». Таким образом, речь пошла о «рожденн[ой] из необходимости реакци[и]»³⁷.

Эти размышления позволяют сделать три промежуточных вывода:

–О. Бах, по всей видимости, не сомневается в объективности глобализации и в детерминационной цепочке «изменения внешней среды – новые возможности – разработка проектов – оптимизм – разочарование и настороженность – поиск управляемости». С учетом того, что притягательность неосвоенного пространства и глобализационный опыт сохраняются, неуправляемость не тождественна для Баха отказу от глобализации;

–поскольку еще в 1970-е годы был достигнут предел развития единого глобализационного проекта, о чем свидетельствует представление о внешних вызовах, угрозах и трудностях, то эйфория от политики глобализации в США, Великобритании и ФРГ в середине 1990-х годов, о которой писал Я. Экель, не может быть исторически

³³ *Bach O.* Op. cit. S. 149.

³⁴ *Ibidem.*

³⁵ *Ibidem.*

³⁶ *Липкин М.А.* Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М., 2019.

³⁷ *Bach O.* Op. cit. S. 150.

оправданной. Это было либо возвращение государств к проекту ТНК без указания авторства, либо – иная глобализация, иной глобализационный проект и связанная с ним глобализационная политика;

–до сих пор неясно, какую роль сыграла конкуренция глобализационных проектов в формате ТНК, имевшиеся ресурсы и опыт в формировании подходов к управлению мировым пространством в середине 1990-х годов, являются ли поэтому «глобальность финансов» и «технологические переплетения» единственными бесспорными признаками глобализации.

Парадоксом О. Баха стало развенчание им самим же реализуемого подхода к глобализации как к проекту. «Процесс глобализации, – пишет он, – факт, как таковой, правда, не завершен и в этой неполноте – не проект»³⁸. Незавершенность, думается, не может считаться основным критерием не-проектности. Помимо того, что процесс и проект отличаются друг от друга, их связь не всегда прямолинейна.

Такое развенчание обусловлено, на наш взгляд, противоречивой историей глобализации, множеством проектов и сложностями их системного изучения. Кстати, благодаря указанию О. Баха на «одновременность глобализаций»³⁹ возможность проектного начала им принципиально не отрицается, поскольку в противном случае глобализацию следовало бы интерпретировать (в логике О. Баха) исключительно как закрытый политический процесс элит.

Парадоксальность наблюдается у Баха и в параллельной оценке историчности («новая глава мировой истории... новейшая эпоха в последовательности эпох»⁴⁰) и не-историчности глобализации, которая «не может превзойти себя, разве только через внутреннюю дифференциацию эпох глобализации – глобализацию 2.0 или глобализацию 3.0»⁴¹.

Несмотря на парадоксы, работа по изучению глобализации как проекта или проектов должна быть продолжена.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Продолжается поиск путей и средств сплочения в мире. Об этом свидетельствует разворачивающаяся борьба за первенство, стандарты и влияние. Актуальный вариант сплочения принято называть глобализацией.

Изучение процесса глобализации предполагает наличие точки отсчета, цели, средств и хотя бы предварительной периодизации. Согласимся с Ж. Ле Гоффом, для которого «[д]еление времени на периоды... не просто хронологическое действие, в нем заключена... идея перехода, поворота и даже отрицания общества и ценностей предыдущего периода»⁴². Процессуальный подход немислим вне динамики.

Феномен глобализации, наоборот, можно исследовать в статике, сравнивая его элементы в наиболее значимые периоды. Результатом подобного сравнения станут выводы о сути и эволюционном потенциале глобализации.

Соединение феноменологического и процессуального подходов предоставит информацию о роли личности, о временном «поведении» феномена и его управляемости. Последнее принципиально важно как для аргументации практической значимости работы, так и с теоретической точки зрения, поскольку появляется возможность, обратившись с обновленным каталогом вопросов к другим эпохам, процессам, феноменам и расширив представление о них, приблизиться к разрешению теоретических проблем. Полученные результаты легко впишутся и в контекст научного знания об освоении пространства.

³⁸ Ibid. S. 151.

³⁹ Ibid. S. 153.

⁴⁰ Ibid. S. 152.

⁴¹ Ibid. S. 154.

⁴² *Ле Гофф Ж.* Стоит ли резать историю на куски? СПб., 2018. С. 9–10.

Апробацию процессуального и феноменологического подходов допустимо, думается, вести по трем направлениям: в рамках политического понимания глобализации изучать ее процессуальную и феноменологическую сторону; в рамках дискурсного и проектного – феноменологическую природу. Дискурс имеет дело с оформляющимся феноменом, проект – с так называемым консенсусным (сформированным) феноменом. С учетом этого дискурс можно интерпретировать по-иному как феноменологическое пространство. Проект больше связан с политической деятельностью. Не случайно дискурсные проекты – нонсенс, а политические проекты – неотъемлемая часть действительности. Поэтому проектное направление и политическое направление следует, по всей видимости, ситуационно соединять и разделять.

Что касается дискурсного направления, то его целесообразнее подразделять на дискурс участников и дискурс исследователей. Работа в нем будет существенно затруднена без успехов двух предыдущих направлений.

Авторы статей в «*Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*» обозначили круг основных проблем, обсуждение которых, с нашей точки зрения, следует продолжить. В качестве примера «простых» вопросов, которые достойны дополнительного обсуждения и расширения наших знаний, приведем следующие:

– О каких истоках глобализации известно? Какие истоки глобализации необходимо еще изучать?

– Можно ли в настоящее время согласовать примерную периодизацию глобализации?

– Какие концепции и идеи доминировали на разных этапах глобализации и почему?

– Как появлялись, существовали, изменялись и исчезали концепции и идеи, связанные с глобализацией?

– Что такое политика глобализации, всегда ли в ней реализуется проект (или проекты)?

– Насколько применительно к глобализации нужно вести речь о subprocessах? Если да, то – о каких?

– Каково в реальности соединение национального и наднационального, индивидуального и универсального, традиционного и модернизационного в глобализации?

– Что с концептуальной точки зрения и в действительности означают лидерство и аутсайдерство, центр и периферия в глобализации?

– Насколько соотносимы известные ранее процессы (к примеру, регионализация) и феномены с глобализацией?

– Каково влияние глобализации на государство, государственные структуры, общество, социальные группы в разных странах?

– Нужно ли говорить о противоречиях глобализации или противоречиях политики?

– Развивается ли глобализация волнами (прерывисто) или она является линейным процессом?

– В чем особенности предмета истории глобализации в контексте глобальной истории?

Новые феномены и процессы требуют не только индивидуального представления о них, но и согласования концепций, гипотез, а также анализа наиболее важных источников, который пошел бы заметно дальше «исключительной терминологической рефлексии».

Глобализация – реальность. Ее изучение можно рассматривать как уникальный шанс обеспечить объединение больших коллективов, международное сотрудничество в новых расширенных форматах, а можно воспринимать как излишнюю задачу. Выбор – за обществом историков.

Библиография

Аллен Р. Глобальная экономическая история. Краткое введение. М., 2013.

Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.

Бурдьё П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016.

Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

- Громько Ал.А. Mogla li kholodnaya voyna zakonchitsya ran'she. Postanovka voprosa (k 110-letiyu A.A. Gromyko) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 10. С. 109–115.
- Громько Ал.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М., 2007.
- Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург, 2018.
- Конвалова И.Г. Историческая география в исследовательском поле исторической науки // *Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве*. Материалы XXIII Международной научной конференции, Москва, 27–29 января 2011 г. / отв. ред. М.Ф. Румянцев. М., 2011. С. 22–30.
- Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М., 2006.
- Ле Гофф Ж. Стоит ли резать историю на куски? СПб., 2018.
- Липкин М.А. Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М., 2019.
- Мани М. Источники социальной власти. Т. 4. Глобализация, 1945–2011 гг. М., 2019.
- Мирзеханов В.С. История XX века: многообразие историографических подходов к пониманию феномена // *Новая и новейшая история*. 2020. № 5. С. 7–27.
- Мишель А. Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времени революции. М., 2008.
- Многолика глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергер, С. Хантингтона. М., 2004.
- Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром. От Древнего мира до США. М., 2015.
- Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005.
- Пикетти Т. Капитал в XXI в. М., 2015.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
- Сакс Д. Цена цивилизации. М., 2012.
- Сорос Д. О глобализации. М., 2004.
- Страда В. Глобализация и история // *Новая и новейшая история*. 2002. № 6. С. 57–61.
- Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление // *Свободная мысль – XXI*. 2000. № 11. С. 28–38; № 12. С. 16–29.
- Хозин Г.С. Глобализация международных отношений: объективная тенденция или стратегия США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2000. № 1. С. 65–79.
- VI Международный научный конгресс «Глобалистика-2020: глобальные проблемы и будущее человечества». Электронный сборник тезисов участников. М., 2020.
- Bach O. Ein Ende der Geschichte?: Entstehung, Strukturveränderung und die Temporalität der Globalisierungsemantik seit dem Zweiten Weltkrieg // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2020. Vol. 68. Nr. 1. S. 128–154.
- Eckel J. Politik der Globalisierung: Clinton, Blair, Schröder und die Neuerfindung der Welt in den 1990-er und 2000-er Jahren // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2020. Vol. 68. Nr. 3. S. 451–480.
- Knöbl W. After Modernization: Der Globalisierungsbegriff als Platzhalter und Rettungsanker der Sozialwissenschaften // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2020. Vol. 68. Nr. 2. S. 297–317.
- Wirsching A. “Kaiser ohne Kleider”?: Der Nationalstaat und die Globalisierung // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2020. Vol. 68. Nr. 4. S. 659–685.

References

- Allen R. Global'naya ekonomicheskaya istoriya. Kratkoe vvedenie [Global Economic History. A Brief Introduction]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Berk P. Chto takoe kul'tural'naya istoriya? [What is cultural history?] Moskva, 2015. (In Russ.)
- Burd'e P. O gosudarstve. Kurs lektsii v Kollezh de Frans (1989–1992) [About the state. Course of lectures at the Collège de France (1989–1992)]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Giddens E. Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn' [The elusive world: how globalization is changing our lives]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Gromyko Al.A. Modernizatsiya partiinoy sistemy Velikobritanii [Modernization of the UK party system]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Gromyko Al.A. Mogla li kholodnaya voyna zakonchit'sya ran'she. Postanovka voprosa (k 110-letiyu A.A. Gromyko) [Could the Cold War have ended earlier. Raising the question (to the 110th anniversary of

A.A. Gromyko) // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. 2019. № 10. S. 109–115. (In Russ.)

Kennedi P. Vzlety i padeniya velikikh derzhav. Ekonomicheskie izmeneniya I voennye konflikty v formirovani i mirovykh tse ntrov vlasti s 1500 po 2000 g. [The ups and downs of the Great Powers. Economic changes and military conflicts in the formation of world power centers from 1500 to 2000]. Ekaterinburg, 2018. (In Russ.)

Khozin G.S. Globalizatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii: ob"ektivnaya tendentsiya ili strategiya SShA [Globalization of international relations: an objective trend or strategy of the United States] // SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA and Canada: economy, politics, culture]. 2000. № 1. S. 65–79. (In Russ.)

Konvalova I.G. Istoricheskaya geografiya v issledovatel'skom pole istoricheskoi nauki [Historical geography in the research field of historical science] // Istoricheskaya geografiya: prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve. Materialy XXIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 27–29 yanvara 2011 g. / otv. red. M.F. Rumyantseva [Historical Geography: Human Space vs Man in Space. Proceedings of the 23th International Scientific Conference, Moscow, January 27–29, 2011 / ed. M.F. Rumyantseva]. Moskva, 2011. S. 22–30. (In Russ.)

Krevel'd M. Rastsvet i upadok gosudarstva [The rise and decline of the State]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Le Goff Zh. Stoit li rezat' istoriyu na kuski? [Is it worth cutting the story into pieces?] Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)

Lipkin M.A. Sovet Ekonomicheskoi Vzaimopomoshchi: istoricheskii opyt al'ternativnogo global'nogo miroustroistva (1949–1979) [Council for Mutual Economic Assistance: the Historical Experience of an Alternative Global World Order (1949–1979)]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Mann M. Istochniki sotsial'noi vlasti. T. 4. Globalizatsiya, 1945–2011 gg. [Sources of Social Power. Vol. 4. Globalization, 1945–2011]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Mürzekhanov V.S. Istoriya XX veka: mnogoobraziei storiograficheskikh podkhodov k ponimaniyu fenomena [The history of the 20th century: a variety of historiographical approaches to understanding the phenomenon] // Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 5. S. 7–27. (In Russ.)

Mishel' A. Ideya gosudarstva. Kriticheskii opyt istori i sotsial'nykh i politicheskikh teorii vo Frantsii so vremeni revolyutsii [The idea of the state. Critical experience of the history of social and political theories in France since the Revolution]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Mnogolikaya globalizatsiya: kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire / pod red. P. Bergera, S. Khantingtona [Multi-faceted globalization: cultural diversity in the modern world mire / eds P. Bergera, S. Khantingtona]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Münkler G. Imperii. Logika gospodstva nad mirom. Ot Drevnego mira do SShA [Empires. The Logic of World Domination. From the Ancient World to the USA]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Novyi obraz istoricheskoi nauki v vek globalizatsii i informatizatsii / pod red. L.P. Repinoi [A new image of historical science in the age of globalization and informatization / ed. L.P. Repina]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Piketti T. Kapital v XXI v. [Capital in the 21st century]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical science at the turn of the 20th–21st centuries: social theories and historiographical practice]. Moskva, 2011. (In Russ.)

Saks D. Tsena tsivilizatsii [The price of civilization]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Soros D. O globalizatsii [About globalization]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Strada V. Globalizatsiya i istoriya [Globalization and history] // Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2002. № 6. S. 57–61. (In Russ.)

Utkin A.I. Globalizatsiya: protsess i osmyslenie [Globalization: the process and understanding] // Svoobodnaya mysl' – XXI [Free Thought – 21]. 2000. № 11. S. 28–38; № 12. S. 16–29. (In Russ.)

VI Mezhdunarodnyi nauchnyi kongress "Globalistika-2020: global'nye problemy i budushchee chelovechestva": Elektronnyi sbornik tezisov uchastnikov [VI International Scientific Congress "Globalistics-2020: Global problems and the future of humanity": Electronic collection of abstracts of participants]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Bach O. Ein Ende der Geschichte?: Entstehung, Strukturveränderung und die Temporalität der Globalisierungsemantik seit dem Zweiten Weltkrieg // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2020. Vol. 68. Nr. 1. S. 128–154.

Eckel J. Politik der Globalisierung: Clinton, Blair, Schröder und die Neuerfindung der Welt in den 1990-er und 2000-er Jahren // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2020. Vol. 68. Nr. 3. S. 451–480.

Knöbl W. After Modernization: Der Globalisierungsbegriff als Platzhalter und Rettungsanker der Sozialwissenschaften // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2020. Vol. 68. Nr. 2. S. 297–317.

Wirsching A. "Kaiser ohne Kleider"?: Der Nationalstaat und die Globalisierung // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2020. Vol. 68. Nr. 4. S. 659–685.

DOI: 10.31857/S013038640018256-9

© 2022 г. В.С. ДУДАРЕВ

СПОР ОБ ИМПЕРАТОРСКОМ ТИТУЛЕ: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ ВИЛЬГЕЛЬМА I И ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОТТО ФОН БИСМАРКА

Дударев Василий Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: wdudareff@gmail.com

Scopus Author ID: 57202784570; Researcher ID: R-8946-2016

Аннотация. Логичным окончанием Франко-германской войны, по мнению многих современников, стало провозглашение Германской империи во главе с прусским королем Вильгельмом I. В самый последний момент между ним и «железным» канцлером Северогерманского союза Отто фон Бисмарком разгорелось нешуточное противостояние о необходимости принятия императорского титула и его именовании. Эта проблема мало изучена в отечественной историографии. Существует ряд интересных источников, исследование которых дополняет историю провозглашения Германской империи, раскрывает причины одного из самых драматичных сюжетов многолетней истории взаимоотношений императора и канцлера. Бисмарк связывал принятие императорского титула с успехом продолжения процесса имперской интеграции. Это было важнее простого стремления Вильгельма I к признанию германскими князьями превосходства прусской короны в Германии. Итогом проявленной Бисмарком инициативы по подготовке «Императорского письма» стало согласие Вильгельма I на принятие императорского титула. Датой провозглашения прусского короля Вильгельма германским императором было выбрано 18 января 1871 г., что символично, поскольку 18 января 1701 г. состоялась коронация курфюрста Бранденбурга Фридриха III королем Пруссии. Спор между Вильгельмом I и Бисмарком продолжился из-за именовании титула. Разница между титулом «император Германии», на чем настаивал Вильгельм I, и титулом «германский император», что предлагал Бисмарк, заключалась не только в использовании разных исторических традиций. Титул «император Германии» заключал в себе опасность территориальной претензии рейха на не входящие в создаваемую империю немецкие земли. Кульминацией этого спора стало провозглашение великим герцогом Баденским Фридрихом I троекратного «ура» Вильгельму I в Зеркальном зале Версальского дворца. В итоге был принят титул «германский император».

Ключевые слова: Германская империя, объединение Германии, германский император Вильгельм I, канцлер Отто фон Бисмарк, императорский титул.

V.S. Dudarev

The Dispute over the Imperial Title: the Traditionalism of William I and the Policy of State Interests of Otto Von Bismarck

Vasily Dudarev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: wdudareff@gmail.com

Scopus Author ID: 57202784570; Researcher ID: R-8946-2016

Abstract. The logical conclusion of the Franco-German War was, according to many contemporaries, the proclamation of the German Empire headed by King William I of Prussia. At the very last moment, a bitter dispute erupted between him and the Iron Chancellor of the North German Confederation, Otto von Bismarck, over the need for the imperial title and its form. There are several interesting sources related to this largely unexplored subject, and their examination will complement the history of the proclamation of the German Empire, bringing to light one of the most dramatic episodes in the long history of the relationship between the Emperor and his Chancellor. Bismarck associated the assumption of the imperial title with the success of the continued process of imperial integration. That was beyond the mere desire of William I for the German princes to recognise the supremacy of the Prussian crown in Germany. The result of Bismarck's initiative in preparing the *Kaiserbrief* was that William I agreed to assume the imperial title. The date of 18 January 1871 was chosen for the proclamation of the German Empire – a symbolic date, since the Prince-electoral of the Margraviate of Brandenburg, Friedrich III, was crowned King of Prussia on 18 January 1701. The dispute between William I and Bismarck continued over the form of the title. The difference between the title of “Emperor of Germany”, as insisted upon by William I, and that of “German Emperor”, as suggested by Bismarck, was not simply a matter of drawing on different historical traditions. The title “Emperor of Germany” carried with it the danger of a territorial claim by the Reich to German lands that were not part of the newly created empire. This dispute culminated in the Grand Duke of Baden Frederick I declaring a triple hurrah for William I in the Hall of Mirrors of the Palace of Versailles.

Keywords: German Empire, reunification of Germany, German Emperor, William I, Otto von Bismarck, imperial title.

Одним из секретов дамасской стали является комбинация сотен слоев железа и высокоуглеродистой стали, мастерскаяковка которых рождает один из самых легендарных сплавов. В музее имени Бисмарка во Фридрихсру есть несколько интересных экспонатов, посвященных процессу объединения Германии. Один из них – известная работа «Бисмарк – кузнец Германской империи», изображающая «железного» канцлера в символической роли кузнеца, который только что закончил ковку аллегорического меча «Имперского единства». Теперь такой символический меч необходимо было торжественно передать его первому владельцу: Вильгельму I, императору нового государства, создаваемого в центре Европы. Однако с этим возникли некоторые сложности, о чем и пойдет речь в данной статье.

Актуальность ее обусловлена во многом историографической и источниковедческой особенностями данной проблемы, которая в отечественной историографии практически не исследована, хотя и существует ряд интересных источников, не изученных в этом аспекте.

Хронологически исследование затрагивает период конца 1870 – начала 1871 г., когда между прусским королем Вильгельмом I и канцлером Отто фон Бисмарком разгорелся спор об императорском титуле.

Благодаря прокатившемуся по всей Германии патриотическому подъему в начале войны против Франции, а особенно после Седанской катастрофы 1 сентября и сдачи крепости Мец

27 октября 1870 г. под стенами осажденного Парижа сражались уже в меньшей степени прусские, баварские, вюртембергские или баденские войска, но в большей — германские. Не в революции 1848—1849 гг.¹, а под стенами столицы своего главного противника рождалась новая единая Германия. Главный локомотив германского единства — «железный» канцлер Бисмарк с середины октября все больше времени уделял обсуждению с «представителями южногерманских государств нового тысячелетнего рейха»². В разговоре с великим герцогом Баденским Фридрихом I 9 ноября 1870 г. Бисмарк заявил: «Следствием этой войны должно стать (провозглашение. — В.Д.) кайзера и рейха, лишь в этом единственный путь благополучного развития германских дел»³.

С этим как раз и возникли сложности, поскольку выяснилось, что у канцлера Бисмарка и короля Вильгельма I оказались разные представления об императорском титуле.

Большую трудность вызвала необходимость убедить прусского короля согласиться принять этот титул, поскольку «его сопротивление принятию титула императора стояло в некоторой связи с потребностью добиться признания превосходства именно своей родовой прусской короны в большей мере, нежели императорского титула»⁴, и «он рассматривал его без ложной скромности более как свою личную награду, чем политическую необходимость»⁵. С точки зрения Бисмарка, принятие императорского титула в условиях расширения Северогерманского союза до Германской империи за счет государств Южной Германии являлось политической необходимостью, гарантией большего успеха дальнейшего процесса имперской централизации. Восприятие этого титула Вильгельмом I, напротив, сводилось к обозначению в некоторой степени превосходства родовой прусской короны над прочими германскими владетельными домами. Переговоры длились постоянно и осложнялись тем, что, по словам Бисмарка, «в главной квартире витает так много фантазий владетельных князей в отношении будущего образа Германии, что я не могу отлучиться от E[го] V[еличества] ни на шаг»⁶. В своих мемуарах Бисмарк обратил внимание на распространение в это время в окружении короля идей о том, «будто наследство пробужденной Карлом Великим “римской” империи было несчастьем Германии»⁷. Союзный канцлер справедливо отмечал, что титул «короля Германии» при сохранении королевей Баварии, Саксонии и Вюртемберга выглядел бы, по меньшей мере, нелогичным. Для устранения этого диссонанса пришлось бы лишать эти правящие династии королевского достоинства, понижая их до уровня герцогств. Такой шаг с наибольшей вероятностью был бы негативно воспринят как в самой Германии, так и в Европе. Решение этого вопроса силовым путем нанесло бы Пруссии моральное поражение в Германии на многие годы вперед и поставило бы под реальную угрозу дальнейшую судьбу германского вопроса.

Ситуация постепенно заходила в тупик, отношения между Бисмарком и Вильгельмом I стали напряженными. В это же время произошло подписание ноябрьских договоров

¹ См., например: *Матвеева А.Г.* Германская империя 1870—1914. М., 2003; *Даценко П.А.* Средние германские королевства и «третий путь» в решении германского вопроса в 1849 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 7 (93); *Ростиславлева Н.В.* Представления о решении «германского вопроса» в раннем либерализме (первая половина XIX в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 7 (93).

² Bismarck an Johanna. 20. Oktober 1870 // Bismarcks Briefe an seine Gattin aus dem Kriege 1870/71. Stuttgart; Berlin, 1903. S. 53.

³ Großherzog Friedrich I. von Baden und die deutsche Politik von 1854—1871. Briefwechsel, Denkschriften, Tagebücher. Stuttgart, 1927. S. 162.

⁴ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. II. М., 1940. С. 107.

⁵ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 161.

⁶ Bismarck an Johanna. 16. November 1870 // Bismarcks Briefe an seine Gattin aus dem Kriege 1870/71. S. 60.

⁷ Бисмарк О. Указ. соч. С. 107.

1870 г., следствием которых стало вступление двух великих герцогств: Бадена и Гессена⁸, а также двух королевств: Баварии⁹ и Вюртемберга¹⁰ – в состав расширявшегося Северо-германского союза. Южногерманские государства признавали, что такие политические изменения найдут свое отражение в новой германской конституции 1 января 1871 г., действие которой распространится на единое германское государство – Германскую империю¹¹. Дальнейшие колебания центральной власти в вопросе о титулатуре и полномочиях правителя нового государства были недопустимы, но переговоры по этому вопросу постепенно зашли в тупик.

Решающим с психологической точки зрения оказалось вмешательство самого важного, но одновременно и самого сложного из союзников Пруссии. Свою позицию в отношении титула будущего правителя объединенной Германии предстояло высказать баварскому королю Людвигу II, второму после Вильгельма I по рангу и политическому авторитету среди германских правителей. Понимая необходимость решительных действий, Бисмарк 27 ноября 1870 г. обратился с письмом к баварскому королю, чтобы побудить его поддержать провозглашение в Германии кайзера и рейха. Мемуары Бисмарка показывают, в какой спешке готовилось письмо, составленное «на только что прибранном обеденном столе, на плохой бумаге, отвратительными чернилами»¹². У письма было приложение. С этими документами находившийся рядом с Бисмарком граф Максимилиан фон Гольштейн, обер-штальмейстер, доверенное лицо и личный друг баварского короля, сразу же направился из Версаля в резиденцию Людвигу II, замок Хоэншвангау. О секретной финансовой помощи, которую Бисмарк обещал баварскому королю за такую поддержку, хорошо известно в историографии. 30 ноября Людвиг II подписал приложенный Бисмарком к письму проект своего письменного обращения к Вильгельму I. Уже 3 декабря граф фон Гольштейн передал это письмо в Версале принцу Луитпольду Баварскому, дяде Людвигу II, который и вручил его Вильгельму I. Это письмо получило в историографии название «Императорское письмо». Его основной смысл заключался в нескольких фразах, из которых было ясно, что Людвиг II пойдет на признание первенства Вильгельма I в Германии в надежде на то, «что это отвечает всем интересам германского отечества и его союзных государей... что права, принадлежащие по конституции президиуму Союза, вследствие восстановления Германской империи и звания германского императора будут означать права, которыми Ваше величество пользуется от имени всего германского отечества на основе объединения его государей». Руководствуясь этими принципами, Людвиг II обращался «к остальным государям с предложением просить вместе со мной Ваше величество о том, чтобы соединить права Союза с титулом германского императора»¹³.

5 декабря письмо было зачитано на заседании Северогерманского рейхстага государственным министром Р. Дельбрюком, после чего в Версаль была направлена так называемая «имперская депутация» рейхстага и бундесрата, возглавляемая президентом рейхстага Э. фон Симсоном, с целью просить Вильгельма I принять титул императора. Также из Баварии в Версаль была доставлена специально подготовленная грамота, в которой

⁸ Protokoll, betreffend die Vereinbarung zwischen dem Norddeutschen Bunde, Baden und Hessen über Gründung des Deutschen Bundes und Annahme der Bundesverfassung. Vom 15. November 1870 // Bundesgesetzblatt des Norddeutschen Bundes. Bd. 1870. Nr. 51. S. 650–653.

⁹ Vertrag, betreffend den Beitritt Bayerns zur Verfassung des Deutschen Bundes. Vom 23. November 1870., nebst Schlußprotokoll vom demselben Tage // Deutsches Reichsgesetzblatt. Bd. 1871. Nr. 5. S. 9–26.

¹⁰ Vertrag zwischen dem Norddeutschen Bunde, Baden und Hessen einerseits und Württemberg andererseits, betreffend den Beitritt Württembergs zur Verfassung des Deutschen Bundes, nebst dazu gehöriem Protokoll. Vom 25. November 1870 // Bundesgesetzblatt des Norddeutschen Bundes. S. 654–665.

¹¹ См. также: *Матвеева А.Г.* Конституционное развитие Германии в XIX в. (на примере имперских конституций 1849 и 1871 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 8 (72).

¹² *Бисмарк О.* Указ. соч. С. 108.

¹³ *Hocker O.* Der Nationalkrieg gegen Frankreich 1870–1871. Berlin; Heidelberg, 1915. S. 335.

баварский король от имени всех германских владетельных князей и вольных городов обращался к Вильгельму I с просьбой принять титул германского императора¹⁴. В воскресенье, 18 декабря 1870 г., Вильгельм I, представлявший «императорскую корону в свете современной должности-поручения, авторитет которой оспаривался еще Фридрихом Великим и угнетал Великого курфюрста»¹⁵, уступил. В торжественной обстановке в присутствии германских владетельных князей, представителей немецких вольных городов и немецких генералов он согласился принять титул императора, что сопровождалось инициированным Симсоном торжественным провозглашением «ура» в честь короля Вильгельма I.

Казалось, придворные перипетии в решении такого важного вопроса завершились. Кронпринц Фридрих Вильгельм уже занимался набросками текста торжественного провозглашения Вильгельма I императором¹⁶, обсуждая детали с великим герцогом Баденским Фридрихом I¹⁷, как вдруг разыгрался наполненный особым драматизмом второй этап спора о титуле.

Как уже было сказано, происходившие в связи с принятием ноябрьских договоров общегерманские политические и административные изменения должны были быть отражены в новой конституции 1 января 1871 г. В своем дневнике кронпринц Фридрих Вильгельм записал 29 декабря: «1 января должна вступить в силу имперская конституция, которая провозгласит “кайзера и рейх”. Никто, однако, не представляет себе, проникнет ли новость об этом знаковом событии в Германию тайком, или об этом будет торжественно объявлено во время праздничной прокламации, или с введением этих институтов вообще повременят»¹⁸. Фактически принятие имперской конституции 1 января 1871 г.¹⁹ уже означало учреждение Германской империи с кайзером во главе, поэтому предстоящее проведение торжественного мероприятия с провозглашением Германской империи и императора, по сути, являлось «актом официальной инаугурации и вступления в должность», и по этой причине не могло являться днем основания рейха²⁰.

В ходе беседы с кронпринцем Фридрихом Вильгельмом в самом конце декабря 1870 г. Бисмарк высказал пожелание, чтобы проведение этого торжества состоялось после ратификации верхней палатой баварского парламента ноябрьского договора между Баварией и Северогерманским союзом (парламенты Вюртемберга, Бадена и Гессена ратифицировали ноябрьские договоры в декабре 1870 г.). Голосование было назначено на 4 января²¹. Ожидая новости из Баварии, кронпринц предложил Бисмарку «обратить пристальное внимание на историческое 18 января, как дату торжественного провозглашения кайзера»²². Эта дата являлась символической для германской истории. Ровно 170 лет отделяло 18 января 1871 г. от 18 января 1701 г., когда курфюрст Бранденбурга Фридрих III короновал себя в Кёнигсберге как короля Пруссии Фридриха I.

Пока же Германия находилась в переходном положении: с 1 января 1871 г., согласно вступавшей в силу конституции, упразднялся Северогерманский союз и создавалась Германская империя. Однако требовалось еще убедить Вильгельма I, что без

¹⁴ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 257–258.

¹⁵ Бисмарк О. Указ. соч. С. 107.

¹⁶ Kaiser Friedrich III. Das Kriegstagebuch von 1870/71. Berlin; Leipzig, 1926. S. 470–471.

¹⁷ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 274–275.

¹⁸ Kaiser Friedrich III. Op. cit. S. 296.

¹⁹ Verfassung des Deutschen Bundes // Bundesgesetzblatt des Norddeutschen Bundes. S. 627–649.

²⁰ См., например: Huber E.R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. III. Bismarck und das Reich. 3. Auflage. Stuttgart, 1988. S. 750.

²¹ Голосование в Баварии состоялось 21 января 1871 г., уже после провозглашения Германской империи.

²² Kaiser Friedrich III. Op. cit. S. 300.

ратификации конституции второй палатой баварского парламента, т.е. формально без наличия согласия со стороны всех участников нового государственного образования, он все же мог стать главой единой Германии²³.

3 января Вильгельм I, желая прояснить ситуацию, направил Бисмарку письмо, в котором помимо прочих вопросов поднимал вопрос об императорском титуле²⁴. В этом письме король повторял свои прежние переживания в отношении того, что его «прусское имя (имеется в виду титул прусского короля. — В.Д.) отойдет на второй план». Поскольку другого выхода уже не было, он сообщал, что выбрал для себя наиболее приемлемое звучание титула: «король Пруссии, избранный император Германии». В противном случае он соглашался принять титул «император Германии», потому что форму «германский император» считал слишком упрощенной. Точного объяснения причин выбора Вильгельмом I именно такого варианта нет, однако можно сделать некоторое предположение, рассмотрев историческую особенность прусского королевского титула.

В XIX в. главой прусской монархии был «король Пруссии» (König von Preußen), но не «пруссский король» (Preußischer König), что являлось продолжением прусской политической традиции, ухивившей еще в XVIII в., когда официальным титулом главы государства до 1772 г. был «король в Пруссии» (König in Preußen). С 1618 г. Курфюршество Бранденбург, входившее в состав Священной Римской империи германской нации, находилось в личной унии с Великим герцогством Пруским, которое в 1657 г. потеряло свою вассальную зависимость от Речи Посполитой, стало независимым и примкнуло к Бранденбургу. Стремление к абсолютизму было основным направлением политики молодого бранденбургского курфюрста Фридриха III. Однако он не мог стать независимым королем в государстве, главой которого уже являлся император, поэтому стал добиваться не бранденбургской короны, а дарования короны великому герцогству Прускому, суверенному владению Гогенцоллернов вне пределов Священной Римской империи, что и возымело успех. В 1701 г. Фридрих III, формально оставаясь вассалом императора в Бранденбурге, провозгласил себя в прусском Кёнигсберге «королем в Пруссии» (König in Preußen) Фридрихом I. Именно этот титул со временем станет более важным по своему значению в титулатуре потомков Фридриха. В 1772 г. в связи с первым разделом Речи Посполитой произошли изменения и с прусским королевским титулом, что было связано с претензией Фридриха Великого на больший авторитет в Германии: вместо «короля в Пруссии» (König in Preußen) Европа узнала о «короле Пруссии» (König von Preußen). В такой форме этот титул и перешел в XIX в. Можно предположить, что Вильгельм I выбрал для себя по аналогии с титулом прусского короля и титул императора: император Германии (Kaiser von Deutschland).

На письмо Вильгельма I почти полностью слегший из-за болезни ног и нервного истощения Бисмарк ответил всеподданнейшим адресом, в котором изложил свое понимание сущности императорского титула²⁵. Бисмарк начал с апелляции к уже вступившей в силу новой конституции. В 11 статье конституции значилось: «первенство (das Präsidium) в Союзе принадлежит Королю Пруссии, который обладает титулом Германский император (Deutscher Kaiser)»²⁶. Бисмарк обратил внимание Вильгельма I и на то, что в торжественном адресе баварского короля Людвига II от имени германских владетельных князей и германских вольных городов также говорилось о титуле «Германский император», что и было внесено в итоговый текст конституции.

²³ Kronprinz Friedrich Wilhelm an Großherzog Friedrich I. von Baden am 30. Dezember 1870 // Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 279.

²⁴ *Kaiser Friedrich III*. Op. cit. S. 471.

²⁵ Bismarcks Immediatbericht an Wilhelm I. am 5. Januar 1871 // *Bismarck O. von*. Die gesammelten Werke. Bd. VIb. Berlin, 1931. S. 655–657.

²⁶ *Verfassung des Deutschen Bundes*. S. 631.

Бисмарк также выступал против предложения Вильгельма I внести в титулатуру слово «избранный». Во-первых, его не было в тексте конституции. Во-вторых, в дальнейшем оно могло привести к ошибочной коннотации самого титула. А в-третьих, и самое главное — оно более подходило характеру Первого рейха, Священной Римской империи германской нации, император которой не наследовал трон, но избирался коллегией курфюрстов. Бисмарк обращал внимание Вильгельма I, что одно это слово может подорвать авторитет прусской короны, с достоинством которой теперь связывался наследственный императорский титул. Исходя из этого, Бисмарк предлагал формулу: «Мы, Вильгельм, милостью Божией, германский император, король Пруссии»²⁷. Такая титулатура, по мысли Бисмарка, должна была оказывать воздействие, прежде всего, на вошедшие в состав империи государства Средней и Южной Германии и способствовать внутривосточному единству рейха, но достижением чего предстояло еще долго работать. Прусский король в образе германского императора должен был стать родным для всей империи, а не вызывать у непрусских территорий недовольство и без того уже возвеличившимся Прусским королевским домом. Первостепенное упоминание императорского достоинства должно было распространяться также и на титулатуру императрицы и кронпринца. Все, что связано с официальной государственной символикой, армией и флотом, должно было, по мысли Бисмарка, отражать имперский характер нового государства. Официальная атрибутика Прусского королевства должна была уступить место новой имперской символике.

На полях этого адреса Бисмарка Вильгельм I еще раз подтвердил свое решение именоваться исключительно как «император Германии»²⁸, хотя мощный напор Бисмарка уже заставил прусского короля усомниться в верности своей позиции. Этой информации нет в мемуарах «железного» канцлера, где говорится о двух противоположных точках зрения, представленных Вильгельмом I и Бисмарком вплоть до прокламации 18 января. Дневник великого герцога Баденского позволяет немного приоткрыть эту драматическую историю противостояния и ту роль, которую в ней сыграл, в частности, и сам Фридрих I. 12 января 1871 г. он поместил интересную запись. В этот день прусский кронпринц сообщил Фридриху I, что Вильгельм I после ознакомления с его письменным ответом на адрес Бисмарка²⁹ «одобрил предложение Бисмарка принять титул “германский император”, принимая во внимание (позицию. — В.Д.) Баварии»³⁰. Прусский кронпринц, сторонник первоначальной идеи Вильгельма I³¹ с его «титулатурой “император Германии”, а также сторонник того, чтобы не считаться с мнением Баварии»³², «был совершенно подавлен»³³. Великий герцог Фридрих I сообщил, что ему «стоило больших трудов, чтобы встряхнуть его и доказать, что нам следует теперь много работать над тем, чтобы не растерять достигнутого»³⁴.

В это же самое время великий герцог Баденский провел своеобразный социологический опрос. Из личных бесед с курсировавшими между Версалем и осажденным Парижем германскими владетельными князьями он сделал вывод, что большинство князей выступало за принятие Вильгельмом I титула «император Германии» даже до проведения верхней палатой баварского парламента голосования за ратификацию ноябрьского договора с Северогерманским союзом³⁵.

Бисмарк придерживался своего прежнего мнения, о чем в разговоре с Фридрихом I 13 января заявил государственный министр Р. Дельбрюк, вводя в дискуссию новый

²⁷ *Bismarck O. von.* Op. cit. S. 655.

²⁸ *Bismarck O. von.* Op. cit. S. 662.

²⁹ Denkschrift des Kronprinzen über die Wiederherstellung der deutschen Kaiserwürde // *Kaiser Friedrich III.* Op. cit. S. 476–480.

³⁰ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 308.

³¹ *Kaiser Friedrich III.* Op. cit. S. 476.

³² Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 300.

³³ *Ibid.* S. 308.

³⁴ *Ibidem.*

³⁵ *Ibid.* S. 309.

интересный аргумент о заложенной в формулу «император Германии» опасности территориальной претензии рейха на не входящие в создаваемую империю немецкие земли³⁶.

Эту тему Бисмарк подхватил и развил в своем всеподданнейшем адресе 14 января Вильгельму I³⁷. В этом документе канцлер отвечал также на замечания, сделанные Вильгельмом I на полях предыдущего адреса от 5 января. Он повторно обращал внимание прусского короля на то, что формула «германский император» была предложена в письме баварского короля от лица германских владетельных князей, выразивших свое согласие именно с таким обозначением титула. Канцлер вновь напоминал, что ноябрьские договоры, содержавшие упоминание императорского титула именно в такой форме, уже были ратифицированы парламентами германских государств, образовавших новую Германскую империю.

Бисмарк указывал на то, что такое обращение восходит к традиции Первого рейха, Священной Римской империи германской нации, что вплоть до Максимилиана I титул германского императора звучал как «избранный римский король» до коронации в Риме и «римский император» — после коронации. С исторической точностью Бисмарк воспроизводил поворотный момент в изменении титулатуры германских императоров, который произошел при Максимилиане I. В 1508 г. германский король, избранный римский король Максимилиан I не был пропущен в Рим на собственную коронацию находившимися в конфронтации с папой римским Юлием II венецианцами, контролировавшими пути из Германии в Италию. Формировавший широкую коалицию против Венеции Юлий II крайне нуждался в таком мощном союзнике, как Максимилиан I, и поэтому разрешил ему именоваться титулом «избранный император». Провозглашение Максимилиана I избранным римским императором произошло 4 февраля 1508 г. на праздничной церемонии в главном соборе Триента. Преемники Максимилиана I, кроме Карла V, более не стремились к коронации в Риме. Теперь имперское право предусматривало обретение германским королем титула «император» вследствие избрания его курфюрстами. Титул «римский король» закреплялся за избранным курфюрстами при жизни отца наследником престола вплоть до его коронации, которая, начиная с коронации Максимилиана II в 1562 г., проводилась в месте избрания монарха — Франкфурте-на-Майне.

Бисмарк подчеркивал, что предложенный баварским королем Людвигом II титул «германский император» являлся фактически историческим продолжением средневековой императорской титулатуры, в которой в силу произошедших с тех пор, а особенно после роспуска Священной Римской империи в 1806 г., изменений прилагательное «римский» было заменено на «германский». Это, по мысли Бисмарка, было гораздо ближе по своему духу «великим императорам Средневековья, чем титул «император Германии», который они никогда не носили»³⁸. «В сложившихся условиях и с правовой точки зрения, — резюмировал Бисмарк, — я нахожу титул “германский император” исключительно соответствующим историческому ходу событий и конституционному состоянию дел и единственным, принятие которого я могу рекомендовать Вашему королевскому величеству в настоящих политических обстоятельствах»³⁹. Провозглашение «императора Германии», по мысли «железного» канцлера, могло дать политическим противникам германского объединения в Баварии повод для срыва ратификации ноябрьского договора в парламенте. Бисмарка тревожило, что такой титул мог рассматриваться противниками объединения Германии как претензия Вильгельма I на территориальный суверенитет над непрусскими территориями, с чем едва ли согласились бы также и германские владетельные князья. Принятие такого титула, «отличного от конституции нового, равно как и традиций старого рейха, стало бы источником ложных толкований,

³⁶ Ibid. S. 311.

³⁷ Bismarcks Immediatbericht an Wilhelm I. am 14. Januar 1871 // *Bismarck O. von.* Op. cit. S. 663—665.

³⁸ *Bismarck O. von.* Op. cit. S. 663.

³⁹ Ibid. S. 664.

как будто Ваше королевское величество стремится установить суверенные права там, где это не предусмотрено конституцией»⁴⁰.

Для разрешения спора 14 января в Версаль из Берлина были вызваны оберцеремониймейстер Р. фон Штильфрид-Раттонц, граф фон Алькантара и министр королевского дома А. фон Шлейниц, «вялый и безынициативный, впрочем, как и всегда, и излагающий только ту точку зрения, которая нравится Бисмарку»⁴¹.

Прусскому королю, казалось, ничего не оставалось, кроме как уступить Бисмарку. Он был подавлен самим ходом этого длительного спора, пониманием преимущества аргументов Бисмарка и необходимостью уступить его железной логике. В этот самый момент у него состоялась очень важная беседа с великим герцогом Баденским об императорском титуле⁴².

Вильгельм I открылся великому герцогу в том, что «Бисмарк обсудил этот вопрос с Баварией сам, а теперь лишь ставит его перед фактом». Он по-прежнему высказывал свое убеждение в том, что «титул “германский император” не является верным». Ответ Фридриха I был неожиданным для прусского короля, поэтому есть смысл привести его полностью. Великий герцог Баденский «поддержал точку зрения короля и использовал возможность сказать ему, что все присутствующие здесь немецкие князья станут весьма сожалеть, если король не будет именоваться императором Германии. В этих кругах уже давно известно, что дело должно пойти с оглядкой на Баварию, что не поймут ни в Германии, ни за ее границей. Я не смог скрыть от короля уже появляющиеся вопросы о том, почему больше прислушиваются к мнению врагов, нежели друзей; тем более, когда друзья хотят (видеть. — *В.Д.*) сильного императора, а враги — лишь императора по титулу. Следует обдумать возможность коллективного выступления князей для того, чтобы убедить короля принять титул “император Германии” и положить тем самым начало всем вытекающим из этого последствиям». Такая речь звучала как призыв, руководство к действию, она придала силы уже было отчаявшемуся Вильгельму I. Он вновь обрел надежду на торжество своей точки зрения. На речь Фридриха I он ответил: «Я уже давно говорил Бисмарку о том, что все это внимание к Баварии является неправомочным, и что мы должны более считаться с мнением друзей. Я еще раз поговорю с Бисмарком об этом». Таким образом, эта беседа подтолкнула почти согласившегося с доводами Бисмарка Вильгельма I к продолжению отстаивания своих взглядов. Конфликт двух государственных деятелей, выматывающий их обоих, продолжился.

Эти переговоры, конечно же, не выходили за пределы Версаля, о чем свидетельствуют письма, направленные Вильгельмом I вечером 14 января всем владетельным германским государям и вольным городам, от имени которых было написано императорское письмо⁴³. В них Вильгельм I выражал свою благодарность за высокую честь, которую ему оказали германские князья предложением принять титул императора. Никакая из дискуссионных форм императорского титула в письмах приведена не была.

16 января кронпринц передал Фридриху I всю январскую переписку между Вильгельмом I и Бисмарком, в которой поднимался вопрос о титуле, с просьбой дать совет, какую линию в итоге поддержать. Ознакомившись с документами, великий герцог Баденский ответил, что «приведенные Бисмарком аргументы меня не убедили, и я придерживаюсь прежней точки зрения о том, что должно прозвучать “император Германии”». Фридрих I понимал, что Бисмарк не отступит от своей позиции, однако, отвечая на вопрос кронпринца, советовал «оставаться при своем мнении и поддерживать точку зрения короля, поскольку дальнейшее внимание к Баварии сделает ее более дерзкой и высокомерной»⁴⁴.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 319.

⁴² Ibid. S. 313.

⁴³ См., например: Briefwechsel zwischen König Johann und den Königen Friedrich Wilhelm IV. und Wilhelm I von Preußen. Leipzig, 1911. S. 470–471.

⁴⁴ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 319.

Приближалось 18 января, дата, на которую было назначено провозглашение Вильгельма императором. Накануне, 17 января, у короля состоялся совет для обсуждения деталей, связанных с проведением торжественной церемонии, а также вопроса об императорском титуле, так и не решенного до сих пор. В совещании помимо короля приняли участие кронпринц Фридрих Вильгельм, канцлер Бисмарк и министр Шлейниц. Сведения об этих переговорах содержатся в воспоминаниях Бисмарка⁴⁵. Интересные дополнения к общей картине совета предлагают дневники великого герцога Фридриха I⁴⁶ и кронпринца⁴⁷. В них более детально передается напряженная обстановка, царившая на совете, наполненном разговорами на повышенных тонах, эмоциональным отстаиванием своих точек зрения. Атмосфера была накалена настолько, что «король, находившийся в возбужденном состоянии, даже заплакал, казался совершенно измученным и назвал этот день несчастным для себя»⁴⁸. Король, отмечал в своем дневнике кронпринц, «не мог даже описать, в каком отчаянии он находится от одной мысли, что должен завтра расстаться со старой, доброй Пруссией, за которую лишь он один держался и желал держаться и далее»⁴⁹. В дневнике Фридриха I и воспоминаниях Бисмарка содержатся различные оценки итогов совещания. Бисмарк вспоминал, что «обсуждение вопроса о титуле не привело ни к какому ясному решению; все же можно было считать себя вправе назначить церемонию провозглашения императора, но король повелел, чтобы при этом речь шла не о “германском императоре”, а об “императоре Германии”»⁵⁰. По дневниковым записям Фридриха I, итогом дискуссии стало согласие короля принять титул «германский император». Однако детали торжества не были проработаны, «императорский титул стал рассматриваться как деградация (понижение статуса. — В.Д.) короля Пруссии... истинное, огромное значение этого события для мировой истории, останется в итоге едва ли заметным»⁵¹. Кронпринц добавлял, что в разгар споров «король резко встал, прервал переговоры и заявил, что более не желает слушать о назначенном на завтра празднике»⁵².

Но вот наступил знаменательный день 18 января, день, о котором мечтали представители германской национальной идеи времен антинаполеоновских войн, участники революции 1848 г. в Германии, борцы, выступавшие за объединение и в постреволюционной Германии. Лучшему представлению картины происходившего торжества способствуют дневниковые записи великого герцога Баденского Фридриха I. В силу того, что он являлся первым по рангу среди присутствующих в Версале германских владетельных князей после короля Вильгельма I, ему выпала честь и большая ответственность первому взять слово после прочтения прокламации к народу и провозгласить торжественное «ура» Вильгельму I либо как «Германскому императору», либо как «императору Германии».

Утром прусский король написал Фридриху I, что желает все же услышать титул «император Германии», с тем же обратился к великому герцогу и кронпринц⁵³. Фридрих I оказался между Вильгельмом I и Бисмарком.

Уже в Версальском дворце, когда залы заполнялись представителями правящих германских династий, германским генералитетом и прочими приглашенными на торжественную церемонию, Фридрих I имел непродолжительную беседу с Бисмарком. Канцлер в очередной раз изложил уже известные причины, по которым обратиться к Вильгельму I следовало как к «германскому императору». Великий герцог объяснил,

⁴⁵ Бисмарк О. Указ. соч. С. 110–111.

⁴⁶ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 320–321.

⁴⁷ Kaiser Friedrich III. Op. cit. S. 337–339.

⁴⁸ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 320.

⁴⁹ Kaiser Friedrich III. Op. cit. S. 337.

⁵⁰ Бисмарк О. Указ. соч. С. 111.

⁵¹ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 320.

⁵² Kaiser Friedrich III. Op. cit. S. 338.

⁵³ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 321.

что в своем утреннем письме король все же настаивал на своей позиции. «Бундесканцлер был вне себя от злости, — вспоминает Фридрих I, — он жаловался на короля и на невозможность вести дела таким образом, особенно, когда речь идет о государственных делах такого значения, как сегодня. Он закончил тем, что если король решил именно так, то ему более нечего сказать, и он должен отдать на мое усмотрение возможность поступить так, как того требует такая сложная ситуация»⁵⁴. О факте этого разговора свидетельствуют и мемуары самого Бисмарка⁵⁵. Великого герцога потрясла недвусмысленность доводов и та искренность, с которой говорил Бисмарк⁵⁶. Сам железный канцлер объяснял это тем, что довод о ратификации прусским парламентом ноябрьских договоров, где упоминался титул «германский император», уже «попал в конституционный круг представлений эрцгерцога (великого герцога Баденского. — *В.Д.*)»⁵⁷.

Времени становилось все меньше. Двери залов Версальского дворца распахнулись, объявила короля Вильгельма I. По пути шествия короля к Зеркальному залу, в котором собрались князья и представители высшего германского генералитета, Фридрих I воспользовался последним мгновением, чтобы обсудить с королем вопрос о титуле. Он специально подчеркнул, что король знает его точку зрения в данном вопросе, но в настоящий момент, когда каждое слово будет иметь силу официального заявления, он находит необходимым обратиться к нему так, как это соответствует уже принятым парламентами решениям. Реакция последовала незамедлительно: «король сильно рассердился и высказался в адрес Бисмарка в резких выражениях». Фридрих I попытался объяснить, что в настоящих обстоятельствах он хочет провозгласить императору «ура» так, чтобы не использовать ни одну форму титула, ни другую, на что король ему ответил: «Ты можешь поступить так, как хочешь, но позже я буду называть себя так, как того захочу я, а не так, как это определит Бисмарк»⁵⁸.

Как позже напишет в своих мемуарах Бисмарк, «содержание беседы великого герцога с королем осталось мне неизвестным, и поэтому я был в напряженном состоянии, пока зачитывалась прокламация»⁵⁹. Бисмарк, кстати, умолчал в своих мемуарах, что после обращения короля к собравшимся в зале германским князьям⁶⁰ манифест к германскому народу по велению Вильгельма I зачитывал именно он⁶¹. После прочтения этого манифеста наступил кульминационный момент. Как пишет Фридрих I, «очередь дошла и до меня — я выступил вперед перед императором, поклонился и обратился с просьбой разрешить пригласить все собрание к торжественному “ура” в его честь. Император позволил одобрительным наклоном головы, и я во весь голос, что мог, провозгласил на все замешшее в ожидании собрание: да здравствует Его императорское и королевское величество, император Вильгельм, ура, ура, ура! — и тут последовало восторженное шестикратное провозглашение «ура», да такое, что его следовало бы слышать, но невозможно описать»⁶².

Так и закончился спор о титулах между германским императором и королем Пруссии Вильгельмом I и канцлером Бисмарком.

А что же с самими спорящими? В своих мемуарах, над которыми Бисмарк работал уже много позже описываемых событий, он упомянет вскользь, хотя и с нескрываемой досадой, не прошедшей спустя годы: «Его величество так на меня за это разгневался,

⁵⁴ Ibid. S. 322.

⁵⁵ Бисмарк О. Указ. соч. С. 111.

⁵⁶ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 323.

⁵⁷ Бисмарк О. Указ. соч. С. 111.

⁵⁸ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 323.

⁵⁹ Бисмарк О. Указ. соч. С. 111.

⁶⁰ Ansprache an die deutschen Fürsten. Versailles, 18. Januar 1871 // Kaiser Wilhelms des Großen Briefe, Reden und Schriften. Bd. 2. 1861–1888. Berlin, 1906. S. 251.

⁶¹ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 324.

⁶² Ibid. S. 324–325.

что, сойдя с возвышения для князей, прошел, не глядя, мимо меня, хотя я стоял один на свободном пространстве перед возвышением, — чтобы подать руку генералам, стоявшим позади меня»⁶³. Насколько горько было переживать такое отношение человеку, во многом благодаря которому не только состоялось это торжественное празднество, но оказалось возможным само объединение Германии, показывает дневник великого герцога. У Фридриха I в тот же день, 18 января, состоялся длительный разговор с совершенно подавленным Бисмарком, который подтвердил, что «король действительно не пожал ему руку, но этого он уже не мог вынести. Как только мы заключим мир, я сложу с себя полномочия, и пусть король отыщет другого слугу, который будет служить ему так же верно, как и я»⁶⁴. Такой поступок настолько поразил «железного» канцлера, что он говорил об этом «со слезами на глазах»⁶⁵. Бисмарк справедливо заметил, что «если король и согласился любезно принять императорский титул, то я к его неудовольствию шел гораздо дальше того, чтобы столкнуться в дальнейшем с последствиями выбранного им варианта “император Германии”»⁶⁶. Бисмарк был признателен Фридриху I за то, что, поддерживая точку зрения короля в этом вопросе, он в самый ответственный момент выбрал мудрое и самое оптимальное решение, которое пусть и не удовлетворило ни одну из сторон, но, вместе с тем, не имело никаких негативных последствий. Во многом благодаря этому вскоре смягчился градус напряжения между королем и Бисмарком, отношения между которыми «постепенно вошли в прежнюю колею»⁶⁷. Чуть позже Бисмарк напишет своей супруге: «Великий герцог Баденский — хороший посредник и действительно смысленный, он единственный, кто время от времени оказывает мне поддержку в делах»⁶⁸.

Изучение используемых в статье исторических источников позволяет дополнить картину противостояния короля Вильгельма I и канцлера Бисмарка в вопросе об императорском титуле, важный сюжет предстории провозглашения Германской империи, новыми сведениями. Принадлежащие непосредственным участникам описываемых событий исторические свидетельства отражают высокий накал эмоций при обсуждении такого, на первый взгляд, простого для принятия однозначного решения вопроса. Введение в исследование новых исторических персонажей позволяет более точно объяснить мотивы, которыми руководствовались два видных германских государственных деятеля того времени при отстаивании своих взглядов. Прусский король Вильгельм I в силу своего понимания сакрального характера королевской власти противился принятию императорского титула по волеизъявлению германских владетельных князей. Богом дарованное право государя в восприятии Вильгельма I было выше светской власти, пусть и обремененной в более привлекательный императорский титул. Бисмарк понимал это, но его, как большего прагматика, эта духовная составляющая, вероятно, интересовала в меньшей степени. Находившийся в Версале, главной квартире германских войск, фактически стяжавших победу в войне против Франции, «железный» канцлер мыслил уже категориями поствоенного мира, в котором воссоздаваемому германскому рейху предстояло столкнуться с реальными задачами. Важной из них являлась задача укрепления новообразованного государства, члены которого имели длительную политическую традицию суверенитета, а история их взаимоотношений нередко была наполнена трагическими страницами. Бисмарк считал губительным для общегерманского дела еще в зародыше Германской империи посеять ростки политического сепаратизма, который с большой вероятностью усугубил бы и без того сложную внутривнутриполитическую жизнь рейха в ближайшем будущем. Поддержка желания Вильгельма I учредить титул

⁶³ Бисмарк О. Указ. соч. С. 111–112.

⁶⁴ Großherzog Friedrich I. von Baden... S. 326.

⁶⁵ Ibid. S. 328.

⁶⁶ Ibid. S. 326.

⁶⁷ Бисмарк О. Указ. соч. С. 112.

⁶⁸ Bismarck an Johanna. 21. Januar 1871 // Bismarcks Briefe an seine Gattin aus dem Kriege 1870/71. S. 79.

«германский король» или «король Германии» привела бы к политической неразберихе при сохранении королевских титулов монархами Баварии, Саксонии и Вюртемберга или политической катастрофе при низведении этих королевств до уровня великих герцогств, что даже рассматривалось некоторыми советниками в окружении Вильгельма I как вполне допустимое. Исходя из этого, Бисмарк уже в октябре 1870 г. говорил великому герцогу Баденскому Фридриху I, что следствием Франко-германской войны должно стать создание империи (рейха) и провозглашение императора (кайзера). Запущенная Бисмарком история с «императорским письмом» и «имперской депутацией» склонила Вильгельма I к принятию императорского титула. Однако спор об императорском титуле на этом не завершился, но стал одним из самых драматических сюжетов в истории взаимоотношений Вильгельма I и всегда преданного ему канцлера Бисмарка. Критикуя предложенный Вильгельмом I вариант имперского титула «император Германии», Бисмарк выступал за титул «германский император», подчеркивая, что такая форма монаршего титула фигурировала и в «императорском письме», и в ратифицированных парламентами германских государств текстах ноябрьских договоров, и в новой германской конституции, вступившей в силу 1 января 1871 г.

Провозглашение великим герцогом Баденским здравицы в честь «императора Вильгельма» 18 января 1871 г. в Зеркальном зале Версаля явилось некоторым компромиссом, благодаря чему удалось избежать ненужных политических последствий и в скором времени примирить враждующих императора и канцлера.

Вся эта история является своего рода отображением более глубокого сюжета противостояния традиций и понимания верности принятым на себя обязательствам, что объясняет действия Вильгельма I, и политики государственных интересов, Realpolitik. Этот курс в XIX в. ассоциируется с личностью «железного» канцлера, который при всей спорности своих политических приемов никогда не переставал быть преданным своему Отечеству.

Библиография

- Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. II. М., 1940.
- Дацинко П.А.* Средние германские королевства и «третий путь» в решении германского вопроса в 1849 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 7 (93).
- Матвеева А.Г.* Германская империя 1870–1914. М., 2003.
- Матвеева А.Г.* Конституционное развитие Германии в XIX в. (на примере имперских конституций 1849 и 1871 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 8 (72).
- Ростиславлева Н.В.* Представления о решении «германского вопроса» в раннем либерализме (первая половина XIX в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 7 (93).
- Bismarck O. von.* Die gesammelten Werke. Bd. VIb. Berlin, 1931.
- Bismarcks Briefe an seine Gattin aus dem Kriege 1870/71.* Stuttgart; Berlin, 1903.
- Briefwechsel zwischen König Johann und den Königen Friedrich Wilhelm IV. und Wilhelm I. von Preußen.* Leipzig, 1911.
- Bundesgesetzblatt des Norddeutschen Bundes.* Bd. 1870. Nr. 51.
- Deutsches Reichsgesetzblatt.* Bd. 1871. Nr. 5.
- Großherzog Friedrich I. von Baden und die deutsche Politik von 1854–1871.* Briefwechsel, Denkschriften, Tagebücher. Stuttgart, 1927.
- Hocker O.* Der Nationalkrieg gegen Frankreich 1870–1871. Berlin; Heidelberg, 1915.
- Huber E.R.* Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Band. III. Bismarck und das Reich. 3. Auflage. Stuttgart, 1988.
- Kaiser Friedrich III.* Das Kriegstagebuch von 1870/71. Berlin; Leipzig, 1926.
- Kaiser Wilhelms des Großen Briefe, Reden und Schriften.* Bd. 2. 1861–1888. Berlin, 1906.

References

Bismarck O. von. Mysli i vospominanija [Thoughts And Memories]. Vol. 2. Moskva, 1940. (In Russ.)

Dacenko P.A. Srednie germanskije korolevstva i "tretij put" v reshenii germanskogo voprosa v 1849 g. [Middle German kingdoms and the "third way" in solving the German question in 1849] // *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istorija"* [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2020. T. 11. № 7 (93). (In Russ.)

Matveeva A.G. Germanskaja imperija 1870–1914 [The German Empire 1870–1914]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Matveeva A.G. Konstitucionnoe razvitie Germanii v XIX v. (na primere imperskih konstitucij 1849 i 1871 gg.) [Constitutional development of Germany in the 19th century (on the example of the imperial constitutions of 1849 and 1871)] // *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istorija"* [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2018. № 8 (72). (In Russ.)

Rostislavleva N.V. Predstavlenija o reshenii "germanskogo voprosa" v rannem liberalizme (pervaja polovina XIX v.) [Ideas about the solution of the "German question" in early liberalism (the first half of the 19th century)] // *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istorija"* [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2020. T. 11. № 7 (93). (In Russ.)

Bismarck O. von. Die gesammelten Werke. Bd. VIb. Berlin, 1931.

Bismarcks Briefe an seine Gattin aus dem Kriege 1870/71. Stuttgart; Berlin, 1903.

Briefwechsel zwischen König Johann und den Königen Friedrich Wilhelm IV. und Wilhelm I von Preußen. Leipzig, 1911.

Bundesgesetzblatt des Norddeutschen Bundes. Bd. 1870. Nr. 51.

Deutsches Reichsgesetzblatt. Bd. 1871. Nr. 5.

Großherzog Friedrich I. von Baden und die deutsche Politik von 1854–1871. Briefwechsel, Denkschriften, Tagebücher. Stuttgart, 1927.

Hocker O. Der Nationalkrieg gegen Frankreich 1870–1871. Berlin; Heidelberg, 1915.

Huber E.R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. III. Bismarck und das Reich. 3. Auflage. Stuttgart, 1988.

Kaiser Friedrich III. Das Kriegstagebuch von 1870/71. Berlin; Leipzig, 1926.

Kaiser Wilhelms des Großen Briefe, Reden und Schriften. Bd. 2. 1861–1888. Berlin, 1906.

DOI: 10.31857/S013038640018257-0

© 2022 г. А.О. ПЕГАНОВ

ПОЛИЦЕЙСКОЕ НАСИЛИЕ В ГОДЫ «ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ». ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕНГЕРСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ (1881–1914 годы)

Пеганов Александр Олегович – кандидат исторических наук, пост-док исследователь Отдела истории науки, техники и окружающей среды, Королевский технологический институт (Стокгольм, Швеция).

E-mail: piahanau@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6602-4628

Данная статья подготовлена при финансовой поддержке Европейского исследовательского совета в рамках программы Horizon 2020. Research and Innovation programme (G.A. 677199 – ERC-StG2015 “The Dark Side of the Belle Époque. Political Violence and Armed Associations in Europe before the First World War”).

Статья является сокращенной и обновленной версией опубликованного исследования: Píahanau A. The Hungarian Royal Gendarmerie and Political Violence in “Happy Peaceful Times” (1881–1914) // Crime, Histoire & Sociétés. 2021. № 25 (1). P. 85–110.

Аннотация. Проблема полицейского насилия остается одной из наименее исследованных сторон взаимодействия государства и общества в XX в. Опираясь на данные статистики и прессы, статья анализирует динамику и социально-политический контекст насилия со стороны Венгерской королевской жандармерии накануне Первой мировой войны. Жандармерия, сформированная преимущественно из этнических мадяр в 1881 г., оказалась крупнейшей силовой структурой в непосредственном распоряжении правительства Будапешта (ее личный состав вырос с 5,5 тыс. в середине 1880-х годов до 12 тыс. к 1914 г.). За это время сфера ее ответственности в обеспечении правопорядка распространилась кроме сельской местности и на города. При этом жандармы регулярно привлекались властями для подавления массовых демонстраций и забастовок, а также организации парламентских выборов и политического сыска. Из официальных отчетов следует, что пики насилия пришлись на конец 1880-х, середину 1890-х и 1905–1910 гг. Чаще сами жандармы сталкивались с насилием в Задунайском регионе, Банате и между речье Дунай – Тиса. Статистики погибших от рук жандармов нет, но ежегодно жандармерия отчитывалась о почти сотне случаев применения оружия. Статья предполагает, что насилие и относительная безнаказанность жандармов подрывали общественное доверие к государственной власти.

Ключевые слова: полиция, Австро-Венгрия, политические репрессии, конфликты, общественно-политическая жизнь, общественная безопасность, жандармерия, Венгрия.

A.A. Piahanau**Police Violence During the “Belle Epoque”. Formation and Activity of the Hungarian Royal Gendarmerie (1881–1914)**

Aliksandr Piahanau, PhD, post-doctoral researcher, Division of History of Science, Technology and Environment, KTH Royal Institute of Technology (Stockholm, Sweden).

E-mail: piahanau@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6602-4628

This article was prepared with the financial support of the European Research Council within the framework of the program Horizon 2020. Research and Innovation programme (G.A. 677199 – ERC-StG2015 “The Dark Side of the Belle Époque. Political Violence and Armed Associations in Europe before the First World War”).

The article is an abridged and updated version of the published research: Piahanau A. The Hungarian Royal Gendarmerie and Political Violence in “Happy Peaceful Times” (1881–1914) // Crime, Histoire & Sociétés. 2021. № 25 (1). P. 85–110.

Abstract. Drawing on statistical and press data, the article analyses the dynamics and socio-political context of violence on the part of the Hungarian Royal Gendarmerie on the eve of the Great War. It attempts to establish the political context of the formation of the Gendarmerie in Hungary in 1881, to identify situations in which its officers engaged in physical violence, and to trace the dynamics of its development up to 1914. The Gendarmerie, formed in 1881 primarily from ethnic Magyars, was the largest law enforcement body at the direct disposal of the Hungarian government. Its personnel rose from 5,500 in the mid-1880s to 12,000 by 1914. During this time, its law enforcement responsibilities extended beyond the countryside to towns and cities. Gendarmes were regularly called upon by the authorities to suppress mass demonstrations and strikes, and to organise parliamentary elections and conduct political investigations. Official reports indicate that violence peaked in the late 1880s, mid-1890s, and 1905–1910. The Transdanubian region was the most dangerous zone for the gendarmerie, but the quietest were Felvidék and Transylvania. The death toll at the hands of the gendarmes remains unknown, but the royal gendarmerie reported using weapons around hundred times a year. The article suggests that the violence and relative impunity of the gendarmes undermined public confidence in the government.

Keywords: police violence, Austria-Hungary, era of dualism, “Belle Époque”, political repression, mass shootings, dynamics of conflicts, generalised trust.

Почти 100 лет назад один из основателей современной социологии Макс Вебер заявил, что главным отличительным признаком государства является его монополия на легитимное насилие. Не так давно американский социолог Чарльз Тилли пошел дальше, обосновав, что принципы функционирования государства во многом копируют основы деятельности организованной преступности¹. Не углубляясь в дискуссии о природе государственного насилия, отметим, что силовые структуры играли (и продолжают играть) решающую роль в навязывании верховенства государства обществу. В историографии эта тема освещена недостаточно. С одной стороны, тема полицейских репрессий является одной из центральных в изучении авторитарных режимов. С другой – масштабы и границы полицейского насилия в парламентских и демократических странах только

¹ Collective Violence, Contentious Politics, and Social Change. A Charles Tilly Reader. Oxon, 2017. P. 123–139.

недавно попали в фокус исторических исследований в связи с возросшим интересом общественного мнения к данной проблеме.

Опираясь на разработки венгерской историографии, статистические данные и материалы прессы, данная статья рассматривает проблему полицейского насилия в поздней габсбургской Венгрии на примере действий Королевской жандармерии². Для обозначения рубежа XIX–XX вв. венгерская традиция выработала собственный хроним – «Boldog Vékeidők», который можно перевести как «счастливые мирные времена». Традиционно под ним подразумевается полвека от учреждения дуалистической монархии в 1867 г. и до начала Первой мировой войны. С 1867 г. Венгерское королевство было официально отделено от Австрийской империи (хотя они оставались связаны персональной унией династии Габсбургов, а также тремя общими министерствами: финансов, обороны и внешней политики), объединено с Трансильванией и Хорватией, наделено ограниченным самоуправлением с действующим правительством и парламентом³. При этом венгерский язык все более распространялся среди полиэтничного населения королевства, вытесняя локальные языки из повседневного общения, местной администрации и образования. Неудивительно, что с 1880 до 1910 г. количество этнических венгров (мадьяр) выросло с 6 до 10 млн человек и превысило половину населения страны⁴. Но после Первой мировой войны «историческая Венгрия» потеряла свои периферийные территории с большинством немадьярского населения (и значительным количеством мадьяр). Центральная часть страны была охвачена гражданской войной и погромами, подверглась иностранной оккупации⁵. Из-за потери в 1918–1921 гг. трех четвертей довоенной территории Венгрии исход войны воспринимался как «национальная катастрофа». В свою очередь период дуализма стал ретроспективно преподноситься в качестве «золотого века» национальной истории Венгрии.

По условиям компромисса 1867 г. при создании Австро-Венгрии предполагалось, что так называемая Общая армия подчинялась напрямую военному министерству в Вене. Венгерскому правительству приходилось для удержания порядка и собственной власти в стране опираться в первую очередь на имевшихся в их распоряжении полицейских. Королевская жандармерия, созданная в Венгрии, как и в других странах Европы в XIX в., для обеспечения государственной власти в сельской местности, была мощным силовым резервом. Как вспоминал бывший регент Венгрии Миклош Хорти (1868–1957), «жандармерия, по моему мнению, была лучшим учреждением Венгрии... Глава отделения [жандармерии] обладал неограниченной властью в деревне, но, насколько мне известно, он никогда и не злоупотреблял»⁶. В то же время демократически настроенный интеллектуал и политик Оскар Яси (1875–1957) клеймил жандармов в их слепом служении господствующим классам в ущерб интересам эксплуатируемого населения Венгрии⁷.

И Хорти, и Яси соглашались, что венгерская жандармерия была важнейшим институтом поддержания государственного устройства. Данная статья намерена пролить свет на тенденции применения физического принуждения жандармами при осуществлении своих функций. В статье автор освещает следующие вопросы: в какой степени жандармы использовались венгерским правительством как инструмент продвижения своего

² *Csapó Cs.* A magyar királyi csendőrség története, 1881–1914. Pécs, 1999; *Parádi J.* A Magyar Királyi Csendőrség. Az első magyar polgári, központosított, közbiztonsági őrtestület, 1881–1945. Budapest, 2012.

³ *Molnar M.* Histoire de la Hongrie. Paris, 2004. P. 292.

⁴ *Berecz Á.* Top-down and bottom-up Magyarization in multi-ethnic Banat towns under dualist Hungary (1867–1914) // *European Review of History.* 2021. № 3. P. 422–440.

⁵ *Bodo B.* The White Terror: Anti-Semitic and Political Violence in Hungary, 1919–1921. Abington; New York, 2019.

⁶ *Rektor B.* A Magyar Királyi Csendőrség Oknyomozó Története. Cleveland, 1980. 361 old.

⁷ *Jaszi O.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929. P. 338.

политического господства? когда жандармы сами подвергались насилию? как динамика насилия полицейских менялась во времени?

СОЗДАНИЕ В ВЕНГРИИ КОРОЛЕВСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ (1867/81–1914 годы)

Венгерская королевская жандармерия (*Magyar Királyi Csendőrség*) была официально учреждена в 1881 г. по инициативе правительства Калмана Тисы (1875–1890 гг.). У нее был могущественный предшественник – Императорская жандармерия, действовавшая в восточной части монархии Габсбургов после подавления Революции 1848–1849 гг.⁸ Ее целью было наблюдение за бывшими повстанцами и пресечение враждебных выступлений против правящей династии⁹. Парадоксально, но после 1849 г., когда «полиция и шпионская система распространились на всю страну»¹⁰, официальные власти практически не боролись с вооруженным бандитизмом. 1860-е годы отмечены разгулом бетъяров, или разбойников, которые действовали отрядами численностью до сотни человек на Великой паннонской равнине¹¹. Части Императорской жандармерии были выведены из Венгрии после Компромисса 1867 г. за исключением Трансильвании и Хорватии-Славонии. В этих районах жандармерия была переведена под управление Будапешта в 1876 г.¹²

Венгерский кабинет министров начал разработку проекта закона создания собственной жандармерии в конце 1860-х годов. Однако правительству понадобилось более 10 лет, чтобы представить его на одобрение парламента. Как предполагает венгерский историк Андраш Циегер, законопроект откладывался из-за опасений, что общественное мнение встретит в штыки создание жандармерии, если ее деятельность не будет ограничена гарантией гражданских прав¹³. Обсуждение парламентариями законопроекта началось 17 января 1881 г. и прошло в спешке за два дня. Поскольку согласно закону жандармерия освобождалась от гражданского правового контроля и напрямую подчинялась правительству, оппозиционно настроенные депутаты обвинили К. Тису в деспотических устремлениях, в построении «полицейского государства» и «шпионской системы», уничтожении местного самоуправления и подчинении страны австрийскому контролю. Тем не менее уже 18 января проект был одобрен, правда, ничтожным большинством (149 «за», 139 «против», 134 воздержались)¹⁴. Закон вступил в силу 14 февраля 1881 г. Более того, весной 1881 г. правительству К. Тисы удалось добиться принятия закона о создании государственной полиции в Будапеште. Оппозиция предупреждала, что эта «пре-торианская гвардия» будет держать столицу в «постоянной осаде» в угоду «деспотическому» правительству. Но ее выступления не смогли помешать внесению законопроекта на рассмотрение в марте и его принятию в апреле¹⁵.

Королевская жандармерия подчинялась министерствам внутренних дел и обороны Венгрии. Ее численность постоянно увеличивалась: если в 1886 г. жандармов было 5,5 тыс., то к 1901 г. их стало 8 тыс., а к началу Великой войны – почти 12 тыс.¹⁶ Рост шел скачкообразно в 1894 и 1897 гг. (во время крестьянских волнений), в 1905–1906 и 1911 гг. (время наиболее острого противостояния оппозиции и правительства).

⁸ *Csapó Cs.* Op. cit. 11–12 old.

⁹ *Rothenberg G.E.* The Army of Francis Joseph. West Lafayette, 1998. P. 46.

¹⁰ *Jaszi O.* Op. cit. P. 112.

¹¹ *Freifeld A.* Nationalism and the Crowd in Liberal Hungary, 1848–1914. Washington (D.C.), 2000. P. 81.

¹² *Csapó Cs.* Op. cit. 17 old.

¹³ *Cieger A.* Reform fever and disillusionment: Constitutional codification fiascos of the Hungarian liberals after the settlement of 1867 // *A History of Hungarian Constitution. Law, Government and Political Culture in Central Europe* / eds F. Hörcher, T. Lorman. New York; London, 2018. P. 130–132.

¹⁴ *Képviseelőházi napló.* 1878. 16 kötet. Budapest, 1881. 155, 173–206 old.

¹⁵ *Képviseelőházi napló.* 1878. 17 kötet. Budapest, 1881. 300–301 old.

¹⁶ *Parádi J.* A Magyar Királyi Csendőrség. 207 old.

Новобранцы-чендёры должны были иметь крепкое здоровье, рост не ниже 164 см, иметь среднее образование, владеть устным и письменным венгерским языком. Неудивительно, что большинство жандармов были этническими мадьярами. В 1884 г., когда 45% населения королевства (за пределами Хорватии–Славонии) говорило на венгерском, 70% (3417 из 4827) рядовых чендёров объявили его своим родным языком. Носители немецкого языка был представлены более пропорционально – они составляли 13% как среди жандармов, так и среди населения Венгрии. Только 7% жандармов были румынского происхождения, в то время как говорящие на румынском языке составляли 17% населения; 5% чендёров были носителями словацкого языка, хотя словаки составляли 13% от общей численности населения. Наибольшая диспропорция наблюдалась среди говорящих на южнославянских языках: 4,5% жителей Венгрии говорили на сербском или хорватском, но только 1% жандармов объявил эти языки родными. Среди шести округов венгерской жандармерии процент венгеро-язычных чендёров был самым высоким в 3-м округе (с центром в Будапеште), охватывавшем Великую равнину (Альфёльд). Здесь 88% младшего состава назвали венгерский родным. Меньше всего этнических мадьяр, 53% состава, было в 5-м округе (с центром в Пожони, ныне Братислава, Словакия)¹⁷.

Закон 1881 г. возложил на жандармов надзор за безопасностью на всей территории Венгрии за исключением «свободных королевских» городов. Автономные города сами организовывали, вооружали и оплачивали силы правопорядка¹⁸. Тем не менее зона ответственности жандармерии постепенно распространилась и на «свободные» города. Некоторые коммун, такие как Байя, Надьварад (ныне Орадя, Румыния) и Уйвидек (ныне Нови-Сад, Сербия), пригласили жандармерию охранять свои улицы уже в конце XIX в. Однако отношения между жандармами и муниципальными полицейскими не всегда были безоблачными. Последние могли встать на сторону горожан в случае их конфликта с жандармами¹⁹. В Кашша (ныне Кошицы, Словакия) в декабре 1894 г. жандармы арестовали бастующих городских полицейских²⁰. В июне 1911 г. в Бекешчабе жандармы арестовали местных полицейских, отказавшихся разогнать вместе с ними митинг оппозиции²¹.

Правительство не всегда соблюдало ограничение зоны действий жандармерии. Вопреки закону 1881 г. оно часто отправляло чендёров в муниципальные города. Например, в 1912–1913 гг. подразделения жандармерии были стянуты в Будапешт во время активизации рабочих и оппозиционных движений²². В то же время проправительственные круги часто критиковали действия недостаточно оснащенных и низкооплачиваемых муниципальных полицейских, предлагая поставить их под контроль государства. Накануне Первой мировой войны Министерство внутренних дел разработало законопроект о национализации муниципальных полицейских сил, но парламент его отклонил. Тем не менее в разгар июльского кризиса 1914 г. МВД поручило жандармам следить за общественным порядком на всей территории Венгрии, включая муниципальные города²³. Теперь правительство могло быстро реагировать на социальные и политические протесты как в сельской местности, так и в городах.

ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ И ВЕНГЕРСКАЯ КОРОЛЕВСКАЯ ЖАНДАРМЕРИЯ

Силовые ведомства воздерживались публично декларировать точные данные по количеству избитых или убитых ими граждан. К счастью для исследователей, венгерские жандармы, вооруженные ружьем, саблей и штыком, должны были отчитаться перед

¹⁷ Ibid. P. 156; *Romsics I. Magyarország története a XX. században*. Budapest, 2010. 49 old.

¹⁸ *Parádi Á. A magyar rendvédelem civil szerveződései, 1867–1914 // Rendvédelem-történeti Füzetek*. 2008. 15 kötet. 64–87 old.

¹⁹ *Csapó Cs. Op. cit.* 61, 113 old.

²⁰ *Pesti Napló*, 12.XII.1894. 6 old.; *Pesti Hirlap*, 12.XII.1894. 6 old.

²¹ *Friss Újság*, 3.VI.1911. 2 old.

²² *Csapó Cs. Op. cit.* 48, 64 old.

²³ Ibid. 65 old.

начальством за каждое применение оружия. Впоследствии эти данные обобщались и публиковались в ежегодном бюллетене «Карманный справочник венгерской королевской жандармерии».

Бюллетень сообщает о 2743 случаях использования оружия жандармами с 1888 по 1914 г. Если в 1888–1892 гг. жандармы зафиксировали всего 200 случаев применения оружия, то в 1893–1898 гг. оружие применялось 500 раз. Остальные 2000 случаев произошли в начале XX в. Наиболее часто оружие применялось в 1888–1889, 1894, 1897–1898, 1902 гг. и с 1903 по 1911 г. (абсолютные максимумы отмечались в 1906 и 1909 гг.)²⁴. Статистики летальных исходов после применения оружия нет, но за три предвоенных года 1% обвинительных приговоров по статье «убийство» в Венгрии – Хорватии пришлось на жандармов (8 из 809)²⁵. Однако реальная общенациональная доля смертей от рук жандармерии могла быть еще выше. Если действительно 32 человека были убиты жандармами во время выборов 1896 г.²⁶, то только этот эпизод составил бы 4% от всех 805 убийств, зарегистрированных в Венгрии за этот год²⁷.

Наиболее частое использование оружия в конце 1880-х и середине 1890-х годов может быть связано с борьбой с организованной преступностью и крестьянскими волнениями (так называемыми «аграрными забастовками»). В середине 1900-х годов оружие часто применялось для подавления рабочих, крестьянских и оппозиционных движений. Российский историк Т.М. Исламов утверждал, что, начиная с массовых протестов 1906 г., жандармы позволяли себе особенно жестко действовать не только в сельской местности, но и в городах²⁸. Бывший капитан венгерской жандармерии Бела Ректор также свидетельствовал об обострении противостояния сторон: если в 1880-е годы в разных районах страны хоронили одного или двух жандармов, погибших в борьбе с вооруженными бандами, то в начале 1900-х годов их потери возросли вследствие столкновений с участниками массовых демонстраций²⁹.

С 1887 по 1914 г. 59 жандармов были убиты при несении службы. При этом треть из них погибла до начала века, а две трети – уже в XX в. С 1887 по 1906 г. (когда «Карманный справочник жандармерии» перестал публиковать эти данные) 139 жандармов вышли на пенсию из-за травм. Наибольшая доля раненых жандармов по отношению к их общему количеству была в 1887 г.: на 10 тыс. – 25,4; и в 1905–1906 гг. на 10 тыс. – 21,6–22,0. Убитых же больше всего было в 1888 г. – 7,1 на 10 тыс. и в 1914 г. – 7,5 на 10 тыс. Дезертирство и самоубийства жандармов, вероятно, можно рассматривать как дополнительные индикаторы их непростой службы. За 1887–1914 гг. 89 жандармов дезертировали. О суицидах сообщалось лишь в 1899 и 1910–1914 гг.: за шесть лет отмечено 80 случаев. Данные о нападениях на жандармов и применении ими оружия коррелируются в конце 1880-х, середине 1890-х и 1905–1910 гг.

Цифры, приведенные в «Карманном справочнике», позволяют предположить, что уровень полицейского насилия был неодинаков в разных регионах Венгрии.

До 1906 г., пока Венгрия была поделена на шесть жандармских округов, чендёры из округов Сегед, Кашша и Секешфехервар чаще применяли оружие или имели потери в личном составе при несении службы, нежели их коллеги из округов Коложвар, Пожонь и Будапешт. После 1907 г., когда округов стало восемь, наиболее напряженным выглядит Секешфехерварский, за ним следуют Будапештский, Дебреценский и Сегедский.

²⁴ A Magyar Királyi Csenedőrség zsebkönyve, 1888–1915 // URL: <http://epa.oszk.hu/html/vgi/kardexlap.phtml?id=2994> (дата обращения: 24.11.2020).

²⁵ Magyar statisztikai évkönyv. 1913. Budapest, 1915. 366 old.

²⁶ *Seton-Watson R. W.* Corruption and reform in Hungary; a study of electoral practice. London, 1911. P. 10.

²⁷ Magyar statisztikai évkönyv. 1896. Budapest, 1897. 97 old.

²⁸ *Исламов Т.М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны (1906–1914). М., 1972. С. 141–142.

²⁹ *Rektor B.* Op. cit. 362 old.

В северных округах (Кашша и Пожонь) уровень насилия снизился. Самый низкий уровень насилия был зафиксирован в Трансильвании (округа Коложвар и Брашов).

Таблица 1

Венгерская королевская жандармерия в 1887–1906 гг.

	Среднего- довой личный состав	Жандар- мы, уво- ленные решением трибунала и суда	Используй- вание ору- жия	Жандармы, погибшие при несении службы	Жандармы, вышедшие на пенсию после получения ранений
1 округ (Коложвар)	1458	194	210	1	22
2 округ (Сегед)	1160	475	206	9	18
3 округ (Будапешт)	1192	474	236	2	8
4 округ (Кашша)	1265	387	328	7	9
5 округ (Пожонь)	978	446	204	2	29
6 округ (Секешфехервар)	1155	416	312	2	29
Всего	7206	2392	1496	23	115

Таблица 2

Венгерская королевская жандармерия в 1906–1914 гг.

	Среднегодовой личный состав	Жандармы, уволненные решением трибунала и суда	Использование оружия	Жандармы погибшие при несении службы
1 округ (Коложвар)	1167	35	110	0
2 округ (Сегед)	1486	84	160	5
3 округ (Будапешт)	1428	117	154	8
4 округ (Кашша)	1423	85	130	3
5 округ (Пожонь)	1366	74	138	3
6 округ (Секешфе- хервар)	1524	45	220	9
7 округ (Брашов)	1358	37	100	1
8 округ (Дебрецен)	1219	132	136	7
Всего	11021	610	1148	36

Наибольший уровень жандармского насилия в начале XX в. на Среднедунайской равнине, населенной преимущественно мадьярами, может быть объяснен двумя специфическими местными факторами: именно здесь на крупных усадьбах Альфёльда находился центр крестьянских волнений; тут же был избирательный оплот мадьярской националистической оппозиции.

Официальная статистика не фиксировала убитых жандармами. Венгерский историк Шандор Сакай подсчитал, что в результате 105 операций жандармерии против выступлений рабочих в 1891–1914 гг. погиб 61 человек, 203 серьезно ранены, 665 человек получили легкие ранения и 1443 человека арестованы; в то же время 6 чендёров были убиты и 35 ранены³⁰. А по данным Венгерской социал-демократической партии, только в 1897–1898 гг. жандармы убили 44 и ранили 114 рабочих³¹.

Наиболее жесткие методы жандармы применяли против рабочих выступлений, движений национальных меньшинств и парламентской оппозиции. Широкою известность приобрели расстрелы жандармами массовых демонстраций: в Стаерлаканине 20 января 1897 г. (здесь и в других случаях общее число убитых спорно) убито 20 горняков; в Элешде (ныне Алешд, Румыния) 24 апреля 1904 г. убито 20 человек; в Чернове 27 октября 1907 г. скончалось 15 крестьян; в Будапеште 23 мая 1912 г. убито 7 гражданских лиц и 1 полицейский.

Вместе с тем в соответствии с риторикой полуофициальных публикаций жандармерии жесткость (жестокость) при исполнении расценивалась как «героизм». Например, «Карманный справочник», описывая инцидент в Стаерлаканине 1897 г., обращал внимание, что 6 чендёров защищали должностных лиц горнодобывающей компании от агрессивной толпы из 2–3 тыс. рабочих и их жен, швырявших в них камнями. Жандармы ответили 24 выстрелами. В результате 22 «повстанца» были ранены, 10 из них скончались на месте³².

Выборы занимают особое место среди мероприятий, в связи с которыми можно говорить о насилии жандармерии. Избиратели – сторонники определенного кандидата собирались вместе и общей колонной двигались на избирательный участок. Нередко избиратели конфликтующих партий нападали друг на друга. С 1872 по 1910 г. число военных, мобилизованных для охраны парламентских выборов, увеличилось втрое, достигнув 81 тыс. человек (включая жандармов)³³. Время проведения парламентских или муниципальных выборов в Венгрии современники даже сравнивали с «гражданской войной»³⁴. Как писал в 1911 г. британский историк Роберт Сетон-Уотсон после поездки в Венгрию, «жандармерия является одним из самых ценных активов каждого правительства в его политических кампаниях. Сомнительные избирательные округа захватываются ими, свободное общение между лидерами оппозиции и их сторонниками становится невозможным, непокорных или незнакомых людей арестовывают без суда и следствия, а в случае необходимости избирателей насильно удерживают от участия в голосовании»³⁵. Армия и жандармерия при проведении избирательных кампаний использовались настолько часто, что, по мнению венгерского историка Тибора Жупана, можно говорить о «тоталитарном характере системы»³⁶.

Во время парламентской кампании 1884 г. журнал «Политические новости» написал о двух случаях обстрела жандармами колонн избирателей, в результате погибло 12 и было ранено 60 человек³⁷. Наибольшей степенью насилия за дуалистические полвека в Венгрии отличились парламентские выборы в октябре–ноябре 1896 г. Согласно отчету оппозиционной Католической народной партии, самый кровавый инцидент произошел в г. Брезнобанье. Там чендёры застрелили 5 и серьезно ранили 11 человек из толпы,

³⁰ Szakály S. Egy közbiztonsági testület létrehozása és feladata a XIX–XX. század fordulóján (A magyar királyi csendőrség) // Főiskolai Figyelő Plusz. 1990. Évf. 1, № 2. 214 old.

³¹ Révész M. A Magyarországi munkásmozgalom története (1867–1913). Budapest, 1913. 53 old.

³² A Magyar Királyi Csendőrség zsebkönyve, 1888–1915; Hiven, becsülettel, vitézül. Épipódok a csendőrszolgálati életéből. Budapest, 1905. 232–236 old.; Budapest Napló, 25.1.1898; Pesti Napló, 22.1.1898.

³³ Zsuppán F.T. A fegyveres erők és a parlamenti választások Magyarországon (1867–1914) // Történelmi Szemle. 1989. № 1–2. 49–59 old.

³⁴ Scotus Viator (Seton-Watson R.W.). Racial problems in Hungary. London, 1908. P. 266.

³⁵ Seton-Watson R.W. Op. cit. P. 12.

³⁶ Zsuppán F.T. Op. cit. P. 58.

³⁷ Politikai Ujdonságok, 6.XI.1884.

пытавшейся освободить из-под стражи активистов, арестованных за нападение на избирателей Либеральной партии и государственных чиновников³⁸. В г. Варна кровопролитие было предотвращено вмешательством Общей армии. Видя, что жандармы начали наступать со штыками на колонну оппозиционных избирателей, находящийся там же армейский батальон пригрозил контратаковать жандармов, если те кого-нибудь ранят³⁹. Даже 15 лет спустя Сетон-Уотсон утверждал, что «офицеры Общей армии иногда вынуждены вмешиваться и защищать крестьян от жестокого обращения» со стороны жандармов во время выборов. Он предполагает, что чендёры осенью 1896 г. убили 32 и серьезно ранили более 70 человек⁴⁰. Стремясь регламентировать действия армии и жандармерии, депутаты приняли в 1899 г. закон, согласно которому выборы должны быть признаны недействительными, «если жандармерия или войска используются для вызова, сбора и сопровождения избирателей с целью либо привести их на избирательные участки, либо удержать от голосования»⁴¹.

Парламентские выборы 1901, 1905, 1906 и 1910 гг. были омрачены расстрелами. В 1901 г. в задунайском городке Пинцехей произошла стычка между жандармами и колонной сторонников Католической партии. Чендёры в ответ на камни, которые летели в них из толпы, открыли огонь и убили пять подростков⁴². В официальном местном отчете о выборах 1905 г. в Трансильвании упоминается, что жандармы застрелили трех человек, открыв огонь по толпе, бросавшей камни⁴³. На выборах 1910 г., по информации Сетон-Уотсона, действия жандармерии повлекли смерть около десятка человек⁴⁴. Следует отметить, что в некоторых случаях чендёры, оправдываясь необходимостью избежать кровопролития, не подчинялись требованиям чиновников принять меры против избирателей⁴⁵.

Методы ведения жандармами криминальных расследований также подвергались критике. По официальным данным, почти 90% зарегистрированных правонарушений раскрывалось⁴⁶; причем большинство арестованных признавалось в преступлениях. Столь высокая эффективность может указывать на использование насильственных методов при расследовании. Газеты пестрят описанием множества случаев жестокого обращения жандармов с арестованными: побои, лишение еды и воды⁴⁷. Принятые парламентом в 1896 г. правила ведения уголовно-процессуального процесса вызвали возмущение силовых ведомств. В вестнике «Полицейские страницы» («Rendőri Lapok») тут же появился комментарий: «Это хороший, прекрасный закон, но Венгрия еще слишком молода для него. Нас он не устраивает, по крайней мере, он не соответствует текущей ситуации»⁴⁸. Согласно принятому в 1900 г. парламентом закону чендёрам запрещалось «давать обещания, искажать факты, угрожать, избивать или принуждать» для получения доказательств или признания. Интересно, что именно этот закон некоторые депутаты называли причиной, по которой жандармы не могли поддерживать порядок, когда стала нарастать политическая напряженность⁴⁹.

³⁸ Bonitz F. Tatárjárás Magyarországon 1896-ben. Budapest, 1897. 177–178 old.

³⁹ Képvisezőházi napló, 1896. 3 kötet. Budapest, 1897. 182–184 old.

⁴⁰ Seton-Watson R.W. Op. cit. P. 10–12.

⁴¹ Ibid. P. 21.

⁴² Csekő E. A katonaság és csendőrség az 1901. évi véres pincehelyi választáson és pótválasztáson // Tolna megyei levéltári füzetek. 2006. № 11. 329–370 old.

⁴³ Magyar Minisztertanácsi jegyzőkönyvek 1867–1918. A Khuen-Héderváry és a Tisza kormány minisztertanácsi jegyzőkönyvei. 1 kötet. 1903. június 27 – 1905. június 18 / ed. L. Soós. Budapest, 2018. 272 old.

⁴⁴ Seton-Watson R.W. Op. cit. P. 10.

⁴⁵ Magyar Minisztertanácsi jegyzőkönyvek 1867–1918. 272 old.

⁴⁶ Parádi Á. A magyar rendvédelem civil szerveződései. 67 old.

⁴⁷ Pesti Hirlap. 20.I.1889. 10 old.

⁴⁸ Цит. по: Cieger A. Reform fever and disillusionment. P. 139.

⁴⁹ Főrendiházi napló, 1906. 1 kötet. Budapest, 1907. 101–102 old.

Так и напрашивается вопрос — в какой степени государственная администрация оправдывала (покрывала?) агрессивное поведение жандармов? Говоря о распространении социалистической агитации среди сербов и румын в Банате в январе 1904 г., премьер-министр Иштван Тиса пообещал парламенту, что он будет защищать общественный порядок от этой антигосударственной и антимадьярской «инфекции» с помощью жандармов и военных⁵⁰. В том же духе противник Тисы — министр внутренних дел Дюла Андраши-младший — немедленно возложил ответственность за расстрел в Черновой в 1907 г. не на жандармов, а на их жертв, обвинив их в «бунте против государственного и церковного порядка»⁵¹. Несколькими годами позже на запрос парламента прокомментировать жестокость чендёров в обращении с задержанными русинами по Марамарош-сигетскому процессу (о чем писала даже зарубежная пресса) премьер-министр Тиса ответил, что о случаях жестокости он «не проинформирован»⁵². Неудивительно, что жандармы, участвовавшие в расстрелах в Стаерлаканине в 1897 г., в Пинцхей в 1901 г. и в Черновой в 1906 г., получили повышение и/или награды.

В то же время не следует рассматривать жандармов как военную касту выше всех законов⁵³. Внутри жандармерии действовали внутриведомственные суды, решением которых с 1887 по 1914 г. были уволены 3237 чендёров (через военный трибунал — 2101 жандарм, а также еще 1136 жандармов после дисциплинарного суда). Однако прослеживается четкая тенденция меньше увольнять жандармов за правонарушения. Если до 1900 г. около 2 тыс. чендёров были вынуждены покинуть службу, то после — 1200⁵⁴. Ежегодные увольнения на 1 тыс. жандармов снизились с 35 в 1887 г. до 7 в 1914 г. На фоне наблюдавшегося роста использования оружия жандармами можно констатировать, что курс на сокращение увольнений жандармов за нарушения говорит об увеличении ведомственной толерантности к агрессивному поведению жандармов.

* * *

По мнению британского историка Клайва Эмсли, европейские жандармы XIX в., выполняя миссию «колонизации сельских районов национального государства», во многом напоминали колониальную полицию⁵⁵. Венгерские чендёры, набранные в большинстве из мадьяр, действуя от имени титульной «мадьярской нации», наводили порядок железом и кровью, действуя зачастую в этнически чуждой среде. Вместе с тем наиболее напряженное противостояние жандармов местному населению наблюдалось в Задунайской области, где большинство жандармов и местных были мадьярами. Количество жандармов на душу населения в Венгрии рубежа веков было средним для Европы: паритетно с Францией и Россией, намного выше, чем в Пруссии, но гораздо ниже, чем в Италии.

Рост численности венгерской жандармерии снизил среднее количество гражданских лиц на одного жандарма с 2500 на площади 50 км² в 1891 г. до 1500 на 28 км² в 1911 г. Доля полицейских на душу населения в других европейских странах на рубеже веков была

⁵⁰ Gróf Tisza István képviselőházi beszédei. 2 kötet / szerk. J. Kun. Budapest, 1933. 326 old.

⁵¹ Képviselőházi napló, 1906. 12 kötet. Budapest, 1907. 108–109 old.

⁵² Gróf Tisza István képviselőházi beszédei. 5 kötet (1913. június 12. –1915. december 21.) / eds K.J. Barabási, G. Illés, Z. Maruzsa. Budapest, 2011. 456–457 old.

⁵³ Венгерский историк Чаба Чапо, изучив дела военных трибуналов двух округов, обнаружил, что Сегедский трибунал в 1895–1896 гг. рассматривал обстоятельства вины 43 жандармов в убийстве 11 человек и нанесении серьезных ранений еще 20; Дебреценский трибунал в 1907–1908 гг. устанавливал степень вины 51 жандарма в убийстве 4 человек и серьезном ранении 11. В итоге Сегедский трибунал оправдал всех жандармов, а Дебреценский признал виновными трех жандармов. См.: *Csapó Cs.* Op. cit. 115, 167 old.

⁵⁴ A Magyar Királyi Csendőrség zsebkönyve, 1888–1915.

⁵⁵ *Emsley C.* The Nation-State, the Law and the Peasant in Nineteenth-Century Europe // Le pénal dans tous ses États: Justice, États et sociétés en Europe (XIIe–XXe siècles) / eds R. Lévy, X. Roussaux. Bruxelles, 1997. 153–154 old.

следующей: во Франции она сократилась с 1 на 2 тыс. жителей в 1872 г. до 1 на 1,5 тыс. в 1907 г.; в Пруссии оставалась стабильной на уровне 1 жандарма на 7 тыс. жителей за тот же период⁵⁶; в Италии была 1 к 600 в 1887 г.⁵⁷; в России 1 к 2100 жителей накануне 1914 г.⁵⁸ Если соотнести эти цифры с количеством убитых жандармов на 100 тыс. жандармов, то во Франции в конце XIX в. показатель был примерно 1 на 100 тыс., в Пруссии еще меньше, а в Венгрии средний показатель составлял 22 на 100 тыс., даже 70 на 100 тыс. в самые смертоносные годы (1888 и 1914 гг.).

Если согласиться с мнением британского историка Эрика Хобсбаума, что «полицейские силы успешны в той мере, в какой они не используют оружие или не избивают людей»⁵⁹, то работу жандармов в Венгрии следует считать провальной. Имеющиеся данные свидетельствуют, что количество убийств, совершенных венгерскими жандармами, было намного выше, чем в других европейских странах. Например, в таких крупных странах, как Франция и Германия, за это же время убили 39 и 21 протестующего соответственно⁶⁰. В 1850-х годах французские жандармы, тогда их было 18 тыс. человек, убили 17 протестующих и потеряли 1 сослуживца⁶¹. Общее же число жертв, расстрелянных венгерскими жандармами в Стаерлаканине в 1897 г., в Элешде в 1904 г. и в Чернове в 1907 г., составляет более 50 человек.

Превращал ли брутальный стиль жандармерии Венгрию в «полицейское государство»? Безусловно, если брать за основу понимание данного термина в эпоху Просвещения, когда основной упор делался на «защиту и целостность государства»⁶². Такая позиция – защита традиционного полуфеодального строя (и «мадьярской супремации») – была явно дорогá многим венгерским государственным деятелям. Однако их многочисленные критики заявляли об опасности создания «полицейского государства» в Венгрии в другом смысле – утверждении системы непрерывного слежения за населением и ущемлении его прав.

Укрепило ли регулярное насилие со стороны жандармерии дуалистический режим, запугав или заставив замолчать его противников? Или же, наоборот, насилие жандармерии подорвало стабильность Венгерского королевства, распространяя недоверие и ненависть к его властным институтам? Как показывают недавние исследования, жестокое обращение госорганов с гражданами и их дискриминация по этнонациональному признаку были одними из ключевых факторов внутреннего ослабления Австро-Венгрии во время Первой мировой войны⁶³. В условиях военного времени власти действовали более жестко в отношении своих сограждан, заподозренных в недостаточной лояльности или враждебных настроениях⁶⁴. По приблизительным оценкам, более 30 тыс. подданных монархии (в основном украинцев и сербов) были казнены без суда в прифронтовой зоне армией по обвинению в государственной измене, шпионаже или пропаганде

⁵⁶ Johansen A. Policing and Repression: Military Involvement in the Policing of French and German Industrial Areas, 1889–1914 // *European History Quarterly*. 2004. Vol. 34. № 1. P. 76–80.

⁵⁷ Davies J.A. *Conflict and Control. Law and Order in nineteenth century Italy*. London, 1989. P. 232.

⁵⁸ Day J. *The Russian Police in War and Revolution* // *European Police Forces and Law Enforcement in the First World War* / eds J. Campion, L. López, G. Payen. Basingstoke, 2019. P. 257.

⁵⁹ Hobsbawm E.J. *Political Violence and Political Murder: Comments on Franklin Ford's Essay* // *Social Protest, Violence & Terror in Nineteenth- & Twentieth-Century Europe* / eds G. Hirschfeld, W.J. Mommsen. Basingstoke, 1982. P. 16.

⁶⁰ Johansen A. *Op. cit.* P. 76.

⁶¹ Lignereux A. *La violence d'une force de l'ordre: la gendarmerie et la répression des rébellions (1800–1859)* // *Deviance & Société*. 2008. Vol. 32. № 1. P. 56.

⁶² Chapman Br. *Police-State*. London, 1971. P. 17.

⁶³ Stergar R., Scheer T. *Ethnic boxes: the unintended consequences of Habsburg bureaucratic classification* // *Nationalities Papers*. 2018. Vol. 46. № 4. P. 575–591.

⁶⁴ Пеганов А. Священник на австро-русском фронте. Военный дневник Йозефа Тисо (август–октябрь 1914 г.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 46. С. 85–93.

революции⁶⁵. В Будапеште действия жандармов лишь усугубили ситуацию. 25 октября 1918 г. полицейские и жандармы «с невероятной жестокостью избивали всех» в колонне антивоенных демонстрантов, которые прорвались из Пешта в Будапештский замок, где находилась королевская резиденция. В результате 3 человека погибли, 40 были серьезно ранены и около 200 получили легкие ранения. Через неделю с дуализмом и Габсбургами в Венгрии было покончено. Страна перешла под управление нового революционно-демократического правительства Михая Каройи⁶⁶.

Чрезмерное насилие жандармерии подрывало престиж венгерского государства за рубежом. В течение недели из газет жители Великобритании, Франции и даже Австралии узнали о расстреле в Чернове в 1907 г.⁶⁷ Ссылаясь на международное эхо трагедии в Чернове, венгерский политик Густав Грац записал в 1929 г., что «независимо от того, было ли использование оружия жандармерией законным или незаконным, нет сомнений, что этот случай нанес Венгрии чрезвычайно большой ущерб», вызвав волну негодования официальным Будапештом⁶⁸. Жестокость венгерских жандармов порицалась литературной критикой от Норвегии (лауреатом Нобелевской премии по литературе Бьёрнстьерном Бьёрнсоном) до Румынии (где поэт и драматург Октавиан Гога ставил пьесу «Господин Нотариус»). В Европе сформировалось мнение, что дуалистический режим в Венгрии угнетает национальные меньшинства и попирает их права, что дало предлог участникам Парижской мирной конференции 1919 г. выступить за расчленение исторической Венгрии, что и было санкционировано Трианонским мирным договором 1920 г.⁶⁹

Библиография / References

Исламов Т.М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны (1906–1914). М., 1972.

Пеганов А. Священник на австро-русском фронте. Военный дневник Йозефа Тисо (август–октябрь 1914 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 85–93.

Islamov T. Politicheskaya bor'ba v Vengrii nakapune pervoy mirovoy voyuy [Political struggle in Hungary on the eve of the First World War] (1906–1914). Moskva, 1972. (In Russ.)

Piahanau A. Svyashchennik na avstro-russkom fronte. Voennyj dnevnik Jozefa Tiso (avgust–oktyabr' 1914) [The Priest on the Austro-Russian front. War diary of Josef Tiso (August–October 1914)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2017. № 46. S. 85–93. (In Russ.)

Berecz Á. Top-down and bottom-up Magyarization in multi-ethnic Banat towns under dualist Hungary (1867–1914) // European Review of History. 2021. № 3. P. 422–440.

Bodo B. The White Terror: Anti-Semitic and Political Violence in Hungary, 1919–1921. Abington; New York, 2019.

Bonitz F. Tatárjárás Magyarországon 1896-ben. Budapest, 1897. (In Hung.)

⁶⁵ *Cornwall M.* Traitors and the Meaning of Treason in Austria-Hungary's Great War // Transactions of the RHS. 2015. Vol. 25. P. 121.

⁶⁶ *Welner J.* Forradalom, bolsevizmus, emigráció. Budapest, 1929. 42 old.

⁶⁷ London Evening Standard, 29.X.1907. P. 6; Irish Independent, 29.X.1907. P. 6; L'Univers, Le Monde, 30.X.1907. P. 1; Le Temps, 31.X.1907. P. 2; The Herald, Melbourne, 2.XI.1907. P. 1; The Australian Star, 2.XI.1907. P. 1.

⁶⁸ *Gratz G.* Magyarország története 1867–1918. 2 kötet. Budapest, 1934. 152 old.

⁶⁹ Сопроводительное письмо к Трианонскому мирному договору за подписью президента Парижской мирной конференции А. Мильерана от 6 мая 1920 г. указывало, что определение новых границ Венгрии державами Антанты и их союзниками без проведения плебисцитов было вызвано «уверенностью, что народное волеизъявление... не даст существенно других результатов». Мильеран при этом взывал к «базовой исторической истине — а именно тому, что на протяжении долгих лет все усилия мадьярской политики были направлены на игнорирование этнических меньшинств». См.: Documents diplomatiques français. 1920. Vol. 1. 10 janvier — 18 mai / ed. Chr. Baechler. Paris, 1997. P. 610–613.

- Chapman Br.* Police-State. London, 1971.
- Cieger A.* Reform fever and disillusionment: Constitutional codification fiascos of the Hungarian liberals after the settlement of 1867 // *A History of Hungarian Constitution. Law, Government and Political Culture in Central Europe* / eds F. Hörcher, T. Lorman. New York; London, 2018. P. 122–140.
- Collective Violence, Contentious Politics, and Social Change. A Charles Tilly Reader. Oxon, 2017.
- Cornwall M.* Traitors and the Meaning of Treason in Austria-Hungary's Great War // *Transactions of the RHS*. 2015. Vol. 25. P. 113–134.
- Csapó Cs.* A magyar királyi csendőrség története, 1881–1914. Pécs, 1999. (In Hung.)
- Csekő E.* A katonaság és csendőrség az 1901. évi véres pinchehelyi választáson és pótválasztáson // *Tolna megyei levéltári füzetek*. 2006. № 11. 329–370 old. (In Hung.)
- Davies J.A.* Conflict and Control. Law and Order in nineteenth century Italy. London, 1989.
- Day J.* The Russian Police in War and Revolution // *European Police Forces and Law Enforcement in the First World War* / eds J. Champion, L. López, G. Payen. Basingstoke, 2019. P. 257–271.
- Documents diplomatiques français. 1920. Vol. 1. 10 janvier – 18 mai / ed. Chr. Baechler. Paris, 1997.
- Emsley C.* The Nation-State, the Law and the Peasant in Nineteenth-Century Europe // *Le pénal dans tous ses États: Justice, États et sociétés en Europe (XIIe–XXe siècles)* / eds R. Lévy, X. Roussaux. Bruxelles, 1997. P. 153–178.
- Freifeld A.* Nationalism and the Crowd in Liberal Hungary, 1848–1914. Washington (D.C.), 2000.
- Gratz G.* Magyarország története 1867–1918. 2 kötet. Budapest, 1934. (In Hung.)
- Gróf Tisza István képviselőházi beszédei. 2 kötet / szerk. J. Kun. Budapest, 1933. (In Hung.)
- Gróf Tisza István képviselőházi beszédei. 5 kötet (1913. június 12. – 1915. december 21.) / eds K.J. Barabási, G. Illés, Z. Maruzsa. Budapest, 2011. (In Hung.)
- Hobsbawm E.J.* Political Violence and Political Murder: Comments on Franklin Ford's Essay // *Social Protest, Violence & Terror in Nineteenth- & Twentieth-Century Europe* / eds G. Hirschfeld, W.J. Mommsen. Basingstoke, 1982. P. 13–19.
- Jaszi O.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929.
- Johansen A.* Policing and Repression: Military Involvement in the Policing of French and German Industrial Areas, 1889–1914 // *European History Quarterly*. 2004. Vol. 34. № 1. P. 69–98.
- Lignereux A.* La violence d'une force de l'ordre: la gendarmerie et la répression des rébellions (1800–1859) // *Deviance & Société*. 2008. Vol. 32. № 1. P. 47–59.
- Magyar Minisztertanácsi jegyzőkönyvek 1867–1918. A Khuen-Héderváry és a Tisza kormány minisztertanácsi jegyzőkönyvei. 1 kötet. 1903. június 27 – 1905. június 18 / ed. L. Soós. Budapest, 2018. (In Hung.)
- Molnar M.* Histoire de la Hongrie. Paris, 2004.
- Parádi Á.* A magyar rendvédelem civil szerveződései, 1867–1914 // *Rendvédelem-történeti Füzetek*. 2008. 15 kötet. 64–87 old. (In Hung.)
- Parádi J.* A Magyar Királyi Csendőrség. Az első magyar polgári, központosított, közbiztonsági őrtestület, 1881–1945. Budapest, 2012. (In Hung.)
- Rektor B.* A Magyar Királyi Csendőrség Oknyomozó Története. Cleveland, 1980. (In Hung.)
- Révész M.* A Magyarországi munkásmozgalom története (1867–1913). Budapest, 1913. (In Hung.)
- Romsics I.* Magyarország története a XX. században. Budapest, 2010. (In Hung.)
- Rothenberg G.E.* The Army of Francis Joseph. West Lafayette, 1998.
- Scotus Viator (Seton-Watson R.W.).* Racial problems in Hungary. London, 1908.
- Seton-Watson R.W.* Corruption and reform in Hungary; a study of electoral practice. London, 1911.
- Stergar R., Scheer T.* Ethnic boxes: the unintended consequences of Habsburg bureaucratic classification // *Nationalities Papers*. 2018. Vol. 46. № 4. P. 575–591.
- Szakály S.* Egy közbiztonsági testület létrehozása és feladata a XIX–XX. század fordulóján (A magyar királyi csendőrség) // *Főiskolai Figyelő Plusz*. 1990. Évf. 1, № 2. 213–218 old. (In Hung.)
- Weltner J.* Forradalom, bolsevizmus, emigráció. Budapest, 1929. (In Hung.)
- Zsuppán F.T.* A fegyveres erők és a parlamenti választások Magyarországon (1867–1914) // *Történelmi Szemle*. 1989. № 1–2. 49–59 old. (In Hung.)

DOI: 10.31857/S013038640018258-1

© 2022 г. Д.А. АМАНЖОЛОВА

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРАНЗИТА В ЕВРАЗИИ НАЧАЛА XX века

*Аманжолова Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, профессор, Институт
российской истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: amanzholova19@mail.ru

ORCID: 2603-3832-300

Аннотация. Автор рассматривает политическую ситуацию в казахском обществе в условиях революционного транзита в начале XX в. с учетом влияния на нее внешнеполитических факторов. Казахское общество было достаточно прочно интегрировано в общероссийское политическое и социальное пространство. Первая мировая война заставила казахскую политическую элиту более внимательно анализировать место своего региона в мире и судьбы народов Евразии в международном аспекте, что пока недостаточно учитывается при изучении истории казахского национального движения. Т. Уяма и другие авторы обращают внимание на международный контекст восстания 1916 г. Роль внешнеполитических сил в событиях Октябрьской революции и Гражданской войны в Казахской степи, как и политических ориентирах казахской политической элиты в начале 1920-х годов, пока учитывается недостаточно. Автор считает, что вовлеченность в общероссийские процессы обусловила основные ориентиры автономистского движения Алаш в условиях революции и гражданской войны, а также индифферентное отношение внешнеполитических сил к Казахской степи. Цель статьи – анализ эволюции представлений и инициатив национальных деятелей, включившихся в советизацию региона, по поводу укрепления собственных властных позиций с использованием идеи мировой революции на основе вовлеченных автором в научный оборот источников и результатов современной историографии истории движения Алаш. Для большевистской внешнеполитической стратегии признание алашординцами советской власти было одним из эпизодов в продвижении по своеобразному коридору мировой революции на колониальном Востоке. Идея мировой революции играла амбивалентную роль в стратегии большевиков. Показано, что разные группы большевиков-националов и представителей центральной власти использовали ее для решения вполне практических задач. С укреплением советской власти казахские большевики попытались ввести фактор мировой революции во внутривластный контекст. Это выразилось и в проекте Т. Рыскулова по созданию Тюркской республики и Тюркской компартии.

Ключевые слова: Россия, Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, Казахская степь, политическая элита, движение Алаш, внешняя политика, мировая революция, национальная автономия.

D.A. Amanzholova

The Kazakh Steppe and its Political Elite in the Conditions of Revolutionary Transit in Eurasia at the Beginning of the 20th century

Dina Amanzholova, Institute of Russian History RAS (Moscow, Russia).

E-mail: amanzholova19@mail.ru

ORCID: 2603-3832-300

Abstract. The author examines the political situation in Kazakh society in the conditions of revolutionary transit at the beginning of the 20th century, taking into account the influence of foreign policy factors on it. The Great War forced the Kazakh political elite to analyse more closely the place of their region in the world and the fate of the peoples of Eurasia in the international context. Tomohiko Uyama and other authors draw attention to the international context of the Central Asian revolt of 1916. The role of foreign political forces in the events of the October Revolution and Civil War in the Kazakh steppe, as well as political orientations of the Kazakh political elite in the early 1920s, were not yet accurately taken into account. The author believes that the involvement in all-Russian processes determined the main reference points of the Alash autonomist movement in the conditions of revolution and Civil war, as well as the indifferent attitude of foreign political forces towards the Kazakh steppe. The aim of the article is to analyse the evolution of perceptions and initiatives of national figures involved in the process of Sovietisation of the region, regarding the strengthening of their power positions using the idea of world revolution. The study draws on new sources and the results of contemporary historiography of the history of the Alash movement. For Bolshevik foreign-policy strategy, the recognition of Soviet power by the Alash Orda was one of the stages in the drive towards world revolution in the colonial East. At the same time, the idea of the world revolution itself played an ambiguous role in the Bolshevik strategy. The author demonstrates that different groups of local Bolsheviks, as well as representatives of the central government, used it to achieve quite practical objectives. With the consolidation of Soviet power, the Kazakh Bolsheviks attempted to introduce the factor of the world revolution into the local political context. This was also reflected in Turar Ryskulov's project to create a Turkic Republic and a Turkic Communist Party.

Keywords: Russia, revolution, civil war, Kazakh political elite, Alash movement, Bolsheviks.

Начало XX в. отмечено более активным вовлечением традиционных обществ России в модернизационные процессы, что призывало просвещенные национальные элиты артикулировать новые вызовы, осознавать многонародность как естественное воплощение целостности евразийского пространства страны, учитывая в то же время потребности внутриэтнической консолидации в интересах адаптации к быстро меняющимся условиям. Для России в ее имперском и советском воплощениях такая культурная сложность всегда была важным фактором тесной взаимосвязи внутренней и внешней политики. Впрочем, далеко не все народы и их элиты, получив в 1917 г. возможность включиться в политический процесс, смогли заявить о себе как об относительно самостоятельных или влиятельных его участниках. В Казахской степи осознание этнической целостности отставало от вызовов современности, и даже элита кочевого общества лишь изредка пыталась осмыслить место региона в геополитическом контексте. Это было связано, видимо, с состоянием самого социума на пороге революционных потрясений и его локализацией в политическом пространстве Евразии. Не случайно специалисты по истории геополитики применительно к Центральной Азии в начале XX в. концентрируются на анализе соседних современному Казахстану регионов.

Завершение интеграции Казахской степи в состав Российской империи относится к 1860-м годам. Ее восточный сосед Китай во время революции и Гражданской войны в России не был источником угроз. Наоборот, в опасных ситуациях казахские аулы

нередко использовали его территорию как временное убежище. С учетом традиционных представлений о границах, которые были подвижными в рамках сезонного кочевания, и на основе согласования между внутриэтническими объединениями, а также о самом государстве как внешней для кочевой культуры силе и о кормящем ландшафте как предельном пространстве жизнедеятельности повседневная мобильность не вписывалась в абстрактные для кочевника фронтитры в виде административных барьеров. Центр в массовом сознании также был связан с местом нахождения родоправителя, которое перемещалось вместе с кочевьем, а также с волостью. Государство как большая политическая единица ассоциировалось с удаленной региональной и царской властью, что сказывалось на представлениях общества и его элиты о военно-политических и геополитических противоречиях в регионе и на его границах. На юге Степь была защищена от внешних угроз центрально-азиатскими территориями, близкими конфессионально, но отделенными хозяйственными практиками и административно-политическими барьерами, что также делало казахское общество не столь важным для крупных международных игроков.

Для образованного класса Степи модерн означал осознание потребности в научном знании и его использование для общественного поворота, детерминированного характером социальных изменений во всей империи. Общая численность казахов России на 1897 г. составила 4 091 746 человек, 96,01% проживали на территории современного Казахстана, при этом их грамотность составляла 2,7%¹. К 1917 г. национальную культурную элиту представляли около 100 человек, получивших высшее образование в университетах и других учебных заведениях России, около 700 окончили гимназии, прогимназии, училища и учительские семинарии². Между тем получавшая в вузах России образование молодежь быстро вовлекалась в атмосферу студенческого нигилизма и революционного романтизма, составив затем основу национального движения Алаш. В этом плане показательно размышление студента военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, одного из будущих лидеров Алаш Х. Досмухамедова. Он довольно образно и эмоционально выразил в письме товарищу в октябре 1904 г. свои переживания и мечтания о будущем казахов, находясь под впечатлением от успехов Японии: «Когда подумаешь, что кроме тебя десятки или даже сотни киргизов получают высшее образование, то приходишь к заключению, что и этот народ способен к труду, к прогрессу, что и он, может быть, когда-нибудь займет в мировом господстве одно из высоких мест, что и он может сделаться второй Японией, а не вымрет, как другие инородцы под властью белых чертей, которые не имеют ни сил, ни мужества бороться и побороть своего душителя, самодержавного Крокодила, как вулкан, который, не моги справиться с внутренними подземными силами, выливает свою лаву на ни в чем не повинных жителей окрестностей»³. Наибольшая в сравнении со среднеазиатскими народами интегрированность Степи в общегосударственное культурное и общественное поле, с одной стороны, подстегивала вовлечение казахской интеллигенции в общероссийские

¹ Ахметова Л.С., Григорьев В.К., Шойкин Г.Н. Алихан Букейханов. Поиск ориентиров. Ахмет Байтурсынов. Главное – обретение государственности. Турар Рыскулов. Яркий политик советского Востока. Астана, 2008. С. 43; Игибаев С.К. Казахстан в источниках и материалах. Усть-Каменогорск, 2010. URL: <http://refefat.ru/docs/5/index-171026.html?page-17#107963> (дата обращения: 13.02.2021).

² Исмагамбетов Т. Развитие казахского истеблишмента в конце XIX – середине XX века // Центральная Азия. 1997. № 11. URL: https://ca-c.org/journal/11-1997/st_02_ismagamb.shtml (дата обращения: 16.03.2021).

По данным переписи 1926 г., грамотность казахов составляла 6,9%. – Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М. Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. // URL: <http://www.iie.kz/?p=4615> (дата обращения: 16.09.2015).

³ Россия и Центральная Азия. Конец XIX – начало XX века. Сб. документов и материалов / сост. Д.А. Аманжолова. М., 2017. С. 60.

политические процессы; с другой — стимулировала ее представителей к формулированию собственной программы модернизации. Это порожило и определенный интерес к опыту антропологически схожих народов Азии, среди которых успешным примером служила Япония. Снижение внешнего престижа российского государства в ходе неудачной войны 1904–1905 гг. неизбежно усиливало критический настрой к его внутренней политике и соблазн увлечения далеким и малознакомым миром побеждавшей в дальневосточном конфликте стороны.

Дифференциация казахского образованного класса происходила постепенно, по мере роста его удельного веса и влияния в обществе. Будущий лидер Алаш А. Н. Букейханов в 1910 г. констатировал, что уже в годы революции 1905–1907 гг. в наиболее передовых слоях общества выделались два течения. «С одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру, видящая счастье родины в здоровом претворении плодов западной культуры... С другой стороны, выступала и интеллигенция, воспитывавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности. Эта последняя выдвигала религию на первый план... Первую группу киргизской интеллигенции можно было назвать западниками, а вторую — тюркофилами и поборниками панисламизма. Как показали киргизские съезды... широкие массы, как везде, были нейтральны к вопросам политическим и обнаруживали только некоторый интерес к вопросам религиозным»⁴ (этноним «казахи» утвердился в 1925 г., заменив общепринятый до этого термин «киргизы»). Таким образом, часть интеллигенции стояла за сохранение самобытности казахов на путях укрепления мусульманской культуры, другая (к ней относились Букейханов и его единомышленники, создавшие автономистское движение Алаш) — через русскую культуру стремилась «вестернизировать» свой народ. Прогресс Запада, подтверждавшийся промышленными и научными достижениями России, оказался гораздо более привлекательным для уже включенных в ее культуру и идентифицировавших себя в качестве сограждан многонациональной страны интеллектуалов. Важно учитывать также поколенческий подход в дифференциации казахских интеллектуалов, который позволяет увидеть эволюцию их идеологии, соотношение культурологических и политических приоритетов в деятельности разных поколений⁵. В 1913 г. начала выходить созданная по инициативе казахской интеллигенции газета «Казах», самим названием постулировавшая национальное единство стратифицированного на основе жузово-племенной иерархии общества.

Между тем поликультурное евразийское пространство в результате революции решительно трансформировалось — менялись не только политико-административные, экономические, этносоциальные, культурные, внешние правила жизнедеятельности народов. Происходили сложные и даже трагические перемены в системе этноконфессиональных ценностей, идеологических предпочтений и самих условий развития крупных и небольших общностей (народов, сословий, профессиональных сообществ, творческих и иных страт). Распад огромного государства обернулся жесточайшей гражданской войной, драматической реализацией глобального социального проекта — СССР — и перестройкой всей международной системы. Но геополитический статус России даже в условиях транзита власти при доминировании русских как ядра и основы евразийской политики превращал остальные ее народы в объекты международной и внутренней борьбы, несмотря на наличие у них относительно значимой элиты.

В конечном счете, именно те образованные националы, что объединились вокруг Букейханова и характеризуются в историографии как национальная интеллигенция, играли главную роль в идейно-политической жизни казахского общества в начале

⁴ Букейханов А. Киргизы // Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 597.

⁵ Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: The Kazakh Intelligentsia Write a History of Their Homeland // Аб империи. 2004. № 1. С. 467–486.

прошлого столетия, определяли характер и направленность этнополитических процессов в Степи. Они консолидировались в 1917 г. в движение Алаш. Все остальные группы оказались в тени из-за отсутствия сколько-нибудь значимого влияния на массы и самостоятельных организационных начал.

В ходе балканских войн в газете «Казах» выражалась обеспокоенность конфессиональным эгоизмом и опасностью политики европейских стран, жестокостью противников и угрозой мировой войны. С ее началом Букейханов пишет: «Европейские страны говорят, что они христиане и правы, но на самом деле они ведут себя как волки. ...Наша страна не может не помогать Сербии, родственнику и ученику, которого мы учили в течение сорока лет». Казахские интеллектуалы не отделяли себя от страны. В 1916 г. лидеры общества призывали: «Соотечественники – русский народ; единоверцы мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне»⁶. Столь расширительное понимание места казахов в меняющемся мире, предложенное элитой, поддерживалось импульсами снизу – слухи стали информационным полем, включавшим массовое сознание в глобальный контекст, где Энвер-паша выступал символом тюркского единства, а далекая Германия – возможным актором военных действий в Туркестане⁷. Продолжавшаяся почти до конца 1918 г. мировая война обозначила опасность турецкого влияния и панисламизма в Степи, но на деле этот фактор оказался несущественным. Более того, казахский образованный класс проявил гражданскую сознательность и патриотизм, выступив против насильственных действий восставшего в 1916 г. населения, призываемого на тыловые работы⁸. Примечательно, что современные казахстанские ученые, решительно отказавшись от советского историографического наследия, призывают исследовать восстание 1916 г. в качестве национально-освободительной революции и одной из первых революций такого типа в колониях царской России. Стоит напомнить идею А.В. Пясковского, высказанную им в 1960 г., о восстании как звене «разгоравшейся борьбы колониальных народов (Китай, Персии, Южно-Американского союза и др.) против империалистического ига»⁹.

В целом Первая мировая война заставила казахскую политическую элиту более внимательно анализировать место своего региона в мире и судеб народов Евразии в международном аспекте. Цивилизаторская прогрессистская западная модель, которая считалась образцовой и к которой через русскую культуру они устремляли свои помыслы, оказалась чреватой жестоким насилием, кровавыми межэтническими конфликтами, разрушением национального государства, считавшегося вершиной модернизации. Это стимулировало этноцентристскую ориентацию алашевцев, считавших, что у казахов нет внутреннего социального раскола, правда, не избавило их от привязанности к западным проектам. В их автономизме отражались полезные цели вестернизации: общее гражданство вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности, равенство перед законом, увеличение роли светских организаций, начальное образование и др.

Как считал в 1918 г. один из казахских интеллектуалов, автономия в составе России позволит казахам, подобно Швейцарии и США, иметь министров, парламент и суд,

⁶ Казах, 11.VIII.1916.

⁷ Уяма Т. Восстание, рожденное в войне: влияние Первой мировой войны на катаклизм в Центральной Азии в международном контексте // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. М., 2016. С. 82–83.

⁸ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). М., 2017; Христовов В.С. Степной край в политическом, экономическом и культурном пространстве Российской империи: взгляд российской контрразведки (1914–1917 годы) // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 146–156.

⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов / отв. ред. А.В. Пясковский. М., 1960. С. 19; История Казахстана с древнейших времен до наших дней: очерк / ред. Л.И. Дробжева. Алматы, 1993. С. 276–277.

но действовать на международной арене как одна страна¹⁰. При этом Букейханов подчеркивал объективную включенность в общероссийский дискурс и подчиненность ему «западных» ориентиров алашевцев: «Мы – западники. В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на Восток... Получить культуру мы можем... через Россию, при посредстве русских». Он признавал, что казахские политические силы «составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство»¹¹. Обжитой геополитический ландшафт Евразии, в котором Степь воспринималась как его вполне комфортная органическая часть, удерживал казахских демократов от рискованных попыток перейти к самостоятельным действиям и добиваться независимости. Принужденные лавировать между ведущими игроками на пространстве воюющей страны, они апеллировали к международным и наиболее сильным партнерам, используя их символы и декларации о мировой революции или сердечном согласии для выигрыша времени и получения тех или иных дивидендов.

Между традицией, на которой зиждилось казахское общество, и двумя вариантами западной прогрессивной парадигмы модерн – национализмом и интернационализмом – алашевцы выбрали национализм, сохраняя прочную приверженность общероссийскому политическому пространству не только в качестве граждан единой страны, но и уже в роли одного из субъектов процесса реорганизации государства после распада империи. В 1918 г. в журнале «Абай» М. Ауэзов опубликовал статью «Япония», в которой описал переход восточной страны от закрытости к быстрой модернизации. По его мнению, «в наше время существует масса всевозможных условий для того, чтобы невежественный народ влился в ряды передовых». Он обратил внимание на несколько основных факторов, обеспечивших, по его мнению, впечатливший алашординцев прогресс:

1) в конце XIX в. «в стране установилась справедливая власть. Правительство и народ стали ближе друг к другу, родилось равноправие»;

2) развитие науки, экономики и торговли, стимулированное войной с Китаем 1894 г.;

3) «коллективная сплоченность и солидарность руководителей и специалистов в профессиональной среде. Поставленная кем-то цель становилась общей целью, и эта общая цель в первую очередь не должна была нанести урон укреплению страны»;

4) «запросто установившееся никогда не будет по-настоящему крепким»¹².

В ходе Гражданской войны алашординцы так и не смогли стать значимым фактором геополитических баталий. Антисоветские силы стремились использовать их в мобилизации ресурсов на войну. Верховный комиссар Великобритании в Омске Ч. Элиот 14 октября 1918 г. присутствовал на смотре конного полка Алаш-Орды и войск гарнизона Семипалатинска в составе антисоветских сил: при прохождении церемониальным маршем без оружия, в русском обмундировании и под командой русских офицеров они имели вид строевой части, «хотя и обучены, но не вполне». Присутствие Элиота заставило командира 2-го Степного Сибирского корпуса генерал-майора А.Ф. Матковского отказать от более детальной проверки боеспособности полка¹³.

Для большевистской внешнеполитической стратегии признание алашординцами советской власти, последовавшее в результате поражения белых на Урале и в Сибири, было одним из эпизодов в продвижении по своеобразному коридору мировой революции

¹⁰ *Фаббас*. Алаш автономиясы. 1918. 22 января // Алаш көсемсөзі. 10 кітап. Сарыарка. Алматы, 2011. С. 79–83.

¹¹ Алаш-Орда. Сб. док. Кзыл-Орда, 1929. С. 116–117; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1а. Л. 66.

¹² URL: http://www.dialog.kz/articles/kultura/2020-10-09/statya-kazaha-pro-yaponiyu-iz-1918-goda?fbclid=IwAR2NRqSParTtZnDC-a2oKX56JU_2ZTk-saBkXdhMwqs535QuWkmEGqsdMpw (дата обращения: 09.10.2020).

¹³ Российский государственный военный архив. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 13с. Л. 46–47.

на колониальном Востоке. При этом так называемый «первобытный коммунизм», отсутствие капитализма и сохранение общинного уклада представлялись весомыми обстоятельствами в пользу облегченного и даже естественного восприятия ими коммунистических идей. Заместитель наркома по делам национальностей С.С. Пестковский, вскоре ставший председателем Военно-революционного комитета по управлению Киргизским краем (ВРК, КирВРК), писал в 1919 г.: «Теперь же Туркестану суждено быть воротами из Европы в Азию: из Советской России, теперешнего центра мировой революции, должны вливаться через Туркестан в Азию идеи социального и политического освобождения многострадальных трудовых масс Востока как от туземных, так и от пришлых поработителей... Имея за собой мусульман Туркестана, будем иметь Афганистан и Персию, а оттуда откроем путь для нашего воздействия на Индию и Монголию»¹⁴. О том же говорилось и в докладной записке Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока в президиум ВЦИК 1 октября 1919 г.: «Туркестан при настоящих условиях международного политического положения является преддверием социальной революции на Востоке. Через него и только через него мы можем установить связь с Ближним Востоком — Афганистаном, Индией, Персией и т.д. и революционизировать их, подготавливая в них восстание против международного империализма»¹⁵. Как вспоминал чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК по Средней Азии и Западной Сибири, а с мая 1918 г. глава ТурЦИК и член РВС Туркфронта, П.А. Кобозев: «От Владимира Ильича [Ленина] я получил словесное указание в короткой форме: “Англию из Туркестана надо вышибить”, а от т. Сталина не менее ясную директиву: “С дураками драться не будем; в коммунизм алаш-ординцев, башкиров, киргизов пока верим слабо; но войны с ними также вести не будем”»¹⁶.

Однако эти стратегические замыслы, как стало ясно достаточно скоро, не увязывались с оперативной реальностью. Именно весной—летом 1918 г. Ленин приходит к выводу, что сил на ведение революционной войны нет, надо «отступать, лавировать и выжидать». Сложнейшие коллизии гражданского, межэтнического, социального конфликтов в мультикультурном регионе, где ожесточение 1916 г. сохранялось практически повсеместно, втягивали большевиков в тяжелую и почти непредсказуемую борьбу за власть. Не случайно Сталин признавал: «Обстановка Туркестана такая, что в ней кто хочешь голову себе сломит»¹⁷.

Между тем казахской элите в советском проекте представился новый шанс сыграть значимую роль в международном противостоянии. Это было обусловлено активной ролью казахских большевиков в истории советского Туркестана. 29 сентября (8 октября) 1919 г. была создана Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, положение о которой было утверждено ЦК РКП(б). Первоначально в состав вошли: Ш.З. Элиава (председатель), Г.И. Бокий, Ф.И. Голощекин, В.В. Куйбышев (зам. председателя), Я.Э. Рудзутак, М.В. Фрунзе. Комиссия прибыла в Ташкент 4 ноября 1919 г. Идея мировой революции была взята на вооружение председателем Мусульманского бюро Коммунистической партии Туркестана (КПТ) Т. Рыскуловым. Не османизм, а тюркизм он представлял символом и целью самоидентификации. Предложение Рыскулова о создании так называемой Тюркской республики и Тюркской компартии породило политический кризис и вынудило центр на дополнительные меры. В январе 1920 г. на объединенном заседании Крайкома, Краевого мусульманского бюро и Комитета иностранных коммунистов КПТ и представителей Турккомиссии по вопросу об автономии Туркестана развернулась дискуссия о Туркестанской или Тюркской автономии. Ш.З. Элиава, «подробно остановившись на вопросе самоопределения наций здесь, на Кавказе, и в России, сделав им сопоставление и оценку в значении мировой революции, говорит, что если зафиксировать полностью заключение

¹⁴ Пестковский С. Туркестан и мировая революция // Жизнь национальностей. 1919. № 20 (28).

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 249. Л. 142.

¹⁶ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 9—10.

¹⁷ Россия и Центральная Азия... С. 202—203.

тов. Рыскулова, то это будет противоречить духу и мысли нашей коммунистической программы. Не возражая против строительства по условиям быта, тов. Элиава указывает, что в резолюциях мы должны выносить такие решения, которые сближали бы народности и не давали никаких притязаний к республике, причем утверждает, что вопрос о тюркской автономности может затянуть развитие социальной революции среди других народностей». Рыскулов, отстаивая идею Тюркской республики, подчеркнул: «Мы войной на Бухару и Афганистан не пойдем, а будем разлагать их идейно», а вот мелкие национальности — киргизы, узбеки — не должны разъединяться. Звучали предложения использовать самоопределение наций в деле освобождения от европейского давления и мусульманского капитала, чтобы объединение тюркских народов дало возможность нанести удар давлению Западной Европы.

Голошекин недвусмысленно призвал разделить утопические мечтания и реальные возможности: «Надо сначала поставить вопрос: идеал это или необходимость. Идеал — это стремление скрыть границы, уничтожить национальные перегородки, а необходимость — это самоопределение, через которое надо проходить. Если какая нация будет самоопределяться, то мы войной против нее не пойдем. В России эти нации уже определились, и теперь выходит, что пожалуйста в Туркестан. Здесь говорят об уничтожении национального деления и сами же создают это деление. Здесь нет того, чтобы соседи, Афганистан и Бухара, бросили своих ханов и присоединились к Советской Республике, а скорее наоборот и скорее большой вопрос в том, кто здесь явится притягивающей силой — коммунисты или афганский эмир. Наша задача — ...продвигаться на Восток и Запад».

Рыскулов считал: «Здесь надо создать единую, нераздельную, могучую партию, которая оказала бы влияние на коренное население и сопредельные страны, укрепила бы строительство и т.д.». Недавний меньшевик, глава Ташкентского совета Г.И. Бройдо, поддержал его и отметил, что Туркестан следует рассматривать как форпост революции на Востоке. Он заявил: «Если бы Туркестан являлся хвостом в революции, то это не так важно, но он, с точки зрения 3-го Интернационала и мировой революции, является лабораторией, которая изготавливает вещество для воспламенения революции в Персии, Афганистане и Бухаре. Мы, русские, кроме как с ружьем, ничего не сделаем, за это нас называют империалистами. Республика же тюркских народов может сделать иначе»¹⁸.

В итоге резолюция об автономии и Конституции Туркестана по докладу Рыскулова, принятая 3-м краевым мусульманским съездом РКП(б), прямо указывала: «Важной стороной программы Коммунистической партии для достижения своих мировых целей в классовой борьбе является освобождение колоний и полукolonий от империалистического ига, т.е. освобождение угнетенного Востока, каковые цели, главным образом, должна преследовать соприкасающаяся с Востоком авангард мировой революции — Советская Россия через свои федеративные единицы... Угнетенный Восток стоит на платформе Третьего Интернационала и в борьбе с мировым империализмом является не только его временным союзником, но и в этой борьбе долженствует сыграть решающую роль». Туркестан же объявлялся местом, призванным дать пример всему Востоку. В полном соответствии со стратегией мировой революции Т. Рыскулов включил в резолюцию следующий пункт: «Географическую границу Туркестана в пределах пяти его областей не считать какой-либо замкнутой границей теперь при социалистическом строе, когда не только территориальные границы, но должны быть постепенно уничтожены и границы между нациями, поэтому в состав Тюркской Советской Республики считать возможным прием новых желающих войти в нее членов Республики». Он считал необходимым «провести путем коммунистической агитации идею уничтожения стремления тюркских народностей делиться по существу и по названию»¹⁹.

¹⁸ Там же. С. 314–315, 318, 320–322.

¹⁹ Там же. С. 323–328.

Лозунг «мировая революция» стал для группы Рыскулова важным средством внушения центру необходимости своего проекта. Рыскулов и председатель крайкома КПТ С. Ходжаев (Турсунходжаев) писали Ленину, что их инициатива выгодна для «поднятия авторитета коммунистической партии в глазах соседних народов Востока и учитывает громадную роль, которую должен сыграть ЦК Партии тюркских народов в истории революционного движения Востока»²⁰. В докладе полномочной делегации Туркестана в ЦК Рыскулов писал в мае 1920 г., что «Советская Россия, ведя одновременно оборонительную борьбу с империализмом при затянувшемся ходе социальной революции на Западе, могла бы гораздо более ускорить темп этой революции путем скорейшего вовлечения в эту борьбу колоний и полуколоний капиталистических держав... Советская Россия и западный пролетариат должны всеми силами официально поддерживать это “национально-освободительное движение” и борьбу восточных народов за “независимость”, ибо последние содействуют успешности мировой социалистической революции и раскрывают сущность колониальной политики империализма.

Здесь ЦК РКП, придавая Востоку не меньшее значение, чем Западу, должен проводить лозунг “Все политические и вооруженные силы трудящихся мусульман Советской России — на Восток”, и осуществлять этот лозунг на деле. Роль же самой Советской России в этом деле должна заключаться в организации указанных сил, концентрации их на восточных окраинах и снабжении их материальными средствами и оружием. Другое решение вопроса в смысле непосредственного вмешательства Советской России в дела сопредельных восточных государств, стремление произвести искусственные перевороты путем посылки русских красноармейских частей, сопряженные еще с грабежами, как поступил Туркфронт с Хивой²¹ и предполагается поступить в отношении Бухары, означало бы новый способ империалистической захватнической политики ...дав лишний козырь в руки английской буржуазии на Западе». Идея мировой революции использовалась как один из базовых аргументов в пользу проекта Рыскулова: «Весь Восток “чутко” прислушивается к тому, что делается в Туркестане»²². Уточним: с момента образования Туркфронта (август 1919 г.) до разгрома основных сил Джунаид-хана и отречения от престола хивинского хана (февраль 1920 г.) вся территория Хивы была ареной ожесточенной борьбы. Здесь речь идет о красноармейских частях, допускаявших неоправданную жестокость по отношению к мирному населению, якобы поддерживавшему противника.

В дополнение к докладу 16 июня Рыскулов, секретарь ТуркЦИК Г. Бех-Иванов и член ЦК КПТ Н. Ходжаев писали Ленину: «Опять-таки многие хотят убедить нас, что центр революции на Востоке перешел теперь на Кавказ и в Турцию, поэтому на Туркестан не нужно теперь обращать внимания. Конечно, мы не отрицаем значения Кавказа и Турции, в особенности, может быть, теперь на Востоке, но указываем на одно лишь, что такого рода бесконечные перемены (перемены основного) взглядов, основываясь на изменившихся условиях международной обстановки, прежде считаясь с Туркестаном, теперь творить там, что угодно, является просто дипломатическим, но не основным решением вопроса. Перебрасывание центра внимания и силы то в один, то в другой пункт — это не есть исключительное, единственное условие развития мировой революции. Последняя должна совершаться планомерно и последовательно по известному пути. ...Мы утверждаем, что классовое расслоение и борьба, которые должны иметь место на Востоке, как раз будут исходным пунктом иметь именно Туркестан». Накануне II конгресса Коминтерна представители Туркестана, Башкирии и Казахстана призывали Ленина: Восток должен «быть членом мировой федерации коммун». Более того, «Индия должна быть освобождена мусульманским пролетариатом при помощи Советской

²⁰ Там же. С. 335.

²¹ Подробнее об этом см.: Туркестан в начале XX века. К истории истоков национальной независимости / науч. ред. Р.Я. Раджапова. Ташкент, 2000. С. 297–310.

²² Россия и Центральная Азия... С. 351–354.

России и обязательно до революции в Лондоне... Если революция в Индии будет после революции в Лондоне, то назначаемые английским ЦИК комиссары будут рассматриваться как новые заместители вице-королей. Никаких делений помощи по старым признакам — надо делить так, как потребует мировая революция»²³.

Однако, судя по всему, Ленин относился к взаимосвязи региональных проблем с антиколониальной борьбой на Востоке достаточно прагматично. Как известно, 22 июня на заседании Политбюро в ряду предложений по поводу инициатив туркестанцев он, в частности, отметил: «Общей задачей ставить свержение феодализма, но не коммунизм»²⁴. В постановлении ничего не говорилось о связи проблем Туркестана с мировой революцией и внешнеполитическими проблемами.

Одновременно на объединенном заседании Центрального бюро коммунистических организаций Востока, Киргизского, Башкирского и Туркестанского национальных представительств при Наркомназе и от турецкой делегации по вопросу о политике РКП(б) на Востоке председатель СНК Татарской АССР С.-Г. Саид-Галиев, к примеру, высказался так: «После национального освобождения Востока от западных империалистов как мы должны руководить Востоком, только этот вопрос встает перед нами; конечно, мы можем показывать народам Востока фактическое улучшение положения рабочих и крестьян в существующих советских республиках, не возражая против национального освобождения, но после освобождения примемся за борьбу с националистами». Весьма радикально рассуждал лидер башкирских автономистов А.-З. Валидов: «Восток не может идти по путям Российской Революции... восточная политика до сих пор колеблется также вследствие того, что революция в Венгрии была подавлена, снова обратилась к Востоку... Революция на Востоке неизбежна... революция на Востоке необходима. Если революция на Западе будет прежде, чем на Востоке, может произойти так, что объявят какую-нибудь неделимую Английскую Советскую республику, и тогда Восток национального освобождения не получит»²⁵. Москва ситуацию оценивала иначе, особенно после провала в Польше, да и в Азии успешно противостоять Англии вряд ли было возможно.

Меж тем Валидов и Рыскулов гораздо активнее вводили фактор мировой революции во внутривосточный контекст: только «изгнание русских колонизаторов» из Туркестана может помочь мировой революции на Востоке: «Нам необходимо взять в свои руки руководящие нити Востока и приложить все усилия к его революционизированию... Разрешит ЦК или нет, но съезд нужно созвать. Т. Рыскулов: Мы проработали 2-3 года, но практически ничего не сделали. 1, 2, 3 конгрессами Интернационала колониальный вопрос ставился, но правильного разрешения не получил. Революции на Западе не было, причина объясняется тем, что Запад зиждется на Востоке, — там все поделено буржуазией»²⁶.

Выступление Т.Р. Рыскулова на II Всероссийском совещании коммунистов тюркских народов 7 марта 1921 г. также было нацелено на увязку эффекта от реализации конкретных аспектов советской этнополитики в Средней Азии с имиджем РСФСР на Востоке и международным положением. В частности, он заявил: национальные вопросы внутри РСФСР, особенно в отношении угнетенных восточных национальностей, и связанный с ними более широкий восточный вопрос для нас имеют сейчас особенно огромное значение. «Мы, тюркские коммунисты, являющиеся более или менее активными среди восточных коммунистов, заинтересованы тем, чтобы вожди мировой революции, руководящие органы мировой революции понимали ту обстановку на Востоке, которая создалась в данный момент... Сейчас кемалистская Турция хочет заявить, что не Советская Россия будет возглавлять движение тюркских народов, предводимых ею.

²³ Там же. С. 365, 378–379.

²⁴ Там же. С. 382.

²⁵ Там же. С. 388.

²⁶ Там же. С. 388–389.

И надо признать, что они правы. ...Антанта на Востоке готовит нам обширный план контрреволюционного движения, открывая наши окраины, мы должны быть начеку»²⁷.

Рыскулов в 1924–1925 г. как полномочный представитель Коминтерна получил возможность на практике апробировать идеи мировой революции. «Народная партия находится в руках Коминтерна»²⁸, – в полном соответствии с международной идеологической доктриной большевиков посланец Советской России принял самое непосредственное участие в формировании фундаментальных основ политико-правовой и социально-экономической системы молодого государства, ставшего частью грандиозного утопического проекта мировой победы коммунизма. Между тем идеи интернационального братства народов для этого поколения большевиков были органической частью их романтических представлений о неизбежном торжестве социальной справедливости во всем мире и для всех, «кто был ничем» в мире насилия и эксплуатации, как говорилось в партийном гимне «Интернационал».

Итак, Казахская степь не была полем геополитической борьбы мировых держав. Это обусловило и поведение казахской элиты в транзите Евразии от империи к СССР. Идея мировой революции играла амбивалентную роль в общей и региональной стратегии большевиков. К тому же разные группы большевиков-националов и представителей центральной власти использовали эту стратегическую установку для решения вполне практических задач – от борьбы с так называемым русским колонизаторством и шовинизмом для укрепления собственного политического ресурса и авторитета в глазах центра до авантюрных попыток реализовать утопические и амбициозные планы перекройки устоявшихся границ в лимитрофных зонах. Центральная власть, несмотря на географическую удаленность (или благодаря ей), гораздо быстрее перешла от революционной романтики к непосредственному государственному строительству, в том числе к обеспечению безопасности в границах традиционного пространства Российской империи. С этим связана и эволюция статуса центрально-азиатских республик в составе советской федерации. К концу 1920-х годов понятие «мировая революция» остается в политическом лексиконе большевиков главным образом как некий мобилирующий символ и один из непререкаемых лозунгов советской пропаганды. Азиатские республики превращать в автономии было уже нецелесообразно по международным и внутривнутриполитическим соображениям.

Библиография

Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М. Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. // URL: <http://www.iie.kz/?p=4615> (дата обращения: 16.09.2015).

Ахметова Л.С., Григорьев В.К., Шойкин Г.Н. Алихан Букейханов. Поиск ориентиров. Ахмет Байтурсынов. Главное – обретение государственности. Турар Рыскулов. Яркий политик советского Востока. Астана, 2008.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. документов / отв. ред. А.В. Пясковский. М., 1960.

Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.) / ред.-сост. Т.В. Котюкова. М., 2017.

Фаббас. Алаш автономиясы. 1918. 22 января // Алаш көсемсөзі. 10 кітап. Сарыарка. Алматы, 2011. С. 79–83. (На казахском)

Игибаев С.К. Казахстан в источниках и материалах. Усть-Каменогорск, 2010. URL: <http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963> (дата обращения: 13.02.2015).

²⁷ Там же. С. 425, 429. Говоря об открытии окраин, Рыскулов имел в виду разрешение представителям Турции свободно передвигаться по Ташкенту, что, по его мнению, могло способствовать распространению влияния Турции, а не Советской России на тюркские народы региона.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 24. Л. 30.

Исмагамбетов Т. Развитие казахского истребительства в конце XIX – середине XX века // Центральная Азия. 1997. № 11. URL: https://ca-c.org/journal/11-1997/st_02_ismagamb.shtml (дата обращения: 16.03.2021).

История Казахстана с древнейших времен до наших дней: очерк / ред. Л.И. Дробжева. Алматы, 1993.

Пестковский С. Туркестан и мировая революция // Жизнь национальностей. 1919. № 20 (28).

Россия и Центральная Азия. Конец XIX – начало XX века: сб. документов и материалов / сост. Д.А. Аманжолова. М., 2017.

Туркестан в начале XX века. К истории истоков национальной независимости / науч. ред. Р.Я. Раджапова. Ташкент, 2000.

Уяма Т. Восстание, рожденное в войне: влияние Первой мировой войны на катаклизм в Центральной Азии в международном контексте // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. М., 2016. С. 77–86.

Христофоров В.С. Степной край в политическом, экономическом и культурном пространстве Российской империи: взгляд российской контрразведки (1914–1917 годы) // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 146–156.

Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: The Kazakh Intelligentsia Write a History of Their Homeland // Аб империя. 2004. № 1. С. 467–486.

References

Ahmetova L.S., Grigor'ev V.K., Shojkin G.N. Alihan Bukejhanov. Poisk orientirov. Ahmet Bajtursynov. Glavnoe – obretenie gosudarstvennosti. Turar Ryskulov. Yarkij politik sovetskogo Vostoka [Alikhan Bukeikhanov. Search for landmarks. Akhmet Baitursynov. The main thing is the acquisition of statehood. Turar Ryskulov. A bright politician of the Soviet East]. Astana, 2008. (In Russ.)

Asylbek M.H., Asylbekova Zh.M. Naselenie Kazahstana mezhdru Vsesoyuznymi perepisyami naseleniya 1926 g. i 1939 g. [The population of Kazakhstan between the All-Union population censuses of 1926 and 1939] // URL: <http://www.iie.kz/?p=4615> (access date: 16.09.2015). (In Russ.)

Hristoforov V.S. Stepoj kraj v politicheskom, ekonomicheskom i kul'turnom prostranstve Rossijskoj imperii: vzglyad rossijskoj kontrrazvedki (1914–1917 gody) [Steppe Region in the political, economic and cultural space of the Russian Empire: the view of Russian counterintelligence (1914–1917)] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 2. S. 146–156. (In Russ.)

Igibaev S.K. Kazahstan v istochnikah i materialah [Kazakhstan in sources and materials]. Ust'-Kamenogorsk, 2010. URL: <http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page-17#107963> (access date: 13.02.2015). (In Russ.)

Ismagambetov T. Razvitiye kazahskogo isteblishmenta v konce XIX – seredine XX veka [The development of the Kazakh establishment at the end of the 19th – mid 20th century] // Central'naya Aziya [Central Asia]. 1997. № 11. URL: https://ca-c.org/journal/11-1997/st_02_ismagamb.shtml (access date: 16.03.2021). (In Russ.)

Istoriya Kazahstana s drevnejshih vremen do nashih dnei / red. L.I. Drobzheva [History of Kazakhstan from ancient times to the present day / ed. L.I. Drobzhev]. Almaats, 1993. (In Russ.)

Pestkovskij S. Turkestan i mirovaya revolyuciya [Turkestan and the world Revolution] // Zhizn' nacional'nostej [Life of Nationalities]. 1919. № 20 (28). (In Russ.)

Rossiia i Central'naya Aziya. Konec XIX – nachalo XX veka: sb. dokumentov i materialov / sost. D.A. Amanzholova [Russia and Central Asia. The end of the 19th – beginning of the 20th century: collection of documents and materials / comp. D.A. Amanzholova]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Turkestan v nachale XX veka. K istorii istokov nacional'noj nezavisimosti / nach. red. R.Ya. Radzhapova [Turkestan at the beginning of the 20th century. On the history of the origins of national independence / ed. R.Ya. Rajapova]. Tashkent, 2000. (In Russ.)

Uyama T. Vosstanie, rozhdennoe v vojne: vliyanie pervoj mirovoj vojny na kataklizm v Central'noj Azii v mezhdunarodnom kontekste [The uprising born in the war: the impact of the First World War on the cataclysm in Central Asia in an international context] // Turkestanskoe vosstanie 1916 g.: fakty i interpretacii [Turkestan Uprising of 1916: facts and interpretations]. Moskva, 2016. S. 77–86. (In Russ.)

Vosstanie 1916 goda v Srednej Azii i Kazahstane: sb. dokumentov / otv. red. A.V. Pyaskovskij [The uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan: collection of documents / ed. A.V. Pyaskovskij]. Moskva, 1960. (In Russ.)

Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoj Rossii: neizvestnoe ob izvestnom (k 100-letiyu Vysochajshego poveleniya 25 iyunya 1916 g.) / red.-sost. T.V. Kotyukova [The Uprisings of 1916 in Asian Russia: the unknown about the known (to the 100th anniversary of the Supreme Command on June 25, 1916) / ed. T.V. Kotyukova]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Fabbas. Alash avtonomiyasy. 1918. 22 yanvarya // Alash kosemsözi. 10 kitap. Saryarka. Almaty, 2011. S. 79–83. (In Kazakh)

Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: The Kazakh Intelligentsia Write a History of Their Homeland // Аб империя. 2004. № 1. С. 467–486.

DOI: 10.31857/S013038640018259-2

© 2022 г. Т.В. КОТЮКОВА

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ТУРКЕСТАНЕ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА: «КРАСНО»-«БЕЛЫЕ» ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСАНДРА ГЗОВСКОГО

Котюкова Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: kotyukovat@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5741-7905

Аннотация. Воспоминания участника революционных событий в Туркестане публициста и литератора Александра Иосифовича Гзовского посвящены нескольким драматическим событиям, происшедшим в конце 1917 – начале 1918 г. в Средней Азии: после падения царизма к власти пришел Туркестанский комитет Временного правительства, затем после поражения последнего власть оказалась в руках большевиков, которые ликвидировали провозглашенную ранее Туркестанскую (Кокандскую) автономию, наконец, состоялся большевистский поход на Бухару в марте 1918 г., закончившийся для них полной неудачей. В статье анализируются две работы А.И. Гзовского: «Социальная революция в Туркестане (воспоминания)», где события описываются с большевистской точки зрения (издана на территории Советской Белоруссии в 1919 г.) и «Полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания)», написанная автором уже с антибольшевистских позиций на польском языке после его эмиграции в Польшу в 1922 г. Источниковедческая ценность указанных работ Гзовского заключается в том, что он дает в них диаметрально противоположные оценки событий, что позволяет комплексно взглянуть на политическую ситуацию в Туркестане и расширить имеющиеся в исторической науке представления о происходившем там в 1917–1918 гг., в частности: какое место занимал Туркестан в дискурсе общероссийских политических партий; какой была «туркестанская повестка» во всероссийском мусульманском движении; можно ли обнаружить «контуры Кокандской автономии» до создания большевистского правительства в Ташкенте; чем руководствовались большевики в Туркестане: классовым или национальным сознанием?

Ключевые слова: Александр Гзовский, Россия, Туркестан, Бухара, Центральная Азия, Российская революция 1917 г., Туркестанская (Кокандская) автономия, большевики.

T.V. Kotyukova

The Russian Revolution in Turkestan Through the Eyes of an Eyewitness: “Red”-“White” Memoirs of Alexander Gzovsky

Tatiana Kotyukova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: kotyukovat@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5741-7905

Abstract. The memoirs of the publicist and writer Alexander Gzovsky, a participant in the revolutionary events in Turkestan, are centred around several dramatic events that took place in Central Asia in late

1917 and early 1918: the fall of tsarism and the coming to power of the Turkestan Committee of the Provisional Government, the defeat of the Turkestan Committee of the Provisional Government and the coming to power of the Bolsheviks, the proclamation of Turkestan (Kokand) autonomy and its liquidation by the Bolsheviks and, finally, the so-called Kolesov campaign in Bukhara in March 1918. The article analyses two works by Gzovsky, namely “Social revolution in Turkistan (memoirs)”, published in Soviet Belarus in 1919, which describes the events from a Bolshevik perspective, and “The Crescent and the Red Star (Turkistan memoirs)”, written by the author in Polish after his emigration to Poland in 1922, from an anti-Bolshevik position. The source-research value of Gzovsky's writings lies in the fact that they contain diametrically opposite assessments of events, which provides a comprehensive view of the political situation in Turkestan and broadens the existing understanding in historical science of what happened there in 1917–1918, in particular: what the political discourses of the Muslim organizations of Turkestan were; what place Turkestan occupied in the discourses of all-Russian political parties; what was the “Turkestan agenda” in the All-Russian Muslim movement; can the “circuits of Kokand autonomy” be discovered before the creation of the Bolshevik government in Tashkent; what guided the Bolsheviks in Turkestan: class or national consciousness.

Keywords: Alexander Gzovsky, Russia, Turkestan, Bukhara, Central Asia, revolution, Turkestan (Kokand) autonomy, Bolsheviks.

За последние несколько десятилетий было издано многое из мемуарного наследия, связанного с Центральной Азией эпохи революции и Гражданской войны¹. Это сделало историю российской революции на ее окраинах многомерной. Самыми важными в этом ряду для понимания событий в Центральной Азии являются работы Мустафы Чокаева², хотя именно они нуждаются в самом серьезном критическом анализе.

В результате острой политической борьбы в ноябре 1917 г. была провозглашена первая на просторах бывшей Российской империи автономия – Туркестанская, или, как ее чаще называли современники по месту ее расположения, Кокандская. С одной стороны, Туркестанская (Кокандская) автономия была первой, с другой – ее создание стало одной из многочисленных попыток национальной интеллигенции в 1917–1918 гг. создать на окраинах бывшей Российской империи национальные государства, которые, однако, далеко не всегда торопились покинуть метрополию. В советской историографии Туркестанская автономия вплоть до конца 1980-х годов редко удостоивалась внимания исследователей. В основном о ней писали очевидцы событий³. По-настоящему ее изучением занялись в Узбекистане на рубеже 1980–1990-х годов⁴.

Со сменой исторических эпох и началом активного строительства на постсоветском пространстве национальных государств для их полноценной легитимации потребовались собственные национальные герои с яркими и трагическими биографиями. Произошла очевидная и легко объяснимая смена оценок, а вместе с ней у автономии появились новые эпитеты «национальная» и «прогрессивная», сменившие советские –

¹ *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1998; *Чокай М.* Я пишу Вам из Ножана... (Воспоминания, письма, документы). Алматы, 2001; *Назаров П.* Бегство из Центральной Азии. Бишкек, 2015; *Князь Искандер.* Небесный поход. Бишкек, 2016; *Литвинов Б.Н.* Воспоминания. Ч. 2. Гражданская война на Кавказе и в Закаспии. 1918–1920 гг. М., 2017; и др.

² *Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио; М., 2001; *Его же.* Революция в Туркестане. Февральская эпоха / публ. С.М. Исакова // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 3–19; *Его же.* Национальное движение в Средней Азии / публ. С.М. Исакова // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002. С. 656–693.

³ *Сафаров Г.* Колониальная революция. (Опыт Туркестана). М., 1921; *Рыскулов Т.* Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925; *Алексеев П.* Кокандская автономия. Ташкент, 1931; и др.

⁴ *Хасанов М.К.* «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 2. С. 41–52; *Агзамходжаев С.С.* В преддверии драмы. Туркестанский комитет Временного правительства // Звезда Востока. 1993. № 2. С. 135–148; *Абдуллаев Р.* Хроника противостояния // Звезда Востока. 1995. № 11–12. С. 199–202; и др.

«буржуазная» и «контрреволюционная». После отказа от классового похода подчеркнутое внимание стали уделять этноконфессиональной принадлежности политических оппонентов.

Переосмыслившими себя элитами молодых постсоветских государств Центральной Азии стала продвигаться мысль о нелегитимности советской власти и всего советского периода истории. В то же время о национально-буржуазных образованиях первых лет революции (Кокандская автономия, Алаш-Орда и др.) заговорили как о подлинно законных, поддержанных широкими народными массами. Таким образом, обосновывалась преемственность между постимперскими национально-буржуазными образованиями и установившимися постсоветскими режимами⁵.

В условиях десоветизации сложилась парадоксальная ситуация: историки Центральной Азии, продолжая пользоваться старыми методологическими подходами, позволили создать новый пантеон героев, занявших освободившиеся пьедесталы своих противников, которым столетие назад они проиграли в политической борьбе.

За последние десятилетия на постсоветском пространстве относительно событий 1917–1920-х годов была сформирована новая историческая память. Она, как и в случае с советским пантеоном, зиждется на вере в абсолютную нравственную непогрешимость и безусловную политическую правоту вновь обретенных национальных героев.

Не смогла избежать этого и российская историография. В ней также произошла смена акторов во внутреннем историческом контуре — «наших» и «не наших» поменяли местами, отдавая предпочтение неолиберальному взгляду в оценках русской революции 1917 г. Однако в оценках событий в бывших союзных республиках значительная часть отечественных исследователей сохраняет верность устоявшейся трактовке. При этом тема Туркестанской автономии так и осталась периферийной. О ней, как правило, упоминают в рамках изучения других крупных научных вопросов⁶. Специально посвященной истории Туркестанской автономии можно считать только работу С.М. Исакова⁷.

Немногом лучше обстоит ситуация в государствах Центральной Азии. В 2006 г. в Ташкенте было издано единственное крупное исследование об истории Туркестанской автономии, в котором она рассматривается как предтеча современного независимого Узбекистана⁸. Казахские коллеги расценивают автономию как еще один «казахский государственный проект», возникший и развивавшийся параллельно с Алаш-Ордой⁹.

Американский исследователь Адиб Халид считает, что литература по данной теме весьма тенденциозна: советская историография настаивала, что провозглашение автономии являлось заурядной авантюрой местной буржуазии, поддержанной иностранными интервентами, а западные ученые¹⁰ видели и видят в этом попытку создания национальной государственности.

⁵ Джумаев А.Б. «Скажите, а Ленин еще вернется?» К истории Октябрьской революции в Средней Азии: наброски и размышления с неизбежными экскурсами в современность // Дружба народов. 2017. № 10. С. 216–217.

⁶ Тарасов К.А. Антиимперская революция. Национальные окраины и распад Российской империи // Неприкосновенный запас. 2017. № 5 (115). С. 150–164; Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г.: монография / отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2017; Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии: коллективная монография / под общей ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2018; и др.

⁷ Исаков С.М. Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии // Acta Slavica Iaponica. Т. XVIII. 2001. С. 204–223.

⁸ Азгамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). Ташкент, 2006.

⁹ Нуртазина Н.Д. Народы Туркестана: проблемы Ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX–XX веков). Алматы, 2008; Кумганбаев Ж.Ж., Ташенев М.Ж. Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия: «Историческая». 2013. № 3 (70). С. 49–55; и др.

¹⁰ Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007; Адиб Халид. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 189–226; и др.

Чтобы понять, насколько ценны наблюдения и впечатления, оставленные Александром Гзовским, о которых речь пойдет ниже, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать общественно-политическую ситуацию в крае во второй половине 1917 г.

В центре ее два политических конфликта — между большевиками и Туркестанским комитетом Временного правительства (Турккомитетом), а после прихода большевиков к власти — с автономистами в Туркестане. Оба конфликта заключались в распределении властных полномочий в регионе. 15–22 ноября 1917 г. в Ташкенте состоялся III Краевой съезд Советов солдатских и рабочих депутатов. Из 114 присутствовавших делегатов подавляющее большинство принадлежало к фракции большевиков¹¹. В сформированное правительство не вошел ни один представитель коренного мусульманского населения Туркестана.

В ответ на это 26–28 ноября 1917 г. в Коканде собрался IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд. В резолюции съезда подчеркивалось, что он отражает волю всех народов, населяющих Туркестан, к самоопределению в единении с Федеративной Российской Республикой. 28 ноября было провозглашено создание Туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). Однако просуществовала автономия всего 72 дня и была разгромлена большевиками в феврале 1918 г.

Чем же привлекают рукописи Гзовского, ведь он был далеко не единственным человеком, кто стал свидетелем смены исторических эпох на окраинах бывшей Российской империи? Гзовский оказался двуликим, как древний бог Янус. Для любого исследователя — неслучайная удача найти два исторических источника с диаметрально противоположной оценкой одних и тех же событий, авторство которых принадлежит одному человеку.

В 1919 г. в девяти номерах газеты минских большевиков «Звезда» была опубликована большая статья, носившая характер личных впечатлений об увиденном и пережитом, «Социальная революция в Туркестане»¹². Автор скрывался под псевдонимом «А.Б.». Им был редактор газеты «Звезда» Александр Иосифович Гзовский. В статье Гзовский делился рассказом о событиях, имевших место в Туркестане с сентября 1917 г. по февраль 1918 г.

Как оказалось, это был не единственный вариант воспоминаний. В 1922 г. в Варшаве на польском языке свет увидела книга с ярким названием «Полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания)»¹³, автором которой уже без всякого псевдонима значился Александр Юноша-Гзовский. На этот раз Гзовский слегка расширил хронологические рамки повествования, окончив воспоминания походом большевиков на Бухару в марте 1918 г. Но главным было не это. И даже не то, что Гзовский стал Юношей-Гзовским. Это был не просто перевод на польский язык написанного ранее, а принципиально иной текст, написанный с антибольшевистских («белых») и в значительной степени с антирусских позиций человеком, всячески подчеркивавшим свою польскую идентичность.

Еще одно разительное отличие польского варианта воспоминаний — это экскурс в этнографию и историю Туркестанского края. Ориенталистские вставки были сделаны для того, чтобы помочь польскому читателю погрузиться в реалии незнакомого для него Востока и лучше понять остроту и накал политической борьбы, развернувшейся вокруг Туркестанской автономии, или, как Гзовский называет ее по-узбекски, *мухторията*. В «белых» воспоминаниях Гзовский описывает Туркестан как место проживания двух народов — «киргизов»¹⁴ и «сартов»¹⁵. И лишь однажды, перечисляя географию своих путешествий по региону, он упоминает «Закаспийский край, населенный отважными текинцами» — одним из крупнейших туркменских племен¹⁶.

¹¹ История Узбекской ССР. Ташкент, 1974. С. 248.

¹² Газета «Звезда». 1919. № 351–354, 356–359, 361.

¹³ *Junosza-Gzowski A. Półksiężyc i Gwiazda czerwona (wspomnienia turkестаńskie)*. Warszawa, 1922.

¹⁴ Современные казахи.

¹⁵ Современные узбеки.

¹⁶ *Гзовский А. Социальная революция в Туркестане: полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания)* / науч. ред. Т.В. Котюкова. М., 2021. С. 194.

Автор не раскрывает некоторых имен участников событий, шифруя их под «господин N» или «врач К-к». Вероятно, на момент публикации книги эти люди остались в Советской России, и Гзовский опасался за их будущее.

В «белом» варианте воспоминаний Гзовский предстает как отважный герой, борется с большевиками, способный на все ради свободы. Некоторые диалоги выглядят патетично и театральны. И это неудивительно, поскольку Гзовский до революции в России пробовал себя как драматург.

Александр Гзовский, согласно автобиографии, родился 8 апреля 1888 г. в Гомельском уезде Могилевской губернии, в имении Борхов, в семье дворянина Иосифа Фортунатовича Гзовского и Людвиги Ланевской-Вольф. В Национальном архиве Республики Беларусь в фонде Минского дворянского депутатского собрания сохранился документ с описанием дворянского родового герба «Юноша»¹⁷, что является свидетельством происхождения из небогатой белорусской шляхты. Однако, согласно польским источникам, «Юноша» — это польский дворянский герб¹⁸, и традиции рода берут отсчет от Станислава Гзовского, королевского придворного, который получил герб «Юноша» от короля Сигизмунда II Августа (1520–1572).

Впечатлительного Александра родители мечтали видеть ксендзом, однако священника из него не получилось. Он выбрал стезю писателя и журналиста. К 1912 г. из 13 написанных им пьес 5 находились под цензурным запретом. По окончании Смоленской гимназии Гзовский поступил на юридический факультет Московского университета¹⁹. Окончив его, в 1912–1914 гг. работал адвокатом. Затем в его биографии произошел поворот, вызванный началом Первой мировой войны. В 1915 г. Гзовский окончил Алексеевское военное училище в Москве. Потом служил в сибирских городах Канске и Иркутске²⁰. Мы не располагаем достоверными сведениями, по какой причине, как и когда Гзовский оказался в Туркестане. Сам Гзовский описал этот переезд в одной из своих книг²¹. Поиски хоть каких-то данных о туркестанском периоде в жизни Гзовского в Национальном архиве Республики Узбекистан (НА РУз) оказались безрезультатными. Как утверждает один из исследователей биографии Гзовского, он прибыл в Туркестан в октябре 1917 г.²² Дальнейшие обстоятельства его жизни сложились таким образом, что он стал очевидцем важнейших политических событий в истории края. Вообще, согласно официальной биографии, изданной в Польше в 1933 г., Гзовский в том числе жил и работал несколько лет в Сибири и Туркестане, посетил Восточную Сибирь и Дальний Восток, Китай и Бухару. Увиденное и пережитое в Туркестане он описал не только в книге «Полумесец и красная звезда», а также в ряде рассказов, изданных в 1926 г.: «Факир из Намангана» и «Царь киргыз Абда-Хан». В Польше из-под пера Гзовского вышло несколько романов о путешествиях: «Через тайгу и степи» (Познань, 1925 г.), «Под солнцем Азии» (Варшава, 1927 г.) и «Заговор в Тегеране» (Варшава, 1928 г.).

Оказавшись в Средней Азии, Гзовский становится редактором газеты «Туркестанский курьер» — одного из крупных либерально-демократических ежедневных изданий, выходивших в Ташкенте. За несколько месяцев пребывания на этом посту (Гзовский был предпоследним редактором газеты) вышли чуть больше 100 номеров, которые издавались с предварительной цензурой, осуществляемой представителями Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов и Ревкома. Покинув в конце ноября 1917 г. Ташкент, Гзовский отправляется в Коканд.

¹⁷ URL: <https://news.tut.by/society/415051.html> (дата обращения: 01.03.2021).

¹⁸ URL: [http://pl.wikipedia.org/wiki/Junosza_\(herb_szlachecki\)](http://pl.wikipedia.org/wiki/Junosza_(herb_szlachecki)) (дата обращения: 01.03.2021).

¹⁹ Пушкинский Дом. Ф. 377. 1 собр. № 891. Оп. 7. № 1069.

²⁰ Gzowski-Junosza Aleksander // *Zieliński S.* Mały słownik pionierów polskich kolonjalnych i morskich. Podróźnicy, odkrywcy, zdobywcy, badacze, eksploratorzy, emigranci, pamiętnikarze, działacze i pisarze migracyjni. Warszawa. 1933. S. 659–660.

²¹ *Junosza-Gzowski A.* Przez taiga i stepy. Poznan, 1925.

²² *Скалабан В.* Гзоўскі Аляксандр Юсіфавіч // Кантакты і Дыялогі. № 5. Мінск. 1988. С. 21–22.

Нет никаких сомнений, что Гзовский был знаком с ключевыми политическими фигурами Туркестанской (Кокандской) автономии, например со вторым главой правительства автономии Мустафой Чокаевым. Чокаев в воспоминаниях очень тепло отзывался о Гзовском, называя его так, как Гзовский начал именовать себя, живя уже в Польше. Это на наш взгляд, свидетельствует о том, что они поддерживали контакты, живя в эмиграции: «Поляк офицер Юноша-Гзовский в рядах туркестанцев дрался с большевиками до самого последнего момента — до окончательного взятия большевиками Коканда. Юноша-Гзовский сейчас в Варшаве. Пусть и он примет нашу благодарность за свою защиту нашего дела»²³.

После разгрома правительства автономистов в Коканде в феврале 1918 г. Гзовский объявился в Москве, где подвязался на работу сразу в две газеты — «Раннее утро» и «Русские ведомости». Вскоре как корреспондент этих газет он выехал в Смоленск. После закрытия московских газет в Смоленске устроился железнодорожным рабочим. Но уже спустя месяц, в августе 1918 г., Гзовский стал заведовать юридическим подотделом социального обеспечения Западной области, в состав которой входили Витебская, Могилевская и Минская губернии, неоккупированная часть Виленской губернии, а также Смоленская губерния. Он по-прежнему ни на минуту не оставлял журналистику. Сотрудничал с газетой «Известия Западной Коммуны»²⁴.

В январе 1919 г. вместе с правительством БССР Гзовский переехал в Минск, где стал техническим руководителем Дома печати.

В Минске в большевистской газете «Звезда», куда устроился на работу редактором, он впервые поделился своими «большевистским» впечатлениями о событиях в революционном Туркестане.

Гзовскому удивительно везло. При любых режимах ему удавалось издавать газеты, получая на это согласие властей. Он часто издавался под псевдонимами. В «Звезде» подписывался — «А.Б.», в «Минском курьере» — «Б. Ольгинский». В польской публицистике был известен как «J.G.» и «Jun G.». С легкостью мог ругать то контрреволюционеров, то большевиков. Оказавшись в Минске, 1 января 1919 г. Гзовский направил секретарю ЦБКП(б)Б письмо с просьбой утвердить штаты его нового журнала «Заря Запада»²⁵. И получил согласие!

Летом 1919 г. Минск заняли польские войска. Гзовский отреагировал молниеносно — после работы в советских изданиях приступает к изданию антисоветской газеты «Минский курьер». «Минский курьер» был создан на полиграфическо-издательской базе большевистской «Звезды».

Есть сведения, что Гзовский, еще живя в советской Белоруссии, начал сотрудничать с польской военной разведкой²⁶. В 1920 г. он наконец оказался в Варшаве. Скорее всего, именно туда, а не в Минск, стремился он, покидая в 1918 г. Туркестан. В Варшаве Гзовский работал в газете «Свобода» и телеграфном агентстве «Руссопресс». В 1922 г. в Варшаве свет увидели другие «антибольшевистские» воспоминания Гзовского о революции в Туркестане.

Возьмем на себя смелость предположить, что Гзовский недолго мучился и рассуждал об этической стороне своей работы в большевистских газетах в Москве, Смоленске и Минске. Таким приемом с изменением своей политической окраски Гзовский пользовался часто. Так, в книге «Полумесяц и красная звезда» он описывает очень схожую ситуацию. Власть в Ташкенте уже была в руках большевиков, но они разрешили издание либеральной газеты «Туркестанский курьер». Гзовский пошел на хитрость. Вместо того,

²³ Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 1917 г. С. 16.

²⁴ Скалабан В. Гзоўскі Аляксандр Юсіфавіч // Кантакты і Дыялогі. № 5. Мінск. 1988. С. 21—22.

²⁵ 1 января 1919 года. Временное рабоче-крестьянское советское правительство Беларуси. Документы и материалы / сост. В.Д. Семенов и др. Минск, 2005. С. 123.

²⁶ Gzowski-Junosza Aleksander. S. 659—660.

чтобы подписываться своей фамилией, он использовал фамилию наборщика-татарина. Расчет был простым — это рабочий, его не тронут. И действительно, в течение долгого времени Гзовский, как он сам признается, «с запалом обругивал большевиков» в своих статьях²⁷.

Необходимо отметить, что Гзовский был очевидцем прихода к власти большевиков и утверждения советской власти не только в Туркестане, но и в Смоленске в 1918 г., и в Минске в 1919 г. Об этом повесть «В государстве красных людоедов», изданная в Варшаве в 1921 г.²⁸

Зинаида Гиппиус, познакомившись с Гзовским в Минске в 1920 г., так вспоминала эту встречу: «Среди кучи всяких людей, стремящихся в нашу гостиницу, не из последних был и Гзовский, редактор местной русской газеты, “Минского курьера”. Это московский поляк, мелкий когда-то репортер, помывавшийся по свету. При большевиках был в большевицкой газете, возможно, шпионил полякам (мог бы, при случае, и обратно). Громадного роста, с зычным голосом, самый характерный Хам, какого я только видала на своем веку. Притом захолустно-провинциальный (уж был ли он в Москве?). Он тотчас понял, какие выгоды обещает ему наш приезд. Решил “использовать” его, принялся ухаживать за нами, стал печатать всякие “интервью” и собственные статьи о Дм[итрии] С[ергеевиче Мережковском] (Ублюдок и Титан)²⁹. Мы это отлично видели и смеялись над его грубыми ухаживаньями, которые были бесполезны: и без них мы, одичавшие, оголодавшие без “слова”, заряженные Совдепией, пошли бы на буро-желтые страницы его убогого “Курьера”. Он был яро антибольшевицкий — чего же еще нужно?»³⁰.

В 1921 г., уже в Варшаве, Гиппиус и Мережковский вновь встретились с Гзовским. Вернее, Мережковский «вызвал из Минска этого Хама», как писала Гиппиус³¹. Так, по инициативе Мережковского Гзовский оказался в Варшаве. Для чего?

Дело в том, что во время советско-польской войны в Варшаву по приглашению Юзефа Пилсудского приехал Борис Савинков, руководитель Боевой организации партии эсеров. В Польше Савинков создал под своим председательством так называемый «Эвакуационный комитет», затем переименованный в «Русский политический комитет». Гиппиус и Мережковский также входили в эту организацию. Вместе с Мережковскими Савинков начал издавать в Варшаве газету «За свободу!». Для работы над нею и понадобился такой пробивной человек как Гзовский.

Работа закипела, как это, впрочем, всегда бывало у Гзовского. Гиппиус вспоминала: «Чуть началась газета — мне в этой “Свободе” свободы не дали. Гзовский сразу начал хамить, и пошла чепуха, неизвестно, кто был хозяином, со всем нужно обращаться к Савинкову, и ничего не понять. Являлся Дима [Мережковский] — и опять не разберешь, какая “коллегия” распоряжается в газете. Гзовский ни с кем, кроме Савинкова, разговаривать не желал, от меня только требовал материала! материала! а иначе грозил свою дрянь вставлять»³².

Уместный вопрос, который может возникнуть у читателя воспоминаний Гзовского: насколько написанное им о революции в Туркестане мы вправе воспринимать и использовать как исторический источник?

И если предположить, что Мустафа Чокаев мог быть пристрастен в оценках, то, например, в воспоминаниях капитана Ф. Гнесина или начальника 3-го политического отдела МИД Российской империи В.О. фон Клемма и многих других персонажи

²⁷ Гзовский А. Указ. соч. С. 211.

²⁸ *Junosza-Gzowski A. W panstwie czerwonych ludozercow: powiesc z zycia bolszewickiej Rosji.* Warszawa, 1921.

²⁹ Речь идет о статье Гзовского о Ленине и Мережковском.

³⁰ Гиппиус З. Дневники. М., 2017. С. 89.

³¹ Там же. С. 124.

³² Там же. С. 125.

и подробности трагических событий 1917–1918 гг. в Туркестане совпадают с написанным Гзовским до деталей³³.

Перекликается с текстами Гзовского доклад капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела Штаба адмирала А.В. Колчака о Гражданской войне в Туркестане³⁴.

Сохранился личный архив и переписка с женой министра финансов Кокандской автономии Соломона Герцфельда³⁵. Уроженец Одессы, проживший более десяти лет в Самарканде, журналист, адвокат, общественный деятель, он был видным сионистом и одновременно очень авторитетным посредником между еврейскими и мусульманскими предпринимателями в Туркестане. Герцфельд был в дружеских отношениях со многими политическими лидерами и журналистами края, однако о Гзовском он не упоминает.

Зато Гзовский в своих «красно»–«белых» воспоминаниях не забыл никого или почти никого. Так, комиссара Временного правительства в Туркестане генерала П.А. Коровиченко, комиссара того же правительства по делам Закаспия графа Г.И. Доррере и члена Туркестанского комитета Временного правительства И.Н. Шендрикова Гзовский представляет как некий политический триумвират, управлявший краем, правда очень непродолжительное время³⁶. Французский военный атташе в Персии Ж. Дюкрот роль этих троих в туркестанских делах оценивал так же³⁷.

Пишет Гзовский и о беспомощности генерала Л.Н. Черкеса при попытке разогнать митинг в Ташкенте, организованный большевиками. Ташкентский уездный воинский начальник полковник Леонтий Черкес был произведен в генерал-майоры 8 июня 1917 г. в бытность А.Ф. Керенского военным и морским министром и назначен командующим войсками Туркестанского военного округа. Вообще Керенский, детство и юность которого прошли в Туркестане, делал в крае ставку на близких и знакомых ему людей, зачастую не соотнося это с возможностями и способностями своих протеже.

12 сентября 1917 г. большевики организовали шеститысячный митинг рабочих и солдат Ташкента. Из трех поставленных на голосование резолюций – эсеровской, меньшевистской и большевистской – митинг принял резолюцию большевиков: о немедленной реквизиции продуктов и предметов первой необходимости; об осуществлении рабочего контроля над производством и распределением продуктов; о переходе земли без выкупа в руки крестьян; об издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, профсоюзов и фабричных комитетов; о передаче всей власти в руки Совета.

Сместив в городе представителей власти, назначенных Временным правительством, и арестовав членов Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов, Ташсовет попытался овладеть властью во всем Туркестане, избрав Временный революционный комитет. Под его руководством была предпринята попытка государственного переворота.

Генералу Черкесу не удалось разогнать митинг: военные части, получившие от него соответствующий приказ, отказались его выполнить. Вечером того же дня было созвано экстренное совещание Турккомитета и генерала Черкеса с представителями Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов. Черкес предложил немедленно арестовать

³³ Гнесин Ф. Туркестан в дни революции и большевизма (краткое описание хода событий в Ташкенте, март–декабрь 1917 года) // Сопrotивление большевизму 1917–1918 гг. М., 2001. С. 537–548; Вильям фон Клемм. Очерк революционных событий в русской Средней Азии / публ. В.Л. Гениса // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 3–25; 2005. № 1. С. 3–23.

³⁴ «В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет» / публ. Л.А. Молчанова // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 3 (24). С. 101–124.

³⁵ Мякотин Е.А. Сила в нас самих. Чтение архива Соломона Герцфельда // Альманах «Еврейская старина». 2015. № 1 (84). URL: <http://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer1/Mjakotin1.php> (дата обращения: 01.03.2021).

³⁶ Гзовский А. Указ. соч. С. 167.

³⁷ Чокай М. Указ. соч. С. 169.

членов Ревкома, но они арестовали его самого. В своих «красных» воспоминаниях Гзовский ярко и в деталях описывает этот сюжет³⁸.

О джадидах или младотуркестанцах (младосартах), сторонниках реформ и модернизации края, Гзовский отзывается как о политической силе, имевшей лишь немногих последователей, «которые ничем не отличаются от своих дедов, разве что своим европейским платьем», и которые никогда не расстаются со своей национальной шапкой — тюбетейкой. По его мнению, модернизация и высокая степень религиозности несовместимы. Гзовский описывает, как в период нахождения у власти Временного правительства на заседании Ташкентского Совета «младосарты прервали заседание, чтобы пойти в мечеть на молитву, неоднократно совершали молитвы в зале, украшенном красными знаменами, в присутствии своих русских товарищей»³⁹.

Царская власть и Временное правительство понимали необходимость или даже неизбежность учитывать этноконфессиональную специфику края при формировании структуры власти. Они находили себе союзников среди коренного населения, хотя в целом «инородцам» они не доверяли. Эту атмосферу недоверия уловил Гзовский в первом варианте своих воспоминаний и передал, пусть и нарочито, словами генерала Черкеса: «Помните, граждане, — говорил командующий войсками, — что мы живем среди враждебного нам инородческого населения! Если между нами не будет согласия, если мы начнем между собой ссориться, то сарты и киргизы восстанут против нас и сотрут нас с лица земли. Не забывайте, что нас, русских, в Туркестане мало, а их (инородцев) — более десяти миллионов». Деля комплимент интернационализму большевиков, Гзовский продолжает: «Толпа не испугалась этих “жупелов”, ибо она прекрасно уже понимала, что “инородцы” в массе ей не страшны, ибо и сартовский (и киргизский) пролетариат пойдет с ними рука об руку»⁴⁰.

Туркестанские большевики не видели ни в одной крупной политической национальной организации края потенциального партнера для создания политической коалиции. И за это их не вполне уместно обвинять в национализме. Они действовали достаточно гибко, когда были уверены, что это принесет реальные политические дивиденды. Им, например, удалось быстро найти точки соприкосновения с младобухарцами⁴¹.

Но были и те, о ком, несмотря на всю заметность этих фигур в местной политической жизни, Гзовский ни в одном из вариантов воспоминаний не вспомнит ни разу. Среди них председатель Военного Совета автономного правительства (глава вооруженных сил Кокандской автономии) татарин Магди Чанышев.

Правительство Кокандской автономии, сформированное в последних числах ноября 1917 г., практически сразу начало выпуск нескольких периодических изданий на узбекском, казахском, а также русском языках. Стали издаваться «Известия Временного правительства автономного Туркестана». «Я преодолел силу технических препятствий, — пишет Гзовский, ставший главным редактором, — и наконец начал издавать скромную газетку: “Известия Временного правительства автономного Туркестана”. Газета пользовалась большим успехом. Большевики не пропускали ее в Ташкент и изымали отовсюду, где могли»⁴².

Однако издание столкнулось с критикой в местной интеллектуальной среде: «Конечно, по принципу лучше иметь, чем не иметь, мы должны приветствовать издание этой газеты и пожелать ей успехов в начатом деле. ...Но... она печатается русскими буквами

³⁸ Гзовский А. Указ. соч. С. 159–161.

³⁹ Там же. С. 203.

⁴⁰ Там же. С. 160.

⁴¹ Колесов Ф., Бобунов А. В борьбе с эмирской Бухарой // Война в песках. Материалы по истории гражданской войны к XII т. Гражданская война в Средней Азии / под ред. М. Горького и др. Л., 1935. С. 235.

⁴² Гзовский А. Указ. соч. С. 238.

и на русском языке! Какая ужасная трагедия! В колыбели тюркизма... выходит газета автономного тюркского государства, предназначенная для тюрков, не на милом родном языке, а на чужом русском языке! ...Жаль, что мы до сих пор не можем расстаться с нашей болезнью, с русофильством, с ложным убеждением, что нерусским языком невозможно управлять страной, что без русского языка не может развиваться наука и культура. ...Видя эту газету, человек приходит в недоумение. Для кого же издается она? Для 5-6 русских, живущих здесь... Большинство их... стараются сблизиться с автономным правительством только для того, чтобы сделать мусульман оружием для отмщения своим врагам (большевикам). ...Или у тюрков есть интеллигенты, не знающие родного языка, а знающие только русский язык? Вот в этом-то и заключается вся трагедия! У тюрков есть немые литераторы, имеющие хорошее образование по-русски, но, к сожалению, не умеющие писать или даже говорить по-тюркски. ...Довольно уже русеть и русифицироваться!»⁴³.

Очень важная деталь для понимания атмосферы и общественных настроений в Туркестане сто лет назад. В качестве коммуникации с населением в автономии среди прочих использовался русский язык. Это одновременно, на наш взгляд, показатель и либерального отношения к национальному вопросу, и оторванности пришедших к власти мусульманских интеллектуалов от основной массы населения.

В ночь на 30 января 1918 г. неизвестные группы организовали нападение на крепость, телефонную станцию и здание Кокандского Совета в русской части города. Гзовский очень подробно и интересно описывает этот исторический эпизод в своих «белых» воспоминаниях⁴⁴.

Командование имевшихся вооруженных сил автономного правительства в Коканде состояло из русских офицеров бывшей царской армии. Последние не сомневались, что, служа правительству автономии, они борются с большевиками. Но простая и политически неискушенная масса мусульман Коканда отождествляла большевиков со всеми русскими. Слова «большевик» и «русский» были для коренного населения в тот период практически синонимами. Гзовский откровенно пишет, что мусульмане Коканда «борлись с русскими вообще»⁴⁵.

Правительство автономии в этом вопросе сознавало весь трагизм ситуации. Оно старалось объяснить горожанам, что их врагами являются не «русские вообще», а «русские большевики», но объяснения эти принесли мало результата. Почему? Одна из причин, вероятно, кроется в том, что мусульманские духовные лидеры Коканда не признали авторитет. А религиозные деятели в Ферганской долине всегда обладали очень высоким авторитетом и влиянием. Это доказали и Андижанское восстание 1898 г., и восстание 1916 г. Улемов-богословов, по понятным причинам, не было в большевистском правительстве в Ташкенте, но их не было и в правительстве автономии.

Русское население в городах Ферганской долины начало организовывать отряды самообороны от очередного «мусульманского восстания» и направлять их на помощь европейскому населению Коканда. Гзовский констатирует: «Так этническое победило классовое».

Аналогично характеризовал ситуацию меньшевик-интернационалист Е.Л. Вайнштейн, когда на заседании Ташкентского Совета в ходе обсуждения похода на Коканд заметил: «Куда девалась классовая борьба, во имя которой мы подняли свое красное знамя? Из доклада мы слышали о вражде между русскими и сартами, армянами, персами. ...Вместо классовой борьбы... мы имеем борьбу национальную»⁴⁶.

⁴³ Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение: сборник документов и материалов / сост., предисл. и прим. С.М. Исакова. М.; СПб., 2019. С. 462–464.

⁴⁴ Гзовский А. Указ. соч. С. 243.

⁴⁵ Там же. С. 245.

⁴⁶ Наша газета. 26.II.1918.

Положение русского населения Коканда, занявшего нейтральную позицию и не поддержавшего ни большевиков, ни автономистов, было сложным вдвойне. «“Товарищи солдаты” убивали их за “буржуазность”, — пишет Гзовский, — а сарты — как “христиан”»⁴⁷.

В своих «белых» воспоминаниях о революции в Туркестане Гзовский не смог пройти мимо участия в ней самой крупнейшей армянской политической партии в Российской империи — Дашнакцутюн. В Туркестане проживало немало армян, многие из которых бежали из Османской империи, другие переселились из Персии. И те и другие были настроены антимусульмански. Кроме того, присутствовал элемент экономической конкуренции между местными и армянскими торговцами. Противоречия накапливались даже несмотря на то, что представитель дашнаков вошел в состав Временного народного Совета Туркестанской автономии.

Новгородский Совдеп Коканда сформировал и вооружил Армянскую дружину (сторонники партии Дашнакцутюн) из 100 человек, которая считалась защитницей европейского населения и советской власти против «мусульманской толпы»: По оценке Адиба Халида, дружина сыграла центральную роль в сражении за Коканд, причем в последующие 12 месяцев вооруженные армянские отряды стали почти неизменной составляющей безжалостной войны против коренного населения⁴⁸.

Многие российские исследователи считают, что напряжение в отношениях между советской властью и мусульманским населением в Туркестане в определенной степени стимулировалось активной деятельностью дашнаков против коренного населения, которая объяснялась их страхом перед джихадом. В 1917 г., после ликвидации Кокандской автономии и взятия Коканда, вооруженные представители армянской общины присоединились к частям Красной гвардии⁴⁹.

По мнению П. Алексеенкова, большевики в Туркестане вообще и в Ферганской долине в частности были еще очень слабы, поэтому вынужденно шли на сотрудничество с партией Дашнакцутюн⁵⁰. Однако необходимо помнить, что слабая социальная опора не помешала большевикам в Туркестане одержать верх над антибольшевистскими силами в Закаспии, Фергане и Семиречье, которые, наоборот, продемонстрировали крайнюю степень разобщенности.

В отличие от «красных», «белые» воспоминания Александра Гзовского не заканчиваются ликвидацией Кокандской автономии. История революционных событий в Туркестане в книге «Полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания)» имеет продолжение, речь в котором идет о походе большевиков на Бухару. По версии Гзовского, присвоив капиталы самого богатого купца в Туркестанском крае Мир-Камиля Мир-Мумынбаева, «большевики имели теперь возможность двинуться на Бухару»⁵¹.

В составе Российской империи Бухара имела статус протектората. После падения монархии в России эмир присягнул Временному правительству, которое обещало сохранить все подписанные ранее с царским правительством договоры. После прихода к власти большевиков независимость эмирата была подтверждена декретом советской власти. Однако в марте 1918 г. туркестанские большевики и младобухарцы под командованием председателя СНК Туркестана Ф.И. Колесова предприняли неудачную попытку захвата власти в Бухарском эмирате, вошедшую в историю как Колесовский поход. Гзовский описывает трагические события в Бухаре, зная немало подробностей. Характер текста позволяет нам предположить, что Гзовский был непосредственным очевидцем описанного, хотя его белорусский биограф В.В. Скалабан сообщает, что в феврале 1918 г. Гзовский уже был в Москве.

⁴⁷ Гзовский А. Указ. соч. С. 252.

⁴⁸ Адиб Халид. Указ. соч. С. 210–213.

⁴⁹ Кадырбаев А.Ш. Армянская диаспора и Дашнакцутюн в Туркестане. 1917–1921 годы // Восточный архив. 2013. № 2. С. 32–39.

⁵⁰ Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927. С. 20.

⁵¹ Гзовский А. Указ. соч. С. 262.

Биография Гзовского полна загадок и неясностей. Одной из них является точная дата его смерти. Белорусские источники приводят 1938 г.⁵², польские, что он умер уже после Второй мировой войны, в 1963 г.⁵³

Существует очень интересная версия, как Гзовский попал в Туркестан и чем он там на самом деле занимался, изложенная в эмигрантской газете «Дни» автором, скрытым под псевдонимом «М. Б-ч.»⁵⁴.

Итак, после краха династии Романовых Гзовский был якобы связан с конспиративными монархическими кругами и даже возглавлял одну из таких организаций в Иркутске. В начале 1917 г. Гзовский служил там в штабе округа, занимал довольно высокий пост и дважды побывал в секретной командировке в Японии. С целью восстановления монархии в России было решено отправить в Японию секретную делегацию, чтобы просить ввести японские войска в пределы Сибири. Подпоручик Гзовский входил в состав этой делегации. Об этой поездке узнали в Петрограде. Участники были арестованы или вынуждены были скрываться.

Что касается Гзовского, то через некоторое время он появился в Ташкенте, где его назначили старшим адъютантом в стрелковой бригаде, одновременно став главным редактором газеты «Туркестанский курьер». Либерал в национальных вопросах, Гзовский оказался убежденным монархистом и поддерживал секретные сношения с генералом Л.Г. Корниловым. За поддержку корниловского мятежа Турккомитет Временного правительства закрыл газету «Туркестанский курьер» на три дня. Пообещав местным мусульманам всевозможные блага, Гзовский склонил на свою сторону одного местного миллионера (Мир-Камиля Мир-Мумынбаева?) и при его финансовой поддержке готовил в Туркестане контрреволюционный переворот.

Вместе с Гзовским действовали начальник стрелковой бригады генерал В.Д. Мухин и бывший наказной атаман Семиреченского казачьего войска генерал А.И. Кияшко.

В Ташкенте жил опальный великий князь Николай Константинович. После революции он хотя и «признал новый строй», но после корниловского выступления стал часто бывать в редакции «Туркестанского курьера» и приглашал Гзовского с семьей к себе во дворец и на дачу. Загадочный «М. Б-ч.» утверждает, что Гзовский и великий князь планировали освобождение царской семьи. Николай Константинович располагал достаточно большими средствами, а Гзовский разработал план и нашел преданных людей. Решено было произвести похищение царской семьи в Тобольске и отправить ее в киргизские степи, а оттуда в Туркестан или в Кашгар. Было выработано несколько маршрутов. Однако великий князь настаивал, чтобы семью перевезли или в Японию, или в Монголию.

В конце сентября и начале октября 1917 г. из Ташкента в Тобольск выехали две группы заговорщиков. В 20-х числах октября Гзовский получил секретное сообщение, что связь с семьей последнего русского императора установлена. Он собирался сам выехать в Тобольск, чтобы лично на месте руководить похищением, но 27 октября в Ташкенте начался большевистский переворот. Гзовский принял участие в боях с большевиками, и последующие события спугали все его планы. К тому же бои большевиков с дувовцами под Оренбургом преграждали путь к Самаре и Челябинску. Вскоре группы, отправленные в Тобольск, распались или погибли⁵⁵.

Как относиться к рассказу загадочного «М. Б-ч.»? С одной стороны, статья вышла с редакционной пометкой: «Помещая этот очерк как весьма интересный материал к истории недавнего нашего прошлого, мы ответственность сообщаемых фактов оставляем на авторе». С другой — персонажи и историческая обстановка переданы автором точно, что подтверждают другие мемуаристы-очевидцы и прежде всего сам Гзовский.

⁵² Скалабан В. Гзоўскі Аляксандр Іосіфавіч // Кантакты і Дыялогі. № 5. Мінск. 1988. С. 21–22.

⁵³ URL: http://sources.ruzhany.info/074_2.html (дата обращения: 01.03.2021).

⁵⁴ М. Б-ч. Попытка освобождения // Дни. Берлин, 1924. № 413. 16 марта. С. 2.

⁵⁵ М. Б-ч. Указ. соч.

Более того, наберемся смелости и выскажем предположение, что загадочный «М.Б.-ч.» и Александр Гзовский, так любивший псевдонимы, это один и тот же человек.

Жить в независимой Польше, стать Юношей-Гзовским и при этом оказаться русским монархистом, видимо, даже для такого авантюриста, как Гзовский, было сродни когнитивному диссонансу. Именно поэтому, возможно, столь важная сюжетная линия о попытке организации освобождения царской семьи и перевозе ее из Тобольска в Туркестан осталась за скобками как в одном, так и в другом варианте его воспоминаний. И рассказать об этом он мог только за пределами как Советской России, так и Польши, т.е. в Германии.

Уникальность воспоминаний Гзовского состоит в том, что он, представляя две диаметрально противоположные оценки событий («от наших» и «не наших»), в очередной раз подводит нас к пониманию, что историю русской революции нужно изучать комплексно, серьезно анализируя все аргументы противоборствовавших сторон, учитывая доводы классовой борьбы, этноконфессиональные противоречия и сложные межличностные отношения политических акторов.

Говоря непосредственно о Туркестане, зачастую очень сложно разобраться, где классовая борьба переросла в противостояние на этноконфессиональной почве, а откровенная личная неприязнь прикрывалась лозунгами классовой и национальной борьбы, и наоборот.

Биография Александра Гзовского — это не просто история одного авантюриста и беспринципного человека, в понимании которого цель всегда оправдывала средства, а реальный пример того, как хитросплетения свойств человеческой природы нередко заставляют нас, историков, сомневаться в ответе на простой вопрос — кто из исторических персонажей был идейным борцом за свободу и независимость своего народа, а кто приспособленцем, желавшим любыми способами добиться власти.

С другой стороны, политическое двуличие, продемонстрированное Гзовским, и последние три десятилетия, прошедшие после демонтажа СССР, это хорошо иллюстрируют, явление не такое уж уникальное, и поменять «героев» и «антигероев» местами, следуя политической конъюнктуре, не так сложно, как может показаться на первый взгляд.

Библиография

- Абдуллаев Р.* Хроника противостояния // Звезда Востока. 1995. № 11–12. С. 199–202.
- Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). Ташкент, 2006.
- Алексеев П.* Кокандская автономия. Ташкент, 1931.
- Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.
- «В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет» / публ. Л.А. Молчанова // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 3 (24). С. 101–124.
- Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение: сборник документов и материалов / сост., предисл. и прим. С.М. Исакова. М.; СПб., 2019.
- Вильям фон Клемм.* Очерк революционных событий в русской Средней Азии / публ. В.Л. Гениса // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 3–25; 2005. № 1. С. 3–23.
- Гзовский А.* Социальная революция в Туркестане: полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания) / науч. ред. Т.В. Котюкова. М., 2021.
- Гиппиус З.* Дневники. М., 2017.
- Гнесин Ф.* Туркестан в дни революции и большевизма (краткое описание хода событий в Ташкенте, март–декабрь 1917 года) // Сопротивление большевизму 1917–1918 гг. М., 2001. С. 537–548.
- Джумаев А.Б.* «Скажите, а Ленин еще вернется?» К истории Октябрьской революции в Средней Азии: наброски и размышления с неизбежными экскурсами в современность // Дружба народов. 2017. № 10. С. 213–224.
- Исаков С.М.* Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии // Acta Slavica Iaponica. Т. XVIII. 2001. С. 204–223.

Кадырбаев А.Ш. Армянская диаспора и Дашнакцутюн в Туркестане. 1917–1921 годы // Восточный архив. 2013. № 2. С. 32–39.

Колесов Ф., Бобунов А. В борьбе с эмирской Бухарой // Война в песках. Материалы по истории гражданской войны к XII т. Гражданская война в Средней Азии / под ред. М. Горького и др. Л., 1935. С. 231–275.

Куманбаев Ж.Ж., Ташенев М.Ж. Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия: «Историческая». 2013. № 3 (70). С. 49–55.

Литвинов Б.Н. Воспоминания: в 2-х ч. Ч. 2. Гражданская война на Кавказе и в Закаспии. 1918–1920 гг. М., 2017.

Мякотин Е.А. Сила в нас самих. Чтение архива Соломона Герцфельда // Альманах «Еврейская старина». 2015. № 1 (84). URL: <http://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer1/Mjakotin1.php> (дата обращения: 01.03.2021).

Нуртазина Н.Д. Народы Туркестана: проблемы Ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX–XX веков). Алматы, 2008.

Сафаров Г. Колониальная революция. (Опыт Туркестана). М., 1921.

Скалабан В. Гэоўскі Аляксандр Іосіфавіч // Кантакты і Дыялогі. № 5. Мінск, 1988. С. 21–22.

Тосан З.В. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1998.

Халид Адиб. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 210–213.

Чокаев М. Национальное движение в Средней Азии / публ. С.М. Исхакова // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002. С. 656–693.

Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио; М., 2001.

Чокаев М. Революция в Туркестане. Февральская эпоха / публ. С.М. Исхакова // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 3–19.

Чокэй М. Я пишу Вам из Ножана... (Воспоминания, письма, документы). Алматы, 2001.

Gzowski-Junosza Aleksander // Zieliński S. Mały słownik pionierów polskich kolonialnych i morskich. Podróżnicy, odkrywcy, zdobywcy, badacze, eksploratorzy, emigranci, pamiętnikarze, działacze i pisarze migracyjni. Warszawa. 1933. S. 659–660.

Junosza-Gzowski A. W panstwie czerwonych ludozercow: powiesc z zycia bolszewickiej Rosji. Warszawa, 1921.

Junosza-Gzowski A. Półksiężyc i Gwiazda czerwona (wspomnienia turkestańskie). Warszawa, 1922.

Junosza-Gzowski A. Przez taiga i stepy. Poznan, 1925.

References

Abdullaev R. Hronika protivostoianiiia [Chronicle of confrontation] // Zvezda Vostoka [Star of the East]. 1995. № 11–12. S. 199–202. (In Russ.)

Azganhodzhaev S. Istoriia Turkestanskoi avtonomii (Turkiston muhtoriati) [The history of Turkestan autonomy (Turkiston mukhtoriyati)]. Tashkent, 2006. (In Russ.)

Alekseenkov P. Kokandskaia avtonomiia [Kokand autonomy]. Tashkent, 1931. (In Russ.)

Buttino M. Revoliutsiia naoborot. Sredniaia Aziaia mezhdru padeniem tsarskoi imperii i obrazovaniem SSSR [Revolution on the contrary. Central Asia between the fall of the Tsarist Empire and the formation of the USSR]. Moskva, 2007. (In Russ.)

“V Turkestane sovskaia vlast' ustanovila nebyvalyi do sikh por natsional'nyi gnet” / publ. L.A. Molchanova [“In Turkestan, the Soviet government has established unprecedented national oppression”] / publ. L.A. Molchanova // Vestnik RGGU. Serii: “Istoriia. Filologiiia. Kul'turologiiia. Vostokovedenie” [Bulletin of the Russian State University. Series: “History. Philology. Cultural studies. Oriental Studies”]. 2017. № 3 (24). S. 101–124. (In Russ.)

Velikaia rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda i musul'manskoe dvizhenie: sbornik dokumentov i materialov / sost., predisl. i prim. S.M. Ishakova [The Great Russian Revolution of 1917 and the Muslim movement: a collection of documents and materials / comp., preface and note by S.M. Iskhakova]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

William von Klemm. Ocherk revoliutsionnykh sobytii v russkoi Srednei Azii / publ. V.L. Genisa [An essay on revolutionary events in Russian Central Asia / publ. V.L. Genis] // Voprosy istorii [Questions of History]. 2004. № 12. S. 3–25; 2005. № 1. S. 3–23. (In Russ.)

Gzovskii A. Sotsial'naia revoliutsiia v Turkestane: polumesiats i krasnaia zvezda (turkestanskii vospominaniia) / nauch. red. T.V. Kotiukova [The Social revolution in Turkestan: the crescent and the red star (Turkestan memories) / ed. T.V. Kotyukova]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Gippius Z. Dnevniky [Diaries]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Gnesin F. Turkestan v dni revoliutsii i bol'shevizma (kratkoe opisanie hoda sobytii v Tashkente, mart–dekabr' 1917 goda) [Turkestan in the days of revolution and Bolshevism (a brief description of the course of events in Tashkent, March–December 1917)] // Soprotivlenie bol'shevizmu 1917–1918 gg. [Resistance to Bolshevism 1917–1918]. Moskva, 2001. S. 537–548. (In Russ.)

Dzhumaev A.B. “Skazhite, a Lenin eshhe vernetsia?” K istorii Oktiabr'skoi revoliutsii v Srednei Azii: nabroski i razmyshleniia s neizbezhnymi ekskursami v sovremennost' [“Tell me, will Lenin be back yet?” On the History of the October Revolution in Central Asia: sketches and reflections with inevitable excursions into modernity] // Druzhiba narodov [Friendship of Peoples]. 2017. № 10. S. 213–224. (In Russ.)

Ishakov S.M. Mustafa Chokaev o revoliutsii 1917 goda v Tsentral'noi Azii [Mustafa Chokaev on the 1917 revolution in Tsentral Asia] // Acta Slavica Iaponica [Acta Slavica Iaponica]. T. XVIII. 2001. S. 204–223. (In Russ.)

Kadyrbaev A.Sh. Armianskaia diaspora i Dashnaksutiun v Turkestane. 1917–1921 gody [Armenian Diaspora and Dashnaksutyun in Turkestan. 1917–1921 years] // Vostochnyi arkhiv [Eastern Archive]. 2013. № 2. S. 32–39. (In Russ.)

Kolesov F., Bobunov A. V bor'be s emirskoi Bukharoi [In the fight against Emir Bukhara] // Voina v peskakh. Materialy po istorii grazhdanskoi voiny k XII t. Grazhdanskaia voina v Srednei Azii / pod red. M. Gor'kogo i dr. [War in the sands. Materials on the history of the Civil War to the XII vol. The Civil War in Central Asia / ed. M. Gorky et al.]. Leningrad, 1935. S. 231–275. (In Russ.)

Kumganbaev Zh.Zh., Tashenev M.Zh. Turkestantskaia (Kokandskaia) avtonomiia i ideia edinogo Turkestana [Turkestan (Kokand) autonomy and the idea of a unified Turkestan] // Vestnik KazNU im. Al-Farabi. Seriya: “Istoricheskaiia” [Bulletin of KazNU named after Al-Farabi. Series: “Historical”]. 2013. № 3 (70). S. 49–55. (In Russ.)

Litvinov B.N. Vospominaniia: v 2 ch. Ch. 2. Grazhdanskaia voina na Kavkaze i v Zakasp'ii. 1918–1920 gg. [Memoirs: in 2 vol. Vol. 2. The Civil War in the Caucasus and Transcaspia. 1918–1920]. Moskva, 2017.

Mjakotin E.A. Sila v nas samih. Chtenie arhiva Solomona Gercfel'da [The power is in ourselves. Reading the archive of Solomon Hertzfeld] // Al'manah “Evrejskaja starina” [The Almanac “Jewish Antiquity”]. 2015. № 1 (84). URL: <http://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer1/Mjakotin1.php> (access date: 01.03.2021). (In Russ.)

Nurtazina N.D. Narody Turkestana: problemy Islama, integratsii, modernizatsii i dekolonizatsii (na rubezhe XIX–XX vekov) [Peoples of Turkestan: problems of Islam, integration, modernization and decolonization (at the turn of the 19th–20th centuries)]. Almaty, 2008. (In Russ.)

Ryskulov T. Revoliutsiia i korennoe naselenie Turkestana [Revolution and the indigenous population of Turkestan]. Tashkent, 1925. (In Russ.)

Safarov G. Kolonial'naia revoliutsiia. (Opyt Turkestana) [The Colonial Revolution. (The Experience of Turkestan)]. Moskva, 1921. (In Russ.)

Skalaban V. Gzojski Aliaksandr Iosifavich [Gzoiski Alyaksander Iosifavich] // Kontakty i Dialogi. № 5. Minsk, 1988. S. 21–22. (In Russ.)

Togan Z.V. Vospominaniia. Bor'ba narodov Turkestana i drugih vostochnyh musul'man-tjurkov za natsional'noe bytie i sohranenie kul'tury [Memoirs. The struggle of the peoples of Turkestan and other Eastern Muslim Turks for national existence and preservation of culture]. Ufa, 1998. (In Russ.)

Adib Halid. Turkestan v 1917–1922 godah: bor'ba za vlast' na okraine Rossii [Turkestan in 1917–1922: the struggle for power on the outskirts of Russia] // Tragediia velikoi derzhavy: natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soiuza [The Tragedy of the Great Power: the national question and the collapse of the Soviet Union]. Moskva, 2005. S. 210–213. (In Russ.)

Chokaev M. Natsional'noe dvizhenie v Srednei Azii / publ. S.M. Ishakova [National movement in Central Asia / publ. S.M. Iskhakova] // Grazhdanskaia voina v Rossii: sobytii, mneniia, otsenki. Pamiati Iu.I. Korableva [Civil War in Russia: events, opinions, estimates. In memory of Yu.I. Korablev]. Moskva, 2002. S. 656–693. (In Russ.)

Chokaev M. Otryvki iz vospominanii o 1917 g. [Excerpts from memories of 1917]. Tokio; Moskva, 2001. (In Russ.)

Chokaev M. Revoliutsiia v Turkestane. Fevral'skaia epokha / publ. S.M. Ishakova [Revolution in Turkestan. February epoch / publ. S.M. Iskhakova] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2001. № 2. S. 3–19. (In Russ.)

Chokai M. Ia pishu Vam iz Nozhana... (Vospominaniia pis'ma, dokumenty) [I am writing to you from Nogan... (Memoirs, letters, documents)]. Almaty, 2001. (In Russ.)

Gzowski-Junosza Aleksander // Zieliński S. Mały słownik pionierów polskich kolonjalnych i morskich. Podróznicy, odkrywcy, zdobywcy, badacze, eksploratorzy, emigranci, pamiętnikarze, działacze i pisarze migracyjni. Warszawa. 1933. S. 659–660.

Junosza-Gzowski A. W panstwie czerwonych ludozercow: powiesc z zycia bolszewickiej Rosji. Warszawa, 1921.

Junosza-Gzowski A. Półksiężyc i Gwiazda czerwona (wspomnienia turkestańskie). Warszawa, 1922.

Junosza-Gzowski A. Przez taiga i stepy. Poznan, 1925.

DOI: 10.31857/S013038640018260-4

© 2022 г. В.А. БАРМИН

БАСМАЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО ТУРКЕСТАНА В ПЛАНАХ НЕКОТОРЫХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ (1918–1933 годы)

Бармин Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия).

E-mail: valbarmin@mail.ru

Researcher ID: AAJ-8556-2021

Аннотация. Общие сюжеты истории басмаческого движения, участники которого боролись против советской власти в Туркестане с 1918 г. и до второй половины 1930-х годов XX в., исследованы сравнительно полно. Но при этом в большей части публикаций, посвященных этой проблеме, акцент делается на анализе причин, определивших возникновение движения, характеристике его социальной базы, основных задачах и этапах. Значительно меньше внимание уделяется вопросам, раскрывающим конечные цели основных союзников басмачей в борьбе с большевизмом в Туркестане, и тому, какое место в достижении подобных целей отводилось этому движению. Между тем это актуальная и значимая проблема. Ставшие в последние годы доступными для исследователей источники свидетельствуют, что у всех основных участников антисоветского фронта в Туркестане имелись собственные планы в отношении будущего этого региона. Реализация этих планов предусматривала тесное сотрудничество с басмаческим движением и ставила перед ним вполне определенные задачи. Анализ этих задач в планах адмирала А.В. Колчака, правящих кругов Афганистана, эмира Бухары, светских и религиозных авторитетов мусульман китайской провинции Синьцзян позволяет, с одной стороны, уточнить отдельные детали истории движения, а с другой – по-новому взглянуть на целый ряд сюжетов Гражданской войны в Туркестане. Полученные факты дают, в частности, основание говорить, что в борьбе за реализацию своих планов участники схватки с большевизмом являлись одновременно яркими соперниками. Представляется, что, в случае победы над советской властью, новый этап противостояния развернулся бы между бывшими союзниками и движение басмачей было бы втянуто в эту борьбу.

Ключевые слова: басмаческое движение, А.В. Колчак, белое движение, вооруженные формирования, Афганистан, Бухара, Синьцзян, Гражданская война в СССР, Туркестан, внешняя политика, РСФСР, СССР.

V.A. Barmin

The Basmachi Movement in Soviet Turkestan in the Plans of Some Anti-Bolshevik Forces (1918–1933)

Valerii Barmin, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

E-mail: valbarmin@mail.ru

Researcher ID: AAJ-8556-2021

Abstract. The general themes of the history of the Basmachi movement, whose members fought against Soviet rule in Turkestan from 1918 until the second half of the 1930s, have been relatively well

researched. However, most publications on the issue focus on an analysis of the reasons for the emergence of the movement, a description of its social base, and its main objectives and phases. Considerably less attention is given to issues revealing the ultimate objectives of the key allies of the Basmachi in their struggle against Bolshevism in Turkestan, and the role that this movement played in achieving those objectives. However, sources that have become available to researchers in recent years indicate that all the key participants of the anti-Soviet movement in Turkestan had their own plans for the future of the region. The implementation of these plans envisaged close cooperation with the Basmachi movement and set well-defined objectives for it. An analysis of these objectives in the plans of Admiral Alexander Kolchak, the ruling circles of Afghanistan, the Emir of Bukhara, and the secular and religious authorities of the Muslim community of the Chinese province of Xinjiang allows one, on the one hand, to clarify certain details of the movement's history and, on the other, to take a fresh look at a whole series of episodes in the civil war in Turkistan. In particular, the evidence suggests that the participants in the battle against Bolshevism were both bitter rivals in the struggle to bring their plans to fruition. It would appear that in the event of the defeat of the Soviets, a new phase of confrontation would have developed among the former allies, and the Basmachi movement would have been drawn into that struggle.

Keywords: Basmachi movement, Kolchak, White movement, armed groups, Afghanistan, Bukhara, Xinjiang, civil war, Turkestan, foreign policy, RSFSR, USSR.

Особое место в новейшей истории бывших советских среднеазиатских республик занимает вопрос возникновения и деятельности басмаческого движения, его роли и места в общем фронте антисоветских сил. Историография басмаческого движения зародилась уже в 1920-е годы. При этом сразу обозначился дискуссионный характер этой проблемы, поскольку ее исследователи «придерживались различных, зачастую диаметрально противоположных точек зрения на причины и корни басмачества, его движущие силы, сущность и направленность»¹.

В современной историографии среднеазиатских республик, а отчасти и в работах российских историков, басмачество более не рассматривается как однозначно контрреволюционное движение, но все более приобретает окраску народного, отстаивавшего интересы национальной самобытности, исповедования своих религиозных убеждений и права на собственный путь развития. Такой точки зрения придерживаются узбекский исследователь К.К. Раджабов², авторы интересных работ по проблеме С.Ф. Нарбеков и Р.У. Норбекова³ и многие другие. Российские исследователи Л.Е. Бляхер и И.Ф. Ярулин вообще делают вывод, что басмачество «мифологизировано советскими властями»⁴. Не бесспорную, но имеющую много сторонников характеристику такому подходу дал в свое время крупнейший американский историк Чарлз Бирд. Он писал, что «истина истории — это истина данного времени, служащая его нуждам, пригодная только для него. Поскольку каждое время требует истории, написанной с его точки зрения, историю то и дело приходится переписывать»⁵.

В новых условиях встает вопрос относительно объективной характеристики басмаческого движения. Признание или отрицание факторов его контрреволюционности как

¹ Пылев А.И. Об идеологических течениях басмаческого движения в Средней Азии в начальный период (1918–1920 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 2. № 10. С. 29.

² Раджабов К.К. Вооруженное движение против советской власти в Туркестане (1918–1935 гг.) // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа, 2019. С. 37.

³ Нарбеков С.Ф., Норбекова Р.У. Вооруженное восстание народов Туркестана против советского режима, его причины и последствия // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 1–4 (21). С. 34.

⁴ Бляхер Л.Е., Ярулин И.Ф. Кто такие басмачи? Советское мифотворчество и стигматизация Гражданской войны в Средней Азии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 2. С. 119.

⁵ Цит. по: Hexter J.H. On historians: Reappraisals of the makers of modern history. Cambridge, 1979. P. 16–17.

основного элемента деятельности может найти подтверждение среди прочего в процессе исследования связей и совместных действий с белогвардейскими войсками, антисоветскими организациями и правящими кругами сопредельных стран, ибо именно они вели борьбу с большевистскими властями советского Туркестана. При этом автор не ставит перед собой задачи исследования элементов сотрудничества с басмачеством великих держав, поскольку эта тема, несмотря на довольно обширную отечественную и зарубежную историографию, требует дальнейшей самостоятельной разработки.

Наиболее распространенной точкой зрения относительно времени возникновения басмачества как военно-политического явления считаются события, связанные с разгромом Кокандской автономии. Активный участник рассматриваемых событий П.А. Кобозев, в тот период чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК РСФСР по Средней Азии и Западной Сибири, в очерке «Две автономии» писал, что судьба Кокандской автономии была решена, по сути, словесным указанием В.И. Ленина⁶. Развязку событий ускорила также полученная информация об установлении связей с автономистами командования оренбургского казачества и бухарского эмира. Было перехвачено письмо атамана А.И. Дутова, который просил представителя военной секции при правительстве автономного Туркестана прапорщика Заведеева «непосредственно снести со следующими через Туркестанский край строевыми частями Оренбургского казачьего войска по вопросу о временной передаче этими частями имеющегося у них оружия в распоряжение временного правительства автономного Туркестана». Атаман опасался, что эти части будут разоружены «войсками Совета народных комиссаров Туркестанского края». В это же время в Коканде получили согласие эмира Бухары «поддержать автономное правительство Туркестана»⁷.

В результате, уже в начале февраля 1918 г. автономия была разгромлена частями Красной гвардии, а 30 апреля 1918 г. на V Краевом съезде Советов была провозглашена Туркестанская Советская Республика (ТСР). Однако следствием безграмотных решений советских и партийных властей Москвы и ТСР в отношении национального вопроса, на которые «удачно» легли непродуманные хозяйственные и политические реформы новой власти⁸, стало появление быстро набравшего массовый характер движения сопротивления коренного населения региона. Наиболее радикальной формой этого сопротивления и стало басмачество. П.А. Кобозев посчитал необходимым подчеркнуть: «Пренебрежение коренными интересами малых иноплеменных окраин может привести, что уже имело место в Туркестане (курсив мой. — В.Б.), к сильному падению авторитета и престижа Советской власти вообще»⁹.

Фактом остается также то, что первые крупные басмаческие отряды, возглавляемые курбаши Иргашем, Мадамин-беком, Махкам-ходжой, Рахманкулом и другими, возникли в Ферганской долине и именно здесь они получили наиболее массовую и активную поддержку местного населения. Во многом это было связано с тем, что разгром Кокандской автономии советскими войсками сопровождался неоправданными репрессиями, мародерством и насилиями, которые затронули значительную часть трудового населения. Занявший позже должность командующего группировкой Красной армии

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 22–23.

⁸ В частности, запрет торговли на базарах, монополизация и конфискация хлопка, разрушение привычного уклада жизни, антирелигиозная пропаганда, развернутая в грубых, оскорбительных для мусульман тонах и формах, и др. (см. *Бармин В.А.* О новых подходах к оценкам движущих сил и социальной базы басмаческого движения в Туркестане в 1918–1920 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». 2019. Т. 19. № 1. С. 12).

⁹ РГАСПИ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

в Фергане М.В. Сафонов писал, что «результат получился двойной: во-первых, враждебность к Советской власти, и второе, озлобление против европейцев вообще»¹⁰.

Вместе с тем, признавая, что басмаческое движение с момента своего зарождения носило антисоветский характер, будет вполне справедливо говорить и о том, что оно являлось движением национальным. Это обстоятельство вольно или невольно подчеркнул в своей статье, опубликованной в органе ЦИК ТССР газете «Известия», секретарь ЦК КП(б) Туркестана И.Г. Сольц¹¹. Это же определение дается движению во многих архивных документах, освещающих действия советских властей по борьбе с басмачеством. «Особенность высокой мобилизационной активности идеологии национализма» населения, нашедшей проявление в многолетнем басмаческом движении, отмечают и современные российские историки¹². Указанное обстоятельство проявило себя в том, что в начале своей деятельности отряды басмачей состояли почти исключительно из представителей коренного населения региона. Однако уже к середине 1918 г. их национальный состав начал заметно меняться и приобретать черты своеобразной интернациональности. Это явилось следствием того, что в его ряды стали вливаться «русские офицеры, бывшие чиновники царской администрации в Туркестане и семиреченские казаки»¹³. В сообщениях разведорганов Красной армии появляются информации о присутствии в «шайках басмачей» представителей белогвардейских армий и зарубежных эмиссаров. Так, разведчики доносили, что Мадамин-бек «встречал с радостью... всякого человека, недовольного советской властью, независимо от национальной принадлежности и вероисповедания»¹⁴. Об этом же пишет участник событий в Хорезме В.П. Дубянский. Он отмечает, что басмачи «объединялись со всеми монархическими и белогвардейскими группами без различия национальностей»¹⁵. В результате вскоре оказалось, что «при Мадамин-беке находятся... около 100 человек европейцев. По мелким шайкам тоже есть европейцы в качестве инструкторов». Кроме того, Мадамин-бек, как и другие курбаши, начал устанавливать связи с антисоветскими организациями в соседних регионах. Судя по сообщениям разведсводок, эти связи были весьма активными, поскольку информации вроде: «К Мадамин-беку из Семиречья приехала делегация из 5 человек из коих 2-е русских и трое татар (киргиз)» — обретают систематический характер. В это же время появляются первые сведения о поставках из-за рубежа оружия. Советскому командованию докладывают, что «в шайках стали появляться персы, которые... доставляют оружие»¹⁶.

Необходимость поиска союзников в развернувшейся борьбе для лидеров движения определялась среди прочего тем обстоятельством, что, осознавая национальный характер этой борьбы, понимая ее целеустановки, они в то же время не имели для достижения этих целей ни собственных сил, ни средств, ни возможностей. Эти факторы вынуждали их к сотрудничеству с белогвардейцами, правящими кругами сопредельных стран и великих держав. И те, и другие, и третьи вполне отвечали, по мнению курбаши, роли временных попутчиков, поскольку, с одной стороны, имели общего с басмачами врага, а с другой — обладали необходимыми для этой борьбы ресурсами.

Серьезный приток белогвардейского элемента в отряды басмачей начал идти с зимы 1918–1919 гг. после разгрома ряда действовавших в Туркестане подпольных белогвардейских и антисоветских организаций. В январе, после неудачной попытки мятежа,

¹⁰ Там же. Ф. 71. П. 34. Д. 1585. Л. 76.

¹¹ Там же. Д. 1527. Л. 97.

¹² *Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В. и др.* Этнополитические процессы в Центрально-азиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул, 2017. С. 231.

¹³ *Бармин В.А.* О новых подходах... С. 13.

¹⁴ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 149. Оп. 1. Д. 108. Л. 163–164.

¹⁵ Там же. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1438. Л. 14 об.

¹⁶ Там же. Д. 1585. Л. 1, 2.

в Ташкенте была разгромлена антисоветская организация во главе с военкомом Туркестанской республики К.П. Осиповым. После подавления мятежа Осипов с группой своих соратников примкнул к Мадамин-беку. Штаб частей Красной армии, действовавших в районе Андижана, сообщал в своем рапорте от 8 апреля 1919 г., что в завершившихся боях шайка басмачей действовала «под командованием Осипова»¹⁷.

В это же время была ликвидирована еще одна крупная антисоветская организация под названием «Туркестанская военная организация». Она отличалась тем, что в ней состояло большое количество офицеров бывшей царской армии. В число руководителей организации входил, например, штабс-капитан П.Г. Корнилов — младший брат генерала Л.Г. Корнилова, а общее руководство осуществлял бывший помощник генерал-губернатора Туркестана генерал-майор Е.П. Джунковский. После разгрома «ТВО» оставшиеся на свободе участники организации, как и «осиповцы», оказались в отрядах басмачей. Обе разгромленные организации имели связи с Сибирским правительством и атаманом Дутовым. Теперь эти связи стали работать на выстраивание контактов белогвардейцев с басмачами.

В феврале 1919 г. приказом РВС Туркестанской Советской Республики для борьбы с басмачеством был образован Ферганский фронт. Однако решить поставленную задачу его командование было не в состоянии. Численный состав подразделений нового фронта не превышал 1500 человек. При этом сами части имели слабую боевую подготовку и были плохо вооружены.

В это же время лидеры басмаческого движения предприняли ряд мер, направленных на консолидацию и согласованность действий их отрядов. В конце августа 1919 г. в Джелал-Абаде, а в октябре в селении Иркештам (Памир) было проведено два курултая (совещания), на которые прибыли наиболее видные курбаши. Особый интерес в этой связи представляет то, что оба курултая проходили при участии миссии, направленной штабом адмирала Колчака и представителей Афганистана. Это свидетельствовало о попытках формирования единого антисоветского фронта на просторах Средней Азии и Сибири, а также о том, что басмаческое движение стало занимать серьезное место в планах Омского правительства и окружения эмира Афганистана.

О том, что фактор басмачества привлекал все большее внимание Колчака и командующих его армий, говорили их настойчивые попытки наладить практическое взаимодействие с курбаши крупных отрядов. Именно для этого ставка Колчака «приступила к спешному формированию особых военных миссий в Хиву, Бухару и Фергану с целью реорганизации местных вооруженных сил и подготовки совместных действий против Советского Туркестана». Кроме того, от командующего Южной армией генерала Белова потребовали «установить контакты с хивинскими басмачами Джунаид-Хана»¹⁸.

Вполне очевидно, что многотысячная и относительно организованная армия басмачей рассматривалась и в Омске, и в штабах армий как серьезная сила, способная оказать белогвардейским соединениям реальную помощь в борьбе с Красной армией. Командующий ферганской группировкой Красной армии М.В. Сафонов сообщал, что в этот период «в ряды басмачей влился поток видных туркестанских белогвардейцев, особенно усилившийся после вытеснения Осипова из Ташкента», и что «с этого момента ферганское басмачество связывается с Сибирью и Бухарой». При этом Сафонов отмечал факт охотного встречного движения части басмаческих курбаши к союзу с белогвардейцами. Он указывает, что Мадамин не только «поддерживает связь с Колчаком и асхабадцами», но и «именует себя “командующим туркестанскими войсками белой гвардии”, заигрывает с русским крестьянством,

¹⁷ Из истории гражданской войны в СССР. Документы и материалы. Иностранная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. Май 1918 — сентябрь 1919 г. Алма-Ата, 1963. С. 473.

¹⁸ *Тимашков С.* Разгром южной армии Колчака. Август—сентябрь 1919 г. // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 38.

действует совместно с Осиповым и его белогвардейской сворой... агитирует за создание на выборных началах «автономного временного правительства» (курсив мой. — В.Б.) из мусульман и европейцев»¹⁹. Газета «Известия» в это же время писала, что «басмачи открыто проповедают и осуществляют союз с истинно русской белогвардейщиной»²⁰.

Однако на деле процесс выстраивания сотрудничества сторон оказался достаточно сложным. Оказалось, что не все крупные курбаши были согласны с созданием единого антисоветского фронта с белогвардейцами. Так, один из первых организаторов басмаческого движения в Фергане и командующий объединением нескольких крупных отрядов Иргаш был настроен против такого союза. Несмотря на то что атаман А.И. Дутов присвоил ему звание сотника и величал его в личном послании «хранителем интересов России в Фергане»²¹, Иргаш ориентировался на Бухарский эмират и выступал сторонником газавата — священной войны против неверных. Такая позиция не только исключала вариант тесного взаимодействия с белогвардейцами, но делала его врагом Мадамин-бека, поскольку последний стал рассматривать Иргаша «как помеху интернациональному белогвардейскому объединению»²². В конечном счете, различие в политических позициях двух крупнейших лидеров басмаческого движения в Фергане привело к серьезным военным столкновениям.

Кроме того, немалые сложности в процессе поисков контактов создавали разные подходы сторон в отношении будущего Туркестана. Известно, что у самого адмирала Колчака и большей части членов его правительства основной идейной установкой было воссоздание России как государства «единого и неделимого». Но такая позиция воспринималась национальными меньшинствами, в том числе, разумеется, и в среде басмачества, и у их наставников, сторонников идеи пантюркизма, как великодержавный русский шовинизм. О значимости этого вопроса говорит то, что даже в ситуации, когда в самой колчаковской армии с сентября 1919 г. начали формировать добровольческие мусульманские дружины Зеленого знамени и полки Магомета, Центральное национальное управление мусульман не смогло добиться от Омского правительства твердого обещания о признании национально-культурной автономии мусульман и «гарантии свободного культурного и духовного развития в будущем»²³. Как писал Н. Верт, «лозунг... “Россия будет великой, единой, неделимой” не оставлял никакой надежды иноверцам, стремящимся к автономии и независимости»²⁴.

Попытки встраивания басмаческого движения в свои планы колчаковцы продолжали на протяжении всего периода деятельности Омского правительства, вплоть до его падения и разгрома Красной армией вооруженных сил белогвардейцев. Однако представляются преувеличением заявления многих советских и отчасти российских историков о масштабности и значении помощи белогвардейцев басмаческому движению. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не содержат данных о поставках белогвардейцами басмачам значительных партий оружия или проведении совместных боевых операций. Нет также серьезных оснований говорить, что существовавшие контакты дали весомый результат в военной деятельности самих басмачей. Войска Южной армии и другие соединения белых сами испытывали нужду в оружии и боеприпасах. Известно, что в августе 1919 г. части 1-го Оренбургского казачьего корпуса перерезали ташкентскую железную дорогу и дошли до станции «Аральское море». Вполне возможно, что при благоприятном развитии событий они могли бы в дальнейшем наступлении на

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 78, 79.

²⁰ Там же. Д. 1527. Л. 101.

²¹ Цит. по: *Алескеров Ю.Н.* Интервенция и Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 31.

²² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 79.

²³ *Наумова Н.И.* Организация отрядов Зеленого знамени в Сибири // Сибирь в период Гражданской войны. Материалы международной научной конференции. Кемерово, 2007. С. 109.

²⁴ *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1994. С. 146.

Ташкент найти поддержку у басмачей. Однако отсутствие боеприпасов, продовольствия и множество больных при несогласованности действий командования и ожесточенном сопротивлении Красной армии остановили это наступление²⁵.

Следует отметить определенную роль довольно многочисленной группы офицеров бывшей царской армии, которые выполняли в басмаческих отрядах роль военных инструкторов. В то же время направленные в эти отряды офицеры колчаковских войск в силу своей малочисленности не сыграли какой-либо заметной роли в их деятельности. Сведения о результативности их работы практически не отложились в архивных источниках. Очевидным фактом является только то, что басмачи оттягивали на себя значительные силы и ресурсы Красной армии, облегчая тем самым положение белогвардейских войск.

В целом причины неудач предпринимавшихся командованием белогвардейских армий адмирала А.В. Колчака попыток активного использования басмаческого движения в своих планах объясняются, помимо отмеченных, несколькими объективными факторами. Во-первых, белогвардейцам так и не удалось установить свой контроль над значительной частью территории Туркестана, за исключением Семиречья и региона Закаспийской области. При этом в 1918–1920 гг., т.е. в период активной фазы Гражданской войны, эпицентром басмаческого движения являлась Фергана. Это обстоятельство затрудняло возможности прямых связей белогвардейских армий и басмаческих отрядов и, тем более, проведение совместных боевых операций. Как правило, документы, свидетельствующие о контактах с басмачами представителей ставки Колчака или эмиссаров штабов его армий, сообщают об обсуждении перспектив взаимодействия. По сути, это — своеобразные соглашения о намерениях. При этом абсолютно большая часть намеченных прожектов и планов остались на бумаге.

Во-вторых, сам период военных успехов колчаковских войск был относительно кратким, и к осени 1919 г. белогвардейские армии начали под ударами Красной армии поспешно отступать на восток. В то же время образованный 19 августа 1919 г. Туркестанский фронт, укомплектованный хорошо вооруженными, имевшими боевой опыт частями, быстро переломил ситуацию в борьбе с басмачеством. Уже к началу 1920 г. были разгромлены отряды курбаши Иргаша, Крестьянская армия К.И. Монстрова, после нескольких поражений сдался Мадамин-бек²⁶. В этой ситуации вопрос взаимодействия командования белогвардейских армий адмирала А.В. Колчака с басмаческим движением потерял практическое содержание.

Более результативные виды взаимодействия с басмаческим движением Туркестана удалось реализовать правящим кругам и правительствам некоторых сопредельных стран. Прежде всего здесь речь может идти об Афганистане, Бухаре и кругах светских и духовных авторитетов мусульманского населения китайской провинции Синьцзян. Тесные контакты и взаимодействие с басмаческим движением этих государств и заинтересованных политических сил объяснялись этническим родством, конфессиональным единством и традиционным характером многосторонних связей, населявших приграничные регионы народов.

Уже в первые месяцы деятельности басмачества его лидеры начали уделять внимание созданию идеологической базы движения. Известно, что идеология басмачества строилась на религиозных догматах, националистических лозунгах, постулатах панисламизма и пантюркизма. Задача идеологической работы с басмачами лежала на местных имамах, но довольно скоро на помощь к ним стали приходиться их заграничные «коллеги»

²⁵ Ганин А.В. Южная армия Восточного фронта // Тезисы 4-й научной конференции «Сибирь в период Гражданской войны». Кемерово, 2001. С. 95.

²⁶ Более подробно о Крестьянской армии К.И. Монстрова и ходе борьбы с басмачеством в 1919–1920 гг. см.: Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981.

из духовных центров Афганистана, Ирана, Бухары. И если раньше информаторы сообщали, что «в горы к киргизам отправлены агитаторы-муллы, с целью привлечь к себе киргизское население и уже часть киргиз присоединяется», то теперь они ставили свое руководство в известность, что «к Мадамину приехали 3 персидских муллы для влияния на население как сартовского, так и персов»²⁷.

В деле создания идеологической базы басмачества деятельное участие принимали пантюркисты. Их призывы к построению единого мусульманского государства совпадали с идеями правящих кругов Афганистана, Турции, авторитетов мусульманского населения Синьцзяна. Так, лидер алашардынцев Мустафа Чокаев в своих прокламациях и статьях призывал к созданию единой Турецкой Федеративной Республики. «Да, мы — туркмены, узбеки, казахи, киргизы, башкиры, татары, — писал он, — все являемся одной турецкой семьей»²⁸. Идею создания единого мусульманского государства активно пропагандировали, в том числе в рядах басмачей, пантюркисты, проживающие в соседнем Синьцзяне. Агенты Коминтерна сообщали, что влиятельной силой в Синьцзяне является панисламистская группировка, «объединяющая представителей торговой буржуазии, феодальной аристократии и фанатичного духовенства», и что она мечтает о создании «единого государства под флагом ислама»²⁹.

Иллюстрацией того, что работа панисламистов и пантюркистов давала эффект, служит обращение в политотдел 2-й туркестанской дивизии одного из командиров частей Красной армии. Он просил: «Посылать хотя бы один раз в неделю агитатора для устройства митинга и собеседования на туземном языке, что устранил случаи дезертирства»³⁰. Надо иметь в виду, что значительная часть дезертиров уходила с оружием в отряды басмачей.

В числе первых и наиболее активных иностранных союзников басмаческого движения в советском Туркестане выступили власти Афганистана. Уже в 1918 г. в отрядах басмачей стали появляться афганские офицеры, следом из Кабула начали поступать крупные партии оружия, а к периоду наивысшего подъема движения в некоторых отрядах басмачей воевали целые подразделения афганской армии³¹. Эту помощь эмир Афганистана Хабибулла-хан и его окружение развернули под лозунгом поддержки единоверцев в борьбе с Советами. После гибели в феврале 1919 г. Хабибуллы-хана его сын Аманулла-хан, несмотря на определенные шаги, направленные на сближение с Россией, во многом продолжил эту политику. Сообщения об участии офицеров и солдат афганской армии в боях на стороне «басмаческих шаек» приобрели регулярный характер. В своем обзоре о басмаческом движении за сентябрь 1919 г. штаб Туркфронта отмечал, что в отряде басмачей, прибывшем из Андхоя (Афганистан), «находилось около 60 афганцев». Здесь же сообщалось о поступившей из Афганистана для поддержки басмачей крупной партии продовольствия и фуража, которая была доставлена «караваном из 400 верблюдов»³². После поражений в ходе боевых столкновений с частями Красной армии басмачи уходили на территорию Афганистана. В приведенном выше обзоре говорится, что после разгрома «басмаческие шайки отступали... и их преследование продолжалось до Афганской границы, откуда они направление взяли на Андхой»³³. Приграничные с Туркестаном районы Афганистана превратились в это время в своеобразную тыловую базу басмачей.

Помощь афганских эмиров и их окружения басмачам носила откровенно корыстный характер. Это было очевидным в политике Хабибуллы-хана и еще более откровенным стало в действиях Амануллы-хана. Последний вполне серьезно рассматривал возможность

²⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 1, 2.

²⁸ Цит. по: *Аршаруни А.* Кризис Тюркской идеологии // *Новый Восток.* 1928. № 22. С. 251.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 181. Л. 16.

³⁰ РГВА. Ф. 1075. Оп. 2. Д. 289. Л. 40.

³¹ *Равич Н.А.* Молодость века. М., 1960. С. 69.

³² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 121.

³³ Там же. Л. 115.

установления своего контроля над большей частью Туркестана. Так что лозунг «помощи единоверцам» играл роль идеологического прикрытия далеко идущих планов по аннексии значительной части сопредельных территорий. В переговорах с полномочным представителем РСФСР в Афганистане Я.З. Сурицем Аманулла, спекулируя на своей борьбе с Англией, заявил: «Твердо веря в полную возможность объединения всех азиатских мусульман вокруг Афганистана, я думаю, что Советская Россия ради укрепления моих сил для будущей борьбы с Англией легко могла бы уступить мне только под протекторат Закаспийскую область, Хиву, Бухару и Фергану»³⁴. Панисламизм Аманулла-хана наглядно проявлялся в его проектах создания центральноазиатской конфедерации «в составе бывшего Хивинского и Кокандского ханств, Бухарского эмирата и самого Афганистана». Мадамин-беку его афганские советники предлагали «обратиться к Аманулла-хану с просьбой принять Туркестан “под покровительство Афганистана”, за что обещали 500 винтовок и 1,8 млн патронов к ним»³⁵. Народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин обращал внимание руководства страны на большую опасность, которую представляли попытки реакционных сил Афганистана «оказать поддержку контрреволюционным элементам Средней Азии»³⁶.

Укрепление советской власти в Туркестане после завершения активной фазы Гражданской войны, разгром и ликвидация Бухарского эмирата и Хивинского ханства, снижение активности басмаческого движения нанесли по планам Кабула ощутимый удар. Однако афганские власти от них не отказались окончательно. Поэтому поддержка басмаческого движения Афганистаном продолжалась с разной степенью активности до второй половины 1930-х годов.

Отдельное и весьма значимое место басмаческое движение занимало в планах бухарского эмира. При этом перед басмачеством здесь ставились разные задачи в период пребывания эмира на престоле и после краха эмирата под ударами Красной армии. После Октябрьской революции 1917 г. эмир Сейид Алим-хан заявил о полном суверенитете эмирата и аннулировании договора 28 сентября 1873 г., определявшего над ним протекторат России. Советское правительство признало суверенитет Бухары. Но уже весной 1918 г. руководство ТССР, откликаясь на призывы младобухарцев, предприняло авантюрную военную операцию с целью свержения Сейид Алим-хана. Операция закончилась провалом, привела к большим потерям и сильно ухудшила отношение Бухары к властям Туркестана. Эмир начал предпринимать активные шаги к установлению союзных отношений с Афганистаном и Хивинским ханством, приступил к укреплению своей армии. Бухара превратилась в это время в плацдарм антисоветских и контрреволюционных сил. Сюда бежали члены разгромленных антисоветских организаций и потерпевшие поражение басмачи. Вместе с тем и сам эмир, и его правительство, опасаясь нового военного столкновения с Советской Россией, вели себя весьма осмотрительно. Так, когда в Бухару прибыла делегация от нескольких басмаческих курбаши, в том числе таких влиятельных, как Иргаш, с предложением объявить советской власти газават, эмир многозначительно ответил: «Еще не время». Но тут же предложил «помощь оружием и людьми, которых (до 3-х тыс. человек) добровольцы-офицеры обучают военному делу в Картегине»³⁷. Помогая басмачам, Сейид Алим-хан надеялся на то, что, отвлекая значительную часть армии на борьбу с этим движением, советские власти не найдут в ближайшее время достаточных сил и резервов для нападения на Бухару. При этом он избегал огласки своих связей с басмачами. Но эмир недооценил масштабы стратегических планов

³⁴ Там же. Д. 1483. Л. 6.

³⁵ Оба фрагмента цит. по: *Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. М.; Барнаул, 2010. С. 41, 42.

³⁶ Цит. по: *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М., 1964. С. 77.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 78.

советского руководства и его возможностей. Бухара была обречена уже потому, что стояла на пути планов большевиков по развитию революционного движения на Восток. 2 сентября 1920 г. части Красной армии в ходе трехдневного штурма овладели Бухарой, и Сейид Алим-хану пришлось бежать.

Разгром Бухарского эмирата вызвал новую волну активизации басмаческого движения, центр которого сместился из районов Ферганы на территорию Восточной Бухары. Теперь Сейид Алим-хан рассматривал движение, которое возглавил его бывший чиновник Ибрагим-бек, как важнейший инструмент возвращения утраченного трона. Следует учитывать, что эмир все еще располагал весьма значительными финансовыми возможностями, поскольку сумел при побеге из Бухары вывезти свою казну. В это же время существенно возросла помощь басмачеству со стороны Афганистана. Это стало следствием того, что разгром Бухарского эмирата и создание Бухарской Народной Советской Республики (БНСР) означали крах планов Кабула, предусматривавших установление протектората над эмиратом и создание центральноазиатской конфедерации. В отрядах Ибрагим-бека оказалось много афганских и турецких офицеров. Многие из них служили в качестве инструкторов в армии Бухары до ее падения. Регулярный характер приобрели поставки из Афганистана оружия и боеприпасов.

С конца 1921 г. басмаческое движение на территории БНСР возглавил бывший крупный государственный деятель Турции и политический авантюрист, объявленный на своей родине государственным преступником, Исмаил Энвер-паша. Программа борьбы Энвер-паши строилась на прежних пантюркистских лозунгах строительства единого мусульманского государства. Новый лидер, как и его предшественник, находился в полной зависимости от Сейид Алим-хана и от поддержки правящих кругов Афганистана. Именно от них в течение 1922 г. он получал основную помощь людьми и оружием. Периодически в его отряды вливались целые подразделения афганской армии³⁸. Используя эту поддержку, Энвер-паше удалось в первой половине 1922 г. добиться в боях с разрозненными частями Красной армии заметных успехов. Однако уже к середине 1922 г. его отряды были разбиты, а сам он 4 августа убит при попытке пересечь афганскую границу. Тем не менее басмаческое движение в Восточной Бухаре в меньших масштабах продолжало действовать до второй половины 1930-х годов. Совершенно очевидно, что решающую роль в вопросе долговечности движения, наряду с некоторыми другими факторами, играла оказываемая ему поддержка со стороны афганских правящих кругов. Так, курбаши Ибрагим-бек, имевший постоянную базу своих отрядов в Афганистане, даже в начале 1930-х годов не только совершал оттуда постоянные рейды на советскую территорию, но и активно участвовал во внутривнутриполитической борьбе в самом Афганистане, выступая на стороне различных противоборствующих группировок. О сложности борьбы с басмачеством в этом регионе говорит тот факт, что советским подразделениям приходилось в некоторых случаях вести боевые действия даже на территории самого Афганистана. Тот же Ибрагим-бек был ликвидирован в 1931 г. именно на территории Афганистана.

Тем не менее к началу 1930-х годов основная фаза борьбы с басмачеством на территории теперь уже среднеазиатских советских республик была завершена. Бывший эмир Бухары Сейид Алим-хан, перебравшийся в Афганистан еще в 1922 г., продолжал поддерживать движение, но к началу 1930-х годов его возможности в этом отношении сильно сократились. Это объяснялось и потерей части имевшихся средств, и падением влияния на бывших подданных эмирата.

Таким образом, фактор басмачества, занимавший в планах Кабула и бухарского эмира весьма значимое место, в силу различных причин не принес афганским верхам тех выгод, на которые они рассчитывали. Во-первых, эти планы не учитывали велений

³⁸ Более подробно см.: *Ганковский Ю.* Энвер-паша среди басмачей // *Азия и Африка сегодня.* 1994. № 5. С. 59–61.

времени, стремлений и надежд народов, населявших земли Туркестана. А во-вторых, руководство советского Туркестана сумело в ожесточенной борьбе с контрреволюцией удержать власть и при всех ошибках и просчетах в решении национального вопроса найти формы и методы работы с коренным населением региона, лишившие басмачество его социальной базы.

Заметную роль в планах налаживания взаимодействия лидеров белогвардейского движения с басмачеством Туркестана сыграла граничащая с этим регионом крупнейшая китайская провинция – Синьцзян. Этническое родство и конфессиональное единство народов сопредельных территорий определяли их родственные и духовные связи. С началом Гражданской войны в России губернатор провинции Ян Цзэнсинь объявил о нейтралитете по отношению к противоборствующим сторонам и закрыл границу. Но на деле эмиссары атамана И.А. Дутова, Б.В. Анненкова, ряда других частей установили с провинцией тесные связи. Они не только закупали здесь необходимые им товары, но и комплектовали из рядов местного населения «целые подразделения»³⁹.

Авторитетные мусульманские деятели, представители богатого мусульманского купечества, перебравшиеся в Синьцзян после Октябрьской революции бывшие офицеры царской армии уже в 1918 г. начали оказывать действовавшим в Туркестане антисоветским силам существенную помощь. С начала 1919 г. в сообщениях работавших в провинции разведчиков все чаще появляются сведения об активизации контактов представителей белогвардейцев, купечества, дипломатов российских консульств с басмачами. Так, 4 января 1919 г. один из агентов сообщал, что «в русском консульстве в Кашгаре во главе с [консулом] Успенским было белогвардейское заседание по вопросу снабжения русских офицеров оружием и другими запасами, которые готовятся к выступлению. На собрании участвовало пять русских офицеров и несколько русскоподданных купцов, где было постановлено собрать для нужд этой банды сто пятьдесят тысяч рублей, на что буржуазия согласилась и обещалась помогать. План организовавшейся банды был занять Иркештам, где надеялись увеличить свою силу, а также и беспрепятственно добраться до банд Хал-Ходжи, Иргаша и присоединиться совместно с ними к Осипову и действовать»⁴⁰. В свою очередь сами басмачи искали контактов с белогвардейцами в Синьцзяне. Этот факт отмечали в своих выступлениях и статьях партийные руководители Туркестанской республики. Упомянувшийся выше И.Г. Сольц писал в статье «К борьбе с басмачеством», что на очередном совещании курбаши «его участники договорились “вступить в связь с русскими белогвардейцами Семиречья и Зап[адного] Китая”»⁴¹.

В начале 1920 г., после разгрома основных сил Колчака, на территорию Синьцзяна перешли и были здесь интернированы остатки частей Оренбургского казачьего войска под командованием атамана А.И. Дутова, стрелкового корпуса генерала А.С. Бакича и Семиреченской армии атамана Б.В. Анненкова⁴². Оказавшись на территории провинции, руководители русской военной эмиграции «начали предпринимать энергичные меры к восстановлению порядка в потрепанных частях и готовить их к новым сражениям»⁴³. Руководство как у старшего по званию оказалось в руках генерал-лейтенанта А.И. Дутова. Большие надежды в своих планах борьбы с советской властью атаман связывал с басмаческим движением в советском Туркестане. С этой целью он восстановил

³⁹ Бармин В.А. Об особенностях деятельности разведки белогвардейской армии А.В. Колчака в Синьцзяне в 1919–1920 гг. // VIII Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2020. С. 45.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1585. Л. 49.

⁴¹ Там же. Д. 1527. Л. 100 об.

⁴² Более подробно о белой эмиграции в Синьцзяне см.: Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010.

⁴³ Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998. С. 44–45.

ранее имевшиеся контакты с курбаши Иргашем. Предлагая Иргашу объединить усилия в борьбе с советами, атаман писал: «Теперь я жду только случая ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с Вами и общность действий»⁴⁴. В Ташкенте хорошо знали о планах совместной деятельности белогвардейцев Синьцзяна и басмачей. Знали поименно тех курбаши, которые проявляли в этом отношении особенную активность. Так, в одном из сообщений отмечается, что курбаши отряда «Парпи в отличие от Курширмата определенно ориентируется в сторону союза с русскими кулаками и белогвардейцами. В его штабе находятся русские офицеры, он несомненно ищет, если уже не установил, связь с Дутовым, Анненковым и прочими обломками... контрреволюции, находящимися в Западном Китае»⁴⁵.

Однако в феврале 1921 г. атаман Дутов в ходе операции семиреченских чекистов был убит. В мае–июне и в сентябре 1921 г. в ходе двух операций вошедшие на территорию провинции советские войска разгромили части генерала Бакича. Атаман Анненков после конфликта с китайской администрацией оказался в тюрьме. В результате планы белогвардейских лидеров в Синьцзяне были сорваны.

Но связи басмачей с видными мусульманскими деятелями в провинции после разгрома организованной белогвардейской эмиграции имели активное продолжение. В течение 1920-х годов отряды басмачей, пользуясь тем, что граница охранялась слабо, пересекали ее относительно свободно. В Синьцзяне они получали продовольствие, коней и отдыхали. Этот процесс активизировался в условиях начавшейся в советских республиках Средней Азии коллективизации. Многие кочевники, потеряв в ходе коллективизации свое имущество, пополняли басмаческие отряды.

В апреле 1931 г. в Синьцзяне вспыхнуло восстание мусульманского населения против колониальной администрации провинции. Скоро к отрядам повстанцев, выступавшим под зелеными знаменами ислама, стали присоединяться перешедшие из Туркестана отряды басмачей. Уже к концу 1931 г. в их рядах воевали басмачи таких известных курбаши, как Саты Волды и Джаныбек. О своем желании присоединиться к борьбе единоверцев заявили бывший лидер ферганского басмачества Курширмат и ряд других известных курбаши, проживавших в Афганистане и Турции. Некоторые руководители басмаческих отрядов оказались в числе военачальников повстанческого движения. Полпред ОГПУ по Средней Азии Р.А. Пиляр в справке для Средазбюро ВКП(б) с тревогой отмечал, что участие в повстанческом движении Синьцзяна туркестанских басмачей может «привести в ближайшее время к активизации деятельности национальных контрреволюционных элементов и басмачества путем организации басмаческих налётов на нашу территорию со стороны Кашгара, а наличие связей эмиграции с нашей территорией усиливает эмиграционные настроения и создаёт базу для пополнения басмгруппировок»⁴⁶.

Повстанческое движение коренного населения Синьцзяна в 1934 г. было подавлено китайскими властями при активной, в том числе и военной, помощи Советского Союза. Среди мотивов, определивших такую позицию Москвы, серьезное место занимала проблема борьбы с басмаческим движением.

Планы командования белогвардейских армий адмирала А.В. Колчака и правящих кругов некоторых сопредельных с советским Туркестаном государств, предусматривавшие налаживание тесного сотрудничества и взаимодействия с басмаческим движением в борьбе с советской властью, в конечном счете не были осуществлены. Основная причина этого заключалась в том, что все они являлись частью общей стратегии борьбы с советским правительством России, а эта борьба закончилась крахом белогвардейского движения и планов поддерживавших его сил. Очевидно также, что все участники борьбы с советской властью в Туркестане решали собственные задачи и пытались использовать

⁴⁴ Цит. по: *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975. С. 526.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1527. Л. 100.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 3037. Л. 59–68.

движение басмачей для их реализации. В случае гипотетической победы над большевизмом это обстоятельство определяло неизбежность дальнейшей борьбы между ними. В свою очередь басмаческое движение, будучи по своему характеру национальным, направленным на борьбу за независимый путь развития местных народов, в силу объективных причин оказалось заложником в политической игре своих союзников, преследовавших совершенно иные цели.

Библиография

- Алескеров Ю.Н.* Интервенция и Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959.
- Анисимова И.В., Бармин В.А., Бочкарева И.Б., Лысенко Ю.А. и др.* Политика России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX – начале XXI в. Барнаул, 2014.
- Аршаруни А.* Кризис Тюркской идеологии // Новый Восток. 1928. № 22. С. 249–258.
- Бармин В.А.* О новых подходах к оценкам движущих сил и социальной базы басмаческого движения в Туркестане в 1918–1920 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». 2019. Т. 19. № 1. С. 12–15.
- Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998.
- Бармин В.А.* Об особенностях деятельности разведки белогвардейской армии А.В. Колчака в Синьцзяне в 1919–1920 гг. // VIII Востоковедческие чтения памяти С.Г. Лившица. Материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2020. С. 43–47.
- Бляхер Л.Е., Ярулин И.Ф.* Кто такие басмачи? Советское мифотворчество и стигматизация Гражданской войны в Средней Азии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2016. № 2 (81). С. 109–123.
- Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. М.; Барнаул, 2010.
- Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1994.
- Ганковский Ю.* Энвер-паша среди басмачей // Азия и Африка сегодня. 1994. № 5. С. 59–61.
- Голиков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975.
- Зевелев А.И.* Из истории Гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959.
- Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И.* Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981.
- Из истории гражданской войны в СССР. Документы и материалы. Иностранная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. Алма-Ата, 1963.
- Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В. и др.* Этнополитические процессы в Центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул, 2017.
- Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). Барнаул, 2010.
- Наумова Н.И.* Организация отрядов зеленого знамени в Сибири // Сибирь в период Гражданской войны. Материалы международной научной конференции. Кемерово, 2007. С. 107–110.
- Нарбеков С.Ф., Норбекова Р.У.* Вооруженное восстание народов Туркестана против советского режима, его причины и последствия // Актуальные научные исследования в современном мире. № 1–4 (21). 2017. С. 34–40.
- Пылев А.И.* Об идеологических течениях басмаческого движения в Средней Азии в начальный период (1918–1920 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. Сер. 2. Вып. 2. № 10. С. 29–33.
- Равич Н.А.* Молодость века. М., 1960.
- Раджабов К.К.* Вооруженное движение против советской власти в Туркестане (1918–1935 гг.) // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа, 2019. С. 27–31.
- Тимашков С.* Разгром южной армии Колчака. Август–сентябрь 1919 г. // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 33–56.
- М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: сборник документов. М., 1941.
- Hexter J.H.* On historians: Reappraisals of the makers of modern history. Cambridge, 1979.

References

- Aleskerov Yu.N.* Interventsiya i Grazhdanskaya voyna v Sredney Azii [Intervention and Civil War in Central Asia]. Tashkent, 1959. (In Russ.)
- Anisimova I.V., Barmin V.A., Bochkareva I.B., Lysenko Yu.A. i dr.* Politika Rossii i Kitaya v Tsentral'noy Azii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI v. [Policy of Russia and China in Central Asia in the second half of the 19th – early 21st century]. Barnaul, 2014. (In Russ.)
- Arsharuni A.* Krizis Tyurkskoy ideologii // Novyy Vostok [Crisis of Türkic ideology] // New East. 1928. № 22. S. 249–258. (In Russ.)

Barmin V.A. O novykh podkhodakh k otsenkam dvizhushchikh sil i sotsial'noy bazy basmacheskogo dvizheniya v Turkestane v 1918–1920 gg. [On new approaches to assessing the driving forces and social base of the Basmach movement in Turkestan in 1918–1920] // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: "Sotsial'no-gumanitarnyye nauki" [Bulletin of the South Ural State University. Series: "Social Sciences and Humanities"], 2019. T. 19. № 1. S. 12–15. (In Russ.)

Barmin V.A. Sovetskii Soyuz i Sin'tsyan (Regional'nyy faktor vo vneshney politike Sovetskogo Soyuza) [Soviet Union and Xinjiang (Regional factor in the foreign policy of the Soviet Union)]. Barnaul, 1998. (In Russ.)

Barmin V.A. Ob osobennostyakh deyatelnosti razvedki belogvardeyskoy armii A.V. Kolchaka v Sin'tsyanе v 1919–1920 gg. [On the features of the intelligence activities of the White Guard army of A.V. Kolchak in Xinjiang in 1919–1920] // VIII Vostokovedcheskiye chteniya pamyati S.G. Livshitsa. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [VIII Oriental Readings in Memory of S.G. Livshits. Materials of the international scientific and practical conference]. Barnaul, 2020. S. 43–47. (In Russ.)

Blyakher L.Ye., Yarulin I.F. Kto takiye basmachi? Sovetskoye mifotvorchestvo i stigmatizatsiya Grazhdanskoй voyny v Sredney Azii [Who are the Basmach? Soviet mythmaking and stigmatization of the Civil War in Central Asia] // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz [Politia: Analysis. Chronicle. Forecast]. 2016. № 2 (81). S. 109–123. (In Russ.)

Boyko V.S. Vlast' i oppozitsiya v Afganistane: osobennosti politicheskoy bor'by v 1919–1953 gg. [Power and opposition in Afghanistan: features of the political struggle in 1919–1953]. Moskva; Barnaul, 2010. (In Russ.)

Gankovskiy Yu. Enver-pasha sredi basmachey [Enver Pasha among the Basmach] // Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]. 1994. № 5. S. 59–61. (In Russ.)

Golinkov D.L. Krusheniye antisovetskogo podpol'ya v SSSR [The collapse of anti-Soviet underground in the USSR]. Moskva, 1975. (In Russ.)

Iz istorii grazhdanskoй voyny v SSSR. Dokumenty i materialy. Inostrannaya interventsia i grazhdanskaya voyna v Sredney Azii i Kazakhstane. T. 1. May 1918 – sentyabr' 1919 g. [From the history of the civil war in the USSR. Documents and materials. Foreign intervention and civil war in Central Asia and Kazakhstan: in 2 vol. T. 1. May 1918 – September 1919]. Alma-Ata, 1963. (In Russ.)

Lysenko Yu.A., Barmin V.A., Anisimova I.V. i dr. Etnopoliticheskiye protsessy v Tsentral'noaziatskikh okrainakh Rossii v period revolyutsiy 1917 g. [Ethnopolitical processes in the Central Asian outskirts of Russia during the revolutions of 1917]. Barnaul, 2017. (In Russ.)

M.V. Frunze na frontakh grazhdanskoй voyny: sbornik dokumentov [On the fronts of the civil war: Collection of documents]. Moskva, 1941. (In Russ.)

Naumova N.I. Organizatsiya otrядov zelenogo znameni v Sibiri [Organization of Green Banner detachments in Siberia] // Sibir' v period Grazhdanskoй voyny. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Siberia during the Civil War. Materials of the international scientific conference]. Kemerovo, 2007. S. 107–110. (In Russ.)

Narbekov S.F., Norbekova R.U. Vooruzhennoye vosstaniye narodov Turkestana protiv sovetskogo rezhima, yego prichiny i posledstviya [Armed uprising of the peoples of Turkestan against the Soviet regime, its causes and consequences] // Aktual'nyye nauchnyye issledovaniya v sovremennom mire [Actual scientific research in the modern world]. 2017. № 1–4 (21). S. 34–40. (In Russ.)

Nazemtseva Ye.N. Russkaya emigratsiya v Sin'tsyanе (1920–1930-ye gg.) [Russian emigration in Xinjiang (1920s–1930s)]. Barnaul, 2010. (In Russ.)

Pylev A.I. Ob ideologicheskikh techeniyakh basmacheskogo dvizheniya v Sr yedney Azii v nachal'nyy period (1918–1920 gg.) [On the ideological trends of the Basmach movement in Central Asia in the initial period (1918–1920)] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg University]. 2003. Ser. 2. Vyp. 2. № 10. S. 29–33. (In Russ.)

Radzhabov K.K. Vooruzhennoye dvizheniye protiv sovetskoy vlasti v Turkestane (1918–1935 gg.) [Armed movement against Soviet power in Turkestan (1918–1935)] // Yedinstvo. Grazhdanstvennost'. Patriotizm. Sbornik nauchnykh trudov k 100-letiyu Respubliki Bashkortostan [Unity. Citizenship. Patriotism. Collection of scientific papers dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, 2019. S. 27–31. (In Russ.)

Ravich N.A. Molodost' veka. [Youth of the century]. Moskva, 1960. (In Russ.)

Timashkov S. Razgrom yuzhnoy armii Kolchaka. Avgust–sentyabr' 1919 g. [Defeat of Kolchak's southern army. August–September 1919] // Voyenno-istoricheskiy zhurnal [Military History Journal]. 1940. № 3. S. 33–56. (In Russ.)

Vert N. Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 [History of the Soviet state. 1900–1991]. Moskva, 1994. (In Russ.)

Zevelev A.I. Iz istorii Grazhdanskoй voyny v Uzbekistane [From the history of the Civil War in Uzbekistan]. Tashkent, 1959. (In Russ.)

Zevelev A.I., Polyakov Yu.A., Chugunov A.I. Basmachestvo: vznikoveniye, sushchnost', krakh [Basmachism: origin, essence, collapse]. Moskva, 1981]. (In Russ.)

Xexter J.H. On historians: Reappraisals of the makers of modern history. Cambridge, 1979.

DOI: 10.31857/S013038640018261-5

© 2022 г. **О.А. МАХМУДОВ**

«КРЫША МИРА» НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ АНГЛО-СОВЕТСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ (1917–1922 годы)

Махмудов Ойбек Анварович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН РУз; доцент исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан).

E-mail: oybek81@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2144-7464; Researcher ID: ABD-3168-2021

Аннотация. Революционные события и события Гражданской войны на Памире до настоящего времени мало исследованы и не до конца ясны. Это связано, прежде всего, с недостатком изучения архивных материалов. Благодаря впервые вводимым в широкий научный оборот документам становятся лучше понятны происходившие в регионе события. В статье главное внимание уделено разведывательной и антибольшевистской деятельности на Памире и в соседних регионах британского генерального консула в Кашгаре Перси Этертона. Отчеты и доклады П. Этертона свидетельствуют, что он активно привлекал для разведывательных целей как местное население, так и антибольшевистски настроенных русских. Отдельно можно выделить широкое использование исмаилитов Памира и исмаилитских пиров, часть которых стремилась не допустить установления советской власти в регионе и готова была в этом опереться даже на суннитов афганцев и бухарцев, а также заручиться поддержкой англичан. В статье показана борьба большевиков за утверждение своей власти на Памире и их контрразведывательные мероприятия против действий англичан в регионе. Предметом исследования становятся методы, которые использовали обе противоборствующие стороны, вопрос, кто оказывал им поддержку и почему антибольшевистские усилия британской стороны оказались, в целом, малоуспешными. На основании архивных документов и ряда исследований реконструируется ход борьбы с антисоветскими силами и повстанцами. Сам же Памир интересовал большевиков как путь, по которому можно было «экспортировать» революцию в Британскую Индию, что являлось частью политики распространения своей идеологии в Азии. Все это – малоизвестные страницы в истории региона. Использование новых архивных материалов позволило во многом иначе взглянуть на события, происходившие на Памире в 1917–1922 гг.

Ключевые слова: Памир, Туркестан, П. Этертон, Бухара, Китай, Индия, революция, разведка, исмаилиты, СССР, РСФСР, Великобритания.

О.А. Makhmudov

“The Roof of the World” at the Crossroads of Anglo-Soviet Geopolitical Interests (1917–1922)

Oybek Makhmudov, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan).

E-mail: oybek81@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2144-7464; Researcher ID: ABD-3168-2021

Abstract. The Anglo-Bolshevik confrontation in the Pamirs, as well as the problem of establishing Soviet authority in the region, is a poorly studied problem. The revolutionary events and the events of the Civil

War in the Pamirs are still not well considered and not completely clear. This is primarily attributable to a lack of examination of archival material. The documents, which are being analysed in academic literature for the first time, provide a better understanding of the events that took place in the region. The article focuses on the intelligence and anti-Bolshevik efforts in the Pamirs and neighbouring regions of the British Consul General in Kashgar, Percy Etherton. From the reports and messages of Etherton himself, it becomes clear that he actively attracted both the local population and anti-Bolshevik-minded Russians for intelligence purposes. Separately, one could emphasise the widespread engagements of the Ismailis of the Pamirs and Ismaili peers, some of whom sought to prevent the establishment of Soviet power in the region and were ready to rely even on the Afghan Sunnis and Bukharans, as well as enlist the support of the British. The article reviews the struggle of the Bolsheviks to establish their power in the Pamirs and their counterintelligence measures against the actions of the British in the region. The subject of the study is the methods used by the opposing sides, the matter of maintaining support and why the anti-Bolshevik efforts of the British were generally unsuccessful. Drawing on archival documents and a number of studies, the course of the struggle against anti-Soviet forces and insurgents is reconstructed. The Bolsheviks were interested in the Pamirs themselves as a route by which to “export” the revolution to British India, as part of their policy of spreading their ideology in Asia. These are all little-known pieces of the region's history. New archival materials have given a different perspective on the events that took place in the Pamirs between 1917 and 1922.

Keywords: Pamir, Turkestan, Percy Etherton, Bukhara, China, revolution, Intelligence, Ismailis.

Британская и Российская империи, а затем и СССР имели опыт многолетнего геополитического противостояния в Центральной Азии, известного как Большая игра. После крушения Российской империи и прихода к власти большевиков это противостояние в Центрально-Азиатском регионе отнюдь не прекратилось, но лишь приобрело несколько иные формы и другое идеологическое содержание. Одним из регионов Центральной Азии, ставших ареной столкновения британских и советских интересов, являлась территория российского, китайского и афганского Памира, а также сопредельных областей.

На основании архивных материалов и ряда исследований в статье анализируется деятельность британских спецслужб и борьба с ними Советского государства на территории Памира и прилегающих регионов в 1917–1922 гг., рассматриваются особенности утверждения советской власти на Памире.

Следует отметить, что рассматриваемая проблема мало привлекала внимание исследователей. Но даже те немногочисленные публикации, которые появлялись как в советской, так и в западной историографии, во многом находились в плену идеологических клише и представлений¹. Но если события, происходившие в 1917–1922 гг. на основной территории Центральной Азии, хоть как-то освещались в советских и некоторых западных исследованиях, то ситуация на Памире почти не становилась темой специальных исследований. Немногочисленные советские публикации, в части которых затрагивались и события на Памире в 1917–1922 гг., преувеличивали активность британской разведки с целью свержения советской власти в Центральной Азии, что, как ни странно, находит подтверждение в западных источниках, которые всячески подчеркивали опасность советской экспансии в регионе. При этом в советской историографии в целом существовала традиция игнорирования британской документальной источниковой базы. Западные

¹ Тимошков С.К. Борьба с английской интервенцией в Туркестане. М., 1941; Бабаходжаев Д.Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918–1924). Ташкент, 1957; Зевелев А.И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959; Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1963; Хидоятлов Г.А. Правда против лжи. Ташкент, 1964; Алахвердов Г.Г. и др. Краткая история гражданской войны в СССР. М., 1960; Гафурова К.А. Документы разоблачают. Отчет о Кашгарской миссии, 1918–1920 гг. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 30–41; Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981, и др.

исследования вопроса также во многом находились под влиянием этих материалов, прежде всего различных донесений и публикаций английских участников событий², которые нередко не подвергались серьезному критическому анализу.

После 1991 г. в работах некоторых историков сохранилось некритичное отношение к существующим мифам и спорным тезисам о британских действиях в Центральной Азии и была продолжена традиция игнорирования британских документальных источников³. В результате так называемой «архивной революции» были открыты ранее недоступные документы бывших советских архивов, а исследователи постсоветских стран смогли работать в архивах Великобритании. Но основанных на новых документах исследований событий этого периода в Центральной Азии, включая Памир, мало. Можно назвать лишь работы М.К. Басханова и Ю.Н. Тихонова⁴.

Появилось и несколько публикаций западных исследователей⁵, в которых довольно критично оценивается деятельность британских агентов в регионе, прежде всего Ф. Бейли и П. Этертона. До сих пор исследователям все еще недостаточно известно о действовавших в регионе английских и советских агентах-провокаторах, о работе разведки и контрразведки отчасти просто потому, что давно уже известные факты не подвергались критическому анализу. При этом во всех этих публикациях мало или совсем не уделялось внимания событиям, происходившим на Памире, что связано, возможно, как с недостаточной источниковой базой, так и с периферийностью региона.

Туркестан с 1917 г., как и вся территория бывшей Российской империи, был охвачен революционными событиями. В марте 1917 г. край возглавил Туркестанский комитет Временного правительства.

Несмотря на существование телеграфной связи между Ташкентом и Кашгаром, британское консульство имело очень смутное представление, что происходит по ту сторону границы. Первая мировая война продолжалась, и британские власти в Индии серьезно беспокоили предполагаемые, а скорее воображаемые, попытки Германии и Турции проникнуть на Ближний Восток и в Центральную Азию с вытекающими отсюда угрозами контроля над важнейшими ресурсами и возможным разжиганием политических беспорядков в Индии. Поэтому по инициативе правительства Британской Индии было принято решение усилить работу в Центральной Азии по сбору разведанных, направив туда две миссии. Одной из них был небольшой отряд под командованием генерала Уилфрида Маллесона, направленный в Северо-Восточный Иран⁶, а другой – миссия в Кашгар.

² *Blacker L.V.S.* On Secret Patrol in High Asia. London, 1922; *Etherton P.T.* In the Heart of Asia. Boston, 1926; *Bailey F.M.* Mission to Tashkent. London, 1946; *Swinson A.* Beyond the Frontiers. The biography of Colonel F.M. Bailey explorer and secret agent. London, 1971; *Skrine C.P.*, *Nightingale P.* Macartney at Kashgar. New Light on British, Chinese and Russian Activities in Sinkiang, 1890–1918. London, 1973, и др.

³ См., например: *Ганин А.В.* Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. М., 2005; *Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX в. Душанбе, 2009.

⁴ *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008; *Басханов М.К.* События Гражданской войны в Туркестане и Семиречье в отчетах и донесениях британского консула в Кашгаре подполковника П.Т. Этертона (1918–1920) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 42–60.

⁵ *Poppellwell R.J.* Intelligence and Imperial Defence. British Intelligence and Defence of the Indian Empire 1904–1924. London, 1995; *Waugh D.C.* Etherton at Kashgar: Rhetoric and Reality in the History of the “Great Game”. Seattle, 2007.

⁶ Подробнее см.: *Malleson W.* The British Military Mission in Turkistan, 1918–1920 // Journal of the Central Asian Society. 1922. № 9/2. P. 96–110; Manual of Instructions to Officers of Political Department. 2nd ed. Simla, 1924; *Kelly D.* End of the Great Game: British Intervention in Russia's Southern Borderlands and the Soviet Response // The Journal of Slavic Military Studies. 2000. Vol. 13. № 4. P. 84–100; *Sargent M.* British Military Involvement in Transcaspia (1918–1919) // Conflict Studies Research Centre. Caucasus Series. 2004. № 04/02.

В состав миссии в Кашгар, покинувшей Индию в июле 1918 г., входили три боевых офицера: полковник Фредерик Бейли, майор Стюарт Блэкер и майор Перси Этертон. Цель миссии — точно выяснить, что происходит в советском Ташкенте, и попытаться наладить там отношения с новым советским режимом, с тем чтобы не допустить поставок хлопка из Туркестана немцам. При этом в инструкции Кашгарской миссии рекомендовалось «использовать каждую появившуюся возможность для полезной интервенции в Центральную Азию, если будет на то получено одобрение правительства Индии»⁷.

В Кашгар члены миссии прибыли 7 июня 1918 г. и находились там до 24 июля. Первоначально предполагалось, что Бейли сменил давнего консула в Кашгаре Джорджа Макартни в связи с его уходом в отставку. Но Бейли отказался от этой должности и предложил занять ее Этертону. Обосновал он это тем, что из-за нового назначения он вынужден будет снова отложить отпуск в Англию⁸. В одном из писем к матери Бейли написал, что «не представляет себе этого (задания. — О.М.)»⁹. 24 июля 1918 г. Бейли вместе с Блэкером и Макартни уехали в Ташкент¹⁰, а Этертон остался в Кашгаре, заняв должность британского консула¹¹. Ташкентская миссия была лишь одним из элементов укрепления политического потенциала Кашгарского консульства. С целью повышения эффективности его разведывательной деятельности правительством Индии было увеличено специальное финансирование для расширения сбора разведывательной информации¹².

Кашгарское консульство стало одним из основных центров по сбору сведений о происходящем в Центральной Азии. Особую роль в этом сыграл Этертон. За время пребывания в должности британского консула в Кашгаре с 1918 по 1922 г. он развил чрезвычайно бурную разведывательную деятельность в восточных районах Центральной Азии и смежных областях¹³.

Этертон направлял донесения с разведанными и сводками в Иностранный и политический департамент правительства Индии, начальнику Генерального штаба индо-британской армии, директору Специального бюро информации, а также британскому посланнику в Пекине¹⁴. Его разведсводки содержали сведения о событиях, происходящих на территории Ферганской области, в Семиречье, Бухаре, Синьцзяне и на Памире. Данные, содержащиеся в этих донесениях, имеют разную степень ценности и достоверности, так же как по-разному может оцениваться эффективность деятельности Этертона и его агентов.

К моменту прибытия Этертона в Кашгар на Памире сложилась чрезвычайно сложная, запутанная и неоднозначная ситуация. Известия о победе Февральской революции были получены здесь 3 апреля (21 марта) 1917 г.¹⁵ Начальник Памирского отряда полковник И.Д. Ягелло, возглавлявший и гражданскую администрацию на Памире, сразу же поддержал революцию. Во второй половине апреля был образован Общепамирский

⁷ *Fraser G.* Basmachi-I // *Central Asian Survey.* 1987. № 1. P. 24.

⁸ *Stewart J.* Envoy of the Raj: The Career of Sir Clairmont Skrine, Indian Political Service. Maidenhead, 1989. P. 221. Note 46.

⁹ *Waugh D.C.* Op. cit. P. 12. Note 18.

¹⁰ Подробнее о миссии Ф. Бейли и его деятельности в Ташкенте см.: *Blacker L.V.S.* Op. cit.; *Bailey F.M.* Op. cit.; *Swinson A.* Op. cit. P. 10–12; *Hopkirk P.* Setting the East Ablaze: Lenin's Dream of an Empire in Asia. New York, 1995. P. 2–5.

¹¹ Национальный архив Узбекистана (далее — НАУз). Ф. Р-2754. Оп. 1. Д. 4. Л. 1. Отчет подполковника Ф.М. Бейли о военно-разведывательной Кашгарской миссии, действовавшей в Ташкенте и Туркестане в 1918–1920 гг.

¹² *Waugh D.C.* Op. cit. P. 14.

¹³ *Басханов М.К.* Указ. соч. С. 46.

¹⁴ Там же. С. 47.

¹⁵ Все даты приводятся по григорианскому календарю, а в случае указания даты в документе по юлианскому в скобках указывается дата и по этому календарю.

комитет Временного правительства. Возглавил его зауряд-военный чиновник¹⁶ Т.Н. Белов¹⁷, членами комитета являлись представители местного населения Хайдар-Шо Мубаракшоев¹⁸ (заместитель председателя), Саид-Джалолов и др. С мая 1917 г. на Памире стали создаваться волостные исполнительные комитеты.

Попытавшись юридически отделить западно-памирские владения от Бухарского эмирата, в состав которого де-юре они входили, Исполком Шугнанской волости 21 (8) мая 1917 г. постановил перейти к самоуправлению и отказаться от назначения представителей бухарского эмира¹⁹. Эмир Бухары, проигнорировав это постановление, направил на Памир нового исправляющего должность бека Шо-Гадо Токсобу²⁰, но он не был пропущен на Памир Рушанским волисполкомом²¹.

9 июля (26 июня) 1917 г. Совещание при Туркестанском комитете утвердило²² «Временное положение об управлении Памирским районом»²³. В нем указывалось, что за начальником Памирского отряда сохранялось лишь командование отрядом. Вся гражданская власть в районе передавалась Памирскому районному комиссариату.

Подполковник В.В. Фенин²⁴ был назначен новым начальником Памирского отряда. Комиссаром же Памирского района был утвержден И.И. Зарубин²⁵. 7 августа (25 июля) они оба прибыли в Хорог и сразу же включились в бурную политическую жизнь Памира.

В это время на Памире существовали несколько политических партий и группировок местных жителей, имеющих свои интересы. Первая группировка возглавлялась главой Общепамирского комитета Временного правительства Беловым, стремившимся занять должность комиссара Памирского района. В этом его поддерживал Совет солдатских депутатов Памирского отряда. Еще одна влиятельная группировка состояла из ишанов²⁶ Сайид-Махмуд-Шо из Шах-дары и Сайид-Мурсал из Сучана и бывшего шахдаринского волостного Азиз-хана. Комиссара же Зарубина поддерживали начальник отряда Фенин, волостные советы во главе с Хайдар-шо Мубаракшоевым, а также влиятельнейший на Памире ишан Юсуф-Али-шо, находившийся во враждебных отношениях с обоими вышеназванными пирами.

¹⁶ Зауряд-чиновник военного ведомства (зауряд-военный чиновник) — категория военнотружущих Российской императорской армии, использовавшаяся для замещения в военное время классных должностей в частях войск, управлениях и заведениях при недостатке соответствующих чиновников Военного ведомства.

¹⁷ Харюков Л.Н. Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995. С. 114.

¹⁸ Один из лидеров панджабхайства — движения реформаторства в памирском исмаилизме.

¹⁹ НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 10069. Л. 28. Постановление [№ 6] Шугнанского волостного Исполнительного комитета от 8 мая 1917 г.

²⁰ НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 319. Отношение Российского Резидентства в Бухаре Дипломатическому чиновнику при Туркестанском генерал-губернаторе от 19 декабря 1917 г.

²¹ Ниалло А. По горным тропам. Памирские путевые заметки. М.; Т., 1933. С. 133.

²² Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3678. Л. 32–32 об. Выписка из журнала Совета по делам [Туркестанского] края от 26 июня 1917 г. за № 14.

²³ НАУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 519. Л. 255–256. Выписка из журнала совещания при Туркестанском комитете от 16 июня 1917 года за № 13.

²⁴ Фенин Валериан Викторович (1875–1933) — подполковник Российской императорской армии, выпускник Павловского военного училища. С 1897 г. офицер 1-го Туркестанского стрелкового батальона. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой мировой войны. В 1906–1907 гг. начальник Ташкурганского поста. Обучался в 1907–1909 гг. в Ташкентской офицерской школе восточных языков (урду, персидский, узбекский) и европейских наречий (английский и др.). В 1912–1914 гг. старший офицер Памирского отряда. С 1914 г. на фронте. В 1915 г. тяжело ранен и признан негодным к службе на фронте. 19 (6) июля 1917 г. назначен начальником Памирского отряда. В ноябре 1918 г. с частью отряда ушел в Индию. В 1929–1930 гг. председатель «Русского дома» в Багдаде.

²⁵ Зарубин Иван Иванович (1887–1964) — ученый-иранист, доктор филологических наук, профессор, основоположник советского научного таджиковедения и памироведения.

²⁶ Ишан или пир — здесь религиозный лидер исмаилитов памиро-гиндукушского региона.

Еще одной внешней силой, стремившейся установить на Памире свою власть, был Бухарский эмират. 23 (10) октября 1917 г. Азиз-хан совместно с обоими ишанами направили письма к бухарскому эмиру и дарвазскому беку Тураб-Кули-беку с призывом занять Западный Памир²⁷. Но эти послания были перехвачены²⁸.

Действия Азиз-хана и его сторонников обсуждались Шугнанским волисполкомом 6 ноября (24 октября) 1917 г.²⁹, а 11 ноября (29 октября) состоялось заседание комиссии, решившей «выслать... Азиз-хана в пределы Сарыкола, под надзор и в распоряжение начальника Ташкурганского поста»³⁰. Правда, вскоре при помощи Фенина Азиз-хану удалось вернуться³¹.

Октябрьские события в Петрограде и большевистский переворот в Ташкенте 10 ноября (28 октября) 1917 г., свергнувший власть Туркестанского комитета во главе с генералом П.А. Коровиченко и его помощником графом Г.И. Доррером³², в корне изменили всю ситуацию в крае, в том числе и на Памире. 18 (5) декабря 1917 г. было проведено объединенное заседание солдатского комитета Памирского отряда, Шугнанского волостного комитета и двух представителей Памирского районного комитета. Было принято решение о ликвидации комиссариата Временного правительства и избран новый комитет. Зарубин вынужден был подчиниться, 19 (6) декабря 1917 г., сдав дела комиссариата представителям новообразованного комитета³³, он покинул Памир³⁴.

Фенин проигнорировал приказы большевистского правительства и сохранил прежнюю систему власти. Об установлении власти большевиков в Петрограде и Ташкенте населению Памира стало известно лишь 2 июля 1918 г. из письма бывшего председателя Общепамирского комитета солдат рядового Памирского отряда П. Воловика, отправленного им из Ташкента в Общепамирский комитет солдат. Оно было обсуждено на отрядном комитете солдат, рекомендовавшем обсудить его во всех постовых комитетах³⁵. 29 (16) августа 1918 г. приказом Народного комиссариата по военным делам Туркеспублики Памирский отряд был подчинен непосредственно управляющему отделом обороны Военного комиссариата Республики³⁶.

1 ноября 1918 г. подполковник Фенин с частью офицеров и солдат Памирского отряда в составе 32 человек ушли в Индию³⁷, забрав всю отрядную кассу. После их ухода Общепамирский комитет Временного правительства распался.

²⁷ НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 311. Перевод письма Азиз-хана Миру Дарвазскому Туроб-Кули-беку.

²⁸ См.: НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 312–313. Рапорт начальника Памирского отряда на имя Окружного Генерал-Квартирмейстера Туркестанского военного округа от 20 октября 1917 г.

²⁹ НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 316. Постановление № 13 Шугнанского исполнительного комитета от 24 октября 1917 г.

³⁰ Там же. Л. 317.

³¹ *Ниялло А.* По горным тропам. С. 136.

³² Подробнее см.: Доклад помощника генерального комиссара [Туркестанского комитета] Временного правительства Г.И. Доррера А.Ф. Керенскому об Октябрьской революции в Ташкенте от 29 октября 1917 г. // Центральный государственный архив города Ташкента. Ф. С-10. Оп. 13. Д. 10. Л. 9–15; Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Т., 2000. С. 61–67.

³³ НАУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 15. Л. 55–55 об. Донесение временно и.о. Комиссара Памирского района Туркестанскому комитету Временного правительства от 6 декабря 1917 г.

³⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 148. Оп. 1. Д. 102. Л. 2. Письмо И.И. Зарубина в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии от 20 (4) февраля 1918 г.

³⁵ *Назаршоев М.Н.* Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм (1918–1968 гг.). Душанбе, 1970. С. 12.

³⁶ НАУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 1169. Л. 175. Приказ по Рабоче-Крестьянской армии Ферганской области от 30 августа 1918 года № 76.

³⁷ НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 325. Доклад П. Воловика о Памирах. Сентябрь 1921 г.; *Назаршоев Н.М.* На южном рубеже. Российские пограничники в Таджикистане XIX–XXI вв. М., 2017. С. 337.

После бегства Фенина некий Хакимшо вызвал с Памирского поста начальника Восточных постов капитана С.В. Заимкина. Он прибыл с отрядом в Хорог и занял его³⁸. Исламитские ишаны при помощи бухарцев, опираясь на этот отряд, пытались захватить власть на Памире, но не встретили поддержки жителей, помнивших прежние притеснения и издевательства бухарцев. Население предпочло поддержать сторонников советской власти. Капитан Заимкин со своим отрядом был вынужден уйти из Хорога, где был образован Памирский ревком. Но укреплению власти большевиков мешало то, что отряды антибольшевистских повстанцев («басмачей») с середины 1918 г. прервали связь между Памиром и Туркестаном.

Как видно, к началу деятельности Этертона в Памирском регионе ситуация здесь была очень сложная и запутанная. Но Этертону удалось создать на русском Памире и в сопредельных районах Китая сеть информаторов, в том числе и среди настроенных антибольшевистски российских военных. Консул обеспечивал разведку на китайской стороне к югу от Кашгара, используя в том числе и членов русского гарнизона Ташкурганского поста под командованием штабс-капитана М.Б. Вильгорского. Сведения же о происходящем в Сарыколе и Ваханском коридоре доставлялись Этертону жившими здесь памирцами-исмаилитами, видимо, завербованными им при посредничестве исмаилитских пириров, сотрудничавших с англичанами.

Этертон в своих донесениях регулярно сообщал о ситуации в Памирском районе и настроениях местного населения. Так, например, в июне 1919 г. он телеграфировал своему начальству в Индии следующее: «Положение большевиков в Фергане с каждым днем становится все более шатким. Им не хватает продовольствия, нефти, боеприпасов, денег и всевозможных припасов...» На Памире, где сложилась подобная ситуация, один из влиятельнейших вождей мургабских киргизов заверил Этертона, что «киргизы на русском Памире решительно настроены пробритански и что большевистским донесениям и прокламациям у нас (киргизов. — *О.М.*) не уделяется никакого внимания»³⁹.

Советское правительство Туркестана также пыталось укрепить свою власть на Памире. В ноябре 1918 г. для этого, а также для борьбы против действий английских агентов СНК Туркестанской АССР направил на Памир специальную Военно-политическую комиссию и добавочный отряд во главе с большевиком А.А. Холмаковым⁴⁰, прибывшую в начале февраля 1919 г. в Хорог⁴¹. Среди задач, стоящих перед комиссией, было «оформление народных революционных органов власти на местах и охрана государственной границы РСФСР на Памире»⁴². В ревком, созданный при отряде, вошли сам Холмаков, Воловик и Руднев⁴³.

23 июля 1919 г. Холмакова и еще нескольких человек убили четыре офицера-мадьяра из бывших австрийских военнопленных, ранее содержавшихся в Туркестане и вставших на сторону антибольшевистских сил. Они были задержаны при попытке перевезти английские винтовки из Афганистана и, возможно, были связаны с английской разведкой. На следующий день исполнение обязанностей политического руководителя Памирского района было возложено на Воловика⁴⁴.

³⁸ *Ходжибеков Э.* Исламитские духовные наставники (пиры) и их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана (вторая половина XIX – 30-е годы XX в.). Душанбе, 2011. С. 109.

³⁹ *Waugh D.C.* Op. cit. P. 41.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2168. Л. 399 об. Приказ по Штабу Туркестанского военного округа от 6-го июля 1917 года № 187.

⁴¹ Доклад П. Воловика о Памирах. Л. 326.

⁴² *Назаршоев М.Н.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление советской власти на Памире // *Очерки по истории Советского Бадахшана.* Душанбе, 1985. С. 102.

⁴³ *Ниалло А.* У подножья Солнца // *Просвещение национальностей.* 1934. № 6. С. 77.

⁴⁴ Доклад П. Воловика о Памирах. Л. 326; *Ниалло А.* По горным тропам. С. 137; *Назаршоев М.Н.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции... С. 105; *Его же.* На южном рубеже. С. 337.

В конце 1919 г. на Памир одним из глав белогвардейских сил Ферганской долины генералом А.В. Мухановым, сотрудничавшим с Этертоном, был отправлен отряд во главе с полковником В.Н. Тимофеевым. Значительная часть отряда состояла из бывших австрийских военнопленных чехов и мадьяр⁴⁵. В конце декабря 1919 г. отряд прибыл в Хорог. После прихода отряда советская власть на Памире вновь была свергнута. Тимофеев установил на Западном Памире жесткий режим. Все сторонники большевиков подвергались преследованиям и репрессиям⁴⁶.

Антибольшевистские силы юга Киргизии и Ферганской области терпели поражение за поражением. 24 февраля Красная армия взяла важный опорный пункт антисоветского сопротивления — укрепление Гульча на подступах к Памиру⁴⁷. 27 мая 1920 г. в Алайскую долину вступил кавалерийский отряд РККА. Отсюда уже было рукой подать до Памира.

Эти поражения сказались на дисциплине и возможности Этертона хоть как-то контролировать и координировать действия повстанческих отрядов, которые все больше превращались в обычных разбойников. Это подтверждают и донесения Этертона. Так, в сводке событий, произошедших к 1 мая 1920 г., консул, со слов начальника Кызыл-Рабатского и Памирского постов, сообщал о нападении ранним утром 24 марта отряда Шер-Мухаммада⁴⁸, одного из самых влиятельных вожakov антибольшевистского сопротивления, на Памирский пост. В результате «в общей сложности налетчики убили 43 офицера и солдата.., а также завладели некоторым количеством оружия и боеприпасов с захваченных постов». По оценке самого консула, «рейд Шер-Мухаммада представляет собой типичный разбойничий набег, без какой-либо конкретной военной или политической цели. В любом случае он достоин сожаления, так как большинство убитых им были настроены против большевиков и симпатизировали целям, которые преследовали Шер-Мухаммад и его сторонники». О ситуации на Памире Этертон сообщал, что «в настоящее время положение на Русском Памире нормализовалось и каких-либо происшествий не отмечается. Между тем есть сведения, что большевики в скором времени намереваются силой занять Памир»⁴⁹.

Как видно, Этертон критично оценил поход Шер-Мухаммада и его результаты. Правда, существуют свидетельства, что британский консул предложил Шер-Мухаммаду «взять под свой контроль Памир». Тем не менее, несмотря на усилия Этертона, план интервенции в «Русский Туркестан» не был одобрен, так как государственные чины правительства Британской Индии опасались, что восстание обернется «джихадом» против Англии, несмотря на то что Шер-Мухаммад характеризовался консулом с самой лучшей стороны⁵⁰.

Полковник Тимофеев понимал неизбежность поражения антибольшевистских сил в Фергане. После набега Шер-Мухаммада на Памирский пост и гибели гарнизона полковник

⁴⁵ Доклад П. Воловика о Памирах. Л. 334.

⁴⁶ См.: Доклад П. Воловика о Памирах. Л. 334; *Наврӯзбеков А.* Воспоминания // За власть Советов в Таджикистане. Воспоминания участников революции и борьбы с басмачеством. Сталинабад, 1958. С. 27–28.

⁴⁷ Известия, 08.II.1920.

⁴⁸ Шер-Мухаммад или Курширмат (1895–1970) — возглавлял антибольшевистских повстанцев Ферганской долины в 1919 г., в 1921–1922 гг. на территории центрального и южного Таджикистана, в 1923 г. в Дарвазе. Под ударами Красной армии ушел в Афганистан. В 1929 г. во главе крупных сил переправился через границу и вторгся в Гарм. Был разгромлен советскими войсками и после этого окончательно эмигрировал в Афганистан, а затем в Турцию. В годы Второй мировой войны сотрудничал с Абвером.

⁴⁹ НАУз. Ф. Р-2754. Оп. 1. Д. 5. Л. 41–44. Report from Lieutenant-Colonel P.T. Etherton, His Britannic Majesty's Consul-General, to The Secretary to the Government of India in the Foreign and Political Department. April 1920.

⁵⁰ *Абдуллаев К.* Эмир Аманулла и советская Средняя Азия // Афганистан и безопасность Центральной Азии / под ред. А. А. Князева. Вып. 2. Бишкек, 2005. С. 65.

сконцентрировал на посту Лянгар личный состав западных постов. Сознавая, что у него не хватит сил удержать власть на Памире, Тимофеев 20 апреля 1920 г. бежал с частью отряда в Читрал (Индия)⁵¹.

После бегства Тимофеева Хорог заняли бухарцы, поддерживаемые некоторыми ишанами и знатью. Западный Памир был объявлен бухарским владением⁵². Власть на Восточном Памире удерживал «белогвардейский» отряд под командованием капитана Заимкина.

Пробольшевистские силы под руководством местного жителя А. Наврузбекова составили заговор против бухарцев. Восстание местного населения началось 27 июня 1920 г. После недолгого сопротивления бухарцы были вынуждены уйти 29 июня 1920 г.⁵³ Большевики снова захватили власть на Западном Памире.

От вновь созданного Памирского ревкома в Ташкент была отправлена делегация в составе 20–25 человек, наиболее активных и авторитетных сторонников советской власти, что в условиях малочисленности населения Памира являлось весьма значительным числом, с просьбой о помощи к советскому правительству Туркестана. Возглавил ее Воловик. Их уход ослабил просоветские силы, и они продержались недолго. В августе 1920 г. посты Хорог и Ишкашимский были заняты «белогвардейским» отрядом капитана Заимкина, который оставался здесь до конца 1920 г.⁵⁴

Но в целом антибольшевистские силы слабо контролировали Памирский район. Об этом говорят и донесения Этертона. Так, 20 октября 1920 г. он следующим образом характеризовал сложившуюся к этому времени ситуацию на Памире: «За исключением Хорога и Ишкашима, которые снова были заняты в сентябре капитаном Заимкиным с некоторыми русскими и шугнанскими ополченцами, ни один из постов не занят, а единственным большевистским отрядом там был тот, который перевозил некоторые запасы... эмиру Афганистана в подарок от Центрального правительства Москвы. Я понимаю, что Заимкин намеревался перехватить партию, если это возможно, но информация по этому вопросу все еще ожидается.

Афганцы еще не предприняли никаких шагов с целью захвата Акташа или Самоташа на Аличур-Памире⁵⁵, китайцы также воздерживаются от принятия мер по возобновлению владения (т.е. возвращению. — *О.М.*) территорией, которую они всегда считали своей. После рейда Шер-Мухаммада в марте 1920 г. и последующей эвакуации русских киргизы и другие жители Памира обратились к афганцам с просьбой захватить Памир, и, получив отказ, эмир Бухары был приглашен сделать это. Последний послал в Хорог семерых человек, которые теперь были вытеснены отрядом Заимкина»⁵⁶.

В апреле 1920 г. Этертон сообщил, что «дружественный русский, с которым я поддерживаю контакт, захватил еще одну партию большевистской пропаганды на русском Памире, предназначенную для Индии и Афганистана, и уничтожил ее». Этим «русским», скорее всего, являлся капитан Заимкин. Донесение это вызвало большой переполох у индийских властей⁵⁷.

Сам Этертон не оставлял попыток получения разведывательной информации любыми способами и делал все возможное для борьбы с большевиками на Памире. Он в своих донесениях сообщал, что для получения информации о состоянии пограничных

⁵¹ *Иналло А.* По горным тропам. С. 138; *Назаршоев Н.М.* На южном рубеже. С. 338.

⁵² *Назаршоев М.Н.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции... С. 106.

⁵³ *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И.* Конец басмачества. М., 1976. С. 46; *Наврузбеков А.* Указ. соч. С. 28–29.

⁵⁴ *Басханов М.К.* История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018. С. 157.

⁵⁵ Одна из частей Памира в районе реки Аличур.

⁵⁶ НАУз. Ф. Р-2754. Оп. 1. Д. 5. Л. 82–83. Report from Lieutenant-Colonel, P.T. Etherton, His Britannic Majesty's Consul-General, to The Secretary to the Government of India in the Foreign and Political Department. September 1920.

⁵⁷ *Waugh D.C.* Op. cit. P. 46.

большевистских гарнизонов им активно использовались в качестве агентов и разведчиков родовые вожди памирских киргизов. При этом консул периодически и сам выезжал на место, в том числе и на территорию российского Памира, для проверки достоверности предоставляемой информации и выплаты денег своим агентам из местных киргизов⁵⁸.

После прибытия в Ташкент памирской делегации во главе с большевиком Воловиком советские власти обратили более пристальное внимание на далекую памирскую окраину Туркестана. На это и был рассчитан, помимо прочего, призыв, включенный в решение Памирского ревкома, датируемый концом июля – началом августа 1920 г. и переданный в Ташкент с делегацией: «Если центром на Памир будет обращено должное внимание и работа будет вестись широко и умело, нет сомнения, что крыша мира станет в скором будущем для всей Азии тем светочем и рассадником, от которого будут распространяться среди восточных народов идеи всемирной революции и который окажет деятельное содействие проведению и освобождению Востока»⁵⁹.

Откликнувшись на этот призыв, власти Туркестана для восстановления советской власти в Памирском районе и охраны государственной границы выслали на Памир пограничный отряд под командой красноармейца С. Семькина, прибывший в Хорог в начале декабря 1920 г.⁶⁰ Отряд капитана Заимкина был вынужден покинуть занятые ими посты Ишкашимский и Хорог. Летом 1921 г. отряд Семькина был сменен другим красноармейским отрядом⁶¹.

Несомненно, Советское правительство Туркестана сознавало геополитическое значение Памира. Так, уполномоченный Совета пропаганды и действия народов Востока в Бухарской республике Николай Рогдаев 10 мая 1921 г. в своем докладе отмечал, что «Бухара на южной границе соприкасается с Памирами, с этой “крышей мира”, по ту сторону которой уже начинается “святая святых” Велико-Британского империализма – Индия. С Афганистаном она граничит непосредственно, с Кашгарией или Восточным Туркестаном также (через Памир). Бухара – узкий коридор, ведущий дальше в глубь Азии, который легко может закрыться, если мы не будем достаточно зоркими и бдительными»⁶².

А в октябре 1920 г. командование Туркфронта обратилось к бойцам отряда Семькина с воззванием, в котором говорилось: «Товарищи Памирского отряда, вам поручена ответственная задача. Советская республика направила вас на Памирский пост на границе с дружественным Афганистаном и Индией. Памирские горы отделяют революционную Россию от Индии, в которой 300 млн жителей поработены англичанами... Своим соседством со свободолюбивыми племенами Северной Индии вы словом и делом ускоряете их революционный процесс...»⁶³.

Большевики придавали Памиру особое значение, через него предполагалось проводить разведывательные мероприятия, устанавливать связь с противниками англичан в Индии и оказывать им помощь как финансовую, так и оружием.

Англичане, также прекрасно сознавая всю значимость Памира, понимали, что утверждение здесь большевиков позволит им активизировать антибританскую деятельность в Индии. Поэтому британские разведслужбы всячески стремились проводить

⁵⁸ НАУз. Ф. Р-2754. Оп. 1. Д. 5. Л. 61–62. Report from Lieutenant-Colonel, P.T. Etherton, His Britannic Majesty's Consul-General, to The Secretary to the Government of India in the Foreign and Political Department. August 1920.

⁵⁹ *Ниалло А.* Так говорят памирские горы. Роман-хроника. М.; Т., 1933. С. 135.

⁶⁰ После отправления отряда Семькина на Памир в течение последующих шести лет ежегодно личный состав отряда полностью сменялся. Только в июле 1926 г. Памирский отряд стал военной частью с постоянной дислокацией (*Назаршоев Н.М.* На южном рубеже. С. 109–110).

⁶¹ *Назаршоев М.Н.* Партийная организация Памира... С. 29–30; *Назаршоев Н.М.* На южном рубеже. С. 339–340.

⁶² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 544. Оп. 4. Д. 26. Л. 108 об. Доклад о Бухаре Н. Рогдаева.

⁶³ *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк, 1997. С. 71–72.

контрбольшевистскую и разведывательную работу на Памире или хотя бы по возможности сохранить здесь влияние и иметь на месте надежных агентов из местного населения.

Особым агентом, которого правительство Индии намеревалось использовать как разведчика в регионе, был некий капитан Дж. Самад-Шах, двоюродный брат Ага-хана III — имама исмаилитов-низаритов, служивший в британской разведке и очевидно являвшийся весьма знающим аналитиком. В своей книге Этертон утверждает, что Самад-Шах был послан «в результате моих представлений правительству Индии относительно некоторых вопросов на территории России и Китая»⁶⁴, хотя на самом деле инициатива, по-видимому, исходила из Индии. Скорее всего, выбор Самад-Шаха на должность разведчика консульства был обусловлен несколькими причинами, среди которых наиболее весомой являлось намерение передать через него послание Ага-хана III своим последователям на Памире.

Попытка активного использования исмаилитов, возможно, происходила несколько позже, о чем Этертон писал в своем Кашгарском ежемесячном обзоре за ноябрь 1921 г., где сообщалось, что Самад-Шах, имевший контакты со всеми исмаилитскими пирами в регионе, «совместно со мной организует разведывательную схему по охвату Русского Памира и всей территории, где имеются мюриды»⁶⁵. В ежемесячном обзоре за январь 1922 г. Этертон сообщал: «Слушал сегодня капитана Сумуд [sic] Шаха⁶⁶. Он собирает прекрасную рабочую группу, и, между нами говоря, я думаю, что мы сможем проверить большевистские планы на российском Памире»⁶⁷.

Для окончательного установления советской власти на Памире, проведения разведки, прежде всего в Британской Индии, а также подготовки возможного коридора туда для большевистских агентов летом 1921 г. под руководством ТуркЧК была образована Военно-политическая тройка (ВПТ) Памира, возглавляемая представителем ЧК Т.М. Дьяковым (он же представитель ТуркЦИКа). Тройку сопровождал Памирский экспедиционный отряд из 200 человек⁶⁸.

Как отмечает Ю.Н. Тихонов, «Памирская экспедиция планировалась и осуществлялась как общая операция ТуркЧК, Разведывательного управления Туркфронта и НКВД». Среди основных задач, поставленных перед этим отрядом, было превращение Памира «в базу для ведения разведки в сопредельных странах и экспорта революции в Индию»⁶⁹.

ВПТ прибыла в Хорог в начале сентября⁷⁰. С ее деятельностью обычно связывают окончательное утверждение советской власти на Памире и проведение преобразований в системе управления и социально-экономической жизни местного населения. ВПТ развернула весьма бурную разведывательную и контрразведывательную деятельность против англичан, достигнув при этом значительных успехов⁷¹.

К этому же времени относится и окончание пребывания Этертона в должности Британского генерального консула в Кашгаре и, соответственно, конец его разведывательной деятельности в Туркестане и соседних регионах. Результаты его работы были

⁶⁴ *Etherton P.T.* Op. cit. P. 273.

⁶⁵ *Waugh D.C.* Op. cit. P. 17.

⁶⁶ Самад-шаха.

⁶⁷ *Waugh D.C.* Op. cit. P. 14.

⁶⁸ По другим данным 250 чел. (*Алахвердов М., Дьяков А., Митрофанов Ф., Крылов И.* Заря над Памиром // Пограничник. 1967. № 2. С. 34).

⁶⁹ *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане... С. 72. См. также: *Алахвердов М., Дьяков А., Митрофанов Ф., Крылов И.* Указ. соч. С. 34; РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 8. Л. 106.

⁷⁰ *Назаршоев М.Н.* Партийная организация Памира... С. 120.

⁷¹ Так как освещение деятельности ВПТ выходит из хронологические рамки моего исследования, я ее не рассматриваю, разведывательные аспекты деятельности ВПТ освещены в работах Ю.Н. Тихонова (см.: *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане... С. 71–76; *Его же.* Афганская война Сталина. Гл. 12).

неоднозначными: несмотря на отдельные успехи, в итоге его миссия не увенчалась успехом. Неудачи связаны, скорее всего, с тем, что Этертон несколько переоценивал значение и влияние своих действий и руководимых им агентов на события в Туркестане и на Памире. При этом он недооценивал привлекательность большевистских лозунгов для значительной массы населения. Нельзя забывать и то, что английские власти не были готовы к крайним действиям против большевиков, опасаясь возможных последствий для своей власти в Индии, надеясь в будущем договориться с советским правительством, что в результате и произошло. Поэтому большинство инициатив кашгарского консула не находили полноценной поддержки в британских правительственных кругах.

На Памире, как и в целом в Туркестане, большевики довольно успешно противостояли действиям Этертона, что связано также и с тем, что местное население привыкло смотреть с симпатией на русских, с которыми они теперь ассоциировали большевиков, и оказывать им всесекую поддержку как законным властителям. Это было связано с историей взаимоотношений памирцев с русскими в течение последней четверти XIX — начала XX века, когда русские защищали и спасали местное население от афганского ига, принимавшего форму почти геноцида (1883—1894 гг.), а затем от грабительской политики и несправедливостей со стороны бухарцев (1896—1905 гг.). Поэтому местное население, видя в большевиках продолжателей российской политики защиты памирцев, в основном поддержало советскую власть, чему способствовали и выдвигаемые ею лозунги равноправия и справедливости. Хотя большая часть исмаилитских ишанов выступила против советской власти, но даже это не изменило отношения местного населения к большевикам и их лозунгам. В результате почти все усилия Этертона и его агентов по борьбе с «большевистской угрозой» разбились о поддержку памирцами власти Советов и оказались безуспешными.

Библиография

- Абдуллаев К.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX в. Душанбе, 2009.
- Абдуллаев К.* Эмир Аманулла и советская Средняя Азия // Афганистан и безопасность Центральной Азии / под ред. А.А. Князева. Вып. 2. Бишкек, 2005. С. 59—80.
- Алахвердов М., Дьяков А., Митрофанов Ф., Крылов И.* Заря над Памиром // Пограничник. № 2. 1967. С. 34—37.
- Басханов М.К.* История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018.
- Басханов М.К.* События Гражданской войны в Туркестане и Семиречье в отчетах и донесениях британского консула в Кашгаре подполковника П.Т. Эдертона (1918—1920) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 42—60.
- Бухерт В.Г.* «Настоятельнейшие нужды Памирского района». Записка И.И. Зарубина // Восточный архив. 2011. № 2 (24). С. 30—32.
- Ганин А.В.* Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. М., 2005. С. 193—207.
- Гафурова К.А.* Документы разоблачают. Отчет о Кашгарской миссии, 1918—1920 гг. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 30—41.
- Зевелев А.И.* Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959.
- Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чузунов А.И.* Конец басмачества. М., 1976.
- Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1964.
- Иркаев М.* История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1963.
- Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане. По сведениям разведывательного управления Штаба Туркестанского фронта. Т., 1922.
- Наврӯзбеков А.* Воспоминания // За власть Советов в Таджикистане. Воспоминания участников революции и борьбы с басмачеством. Сталинабад, 1958. С. 25—32.
- Назаршоев М.Н.* Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм (1918—1968 гг.). Душанбе, 1970.
- Назаршоев М.Н.* Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление советской власти на Памире // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе, 1985. С. 95—114.
- Назаршоев Н.М.* На южном рубеже. Российские пограничники в Таджикистане XIX — XXI вв. М., 2017.
- Ниалло А.* По горным тропам. Памирские путевые заметки. М.; Т., 1933.
- Ниалло А.* Так говорят памирские горы. Роман-хроника. М.; Т., 1933.

- Ниалло А.* У подножья Солнца // Просвещение национальностей. 1934. № 6. С. 62–83.
- Тимошков С.К.* Борьба с английской интервенцией в Туркестане. М., 1941.
- Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008.
- Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк, 1997.
- Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Т., 2000.
- Харюков Л.Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995.
- Хидоятов Г.А.* Правда против лжи. Ташкент, 1964.
- Ходжибеков Э.* Исмаилитские духовные наставники (пиры) и их роль в общественно-политической и культурной жизни Шугнана (вторая половина XIX – 30-е годы XX в.). Душанбе, 2011.
- Юсунов Ш. И.И.* Зарубин на Памире // Памироведение. Вып. 2. Душанбе, 1985. С. 34–49.
- Bailey F.M.* Mission to Tashkent. London, 1946.
- Blacker L.V.S.* On Secret Patrol in High Asia. London, 1922.
- Etherton P.T.* In the Heart of Asia. Boston, 1926.
- Fraser G.* Basmachi-I // Central Asian Survey. 1987. № 1. P. 1–73.
- Hopkirk P.* Setting the East Ablaze: Lenin's Dream of an Empire in Asia. New York, 1995.
- Kelly D.* End of the Great Game: British Intervention in Russia's Southern Borderlands and the Soviet Response // The Journal of Slavic Military Studies. 2000. Vol. 13. № 4. P. 84–100.
- Malleson W.* The British Military Mission in Turkistan, 1918–1920 // Journal of the Central Asian Society. 1922. № 9/2. P. 96–110.
- Popplewell R. J.* Intelligence and Imperial Defence. British Intelligence and Defence of the Indian Empire 1904–1924. London, 1995.
- Sargent M.* British Military Involvement in Transcaspia (1918–1919) // Conflict Studies Research Centre. Caucasus Series. 2004. № 04/02.
- Skrine C.P., Nightingale P.* Mcartney at Kashgar. New Light on British, China and Russia activity in Sinkiang. 1890–1918. London, 1973.
- Stewart J.* Envoy of the Raj: The Career of Sir Clarmont Skrine, Indian Political Service. Maidenhead, 1989.
- Swinson A.* Beyond the Frontiers. The biography of Colonel F.M. Bailey explorer and secret agent. London, 1971.
- Wagh D.C.* Etherton at Kashgar: Rhetoric and Reality in the History of the “Great Game”. Seattle, 2007.

References

- Abdullayev K.* Emir Amanulla i soveteskaya Srednyaya Aziya [Emir Amanullah and Soviet Central Asia] // Afghanistan i bezopasnost' Tsentral'noy Azii / pod red. A.A. Knyazeva [Afghanistan and the security of Central Asia / ed. A.A. Knyazev]. Vol. 2. Bishkek, 2005. P. 59–80. (In Russ.)
- Abdullayev K.* Ot Sin'tszyana do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoy emigratsii XX v. [From Xinjiang to Khorasan. From the history of the Central Asian emigration of the 20th century]. Dushanbe, 2009. (In Russ.)
- Alakhverdov M., Dyakov A., Mitrofanov F., Krylov I.* Zarya nad Pamirom [Dawn over the Pamir] // Pogranichnik [Border guard]. 1967. № 2. S. 34–37. (In Russ.)
- Baskhanov M.K.* Istoriya izucheniya vostochnykh yazykov v russkoy imperatorskoy armii [The history of the study of Oriental Languages in the Russian Imperial Army]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)
- Baskhanov M.K.* Sobytiya Grazhdanskoy voyny v Turkestane i Semirech'ye v otchetakh i doneseniyyakh britanskogo konsula v Kashgare podpolkovnika P.T. Edertona (1918–1920) [The events of the Civil War in Turkestan and Semirechye in the reports and messages of the British Consul in Kashgar, Lieutenant Colonel P.T. Etherton (1918–1920)] // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-krayevovedcheskogo muzeya [News of the Omsk State Museum of History and Local Lore]. 2018. № 21. S. 42–60. (In Russ.)
- Bukhert V.G.* “Nastoyatel'neyshiy nuzhdy Pamirskogo ravona”. Zapiska I.I. Zarubina [“The urgent needs of the Pamir region” I.I. Zarubin's note] // Vostochnyy arkhiv [Eastern Archive]. 2011. № 2 (24). S. 30–32. (In Russ.)
- Gafurova K.A.* Dokumenty razoblachayut. Otchet o Kashgarskoy missii, 1918–1920 gg. [The documents are exposed. Report on the Kashgar Mission, 1918–1920] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1970. № 8. S. 30–41. (In Russ.)
- Ganin A.V.* Bol'shaya igra general-mayora I.M. Zaytseva [The Big Game of Major General I.M. Zaitsev] // Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii [Cossacks of Russia in the White Movement]. Moskva, 2005. S. 193–207. (In Russ.)
- Inostrannaya voyennaya interventsiya i grazhdanskaya voyna v Sredney Azii i Kazakhstane [Foreign military intervention and civil war in Central Asia and Kazakhstan]. Alma-Ata, 1964. (In Russ.)
- Irkayev M.* Istoriya grazhdanskoy voyny v Tadjikistane [History of the Civil War in Tajikistan]. Dushanbe, 1963. (In Russ.)

Kharyukov L.N. Anglo-russkoye sopernichestvo v Tsentral'noy Azii i ismailizm [Anglo-Russian Rivalry in Central Asia and Ismailism]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Khidoyatov G.A. Pravda protiv lzhi [Truth against lies]. Tashkent, 1964. (In Russ.)

Khodzhibekov E. Ismailitskiye dukhovnyye nastavniki (piry) i ikh rol' v obshchestvenno-politicheskoy i kul'turnoy zhizni Shugnana (vtoraya polovina XIX – 30-ye gody XX vv.) [Ismaili spiritual tutors (pirs) and their role in the socio-political and cultural life of Shugnan (second half of the 19th – 1930-s of the 20th centuries)]. Dushanbe, 2011. (In Russ.)

Kratkiy ocherk vozniknoveniya i razvitiya basmachestva v Fergane. Po svedeniyam razvedyvatel'nogo upravleniya Shtaba Turkestanskogo fronta [A brief outline of the emergence and development of Basmachist movement in Fergana. According to the intelligence office of the Headquarters of the Turkestan Front]. Tashkent, 1922. (In Russ.)

Navruzbekov A. Vospominaniya [Memories] // Za vlast' Sovetov v Tadzhikestane. Vospominaniya uchastnikov revolyutsii i bor'by s basmachestvom [Stand for the Soviet power in Tajikistan. Memoirs of the participants in the revolution and the struggle against the Basmachism]. Stalinabad, 1958. S. 25–32. (In Russ.)

Nazarshoyev M.N. Partynaya organizatsiya Pamira v bor'be za sotsializm i kommunizm (1918–1968 gg.) [The Pamirs' party organization in the struggle for socialism and communism (1918–1968)]. Dushanbe, 1970. (In Russ.)

Nazarshoyev M.N. Pobeda Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii i ustanovleniye sovetской vlasti na Pamire [The Victory of the Great October Socialist Revolution and the establishment of Soviet power in the Pamirs] // Ocherki po istorii Sovetskogo Badakhshana [Essays on the history of Soviet Badakhshan]. Dushanbe, 1985. S. 95–114. (In Russ.)

Nazarshoyev N.M. Na yuzhnom rubezhe. Rossiyskiye pogranniki v Tadzhikestane XIX–XXI vv. [At the southern border. Russian border guards in Tajikistan in the 19th–21st centuries]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Niallo A. Po gornym tropam. Pamirskiy putevyye zametki [Along the mountain trails. Pamir travel notes]. Moskva; Tashkent, 1933. (In Russ.)

Niallo A. Tak govoryat pamirskiy gory. Roman-khronika [This is what the Pamir mountains say. Novel-chronicle]. Moskva; Tashkent, 1933. (In Russ.)

Niallo A. U podnozhiya Solntsa [At the foot of the Sun] // Prosveshcheniye natsional'nostey [Enlightenment of nationalities]. 1934. № 6. S. 62–83. (In Russ.)

Tikhonov Yu.N. Afganskaya vojna Stalina. Bitva za Tsentral'nuyu Aziyu [The Afghan War of Stalin. Battle for Central Asia]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Tikhonov Yu.N. Politika velikikh derzhav v Afganistane i pushtunskiy plemena (1919–1945) [The politics of the great powers in Afghanistan and the Pashtun tribes (1919–1945)]. Moskva; Lipetsk, 1997. (In Russ.)

Timoshkov S.K. Bor'ba s angliyskoy interentsiyey v Turkestane [Fight against British intervention in Turkestan]. Moskva, 1941. (In Russ.)

Turkestan v nachale XX veka: K istorii istokov natsional'noy nezavisimosti [Turkestan at the beginning of the 20th century: Towards the history of the origins of national independence]. Tashkent, 2000. (In Russ.)

Yusupov Sh. I.I. Zarubin na Pamire [I.I. Zarubin in the Pamirs] // Pamirovedeniye [Pamir Studies]. Vol. 2. Dushanbe, 1985. S. 34–49. (In Russ.)

Zevelev A.I. Iz istorii grazhdanskoy voyny v Uzbekistane [From the history of the civil war in Uzbekistan]. Tashkent, 1959. (In Russ.)

Zevelev A.I., Polyakov Yu.A., Chugunov A.I. Konets basmachestva [The end of Basmachism]. Moskva, 1976. (In Russ.)

Bailey F.M. Mission to Tashkent. London, 1946.

Blacker L.V.S. On Secret Patrol in High Asia. London, 1922.

Etherton P.T. In the Heart of Asia. Boston, 1926.

Fraser G. Basmachi-I // Central Asian Survey. 1987. № 1. P. 1–73.

Hopkirk P. Setting the East Ablaze: Lenin's Dream of an Empire in Asia. New York, 1995.

Kelly D. End of the Great Game: British Intervention in Russia's Southern Borderlands and the Soviet Response // The Journal of Slavic Military Studies. 2000. Vol. 13. № 4. P. 84–100.

Malleson W. The British Military Mission in Turkistan, 1918–1920 // Journal of the Central Asian Society. 1922. № 9/2. P. 96–110.

Popplewell R.J. Intelligence and Imperial Defence. British Intelligence and Defence of the Indian Empire 1904–1924. London, 1995.

Sargent M. British Military Involvement in Transcaspia (1918–1919) // Conflict Studies Research Centre. Caucasus Series. 2004. № 04/02.

Skrine C.P., Nightingale P. McCartney at Kashgar. New Light on British, China and Russia activity in Sinkiang. 1890–1918. London, 1973.

Stewart J. Envoy of the Raj: The Career of Sir Clarmont Skrine, Indian Political Service. Maidenhead, 1989.

Swinson A. Beyond the Frontiers. The biography of Colonel F.M. Bailey explorer and secret agent. London, 1971.

Waugh D.C. Etherton at Kashgar: Rhetoric and Reality in the History of the "Great Game". Seattle, 2007.

DOI: 10.31857/S013038640018262-6

© 2022 г. А.В. РЯГУЗОВА

«ИНДУССКАЯ РАБОТА» КОМИНТЕРНА В БУХАРЕ В 1920–1921 годах

Рягузова Анна Викторовна – соискатель кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; заведующая заочным отделением, преподаватель общеобразовательных дисциплин в ГОБ ПОУ Липецкий областной колледж искусств им. К.Н. Игумнова (Липецк, Россия).

E-mail: anna.ryaguzova@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-3223-7374; Researcher ID: ABC-4524-2021

Аннотация. Деятельность Коминтерна (КИ, III Интернационал) в странах Центральной Азии до настоящего времени остается недостаточно изученной темой, хотя многие советские историки 1920–1930-х годов были деятелями этой международной коммунистической организации. В данной статье рассматривается политика Коминтерна в Бухаре в 1920–1921 гг. Бухара являлась связующим звеном между Советской Россией и странами Востока. В Москве понимали, что Бухара является стратегически важной территорией, которую можно будет использовать в дальнейшем для своих целей. Коминтерн рассматривал Бухару как плацдарм для дальнейшего «экспорта» революции в страны Востока. По этой причине Бухарский эмират стал центром притяжения индийских националистов, которые под руководством представителя Коминтерна в Ташкенте Манабendra Натха Роя должны были организовать там еще одну базу индийского революционного движения. Однако этот представитель КИ, используя свой ташкентский опыт, не смог объединить разрозненные группы индийских националистов и по сути лишь навредил работе Коминтерна в Бухаре.

Документы Коминтерна, хранящиеся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ), указывают на то, что «индусская работа» в Бухаре была организована очень плохо, между индийскими националистами часто возникали конфликты, и им очень сложно было прийти к компромиссу. Сама идея создания «бухарского плацдарма» для внедрения идей «мировой революции» была авантюрой, к тому же после подписания в марте 1921 г. англо-советского торгового соглашения советское правительство стремилось нормализовать отношения с Лондоном, чего нельзя было достичь без свертывания деятельности КИ против Британской Индии.

Ключевые слова: РСФСР, Бухара, Коммунистический интернационал, Манабendra Натх Рой, Индия, мировая революция, международное коммунистическое движение.

A.V. Ryaguzova

“Hindu Operation” of the Comintern in Bukhara in 1920–1921

Anna Ryaguzova, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan, Lipetsk Regional College of Arts named after K.N. Igumnov (Lipetsk, Russia).

E-mail: anna.ryaguzova@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-3223-7374; Researcher ID: ABC-4524-2021

Abstract. The involvement of the Comintern in Central Asia is still an under-researched subject, although many Soviet historians were active in this international communist organisation in the 1920s and

30s. The article looks into the Comintern's policies in Bukhara in 1920–1921. Bukhara was a communications link between Soviet Russia and the countries of the East. Moscow understood that Bukhara was a strategically significant territory that could be used for its own purposes in the future. The Comintern viewed Bukhara as a springboard for further “exports” of the revolution into the countries of the East. For this reason, the Emirate of Bukhara became a centre of gravity for Indian nationalists, who, under the leadership of Manabendra Nath Roy, the Comintern's representative in Tashkent, were to establish another base for the Indian revolutionary movement there. However, Roy failed to unite the disparate groups of Indian nationalists by drawing on his Tashkent experience and in effect only harmed the work of the Comintern in Bukhara.

The Comintern documents preserved in the funds of the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI) indicate that the “Hindu operation” in Bukhara was very poorly organised, there were frequent conflicts among Indian nationalists, and it was very hard for them to come to a compromise. By signing the Anglo-Soviet trade agreement in March 1921, the Soviet government sought to normalise its relations with London, which could not be accomplished without curtailing the activities of the Comintern against British India.

Keywords: RSFSR, Bukhara, Communist International, Manabendra Nath Roy, India, world revolution, international communist movement.

Деятельность Коминтерна в сопредельных странах Востока является перспективным направлением, так как позволяет открыть новые страницы в изучении отношений Советской России – СССР с целым рядом восточных стран. Попытки большевистского руководства использовать эту международную коммунистическую организацию для экспорта революции в Центральную Азию все еще недостаточно изучены, поэтому нет полной картины важных военно-политических событий, которые предполагали создание «революционной базы», с помощью которой можно было бы реализовать эти ширококомасштабные планы.

При реализации планов «мировой революции» особое внимание уделялось восточному направлению. В 1920 г. большевики стали объективнее оценивать шансы на экспорт революции в Европу. Спад революционного движения привел к ослаблению международного влияния Коминтерна, и в Москве решили, что центр интернациональной борьбы необходимо переносить в Азию, где для дальнейшего продвижения «революций» возникли некоторые предпосылки. Линия «восточного фронта» мировой революции неизбежно должна была проходить через Бухару, поскольку Бухарский эмират представлял собой удобный плацдарм для продвижения Красной армии к границам Британской Индии и организации революционной деятельности Коминтерна на Среднем Востоке и в Центральной Азии¹.

Вклад в изучение деятельности Советской России по отношению к странам Среднего Востока в начале 1920-х годов среди отечественных исследователей внесли А.В. Райков² и Т.Ф. Девяткина³, а также М.А. Персиц⁴, которые рассматривали вопрос первых контактов различных групп индийской революционной эмиграции с большевиками. Авторы по-разному оценивали прогрессивность взглядов индийцев, однако справедливо отмечали большое влияние, которое эти контакты оказали на дальнейшее развитие идейно-политических взглядов индийских революционеров.

¹ Кудухов К.С. Крах политики Коминтерна с целью создания «Бухарского плацдарма» (1920–1921) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. Вып. 21. № 1 (120). С. 185.

² См.: Райков А.В. Пробуждение Индии: деятельность национально-революционных организаций в 1900–1918 гг. М., 1968; *Его же*. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу. М., 1979.

³ См.: Девяткина Т.Ф., Егорова М.Н., Мельников А.М. Зарождение коммунистического движения в Индии: очерки истории. М., 1978.

⁴ См.: Персиц М.А. Революционеры Индии в Стране Советов: у истоков индийского коммунистического движения (1918–1921). М., 1973.

Вместе с тем ряд отечественных исследователей в своих работах касались вопросов, связанных с деятельностью Коминтерна в Бухаре, в частности, В.Л. Генис⁵ посвятил ряд своих работ истории экспорта революции в Персию и Бухару. К.С. Кудухов рассмотрел попытку Туркбюро КИ организовать «бухарский плацдарм» в 1920–1921 гг.⁶ Востоковед Ю.Н. Тихонов⁷ в своих работах осветил деятельность М.Н. Роя в Ташкенте, но вопросу работы в Бухаре было уделено меньше внимания. В двух сборниках документов⁸, изданных этим исследователем, есть отдельные документы, которые описывают деятельность КИ в Бухаре.

В связи с этим все вышеперечисленные труды указанных авторов не исчерпывают всех проблем деятельности Коминтерна в Бухаре, фактически данная тема ждет фундаментального изучения в российском востоковедении.

Создание «бухарского плацдарма» началось еще до падения Бухарского эмирата. Из Протокола №1 «Объединенного заседания Исполнительного бюро Совета интернациональной пропаганды (Совинтерпроп, СИП) и Коллегии внешних сношений (о Бухаре, Хиве)» от 29 июня 1920 г., где от коллегии Отдела внешних сношений (ОВС) выступал Д.Ю. Гопнер⁹, видно, на работу в какой восточной стране в первую очередь делали ставку в Москве. Гопнер прямо заявил руководству СИП: «Работа Совета интернациональной пропаганды должна, по-моему, вестись так: на 1-м плане – Индия, на 2-м – Бухара, затем – Персия и, наконец, Китай»¹⁰. Л.Н. Геллер¹¹, который тоже выступал на этом заседании как представитель от Совинтерпропа, поддерживая точку зрения Гопнера, говорил: «Надо сказать, что в малой Азии перед нами один Индийский, вернее антибританский фронт, тянущийся от афгано-индийской границы через Персию и Афганистан, и во всех этих трех местах мы должны бить или кончать бить»¹². Однако главной целью в деятельности СИП Геллер считал Бухару, так как подготовка к Бухарской операции Красной армии шла полным ходом. Летом 1920 г. между представительствами НКВД в Ташкенте и СИП фактически был достигнут компромисс: Бухара осталась «целью №1» для СИП, но победа «народной революции» в ней воспринималась скорее как способ создания плацдарма, завоевав который можно было подготовиться к более масштабным «революционным» действиям в отношении Британской Индии.

Раньше всех по линии Коминтерна в Бухаре развернул свою деятельность Н.И. Рогдаев¹³. Он вместе с А.А. Машицким¹⁴ – представителем Совинтерпропа

⁵ См.: Генис В.Л. Разгром Бухарского эмирата в 1920 году // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 39–53; *Его же*. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. М., 2001.

⁶ См.: Кудухов К.С. Указ. соч. С. 185–190.

⁷ См.: Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008; *Его же*. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк, 2007.

⁸ См.: Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925): сборник документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2017; Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): сборник документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2019.

⁹ Гопнер Давид Юльевич (1884–1925) – в 1920–1921 гг. уполномоченный НКВД в Туркестане. Пользовался большим доверием Г. В. Чичерина. В ноябре–декабре 1921 г. был советником советского полпредства в Иране. По причине плохого здоровья был уволен из НКВД. В 1924–1925 гг. – заместитель наркома юстиции и прокурор Туркменской ССР.

¹⁰ Протокол № 1 «Объединенного заседания Исполбюро Совинтерпропа и Коллегии отдела внешних сношений (о Бухаре, Хиве)», 29.06.1920 // Государственный архив Российской Федерации. R5402. Д. 61. Л. 1.

¹¹ Геллер Лев Наумович (1875–1942) – в 1920 г. председатель Совета интернациональной пропаганды Востока.

¹² Протокол № 1 «Объединенного заседания...». Л. 1.

¹³ Рогдаев Николай Игнатьевич (1880–1934) – деятель российского анархистского движения. Руководил советской пропагандой в Туркестане.

¹⁴ Машицкий Александр Александрович (1866–1939) – революционер, большевик. В революционном движении с 1883 года. Член РСДРП(б) с 1914 г. Ответственный работник НКВД (1918–1932). В 1931 г. – генеральный консул СССР в Ревеле.

и Абдуром Раббом Баргом¹⁵ — лидером Индийской революционной ассоциации (ИРА), уже в сентябре 1920 г. прибыл в Бухару для «политической и организационной работы»¹⁶. Коминтерн, назначая подобный состав делегации, понимал сложившуюся обстановку в Бухаре после «революции» 1920 г. Включение в коминтерновскую деятельность в Бухаре откровенного панисламиста Абдура Рабба Барга свидетельствовало, что в СИП понимали, что среди фанатичного бухарского населения возможна антибританская пропаганда, основанная на идеях панисламизма. О большой заинтересованности Коминтерна в Бухаре указывает то, что туда были направлены представители от разных коминтерновских структур, правда, впоследствии это привело к столкновению интересов и конфликтам¹⁷.

Абдур Рабб Барг считал, что именно Бухара будет главной базой в осуществлении революции в Индии. Его план подразумевал организацию пропаганды и проведение военных действий через бухарские территории — Калай-Пандже и Ташкургане. В своем докладе в СИП от 27 июля 1920 г. Абдур Рабб пишет так: «Из этого места пропаганда может вестись, с одной стороны, в Бадахшане, а с другой стороны, успешная пропаганда может вестись среди постов индийских войск, расположенных от Малаканда до Яркенда. Кроме того, непосредственная связь может быть установлена через Сват, Кохистан с племенами Свата и другими племенами индийской границы»¹⁸. Необходимо также было наладить безопасность, Абдур Рабб, переживая по этому поводу, писал: «Если здесь нет русского гарнизона, бухарское фанатичное правительство, равно как и население, очень скоро перебеют индусов»¹⁹. Подобная работа должна была проводиться очень осторожно, с соблюдением правил конспирации.

Абдур Рабб вместе с представителем СИП М. Шульманом²⁰ предлагали создать специальную комиссию для работы на всей территории Средней Азии. В докладе председателю Совинтерпропа Л.Н. Геллеру от 22 августа 1920 г. они писали: «Во избежание ненужных затяжек чисто формального свойства должна быть создана комиссия для управления индийскими делами из представителей “СИПВ”, Отдела внешних сношений, Военного ведомства, Турккомиссии²¹, Совета Туркестанской республики, и трех членов Индийской ассоциации. Программа работ, план действий, бюджет, потребность [в] амуниции и вооружении должны быть выработаны этой комиссией и представлены высшей власти для непосредственной санкции»²². Иначе говоря, глава ИРА предлагал Советской России план «малой» партизанской войны против Британской Индии, используя Памирские горы. При этом Рабб, будучи панисламистом, категорически возражал против

¹⁵ *Абдур Рабб Барг (Абдур Рауф)* — индийский националист. Член германской миссии Нидермайера—Хентига в Афганистане в 1915 г. В 1919 г. прибыл в Кабул с Я.З. Сурицем. При советской помощи создал «Индийскую революционную ассоциацию» в Кабуле. Вскоре был выслан Амануллой в советский Туркестан. М.Н. Рой свел на нет деятельность этой организации в Ташкенте. В годы Второй мировой войны был афганским торговым атташе в Берлине, где поддерживал тайные связи с амануллитами.

¹⁶ *Генис В.Л.* «С Бухарой надо кончать...» С. 86.

¹⁷ После создания по решению I-го съезда народов Востока, прошедшего в Баку в 1920 г., «Совета пропаганды и действия народов Востока», являвшегося филиалом ИККИ, в Средней Азии возникло «двоевластие»: «Совет пропаганды и действий народов Востока» (Баку) и Туркестанское бюро Коминтерна (Ташкент) стали дублировать друг друга.

¹⁸ Советская Россия в «Большой игре» (1919—1925). С. 165.

¹⁹ Там же. С. 166—167.

²⁰ М. Шульман являлся, часто одновременно, сотрудником многих центральных органов ТАССР, что было типичным явлением периода Гражданской войны для Туркестана. С 1920 г. он перешел в Отдел внешних связей в НКВД в Ташкенте, но продолжал курировать «индусскую работу» в Туркестане.

²¹ Туркестанская комиссия, она же комиссия ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, была создана 8 октября 1919 г. Прибыла в Ташкент в ноябре 1919 г.

²² Советская Россия в «Большой игре». С. 194.

ликвидации Бухарского эмирата силой, что не могло в тот момент понравиться советским властям в Туркестане и руководству Коминтерна.

Летом 1920 г. В.И. Ленину был предложен другой план «экспорта» революции в Индию с помощью крупномасштабной операции частей Красной армии и ополчения пуштунских племен. Если ИРА предлагали действовать в приграничных районах Британской Индии небольшими отрядами, то «представитель от Индии» на II конгрессе Коминтерна М.Н. Рой²³ просил у Ленина создать 50-тысячную армию для вторжения, базы которой должны были частично располагаться на бухарской территории (Термез, Памир). Хотя такая крупная военная операция требовала огромных затрат, ее план максимально соответствовал тому настрою, который царил в 1920 г. среди большевистского руководства, поэтому и был одобрен Лениным²⁴.

После завершения II конгресса Коминтерна Совинтерпроп рассматривал революционную деятельность в Индии через Бухару. Были разработаны инструкции, которыми предлагалось руководствоваться агентам Совинтерпропа в восточных странах. Им предписывалось организовывать печатание и распространение литературы (на разных местных наречиях), типографий со специальным шрифтом, проведение митингов и т.д.²⁵ Благодаря Совинтерпропу во всех сопредельных Туркестану странах велась агитационная, политическая и организационная работа, был разработан проект деятельности, который ставил перед собой следующие задачи:

- «1) Объединить все наличные революционные организационные силы сопредельных стран, действовавшие как на территории Туркестана, так и вне его за рубежом;
- 2) Способствовать образованию революционных ячеек там, где их не было;
- 3) Руководить партийно-революционной работой как в коммунистических партиях, так и в других революционных организациях сопредельных стран и т.д.»²⁶.

В 1920 г. ИККИ решил усилить коминтерновскую работу в Центральной Азии. Для этой цели Исполком Коминтерна назначил в Ближневосточное бюро (Туркестанское, Ташкентское)²⁷ Г.Я. Сокольникова²⁸, Г.И. Сафарова²⁹ и М.Н. Роя, поручив «ему всю работу по пропаганде и агитации на Востоке»³⁰. 27 сентября 1920 г. на одном из пленумов ЦК РКП(б) обсуждалось предложение «о помощи оружием Индии» и было принято

²³ Рой Манабендра Натх (Мартин, Роберто Аллен, Вильягасия, Роберт Аллен-Рой, Робертс, Мануэль Мендес) (1889–1954) – индийский революционер. В 1920 г. по мандату компартии Мексики направлен вместе с Е. Трент-Рой делегатом на II конгресс Коминтерна (КИ). В Москве встречался с В.И. Лениным, по предложению которого подготовил тезисы по национальному и колониальному вопросам, обсуждавшиеся на II конгрессе КИ. Входил в комиссию II конгресса по национальному и колониальным вопросам как представитель Мексики (Роберто Аллен) и Индии (Манабендра Натх Рой). С 1921 г. член Исполкома Коминтерна (ИККИ) от Индии. 1920–1921 гг. – представитель ИККИ в Ташкенте для работы в странах Востока. В Ташкенте основал компартию Индии. См.: Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М., 2013. С. 149–152.

²⁴ См.: Documents of History of Communist party of India. 1917–1922. New Delhi, 1971. P. 198–212.

²⁵ Доклад о подготовке переворота в Бухаре, 1920 // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 4. Д. 20. Л. 99.

²⁶ Там же. Л. 104.

²⁷ Туркестанское бюро ЦК РКП(б), Туркбюро ЦК РКП(б), полномочное представительство ЦК партии в Туркестане в 1920–1922 гг. Создано летом 1920 г. с целью улучшения партийного руководства местными партийными организациями, их идейного и организационного укрепления. Туркбюро было преемником Турккомиссии ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК.

²⁸ Сокольников Григорий Яковлевич (наст. фамилия Бриллиант) (1888–1939). В 1919–1920 гг. – член ЦК РКП(б). С 1920 г. – председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. См.: Чигир О.С. Деятельность Г.Я. Сокольникова в Туркестане (1920–1921) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 96. С. 67–74.

²⁹ Сафаров Георгий Иванович (1891–1942) – советский государственный и партийный деятель. В 1922–1924 гг. – член исполкома Коминтерна. См.: Сафаров Г.И. Колониальная революция. М., 1921.

³⁰ Советская Россия в «Большой игре». С. 172. См.: Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1991. С. 27, 29.

постановление «признать в принципе необходимым дать оружие и золото», поставив выполнение решения под контроль Турккомиссии³¹.

После падения Бухарского эмирата позиция Коминтерна еще более прояснилась. В конспекте доклада для пленума Совета пропаганды и народов Востока «Положение революции в Бухаре и ее задачи в Средней Азии» говорится, что с превращением в Советскую Народную Республику «Бухара приобретает огромное значение в деле революционизирования и практической подготовки социальной революции в странах Центральной Азии». В СИП считали, что «на примере Бухары мы должны учить и учиться делать революцию на всем Востоке, где господствуют аналогичные общие естественные социально-экономические условия»³². Следовательно, методы вооруженного насилия продолжали оставаться основными в достижении подобных целей, и при их осуществлении предполагалось опираться на поддержку Красной армии.

Рой, имея определенный опыт революционной работы, считал, что Революционный комитет (Ревком)³³ должен был руководить всеми индийскими эмигрантами не только на территории Советской России, но и в Бухаре, Афганистане и других прилегающих странах, а также возглавлять всю революционную работу в Индии. В письме от 30 декабря 1920 г., адресованном правительству Бухарской народной республики, Рой говорил о том, что его заместитель А. Мукерджи³⁴ «должен организовать в Бухаре отделение Всеиндийского Центрального Революционного Комитета. Он уполномочен избрать трех товарищей из среды эмигрантов для создания комитета, возглавляющего отделение: этот комитет должен быть утвержден Всеиндийским центральным революционным комитетом в Ташкенте»³⁵. Этими «товарищами» стали Абдур Рашид³⁶, Абдул Маджид³⁷ и Абдул Каюм³⁸, именно они являлись «представителями Временного Всеиндуусского Центрального Ревкома в Бухаре для ведения пропагандистской и организационной работы»³⁹. Также, разъяснял Рой, «означенный комитет организован для руководства всей политической работой среди индусских эмигрантов как на территории РСФСР, так и в Бухаре, Афганистане и примыкающих странах, а также должен возглавлять революционную работу Индии»⁴⁰.

Немало индийцев-эмигрантов находилось в Бухаре и после падения эмирата. К концу 1920 г. там находилось около 200 индийцев. В докладе полпредства РСФСР в Бухаре «Жизнь иностранных колоний и революционных секций в Бухаре и работа Коминтерна» от марта 1921 г. отмечалось, что по социальному составу «индусская колония делится на две резко противоположные группы: первая группа — индусские мелкие и крупные

³¹ *Генис В.Л.* Разгром Бухарского эмирата в 1920 году // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 39–53.

³² Советская Россия в «Большой игре». С. 353, 355.

³³ Был создан М.Н. Роем в Ташкенте в 1920 г.

³⁴ *Абани Мукерджи* (1891–1937) — индийский революционер. В 1920 г. прибыл в Советскую Россию. Делегат II конгресса Коминтерна «от Британской Индии». 1920–1921 гг. — член Всеиндийского революционного комитета, созданного по инициативе М.Н. Роя. В Ташкенте курировал Индийскую школу всех родов оружия. Много сделал для пропаганды коммунистических идей среди индийских эмигрантов в Туркестане. Фактически был правой рукой М.Н. Роя в Ташкенте, где в 1920 г. вступил в Коммунистическую партию Индии.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 14. Л. 3.

³⁶ Личность не установлена.

³⁷ *Абдул Маджид* (1899 или 1896–?) — в 1920 г. прибыл из Афганистана в г. Ташкент по поручению «Временного правительства Индии». В 1921 г. вступил в Ташкенте в компартию Индии. В 1921–1922 гг. учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

³⁸ *Абдул Каюм* (1899–?) — в июле 1920 г. через Афганистан с партией халифатистов прибыл в г. Термез. В феврале 1921 г. отправлен в г. Ташкент в распоряжение «Индийского революционного комитета». В том же году вступил в Индийскую компартию в Ташкенте.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 21. Л. 21.

⁴⁰ Цит. по: *Персиц М.А.* Революционеры Индии в Стране Советов: у истоков индийского коммунистического движения (1918–1921). М., 1973. С. 124.

торговцы, ютящиеся в коммунальных сараях “Рашид”, “Сафетдин”, “Фильхан”. Эта публика инертна, в политическом отношении запутана и вряд ли может быть полезна революционному движению в Индии. Вторая группа — состоит из политических эмигрантов, покинувших Индию во время мировой войны и в позднейшее время; большинство ее членов состоит на службе в Бухарском правительстве в качестве красноармейцев пулеметного отряда милиции при Регистане»⁴¹. В целом назвать подобный контингент революционным было сложно, многие из них были авантюристами, которым было все равно, от кого получать деньги для продолжения борьбы против Великобритании. Однако большую часть из них составляли обычные купцы, прибывшие в Бухару для торговли.

Из архивных документов видно, что в Бухаре находилось значительное число национальных организаций, представленных в виде секций (Афганская, Турецкая, Кашгарская, Персидская), но фактически они были малочисленны, и поэтому работа практически не велась. Шульман в докладе «Об индусской работе в Бухаре» 22 мая 1921 г. пишет, как была организована работа национальных секций в Бухаре, а именно началась она «с приездом Рогдаева и выразилась в созвании нескольких массовых митингов, и было решено организовать Совет пропаганды в Бухаре»⁴², который должен был контролировать всю работу.

Многие методы воздействия Роя на индийских националистов, которые он применял во время работы в Ташкенте, вызывали сомнения. В Бухаре ситуация не изменилась: навязывали коммунистические порядки, лишали продовольственных карточек и одежды в случае отказа вступления в партию, заставляли работать разнорабочими, не желали сотрудничать с другими революционными организациями. Как отмечал в одной из своих докладных записок Шульман, «это все практиковалось не только в Ташкенте; последнее время то же самое было и в Бухаре и даже приняло там более радикальные формы; агенты попросту арестовывали как английских шпионов, нежелательных Роя лиц»⁴³.

Было очевидно, что подобная деятельность не принесет запланированных результатов. Рой способствовал тому, что внутри индийской эмиграции обострились конфликты. Нескончаемые склоки сопровождались бесконечными докладами, жалобами и доносами друг на друга, все это сказывалось на усилившемся кризисе коминтерновской деятельности на Востоке. Не помогало и прямое вмешательство в работу индийской эмиграции.

Еще одна попытка Роя поддержать повстанческое движение «независимых племен» в Британской Индии через территорию Бухары закончилась провалом. К нему в Ташкент из Белуджистана прибыли два хана с просьбой о помощи против Англии. В Туркбюро им придумали русифицированные фамилии, и по документам их стали именовать «братьями Мисрихановыми». Рой выделил им крупную сумму и оружие. Им также передали секретные письма и явки, которыми они должны были воспользоваться в Афганистане и Индии. Вся переброска братьев осуществлялась через Памир. Братья добрались до афганского Бадахшана, и дальше события пошли не по коминтерновскому плану. «Мисрихановы» передали афганскому губернатору значительную часть денег, полученных от Роя, оружие и секретные бумаги. Старший из братьев составил для афганского эмира докладную записку на 14 страницах об их пребывании в Ташкенте. Очередной провал Коминтерна доказал, что племенная верхушка пуштунов не желала сотрудничать с Советской Россией и Коминтерном ради мифической «индийской революции»⁴⁴.

Подобные неудачи говорили о том, что ситуацию необходимо было менять. Шульман, в частности, предлагал «немедленно, если нет несколько людей, послать хотя бы одного человека, обладающего организаторскими способностями, выдержкой

⁴¹ Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). С. 214–215.

⁴² Советская Россия в «Большой игре». С. 404.

⁴³ Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). С. 276.

⁴⁴ Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008. С. 45.

и терпением, который мог изучить их жизнь с разных сторон, то есть их традиции, привычки, психологию и наклонности». Он также отмечал, что «мы должны считаться с обстановкой, в которой придется работать, а обстановка эта крайне неблагоприятна для революционной работы по той единственной причине, что атмосфера насквозь пропитана панисламунизмом. И если в Ташкенте удавалось их изолировать от панисламистского влияния и до известной степени, хотя бы минимальной, прояснить сознание, в Бухаре они попадают в водоворот панисламизма, который отравит их сознание»⁴⁵.

Использование Бухары в своих целях вынуждало Туркестанское бюро Коминтерна искать пути сотрудничества с младобухарским правительством. Нередко между коминтерновцами и бухарскими властями возникали конфликты. О нестабильной ситуации, складывавшейся в Туркестане, свидетельствовали получаемые в апреле 1921 г. по каналам ЧК данные⁴⁶.

Чтобы использовать Бухару как плацдарм для развития революции на Востоке, нужно было не конфликтовать с бухарскими властями. Поскольку они обрели некоторую независимость, их, конечно, не устраивало положение, когда советское правительство диктовало им свою волю⁴⁷. В целом на протяжении всего 1921 г. суть советской политики состояла в том, чтобы обеспечивать сотрудничество с национальными силами в Азии.

В 1921 г. после подписания англо-советского торгового соглашения в Москве понимали, что придется частично свернуть антибританскую деятельность Коминтерна. В ИККИ решили проверить итоги работы индийских революционеров в Туркестане. Рой был вызван для отчета об их деятельности. Логично предположить, что его отчет фактически был нужен лишь для того, чтобы Исполком Коминтерна имел формальный предлог для свертывания полномасштабной антибританской деятельности в Ташкенте⁴⁸.

В одной из докладных записок заведующему Восточным секретариатом Коминтерна Г.И. Сафарову, заместителю Роя А. Мукерджи, датируемой 1921 г., содержится информация, по которой становится очевидным, для какой цели Мукерджи просили направить отчет об индийской работе, хотя на тот момент Рой находился в Москве и должен был сам доложить обо всем. В документе говорилось, что Роя задержали в Москве до 28 апреля 1921 г., и Мукерджи настаивал на том, что его предложения не окончательные и что ему необходимо дождаться Роя, чтобы внести все необходимые корректировки. Во втором документе Сафарову от 27 апреля 1921 г. Мукерджи пишет, что Рой задерживается до начала мая, и необходимо «принять во внимание его дополнения и приступить к более широкой разработке плана работы»⁴⁹. Из Москвы Рой должен был поехать в Бухару, но поездка не состоялась. Руководствуясь ленинской установкой «надуть Англию»⁵⁰, работу Коминтерна на Востоке было решено продолжить формально из Азербайджана и Бухары.

В письме М.Н. Роя председателю совназирова Бухары Ф.У. Ходжаеву⁵¹ от 1 июня 1921 г. говорилось о намерении отправить четырех индийских революционеров «через Хорасан и Сеистан для секретной работы. Так как им придется пересечь территорию, оккупированную англичанами, то было бы желательно, чтобы они путешествовали

⁴⁵ Советская Россия в «Большой игре». С. 401, 402.

⁴⁶ Цит. по: *Улуня Ар.А.* Туркестанский плацдарм. 1917–1922: британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020. С. 604.

⁴⁷ *Кудухов К.С.* Указ. соч. С. 189.

⁴⁸ *Тихонов Ю.Н.* Новый документ о деятельности Коминтерна в Афганистане в 1921 г. // Восточный архив. 2021. № 1 (43). С. 63–67.

⁴⁹ Советская Россия в «Большой игре». С. 385.

⁵⁰ *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М., 2017. С. 414.

⁵¹ *Ходжаев Файзулла Убайдуллаевич* (1896–1938) — участник Гражданской войны в Средней Азии, узбекский государственный и партийный деятель. С августа 1920 г. — член бухарского ревкома. 1920–1924 гг. — председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел БСНР, член ЦК Бухарской КП.

в качестве индийских купцов, возвращающихся домой [из] Бухары в Индию. Выручка от продажи этих товаров будет использована для революционной работы в Индии». Рой предлагал передать им отобранные паспорта индийских купцов, указывая на «их исключительную ценность для конспиративной работы»⁵².

Как это ни странно, но крах коминтерновской работы в Бухаре был ускорен самим Коминтерном, который планировал с помощью Энвер-паши⁵³ организовать под знаменем «священной войны» поход на Британскую Индию. Вместо того чтобы вести переговоры с басмачами, он начал борьбу против большевиков. Новый подъем басмаческого движения в Средней Азии на долгие годы лишил Коминтерн возможности вести какую-то работу через Бухару и Афганистан против англо-индийского правительств.

Таким образом, в Бухаре Коминтерну не удалось объединить разрозненные группы индийских националистов. Методы, которые использовали М.Н. Рой и его группа для их привлечения к идеям «мировой революции», чаще мешали работе, чем помогали. Этот факт оказал сильное влияние на индийскую революционную деятельность в целом. Сама БСНР была экономически отсталым, слаборазвитым государством. Все это помешало дальнейшему широкомасштабному наступлению революционного движения, непреодолимым препятствием для которого стали реалии консервативного Востока и международной политики. В итоге план создания «бухарского плацдарма» в начале 20-х годов перестал играть важную роль для Коминтерна.

Библиография

Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1991.

Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М., 2013.

Балашов Ю.А. Структура и деятельность аппарата ближневосточной политики Коминтерна // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2004. № 1. С. 346–360.

Генис В.Л. Разгром Бухарского эмирата в 1920 году // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 39–53.

Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. М., 2001.

Десяткина Т.Ф., Егорова М.Н., Мельников А.М. Зарождение коммунистического движения в Индии: очерки истории. М., 1978.

Кудухов К.С. Крах политики Коминтерна с целью создания «Бухарского плацдарма» (1920–1921) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. Вып. 21. № 1(120). С. 185–190.

Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М., 2017.

Персиц М.А. Революционеры Индии в Стране Советов: у истоков индийского коммунистического движения (1918–1921). М., 1973.

Райков А.В. Пробуждение Индии: деятельность национально-революционных организаций в 1900–1918 гг. М., 1968.

Райков А.В. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу. М., 1979.

Сафаров Г.И. Колониальная революция. М., 1921.

Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925): сборник документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2017.

Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): сборник документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2019.

Тихонов Ю.Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). М.; Липецк, 2007.

Тихонов Ю.Н. Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008.

Тихонов Ю.Н. Новый документ о деятельности Коминтерна в Афганистане в 1921 г. // Восточный архив. 2021. № 1 (43). С. 63–67.

⁵² Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). С. 278.

⁵³ *Энвер-паша (Исмаил Энвер)* (1881–1922) – османский военный и политический деятель. Военный министр Османской империи во время Первой мировой войны. Один из руководителей басмаческого движения, идеолог и практик пантюркизма.

Улунян Ар.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.

Чигир О.С. Деятельность Г.Я. Сокольников в Туркестане (1920–1921) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 96. С. 67–74.

Documents of History of Communist party of India. 1917–1922. New Delhi, 1971.

References

Adibekov G.M., Shahnazarova Je.N., Shirinja K.K. Organizatsionnaia struktura Kominterna [The organizational structure of the Comintern]. 1919–1943. Moskva, 1991. (In Russ.)

Alaev L.B. Istoriografiia istorii Indii [Historiography of Indian history]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Balashov Ju.A. Struktura i deiatel'nost' apparata blizhnévostochnoi politiki Kominterna [Structure and activity of the Comintern Middle East Policy apparatus] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serii: Mezhdunarodnye otnosheniia. Politologiiia. Regionovedenie [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: International Relations, Political Science, Regional Studies]. 2004. № 1. S. 346–360. (In Russ.)

Chigir O.S. Deiatel'nost' G.Ya. Sokol'nikova v Turkestane (1920–1921) [G.Ya. Sokolnikov's activity in Turkestan (1920–1921)] // Izvestiia RGPU im. A.I. Gertsena [Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen]. 2009. № 96. S. 67–74. (In Russ.)

Genis V.L. Razgrom Buharskogo emirata v 1920 godu [The defeat of the Bukhara Emirate in 1920] // Voprosy istorii [Problems of History]. 1993. № 7. S. 39–53. (In Russ.)

Genis V.L. “S Bukharoi nado konchat'...” K istorii butaforskikh revoliutsii [“It is necessary to finish with Bukhara...” To the history of fake revolutions]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Deviatkina T.F., Egorova M.N., Mel'nikov A.M. Zarozhdenie kommunisticheskogo dvizheniia v Indii: ocherki istorii [The Birth of the Communist Movement in India: Essays on History]. Moskva, 1978. (In Russ.)

Kudukhov K. S. Krakh politiki Kominterna s tsel'iu sozdaniia “Buharskogo platsdarma” [The collapse of the Comintern's policy with the aim of creating a “Bukhara bridgehead”] (1920–1921) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia. Politologiiia [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science]. 2012. Vol. 21. № 1 (120). S. 185–190. (In Russ.)

Lenin V.I. Neizvestnye dokumenty [Unknown documents]. 1891–1922. 2-e izd. Moskva, 2017.

Persic M.A. Revoliutsionery Indii v Strane Sovetov: u istokov indiiskogo kommunisticheskogo dvizheniia (1918–1921) [Revolutionaries of India in the Land of Soviets: At the Origins of the Indian Communist Movement (1918–1921)]. Moskva, 1973. (In Russ.)

Rajkov A.V. Probuzhdenie Indii: deiatel'nost' natsional'no-revoljucionnykh organizatsii v 1900–1918 gg. [The Awakening of India: The Activities of National Revolutionary Organizations in 1900–1918]. Moskva, 1968. (In Russ.)

Rajkov A.V. Nacional'no-revoljucionnye organizatsii Indii v bor'be za svobodu [National revolutionary organizations of India in the struggle for freedom]. Moskva, 1979. (In Russ.)

Safarov G.I. Kolonial'naia revoliutsiia [Colonial revolution]. Moskva, 1921. (In Russ.)

Sovetskaia Rossiia v bor'be za “afganskii koridor” (1919–1925): sbornik dokumentov / sost. i predisl. Yu.N. Tihonov [Soviet Russia in the struggle for the “Afghan corridor” (1919–1925): a collection of documents / comp. and the preface. Yu.N. Tikhonov]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Sovetskaia Rossiia v “Bol'shoi igre” (1919–1925): sbornik dokumentov / sost. i predisl. Yu.N. Tihonov [Soviet Russia in the “Big Game” (1919–1925): a collection of documents / comp. and the preface. Yu.N. Tikhonov]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Tihonov Ju.N. Politika velikih derzhav v Afganistane i pushtunskie plemena [The politics of the Great Powers in Afghanistan and the Pashtun tribes] (1919–1945). Moskva; Lipetsk, 2007. (In Russ.)

Tikhonov Yu.N. Afganskaia voina Stalina. Bitva za Tsentral'nuiu Aziiu [Stalin's Afghan war. Battle for Central Asia]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Tikhonov Yu.N. Novyi dokument o deiatel'nosti Kominterna v Afganistane v 1921 g. [A new document on the activities of the Comintern in Afghanistan in 1921] // Vostochnyi arkhiv [Eastern Archive]. 2021. № 1 (43). S. 63–67. (In Russ.)

Ulanan Ar.A. Turkestanski pladsdarm. 1917–1922: britanskoe razvedyvatel'noe soobschestvo i britanskoe pravitel'stvo [Turkestan Bridgehead. 1917–1922: the British Intelligence Community and the British government]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Documents of History of Communist party of India. 1917–1922. New Delhi, 1971.

DOI: 10.31857/S013038640018263-7

© 2022 г. **Е.Ю. СЕРГЕЕВ**

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СОВЕТСКОЙ И БРИТАНСКОЙ СТРАТЕГИИ, 1918 год

Сергеев Евгений Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного университета гуманитарных наук и Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

E-mail: eugene.sergeev59@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7834-5824; РИНЦ: С-8571-2018

Аннотация. Задачей статьи является анализ стратегических планов Советской России и Великобритании в отношении Центральной Азии — важнейшего геополитического региона, контроль над которым позволял Москве и Лондону обеспечить защиту своих государственных интересов на заключительном этапе Первой мировой войны. Разработка этих планов сопровождалась острой внутривнутриполитической борьбой в Великобритании в связи с «большевистской угрозой» британским владениям в Азии и кризисом Османской империи, повлиявшими на этноконфессиональные движения в Персии и Афганистане под националистическими лозунгами. Цель автора заключается в рассмотрении роли и места центральноазиатского региона во внешней политике Москвы и Лондона, которые стремились со стороны Республики Советов использовать сложившуюся ситуацию для реализации планов подготовки «мировой революции», а с точки зрения Британии, укрепить ее позиции в противодействии национальным движениям, которые искали поддержки у держав Четверного союза. Актуальность исследования обусловлена сохранением и даже обострением напряженности в интересующем автора регионе, что вызывает необходимость изучения исторического опыта урегулирования спорных вопросов. Новизна работы определяется введением в научный оборот целого ряда источников официального и личного происхождения, а также использованием комплексного, компаративного метода анализа стратегических целей ведущих геополитических акторов на завершающем этапе Первой мировой войны. Как показано в статье, несмотря на имеющуюся отечественную и зарубежную историографию по тематике статьи, требуют уточнения различные сценарии военно-политических шагов Москвы и Лондона в Центральной Азии с учетом германо-турецких проектов использования национальных движений под исламскими лозунгами.

Ключевые слова: Первая мировая война, Центральная Азия, военное планирование, стратегические военные планы, национально-освободительные движения, СССР, Великобритания, внешняя политика.

E.Yu. Sergeev

Central Asia in Soviet and British Strategy, 1918

Evgeny Sergeev, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities and State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: eugene.sergeev59@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7834-5824; РИНЦ: С-8571-2018

Abstract. The author analyses Soviet Russia's and Great Britain's strategies for Central Asia, a crucial geopolitical region, the control of which allowed both Moscow and London to safeguard their state interests at the final stage of the Great War. The development of these plans was accompanied by intense internal political struggles in Britain over the 'Bolshevik menace' to British possessions in Asia and the crisis in the Ottoman Empire, Persia, and Afghanistan, which spawned ethno-confessional movements of various stripes. The author compares the role and place of Central Asia in Moscow's and London's foreign policy: while the former sought to use the situation to implement plans for a 'world revolution', the latter sought to strengthen its position in countering the national movements that sought support from the powers of the Quadruple Alliance. The relevance of the study stems from the persistence and even exacerbation of tensions in the region of interest to the author, which necessitates a study of the historical experience of dispute resolution. The novelty of the study is determined by the introduction into academic discourse of several official diplomatic documents together with the sources from private collections which are examined in a complex, comparative way making it possible to stipulate strategic goals of leading geopolitical actors at the final stage of the First World War. As the article elucidates, despite the existing domestic and foreign scholarship on the subject, various scenarios of military-political steps of both Moscow and London in Central Asia require clarification while considering the German-Turkish projects of relying upon nationalistic movements under Islamic slogans.

Keywords: First World War, Central Asia, Soviet-British relations, strategic plans, great powers, national movements.

На протяжении нескольких столетий народы, которые населяют обширные пространства Центральной Азии, играли заметную роль в развитии российско-британских отношений. Завершившись в 1907 г. подписанием конвенции о разграничении сфер влияния в Афганистане, Персии и Тибете, так называемая Большая Игра (Great Game) представляла собой амбивалентный процесс соперничества – сотрудничества Российской и Британской империй, стремившихся предложить традиционным восточным обществам соответственно авторитарную или либеральную парадигмы модернизации в условиях формировавшейся глобальной системы политических, экономических и социокультурных связей¹.

Первая мировая война нарушила достигнутый баланс сил и интересов, который усилиями Петербурга и Лондона сложился в Азии к началу XX в. На сцену международной политики вышли новые державы – Германия и Япония, которые строили планы подчинения азиатских народов своему влиянию. Впрочем, еще в предвоенные годы изменение позиции Лондона в отношении региональных проектов Берлина не укрылось от внимания экспертов российского Генерального штаба. Один из них, известный специалист в области морской разведки, капитан 2-го ранга Б.И. Доливо-Добровольский, впоследствии перешедший на службу к советскому правительству, еще в январе 1908 г. довольно точно определил суть британской политики на Востоке после окончания Большой Игры: «Англия, совершенно изменив свою первоначальную точку зрения, теперь видит своего врага не в России уже, а в немцах, и в настоящее время согласна даже на усиление России, но с тем, чтобы использовать ее в качестве барьера для Германии». И далее, словно предвидя будущие революционные потрясения, эксперт писал: «В случае, если расчеты Англии не оправдаются, и Россия не захочет служить британским целям, то Англия все равно не пустит Германию проходить

¹ См. подробнее: *Сергеев Е.Ю.* Большая Игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. (См. также сокращенное издание на англ. языке: *Sergeev E.* The Great Game 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia. Washington (D.C.); Baltimore (M.D.), 2013).

(так в документе. — *Е.С.*) на юго-восток, но тут уже не пускать ей придется не русской кровью, а броней собственных кораблей и жизнью собственных сынов»².

Завершающий период мировой войны и вызванные ею революционные потрясения требовали как от новых правителей России, так и от британской властной элиты разработки ширококомасштабных планов укрепления позиций в ключевом регионе Евразии — Центральной Азии. Со стороны Москвы новизна этих планов в конце 1917—1918 гг. определялась задачами осуществления «мировой революции», тогда как с точки зрения Лондона главная цель британской политики состояла в отстаивании имперских интересов перед лицом угрозы, которая исходила прежде всего от держав Четверного союза. Впрочем, на смену этой опасности, по мнению многих политиков и военных, неизбежно должен был прийти большевизм, идеологи которого открыто поддерживали националистические движения на просторах Британской империи.

Принимая во внимание далеко не достаточное освещение планов Советской России и Великобритании в отношении Центральной Азии на страницах работ отечественных и зарубежных исследователей, а также актуальность представленного материала, обусловленную комплексом противоречий между глобальными и региональными державами на сегодняшний день, автор статьи преследовал цель более углубленно исследовать их на основе российских и британских документов, часть которых впервые введена в научный оборот, используя сравнительно-исторический и историко-типологический методы. При этом в его задачу входило сопоставление стратегии Москвы и Лондона с точки зрения как общих геополитических ориентиров Советской России и Соединенного Королевства, так и исходя из перспектив развития их отношений в Центральной Азии, что остается важной задачей историков-международников, несмотря на несколько работ, увидевших свет в последние годы³.

Октябрьский этап Российской революции, приведший большевиков за стол переговоров со странами Четверного союза, Декларация прав народов России, обнародованная ими 15 ноября 1917 г.⁴, обращение Совета народных комиссаров (СНК) «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря того же года вкупе с публикацией тайных соглашений о разделе османских владений между членами Антанты положили конец десятилетнему русско-британскому сотрудничеству в Азии. Жирную точку поставили два решения Народного комиссариата иностранных дел (НКИД): включение в ст. 15 соглашения о перемирии на Кавказском фронте упоминания о выводе российских и турецких войск из Персии с последовавшим 5 января 1918 г. обнародованием графика этого процесса, а также нота наркома Л.Д. Троцкого от 27 января в адрес персидского временного поверенного в России Асад-хана об отказе советского правительства от положений англо-русской конвенции 1907 г. Заслуживает упоминания

² Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 614. Л. 1—3.

³ Из работ последних лет, авторы которых затрагивали различные аспекты интересующей нас темы, укажем на следующие монографии и статьи: *Friedman I.* British Miscalculations. The Rise of Muslim Nationalism, 1918—1925. New Brunswick; London, 2012; *Macmeekin S.* The Ottoman Endgame. War, Revolution and the Making of the Modern Middle East, 1908—1923. London, 2015; *Harrison R.* Britain in the Middle East, 1619—1971. London, 2016; *Романова Е.В.* Революционная Россия как союзник? Взгляд из Великобритании // Столетие Революции 1917 года в России / отв. ред. И.И. Тучков. Ч. 1. М., 2018. С. 476—484; *Ее же.* Великобритания и революционная Россия // Война, революция, мир. Россия в международных отношениях, 1915—1925 / отв. ред. А.В. Ревякин. М., 2019. С. 81—97; *Улунян Ар.А.* Британский комитет по восточным делам и туркестанская проблема (1918) // 1917 год: новые взгляды и новые подходы: материалы Международной летней школы молодых ученых-историков стран СНГ, Балтии и Европы. Санкт-Петербург, 4—10 июня 2017 г. / ред. Л.А. Садова, М.С. Яковлев. М., 2017. С. 132—146; *Его же.* Туркестанский плацдарм. 1917—1922: британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

⁴ Здесь и далее все даты приводятся по григорианскому календарю (новому стилю).

следующая фраза из указанной ноты: «Советские власти, со своей стороны, сделают все возможное в области международных отношений, чтобы добиться полной эвакуации турецких и английских сил из Персии»⁵.

Дальнейшие заявления и действия большевистских руководителей в январе–феврале 1918 г., главным образом призывы о предоставлении независимости Египту и Индии, показали англичанам, что возобновление геополитического соперничества в Азии бывших союзников неизбежно будет проходить на идеологической основе, хотя и с высокой долей прагматизма, обусловленного необходимостью учитывать два важнейших фактора: сохранявшуюся угрозу германо-турецкого проникновения в регион Среднего Востока, а также нарастающую волну национальных движений под лозунгами освобождения от колониальной и иных форм зависимости. Стоит подчеркнуть, что, хотя в течение первого года существования советского режима надежды большевиков были связаны с началом революций в европейских странах, а британское правительство считало своей главной задачей победоносное окончание мировой войны, проблемы Востока продолжали занимать важное место в двусторонних отношениях. Дело в том, что как Москва, так и Лондон стремились использовать в своих интересах германо-турецкую угрозу, а также региональные националистические движения для вытеснения российского и британского конкурирующего влияния на Центральную Азию⁶.

С британской стороны на протяжении всего периода деятельности коалиционного правительства Д. Ллойд Джорджа (1916–1922) ведущим экспертом по проблемам восточной политики Великобритании оставался Дж. Кёрзон, который до конца 1918 г. занимал пост лорда-президента Тайного совета, а затем исполнял обязанности фактически параллельного министра иностранных дел в период подготовки и работы Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Именно Кёрзон внес решающий вклад в формулирование и осуществление политического курса Кабинета в отношении Туркестана, как традиционно именовалась Центральная Азия в дипломатической переписке и трудах экспертов. Хорошо понимая стратегическое значение сухопутных и морских коммуникаций из Восточного Средиземноморья в Индостан, Кёрзон считал своей первостепенной обязанностью надежно защитить имперские позиции в этом регионе⁷.

Выпускник Оксфорда, неутомимый исследователь пространств Центральной Азии, совершивший два кругосветных путешествия и опубликовавший несколько фундаментальных трудов по проблемам Азии, Кёрзон, как любил повторять Ллойд Джордж своим сотрудникам, был ценен для правительства благодаря колоссальным знаниям о местных народах и племенах, а также практическому опыту управления ими в качестве вице-короля «жемчужины Британской короны» – Индии с 1898 по 1905 г.⁸ Неудивительно поэтому, что Кёрзон возглавил межведомственный Восточный комитет (Eastern Committee) – единственный из временных консультативных органов правительства Ллойд Джорджа, который занимался исключительно иностранными делами⁹. Как известно, предшественниками Восточного комитета являлись более узкие

⁵ Документы внешней политики СССР / отв. ред. А.А. Громыко. М., 1957. Т. 1. С. 91–92; British Library (далее – BL). India Office Records and Private Papers (далее – IOR). L/PS/11.

⁶ См.: *Гурко-Кряжин В.А.* Английская интервенция в Закаспии и Закавказье (на основании следственных материалов Верховного суда СССР) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 116–118.

⁷ *Сергеев Е.Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон – последний рыцарь Британской империи. М., 2015. С. 206–270.

⁸ *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East. Imperial Policy in the Aftermath of the War 1918–1922. London; Basingstoke, 1981. P. 19–20; *Gilmor D.* Curzon. London, 1995. P. 459.

⁹ *Mackay R.* Balfour: Intellectual Statesman. Oxford, 1985. P. 320–321; *Fisher J.* Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British Responses to Bolshevik and Other Intrigues against the Empire during the 1920s // Journal of Asian History. 2000. Vol. XXXIV. № 1. P. 1–34; *Улуяня Ар.А.* Британский комитет по восточным делам... С. 132–146.

по целям структуры: Комитет по управлению Месопотамией (действовал с марта 1917 г., будучи в августе того же года преобразован в Комитет по Ближнему Востоку), а также Комитет по Персии и частично Комитет по России – консультативные структуры, учрежденные соответственно в 1916–1917 гг.¹⁰

К началу 1918 г. Кёрзон испытывал неудовлетворение политикой правительства на Среднем Востоке. Его беспокоило, что Форин офис, министерство по делам Индии и администрация вице-короля Британского Раджа, как именовались коронные владения монарха Соединенного Королевства на территории Индостана, стремились действовать в этих регионах автономно, без тесной координации с другими ведомствами: военным (War Office), морским (Admiralty) и торговым (Board of Trade). На исправление этой ситуации и была направлена работа Восточного комитета¹¹. Его первое заседание 28 марта 1918 г., посвященное формулированию условий будущего мирного устройства региона, открылось продолжительной речью Кёрзона, содержащей глубокий исторический экскурс. Главными пунктами программы, намеченной им, являлось изгнание султана и его правительства из Константинополя, пересмотр договора М. Сайкса – Ж.-Ф. Пико 1916 г. о разделе османских владений с целью ограничения влияния Франции, вытеснение России из Центральной Азии, а также принятие Англией миссии покровителя арабских народов и Персии¹².

Деятельность комитета заключалась в проведении еженедельных заседаний, частота которых значительно увеличилась осенью 1918 г. Начало каждого заседания, особенно в первые недели работы комитета, обычно сопровождалось выступлением председателя, который знакомил коллег с генезисом и текущим состоянием проблемы. Кёрзон лично готовил проекты резолюций, так что вся последующая дискуссия сводилась к внесению поправок в предложенный им сценарий дальнейших действий Кабинета. По воспоминаниям современников, к примеру парламентского заместителя главы Форин офис Р. Сесила, «лишь немногие из членов комитета осмеливались выдвигать рекомендации, которые бы противоречили его предпочтениям...»¹³. Кроме того, у Кёрзона имелся надежный союзник – Ч. Гардинг, также бывший вице-король Индии, который после возвращения из этой страны занимал должность постоянного заместителя министра иностранных дел с апреля 1916 по ноябрь 1920 г. Если по другим вопросам оба политика могли не соглашаться друг с другом, а их личные взаимоотношения далеко не всегда были благожелательными, то по проблемам Азии Кёрзон и Гардинг, как правило, выступали солидарно¹⁴.

Одной из наиболее важных проблем повестки дня Восточного комитета на протяжении всего периода его деятельности с марта 1918 по январь 1919 г. стал «русский вопрос». Как заявил лорд Сесил на одном из заседаний комитета, «Россия должна была вызвать наши опасения не столько потому, что она стала большевистской, а из-за того,

¹⁰ См. подробнее: *Bush B.* Britain, India, and the Arabs (1914–1921). Berkeley (Ca.); London, 1971. P. 207–285; *Sabahi H.* British Policy in Persia 1918–1925. London, 1990. P. 8; *Goldstein E.* Winning for Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920. Oxford, 1991. P. 155–161; *Fisher J.* Curzon and the British Imperialism in the Middle East, 1916–19. London, 1999. P. 42–62; *Улунян А.А.* Туркестанский плацдарм... С. 15–53.

¹¹ *Лавров С.В.* Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5. С. 81–82.

¹² The National Archives of the United Kingdom (далее – TNA). Cabinet Papers (далее – CAB). 27/24. Minutes of the War Cabinet Eastern Committee. March 1918 – January 1919. Также см.: *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Vol. 2–3. Princeton (N.J.), 1969–1972. Vol. 2. 1969. P. 67–68; *Goldstein E.* Op. cit. P. 156–157; *Fisher J.* Curzon and the British Imperialism... P. 27; *Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010. С. 74.

¹³ *Cecil R.* Great Experiment. An Autobiography. London. 1941. P. 154.

¹⁴ *Ullman R.* Op. cit. Vol. 3. 1972. P. 323.

что как великая держава распространила свои интересы на коммуникационные линии Британской империи»¹⁵. В свою очередь Кёрзон, реагируя на приход к власти большевиков и их стремление выйти из войны, подверг резкой критике лозунг «мира без аннексий и контрибуций», обосновав «неотъемлемое право белого человека (читай — представителей англосаксонской расы! — Е.С.) устанавливать высокие стандарты цивилизации в самых темных уголках Земли, где господствуют предрассудки и варварство»¹⁶. Прагматично полагая, как и целый ряд других английских политиков, что, кто бы ни стоял во главе России, главное для Антанты — побудить русских продолжить вооруженную борьбу против Центральных держав, Кёрзон после заключения сепаратного мира в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. стремился привлечь внимание Уайтхолла к угрозе вторжения большевиков при поддержке немцев и благожелательном нейтралитете турок в азиатские владения Великобритании через Туркестан.

В то же время председатель Восточного комитета скептически воспринимал попытки Ллойд Джорджа и министра иностранных дел А. Бальфура реанимировать Русский фронт мировой войны весной 1918 г., чтобы сорвать германо-турецкие замыслы на Востоке¹⁷. Кёрзон принадлежал к той группе британских политиков, которые не доверяли главе НКВД, а затем народному комиссару по военным и морским делам Л.Д. Троцкому, обещавшему специальному представителю в Советской России Р.Б. Локкарту рассмотреть возможность продолжения войны против Четверного союза при финансовой и материальной поддержке Антанты. 26 марта 1918 г. в меморандуме, адресованном членам Военного кабинета, Кёрзон писал, что, по мнению многих экспертов, никто в России не желает воевать, и что надеяться на создание какой-то прочной государственности или новых вооруженных сил из, как он выразился, «расколотых остатков большевизма» означает предаваться несбыточным мечтаниям¹⁸.

Концептуальной базой политики Британии на Востоке, полагал Кёрзон, должно было стать всемерное укрепление империи и защита ее рубежей теперь уже от «большевистской угрозы». «Мне иногда нравится, — заявил он в одном из публичных выступлений, — представлять себе великую ткань империи как громадное строение, нечто вроде теннисоновского “Дворца искусств”, фундамент которого находится в этой стране (Великобритании. — Е.С.), где его заложили и должны поддерживать руки англичан, колонии же — это колонны, а высоко надо всем этим парит громада купола Азии»¹⁹.

Чтобы сохранить и даже усилить британские позиции на Востоке, Кёрзон, которого некоторые современники называли «последним рыцарем Британской империи», разрабатывал планы установления контроля над османскими владениями, Персией и Афганистаном путем создания пояса буферных государств на южных границах России: Курдистана, Персии, Хивинского ханства и Бухарского эмирата (так называемых «смуглых доминионов» по терминологии известного путешественника и разведчика Т. Лоуренса Аравийского²⁰). Хотя, как полагают некоторые современные исследователи, реализация проектов создания исламской конфедерации перечисленных государств под главенством Кабула могла привести к обострению афгано-британских отношений из-за претензий

¹⁵ Ibid. Vol. 2. P. 69.

¹⁶ TNA. CAB 27/4. Curzon's memorandum for the Cabinet, 5 December 1917. Также см.: Lowe C., Dockrill M. The Mirage of Power: British Foreign Policy, 1902–1922. Vol. 2. London, 1972. P. 593.

¹⁷ BL. IOR. Curzon Papers (F). 112/270. Balfour's memorandum, 13 February 1918; TNA. CAB 25/72. Balfour's memorandum, 15 March 1918; Ibid. Balfour's memorandum, 25 June 1918.

¹⁸ Ibid. CAB 27/46. Curzon's memorandum, 26 March 1918. Также см.: Fisher J. Curzon and the British Imperialism... P. 320–321.

¹⁹ Цит. по: Сауд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. СПб., 2006. С. 330. Также см.: Curzon G. The Place of India in the Empire. London, 1909. P. 12–13.

²⁰ Фомин А.М. Политическая деятельность Т.Э. Лоуренса после Первой мировой войны (1918–1922 гг.) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 202–204.

последнего на ряд приграничных территорий Британского Раджа²¹, все же, согласно мнению Кёрзона, поддержанного Ллойд Джорджем и Сесилом, они могли бы защитить Британскую Индию и протектораты Англии в стратегически значимых для Лондона регионах Персидского залива и Суэцкого канала не только от угрозы большевистского вторжения, но и от инспирированных коммунистами национально-освободительных восстаний населения Египта и Месопотамии. Некоторые авторы даже приписывали Кёрзону разработку масштабных проектов создания Ближневосточной империи по типу Британской Индии, однако, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, эти проекты остались лишь в личных бумагах главы Восточного комитета как эскизные наброски, не став предметом публичного обсуждения²².

В свою очередь среди кремлевских руководителей не имелось экспертов по делам Востока уровня Кёрзона, хотя, как им казалось в первые месяцы после захвата власти, грядущая достаточно скорая победа «мировой революции» освобождала их от необходимости выработать какой-то особый политический курс в отношении азиатских стран и народов. Во всяком случае, ни В.И. Ленин, который всерьез полагал, что большинство населения Индостана составляли приверженцы ислама²³, ни Троцкий или сменивший его на посту наркома иностранных дел Г.В. Чичерин, ни даже нарком по делам национальностей И.В. Сталин не обладали необходимой эрудицией, кругозором и опытом для реализации продуманной стратегии действий в Азии. Что касается «старых специалистов» среди сотрудников НКВД вроде япониста по образованию, заведующего Восточным отделом Е.Д. Поливанова, то их мнения по конкретным вопросам носили сугубо рекомендательный характер.

Поэтому решение практических вопросов установления взаимоотношений Советской России с Османской империей (а затем и Турецкой республикой), Бухарой, Хивой, а также с Ираном, Афганистаном, Китаем и Японией легло на плечи Л.М. Карахана (Караханяна), которому в рассматриваемый период еще не исполнилось тридцати лет. Окончив в 1916 г. экстерном Томский университет, он в качестве секретаря советской делегации участвовал в Брест-Литовских переговорах, а с марта 1918 г. занял должность члена коллегии НКВД²⁴. Уже первые шаги Карахана в отношениях со странами Востока показали, что его главной целью на протяжении 1918 г. была минимизация негативных последствий Брестского мирного договора в Закавказье и Туркестане, где советские представители сначала стремились опереться на панисламистские, а затем и национальные движения, которые в равной степени боролись против турецко-германского и англо-французского влияния²⁵.

Стратегическая задача большевиков в «мягком подбрюшье» России заключалась в предотвращении образования на обломках Османской империи враждебно настроенных мусульманских государств, чью территорию «западные империалисты» могли бы использовать в качестве плацдарма для вторжения в пределы рабоче-крестьянской республики. Основными целями Москвы в этой связи стали достижение безопасности границ, распространение влияния большевизма и восстановление традиционных экономических связей с Персией и Афганистаном. Их достижению должно было способствовать

²¹ Улуниян Ар.А. Туркестанский плацдарм... С. 90.

²² *Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry. Ithaca; New York, 1949. P. 38; *Володарский М.И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). London, 1983. С. 52; *Fisher J.* “On the Glacis of India”: Lord Curzon and the British Policy in the Caucasus, 1919 // *Diplomacy and Statecraft.* 1997. Vol. VIII. № 2. P. 52; *Goekay B.* A Clash of Empires: Turkey between Russian Bolshevism and British Imperialism, 1918–1923. London; New York, 1997. P. 168–169.

²³ *Popplewell R.* Intelligence and Imperial Defence. British Intelligence and the Defence of the Indian Empire. London, 1995. P. 307.

²⁴ *Беседовский Г.З.* На путях к Термидору (из воспоминаний бывшего советского дипломата). Т. 1. Париж, 1930. С. 222–224; *Соколов В.В.* На боевых постах дипломатического фронта: жизнь и деятельность Л.М. Карахана. М., 1983.

²⁵ *Friedman I.* Op. cit. P. 87–103.

принятое 25 декабря 1917 г. секретное решение СНК, ставшее известным британской разведке, о выделении 2 млн рублей золотом для организации революционных движений в зарубежных странах, «независимо от того, находятся ли они в состоянии войны с Россией, союзе с ней или соблюдают нейтралитет»²⁶.

Отражая эти настроения и явно выдавая желаемое за действительное, 15 января 1918 г. «Правда» писала, что «Восток уже протягивает свои руки Советской России, к Москве, отворачивая лицо от Лондона»²⁷. Не случайно поэтому фактически с самого начала своего пребывания у власти большевики выдвинули лозунг: «Пока Индия не будет освобождена, Россия не избавится от английской угрозы»²⁸. По образному выражению одного из британских исследователей, «советизация Индии оставалась для них главным призом, мечту о получении которого Москва никогда не оставляла, сколько бы времени это ни потребовало»²⁹.

Словно подтверждая данное мнение, заведующий Индийской секцией НКВД К.М. Трояновский подчеркивал в брошюре, которая весной 1918 г. намечала «новую политическую программу» для стран Востока: «Не может быть социальной катастрофы на Западе до тех пор, пока он, Запад, может еще жить и обогащаться за счет Востока, пока есть еще покорный объект эксплуатации. Мы, русские революционеры и интернациональные социалисты, должны не только приветствовать революцию в Индии, но и прямо, и косвенно поддерживать ее всеми силами, слиться с ней во имя борьбы с империализмом, помочь ей освободиться от ненавистного ей английского ярма и предостеречь ее от не менее опасного и не менее жадного германского империализма, который вот уже известное время сильно точит свои зубы на этот лакомый кусок, дабы вместо свержения всякого ига не произошла бы лишь “перемена хозяина”»³⁰.

Не ограничившись лишь декларативными призывами, Трояновский разработал проект организации революционной экспедиции в Индию через Афганистан. Изложенный на четырех машинописных страницах и состоящий из 15 пунктов, этот документ предполагал достижение следующей главной цели: «Создание интимного (так в документе. — Е.С.) и прочного индо-русского сближения на почве общей борьбы обоих народов с западно-европейским империализмом, угнетающим Индию в настоящем и непосредственно угрожающим России в близком будущем»³¹. При этом Трояновский предложил сосредоточить внимание на трех сферах: политической, военной и торговой. Среди основных инициатив по дестабилизации внутривосточного положения в Британской Индии автор проекта называл поддержку прямого вооруженного восстания трудящегося населения через ассигнование 500 тыс. руб. на отправку в Северо-Западную провинцию крупного отряда добровольцев-мусульман из Туркестана под вывеской конвоя для советской торговой миссии из 6–8 специалистов. По замыслу Трояновского, эта делегация должна была прибыть в Индию вслед за получением по дипломатическим каналам разрешения британского правительства и администрации вице-короля лорда Ф. Челмсфорда³².

При всей фантастичности план Трояновского можно с полным основанием назвать первой концептуально обоснованной программой экспорта «мировой революции» в азиатские страны. Она свидетельствовала о том, что большевистское руководство

²⁶ Hopkirk P. Setting the East Ablaze. On Secret Service in Bolshevik Asia. London, 1984. P. 15.

²⁷ Цит. по: Imam Z. Colonialism in East-West Relations. A Study of Soviet Policy towards India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. New Delhi, 1969. P. 105. Также см.: Friedman I. Op. cit. P. 117–118.

²⁸ Цит. по: Kaye C. Communism in India. Delhi, 1926. P. 1.

²⁹ Hopkirk P. Op. cit. P. 175.

³⁰ Трояновский К.М. Восток и революция. Попытка построения новой политической программы для туземных стран Востока – Индии, Персии и Китая. М., 1918. С. 20.

³¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 90. Оп. 1а. П. 1. Д. 1. Л. 1. Трояновский К.М. План организации и программа деятельности революционной экспедиции в Индию, апрель 1918 г.

³² Там же. Л. 2–3.

преследовало цель нанести удар в тыл странам Антанты через их колониальные владения в Азии, провозгласив право наций на самоопределение³³. В дальнейшем создание Коммунистического Интернационала придало новый импульс реализации этих намерений кремлевских стратегов, в планах которых Центральная Азия выполняла роль плацдарма и тыловой базы наступательной политики прежде всего против Британской империи³⁴.

Важно отметить, что в связи с проектами организации восстания «индийских трудящихся против колонизаторов» Афганистан рассматривался Лениным и Троцким как «Суэцкий канал революции», ведущий из Советской России через Центральную Азию в Британскую Индию, и одновременно как ключевая страна, господство в которой позволило бы англичанам эффективно поддерживать антибольшевистские этноконфессиональные движения в Туркестане³⁵. Поэтому советские руководители с 1918 г. постоянно стремились установить если не прямой, то хотя бы косвенный контроль над Кабулом, используя в своих целях государственный переворот, который в январе 1919 г. привел к смене эмира Афганистана, а также начавшуюся вслед за этим событием третью англо-афганскую войну³⁶.

Неудивительно, что отражение «большевистской угрозы» Индии рассматривалось британским истеблишментом в качестве очередного раунда традиционного геополитического соперничества двух держав на просторах Азии, но в новой по сравнению с довоенным периодом форме. Впрочем, по вполне понятным причинам сами индийские историки старались доказать абсурдность обвинений большевиков в подстрекательстве афганского эмира к вооруженному конфликту с англичанами³⁷.

Здесь уместно вернуться немного назад, указав, что еще в начале Первой мировой войны индийские революционеры-эмигранты обратили свои взгляды на Германию³⁸. К концу 1914 г. они создали в Берлине Революционный комитет, которому германское правительство обещало предоставить оружие и деньги для ведения освободительной войны³⁹. Эта новость, подобно пожару, распространилась среди индийских военнослужащих британской армии, вызвав серьезную тревогу правительства метрополии и администрации вице-короля. Кровавые сражения на фронтах Европы и Ближнего Востока требовали отправки туда многих воинских частей, дислоцированных в Индии, что привело к заметному сокращению сил, способных контролировать ситуацию внутри страны. Согласно оценкам исследователей, к марту 1918 г. у британцев оставалось всего восемь батальонов колониальных войск, размещенных на территории Британского Раджа⁴⁰.

Чтобы блокировать выступления националистов и ослабить движение за «гомруль» во главе с М. Ганди, министр по делам Индии Э. Монтегю и Челмсфорд предприняли в 1918 г. административную реформу, которая стала первым крупным шагом по предоставлению самоуправления индийцам с учетом опыта России по управлению ее центральноазиатскими владениями⁴¹. Как писал бывший губернатор Бомбея, президент

³³ *Imam Z.* Op. cit. P. 13.

³⁴ *Kapur H.* Soviet Russia and Asia. 1917–1927. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966. P. 230–241; *Imam Z.* Op. cit. P. 102–106.

³⁵ *Kapur H.* Op. cit. P. 230–231; *Володарский М.И.* Указ. соч. С. 163. Другим вариантом «Суэцкого канала революции» для большевиков у некоторых авторов выступала Персия, см.: *Lenzowski G.* Op. cit. P. 10.

³⁶ См. подробнее: *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан 1919–1929. М.; Иркутск, 1998.

³⁷ *Imam Z.* Op. cit. P. 73–75. О планах индийских революционеров использовать большевиков для свержения колониального господства англичан также см.: *Ramnath M.* Haj to Utopia. How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire. Berkeley, 2011.

³⁸ *Haitcox J.* Communism and Nationalism in India. V.N. Roy and Comintern Policy, 1920–1939. Princeton (N.J.), 1971. P. 4.

³⁹ АВР РФ. Ф. 090. Оп. 3. П. 1. Д. 4. Л. 12–13 об. Программа революционной деятельности в Индии, июль 1919 г.

⁴⁰ *Roy M.* Memoirs. Bombay, 1964. P. 3, 5–6, 12, 286–294; *Popplewell R.* Op. cit. P. 166, 216–235.

⁴¹ *Imam Z.* Op. cit. P. 57.

Индо-Британской ассоциации лорд Сайденхэм, «Россия предоставила нам поразительную иллюстрацию того, что случается, когда власть разрушена, а 80% населения неграмотны. Результаты (революции. — Е.С.) в Индии оказались бы еще более катастрофичными»⁴².

Однако, несмотря на начало реформ, ситуация в крупнейшей британской колонии на протяжении 1918 г. оставалась взрывоопасной. Основными угрозами владычеству англичан выступали национальные движения в Бенгалии и Пенджабе, попытки организации Временного правительства Индии в Кабуле, деятельность германской агентуры в Северо-Западной пограничной провинции, а также разрабатывавшиеся еще с конца 1916 г. индийскими националистами планы формирования на территории Османской империи так называемой «Армии Бога» — ударного корпуса добровольцев для освобождения страны от колонизаторов⁴³. К ним добавились проблемы распространения большевистской идеологии из Туркестана и попытки некоторых экстремистских лидеров освободительного движения Индии учредить в Ташкенте революционный комитет⁴⁴. Отчет англо-индийского правительства за 1918 г. констатировал, что «германские проiski, усилившиеся благодаря распаду России, представляли опасность для самых подступов к Индии». На завершающем этапе Первой мировой войны внутривосточная стабильность Британского Раджа казалась настолько хрупкой, что, используя метафору одного из хорошо осведомленных колониальных военных экспертов, «правительство Индии едва могло спать по ночам»⁴⁵.

Однако, как показали дальнейшие события, попытки советских руководителей, прежде всего Л.Д. Троцкого, использовать национальные движения азиатских народов в качестве «козырной карты» в геополитической игре кремлевского руководства с Великобританией, были обречены на провал по причинам недостаточного знания местных реалий, экономической слабости Советской России, разногласий в верхушке большевистской партии, а также, что представляется не менее важным, в связи с отсутствием благоприятных условий для победы освободительных сил в рассматриваемом регионе и удачных до поры политических шагов британской колониальной администрации по их «умиротворению».

В то же время намерения тогдашнего министра вооружений, а впоследствии главы военного ведомства У. Черчилля предотвратить советизацию Центральной Азии и проекты Кёрзона по созданию на Среднем Востоке конфедерации буферных государств, враждебных РСФСР, также потерпели неудачу из-за отвлечения британского правительства на решение более насущных внешнеполитических задач в других частях мира, а также отсутствия у британской властной элиты согласованного подхода к осуществлению последовательного стратегического курса в отношении азиатских стран и народов.

Библиография

- Беседовский Г.З.* На путях к Термидору (из воспоминаний бывшего советского дипломата). Т. 1. Париж, 1930.
- Володарский М.И.* Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). London, 1983.
- Гурко-Кряжсин В.А.* Английская интервенция в Закаспии и Закавказье (на основании следственных материалов Верховного суда СССР) // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 115–139.
- Документы внешней политики СССР / отв. ред. А.А. Громыко. Т. 1. М., 1957.

⁴² Morning Post, 30 July 1918.

⁴³ *Popplewell R.* Op. cit. P. 166, 307–308; *Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London, 1997. P. 703.

⁴⁴ *Lenczowski G.* Op. cit. P. 39; *Персиц М.А.* Революционеры Индии в Стране Советов. У истоков индийского коммунистического движения. М., 1973; *Dmitriev G.L.* Indian Revolutionaries in Central Asia. Calcutta, 2002. P. 40–67.

⁴⁵ Цит. по: *Samra C.* India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. Bombay, 1959. P. 25.

- Лавров С.В.* Политика Англии на Кавказе и в Средней Азии в 1917–1921 гг. // Вопросы истории. 1979. № 5. С. 78–92.
- Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан 1919–1929. М.; Иркутск, 1998.
- Персиц М.А.* Революционеры Индии в Стране Советов. У истоков индийского коммунистического движения. М., 1973.
- Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. СПб., 2006.
- Сергеев Е.Ю.* Большая Игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
- Сергеев Е.Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон – последний рыцарь Британской империи. М., 2015.
- Соколов В.В.* На боевых постах дипломатического фронта: жизнь и деятельность Л.М. Карахана. М., 1983.
- Трояновский К.М.* Восток и революция. Попытка построения новой политической программы для туземных стран Востока – Индии, Персии и Китая. М., 1918.
- Улуян Ар.А.* Британский комитет по восточным делам и туркестанская проблема (1918) // 1917 год: новые взгляды и новые подходы: материалы Международной летней школы молодых ученых-историков стран СНГ, Балтии и Европы. Санкт-Петербург, 4–10 июня 2017 г. / ред. Л.А. Садова, М.С. Яковлев. М., 2017. С. 132–146.
- Улуян Ар.А.* Туркестанский плацдарм. 1917–1922: британское разведывательное сообщество и британское правительское. М., 2019.
- Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М., 2010.
- Фомин А.М.* Политическая деятельность Т.Э. Лоуренса после Первой мировой войны (1918–1922 гг.) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 195–206.
- Bush V.* Britain, India, and the Arabs (1914–1921). Berkeley (Ca.); London, 1971.
- Curzon G.* The Place of India in the Empire. London, 1909.
- Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East. Imperial Policy in the Aftermath of the War 1918–1922. London; Basingstoke, 1981.
- Dmitriev G.L.* Indian Revolutionaries in Central Asia. Calcutta, 2002.
- Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London, 1997.
- Fisher J.* “On the Glacis of India”: Lord Curzon and the British Policy in the Caucasus, 1919 // Diplomacy and Statecraft. 1997. Vol. VIII. № 2. P. 50–82.
- Fisher J.* Curzon and the British Imperialism in the Middle East, 1916–19. London, 1999.
- Fisher J.* Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British Responses to Bolshevik and Other Intrigues against the Empire during the 1920s // Journal of Asian History. 2000. Vol. XXXIV. № 1. P. 1–34.
- Friedman I.* British Miscalculations. The Rise of Muslim Nationalism, 1918–1925. New Brunswick; London, 2012.
- Gilmor D.* Curzon. London, 1995.
- Goekay B.* A Clash of Empires: Turkey between Russian Bolshevism and British Imperialism, 1918–1923. London; New York, 1997.
- Goldstein E.* Winning for Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920. Oxford, 1991.
- Haithecox J.* Communism and Nationalism in India. V.N. Roy and Comintern Policy, 1920–1939. Princeton (N.J.), 1971.
- Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. On Secret Service in Bolshevik Asia. London, 1984.
- Imam Z.* Colonialism in East-West Relations. A Study of Soviet Policy towards India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. New Delhi, 1969.
- Kapur H.* Soviet Russia and Asia. 1917–1927. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966.
- Kaye C.* Communism in India. Delhi, 1926.
- Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry. Ithaka; New York, 1949.
- Lowe C., Dockrill M.* The Mirage of Power: British Foreign Policy, 1902–1922. Vol. 2. London, 1972.
- Mackay R.* Balfour: Intellectual Statesman. Oxford; New York, 1985.
- Popplewell R.* Intelligence and Imperial Defence. British Intelligence and the Defence of the Indian Empire. London, 1995.
- Ramnath M.* Haj to Utopia. How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire. Berkeley, 2011.
- Roy M.* Memoirs. Bombay, 1964.
- Sabahi H.* British Policy in Persia 1918–1925. London, 1990.
- Samra C.* India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. Bombay, 1959.

Sergeev E. The Great Game 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia. Washington (D.C.); Baltimore (M.D.), 2013.

Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Vol. 2–3. Princeton (N.J.), 1969–1972.

References

Besedovskii G.Z. Na putiakh k Termidoru (iz vospominanii byvshego sovetского diplomata) [On the Ways to Termidor (From the Memoirs of the Former Soviet Diplomat)]. Vol. 1. Paris, 1930. (In Russ.)

Dokumenty vneshnei politiki SSSR (DVP SSSR) [Documents of the USSR Foreign Policy (DVP SSSR)] / ed. A.A. Gromyko. Vol. 1. Moskva, 1957. (In Russ.)

Fomin A.M. Politicheskaia deiatel'nost' T.E. Lawrence posle Pervoi mirovoi voiny (1918–1922 gg.) [Political Activity of T.E. Lawrence after the First World War (1918–1922)] // *Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary History]*. 2015. № 3. S. 195–206. (In Russ.)

Fomin A.M. Voina s prodolzheniem. Velikobritaniia i Frantsiia v bor'be za "Osmanskoe nasledstvo". 1918–1923 [War on Continuation. Great Britain and France in the Struggle for the "Ottoman Legacy". 1918–1923]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Gerko-Kriazhin V.A. Angliiskaia interventsiiia v Zakspii i Zakavkaz'e (na osnovanii sledstvennykh materialov Verkhovnogo suda SSSR) [English Intervention in Transcaspiia and Transcaucasia (Based on the Investigative Materials of the USSR Supreme Court)] // *Istoriik-Marxist [Historian-Marxist]*. 1926. № 2. S. 115–139. (In Russ.)

Lavrov S.V. Politika Anglii na Kavkaze i v Srednei Asii v 1917–1921 gg. [England's Policy on the Caucasus and in Central Asia in 1917–1921] // *Voprosy istorii [History issues]*. 1979. № 5. S. 78–92. (In Russ.)

Panin S.B. Sovietskaiia Rossiia i Afghanistan 1919–1929 [Soviet Russia and Afghanistan 1919–1929]. Moskva; Irkutsk, 1998. (In Russ.)

Persits M.A. Revoliutsionery Indii v Strane Sovetov. U istokov indiiskogo kommunisticheskogo dvizheniia [Revolutionaries of India in the Land of the Soviets. At the Origins of the Indian Communist Movement]. Moskva, 1973. (In Russ.)

Said Je. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka / per. s angl. [Orientalism. Western Concepts of the East / translated from English]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Sergeev E.Yu. Bol'shaja Igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii [The Big Game, 1856–1907: Myths and Realities of Russian-British Relations in Central and East Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Sergeev E.Yu. George Nathaniel Curzon – poslednii rytsar' Britanskoi imperii [George Nathaniel Curzon – The Last Knight of the British Empire]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Sokolov V.V. Na boevykh postakh diplomaticheskogo fronta: zhizn' i deiatel'nost' L.M. Karakhan [On the Combatant Posts of the Diplomatic Front: The Life and Activity of L.M. Karakhan]. Moskva, 1983. (In Russ.)

Troyanovskii K.M. Vostok i revoliutsiia. Popytki postroeniia novoi politicheskoi programmy dlia tuzemnykh stran Vostoka – Indii, Persii i Kitaia [Orient and Revolution. Trying to Build a New Political Program for the Native Countries of the East – India, Persia and China]. Moskva, 1918. (In Russ.)

Ulunian Ar.A. Britanskii komitet po vostochnym delam i turkestanskaia problema (1918) [British Eastern Committee and the Problem of Turkestan (1918)] // 1917 god: novye vzgliady i novye podkhody: materialy Mezhdunarodnoi letnei shkoly molodykh uchenykh-istorikov stran SNG, Baltii i Evropy. Sankt-Peterburg, 4–10 iyunja 2017 g. / red. L.A. Sadova, M.S. Jakovlev [1917: New Visions and New Approaches: Proceedings of the International Summer School of Young Historians of the Commonwealth of Independent States, Baltia and Europe. Saint-Petersburg, 4–10 July 2017 / eds L.A. Sadova, M.S. Yakovlev]. Moskva, 2017. S. 132–146. (In Russ.)

Ulunian Ar.A. Turkestanskii platsdarm. 1917–1922: britanskoe razvedyvatel'noe soobstchestvo i britanskoe pravitel'stvo [The Turkestan Bridgehead. 1917–1922: the British Intelligence Community and the British Government]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Volodarskii M.I. Sovety i ikh juzhnye sosedi Iran i Afghanistan (1917–1933) [The Soviets and Their Southern Neighbour-States Iran and Afghanistan (1917–1933)]. London, 1983. (In Russ.)

Bush B. Britain, India, and the Arabs (1914–1921). Berkeley (Ca.); London, 1971.

Curzon G. The Place of India in the Empire. London, 1909.

Darwin J. Britain, Egypt and the Middle East. Imperial Policy in the Aftermath of the War 1918–1922. London; Basingstoke, 1981.

Dmitriev G.L. Indian Revolutionaries in Central Asia. Calcutta, 2002.

Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London, 1997.

Fisher J. "On the Glacis of India": Lord Curzon and the British Policy in the Caucasus, 1919 // *Diplomacy and Statecraft*. 1997. Vol. VIII. № 2. P. 50–82.

- Fisher J.* Curzon and the British Imperialism in the Middle East, 1916–19. London, 1999.
- Fisher J.* Interdepartmental Committee on Eastern Unrest and British Responses to Bolshevik and Other Intrigues against the Empire during the 1920s // *Journal of Asian History*. 2000. Vol. XXXIV. № 1. P. 1–34.
- Friedman I.* British Miscalculations. The Rise of Muslim Nationalism, 1918–1925. New Brunswick; London, 2012.
- Gilmor D.* Curzon. London, 1995.
- Goekay B.* A Clash of Empires: Turkey between Russian Bolshevism and British Imperialism, 1918–1923. London; New York, 1997.
- Goldstein E.* Winning for Peace. British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920. Oxford, 1991.
- Haithcox J.* Communism and Nationalism in India. V.N. Roy and Comintern Policy, 1920–1939. Princeton (N.J.), 1971.
- Hopkirk P.* Setting the East Ablaze. On Secret Service in Bolshevik Asia. London, 1984.
- Itam Z.* Colonialism in East-West Relations. A Study of Soviet Policy towards India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. New Delhi, 1969.
- Kapur H.* Soviet Russia and Asia. 1917–1927. A Study of Soviet Policy towards Turkey, Iran and Afghanistan. Geneva, 1966.
- Kaye C.* Communism in India. Delhi, 1926.
- Lenczowski G.* Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry. Ithaca; New York, 1949.
- Lowe C., Dockrill M.* The Mirage of Power: British Foreign Policy, 1902–1922. Vol. 2. London, 1972.
- Mackay R.* Balfour: Intellectual Statesman. Oxford; New York, 1985.
- Popplewell R.* Intelligence and Imperial Defence. British Intelligence and the Defence of the Indian Empire. London, 1995.
- Ramnath M.* Haj to Utopia. How the Ghadar Movement Charted Global Radicalism and Attempted to Overthrow the British Empire. Berkeley, 2011.
- Roy M.* Memoirs. Bombay, 1964.
- Sabahi H.* British Policy in Persia 1918–1925. London, 1990.
- Samra C.* India and Anglo-Soviet Relations, 1917–1947. Bombay, 1959.
- Sergeev E.* The Great Game 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia. Washington (D.C.); Baltimore (M.D.), 2013.
- Ullman R.* Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Vol. 2–3. Princeton (N.J.), 1969–1972.

DOI: 10.31857/S013038640018264-8

© 2022 г. А.А. УЛУНЯН

БРИТАНСКОЕ НЕПРИЗНАНИЕ БУХАРСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В 1922 ГОДУ: ОЦЕНКИ, ПРОГНОЗЫ И МЕХАНИЗМ

Улунян Артем Акопович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: draugab345@gmail.com

Scopus Author ID: 38661899300

Аннотация. Статья посвящена изучению и оценке британцами ситуации в Бухаре, сложившейся зимой 1921–1922 гг., сразу после раскола союза большевиков и младобухарцев, который осенью 1920 г. привел к созданию т.н. Бухарской Народной Советской Республики (БНСР). На основе британских архивных источников в статье исследуются процесс принятия решений, прогнозы будущего развития и освещается механизм взаимодействия между различными учреждениями администрации Британской Индии и ее решения по англо-бухарским отношениям. Соединенному Королевству было необходимо предотвратить любую угрозу своим индийским владениям. Поэтому признание независимой государственности Бухары сразу после свержения эмира большевиками и младобухарцами и установления просоветского режима приобрело особую важность. Проблема признания затрагивала широкий круг вопросов, в том числе британских позиций на Востоке, связей Британии с отдельными странами региона, в первую очередь с Афганистаном, и установление отношений с Советской Россией, которая, с одной стороны, проявляла свою заинтересованность в налаживании отношений с Британией, а с другой – занималась антибританской деятельностью на Востоке, главным образом в Индии. Афганские власти, преследовавшие собственные цели в Центральной Азии, настойчиво обращались к англичанам с призывом признать независимость Бухары, ссылаясь на советский и афганский примеры. Британские дипломаты осторожно реагировали на все обращения, не теряя из виду афганские планы и цели Лондона. Их окончательный отказ от участия в бухарском хаосе вызван в большей степени отсутствием реальной силы, на которую англичане могли бы опереться. Таким образом, сама идея британского признания оказалась нежизнеспособна из-за характера марионеточного режима, установленного в БНСР, и из-за нежелания британцев обострять отношения с Советской Россией.

Ключевые слова: Афганистан, Бухара, Великобритания, Индия, государственная независимость, Советская Россия, Центральная Азия, внешняя политика, государственное строительство, дипломатическое признание.

A.A. Ulunyan

The British Non-Recognition of Bukhara's Independence in 1922: Assessments, Forecasts, and Mechanism

Artyom Ulunyan, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: draugab345@gmail.com

Scopus Author ID: 38661899300

Abstract. The article examines the British vision and assessments of the situation in Bukhara in the winter of 1921–1922, immediately after the split of the Union of Bolsheviks and Young Bukharans, which

previously led to the creation of the so-called Bukhara People's Soviet Republic in the fall of 1920. Drawing on British archival sources, the article examines the decision-making process and projections for future development and outlines the mechanism of interaction between the various institutions of the British Indian administration and its decisions regarding Anglo-Bukharian relations. The United Kingdom needed to prevent any threat to its Indian possessions. Therefore, the recognition of the independent statehood of Bukhara immediately after the overthrow of the emir by the Bolsheviks and the Young Bukharans, and the establishment of the pro-Soviet regime, became particularly important. The problem of recognition affected a wide range of issues, including British positions in the East, its relations with individual countries of the region, primarily with Afghanistan, and the establishment of relations with Soviet Russia, which, on the one hand, showed its interest in promoting them, and on the other, engaged in anti-British activities in the East with an emphasis on India. The Afghan authorities, pursuing their own goals in Central Asia, persistently appealed to the British to recognize the independence of Bukhara, referring to the Soviet and Afghan examples. British diplomats reacted cautiously to all appeals, without losing sight of the Afghan plans and goals of London. Their final refusal to participate in the Bukhara chaos is caused, to a greater extent, by the lack of a real force on which the British could rely. Thus, the very idea of British recognition turned out to be unviable because of the nature of the puppet regime established in the BNSR, and because of the unwillingness of the British to aggravate their relations with Soviet Russia.

Keywords: Afghanistan, Bukhara, Central Asia, Great Britain, India, independence.

Участие Британии в делах Центрально-Азиатского региона в первой четверти XX в. стало самостоятельным историографическим направлением и продолжает сохранять свою актуальность по мере увеличивающегося объема доступных архивных материалов как британского и российского происхождения, так и отложившихся в хранилищах других стран, имевших непосредственное отношение к событиям в регионе. Независимые государственные образования в Центральной Азии в виде Бухарского эмирата и Хорезмского государства (Хивинского ханства), являвшиеся автономными в составе Российской империи, просуществовали недолго — со времени Февральской революции 1917 г. до 1920 г., когда Красной армией в Хиве 2 февраля был свергнут Саид Абдуллахан, а в Бухаре 2 сентября — Сеид Алим-хан. На протяжении 1917–1920 гг. наблюдалась уникальная ситуация с точки зрения общего политического положения в регионе: наряду с этими государствами в Центральной Азии существовала созданная большевиками и находившаяся под их контролем советская Туркестанская республика — своеобразный плацдарм для развертывания революции на Востоке. Отказ Лондона от дальнейшего военно-политического присутствия в Закаспийской области, длившегося с августа 1918 г. по август 1919 г. и проходившего на фоне боевых действий как в самом регионе, так и в условиях англо-афганской войны (3 мая — 8 августа 1919 г.), был во многом обусловлен ограниченностью ресурсов британской стороны и изменениями, происходившими в регионах Ближнего и Среднего Востока, традиционно входивших в сферу британских интересов¹. Одновременно серьезные изменения затронули систему международных отношений в целом, что было обусловлено появлением на внешнеполитической арене Советской России, руководство которой стремилось укрепить позиции на Востоке, видя в восточных государствах союзника в борьбе с европейскими державами, и прежде всего Великобританией. Учитывая колониальные владения последней, в которых усиливались антибританские по своим целям и задачам общественно-политические движения, Лондону необходимо было принять соответствующие меры на внутриимперском уровне и проводить соответствующую внешнюю политику, частью которой было

¹ О роли и месте Центрально-Азиатского региона в восточной политике Британии в эти годы см.: *Удунян Ар.А.* Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

российское направление². Политический курс советского руководства, рассчитывавшего на признание Британией РСФСР и установление столь необходимых для советской стороны торговых отношений с Британией, тем не менее, сопровождался негласными, направленными на подрыв английских позиций на Востоке действиями, предпринимавшимися как по линии государственных органов, так и формально не связанного с советскими властями Коммунистического интернационала. В свою очередь, Лондон пытался добиться от советского режима отказа от этого курса в обмен на подписание торгового соглашения. Большевики планировали ликвидировать последние независимые государства Центральной Азии в виде Бухары и Хивы, что и удалось им сделать с опорой на местные реформаторские силы в лице младохивинского и младобухарского движений, созданных частью местных джадидов³. Вскоре стало ясно, что планы большевиков не предусматривали существование неподконтрольных им государственных образований, и начавшееся в регионе повстанческое движение превратилось в серьезную угрозу советской власти в регионе. В этой связи была сделана ставка на бежавших из Европы отдельных деятелей младотурецкого движения, разделявших пантюркситские и панисламистские взгляды, в частности, Энвер-пашу⁴ и Джемаль-пашу⁵, в свое время осужденных за военные преступления и геноцид армян в Османской империи и бежавших в Россию, где большевистское руководство намеревалось их использовать в своих интересах на Востоке. Осенью 1921 г. для ликвидации антибольшевистского движения в Центральную Азию из Москвы был направлен Энвер-паша, которому предстояло заручиться поддержкой «мусульманских масс» в борьбе против разворачивавшегося басмаческого движения. Однако расчет советского руководства оказался ошибочным: Энвер-паша перешел на сторону восставших и попытался взять движение под свой контроль. Более того, в руководстве созданной 8 октября 1920 г. Бухарской Народной Советской Республике (БНСР) образовалась группа лиц, недовольная действиями РСФСР, которая признавала независимость нового государства только на бумаге. В декабре 1921 г. глава БНСР Усман Ходжаев, а также ряд назиров (министров) перешли на сторону басмаческого движения. На этом фоне усилилась активность Афганистана в Центральной Азии, стремившегося усилить здесь свое влияние и при определенных условиях покровительствовать формально признанным независимым государствам – Хорезмской Народной Советской Республике и особенно БНСР. Британская сторона была серьезно обеспокоена, так как происходившее могло негативно повлиять на ситуацию в британской Индии,

² Подробнее об особенностях развития и становления советско-британских отношений в этот период см.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб., 2019.

³ Джадизм – идеологическое направление, распространившееся среди российских мусульман в начале XX в., было ориентировано на модернизацию образования. О действиях большевиков в Бухаре и Хиве см.: *Генис В.Л.* «Бутафорская революция», или российское полпредство в Хиве в 1920 г. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2000. № 2. С. 5–26; *Его же.* «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М., 2001.

⁴ *Dumont P.* La fascination du bolchevisme: Enver pacha et le parti des soviets populaires, 1919–1922 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16. № 2. P. 141–166; *Erşan M.* Hüsein Fevzi Bey'in, Enver Paşa – İslam İhtilal Cemiyetleri İttihadı – Anadolu ilişkilerine dair raporu // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2009. Vol. 4/3. S. 952–975; *Yenen A.* The Other Jihad: Enver Pasha, Bolsheviks, and Politics of Anticolonial Muslim Nationalism during the Baku Congress 1920 // The First World War and its Aftermath: The Shaping of the Middle East / ed. T.G. Fraser. London, 2015. P. 273–293.

⁵ Об использовании Джемаль-паши советским руководством на «афганском направлении» см.: *Тихонов Ю.Н.* Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. // Восточный архив. 2010. № 2 (22). С. 50–62; *Шерстюков С.А.* Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша между Москвой и Берлином (1918–1922) // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 4. С. 55–69.

имевшей общие границы с Афганистаном – буферным государством между британскими владениями и становившейся советской Центральной Азией.

В этой связи любые события, связанные с Бухарой, включая судьбу ее бывшего эмира Сеид Алим-хана, а также действия соседних с ней государств, прежде всего Афганистана, находились в центре внимания британской администрации Индии, в чью зону ответственности входили взаимоотношения со странами региона.

Тем временем ситуация в бывшем бухарском эмирате свидетельствовала о расширении повстанческого антисоветского движения. По линии Разведывательного бюро Северо-Западной пограничной провинции, находившегося в Пешаваре, в первой половине февраля 1922 г. британская администрация получила сведения о распространившихся слухах относительно возвращения бухарского эмира в связи с тем, что «большевики и джаиды потерпели серьезное поражение от контрреволюционных сил, которые ныне заняли все горную часть Гиссарской области»⁶. Это могло серьезно повлиять на расстановку сил в бывшей российской Центральной Азии и приграничных территориях соседних с ней государств. Поэтому от решения «бухарского» вопроса зависела дальнейшая судьба большого региона, что, разумеется, понимали все участники борьбы за влияние в нем. Находившийся в Кабуле глава британской миссии в ранге министра⁷ – подполковник Ф.Г. Хамфрис – сообщал в специальном письме от 21 марта 1922 г. в Департамент по международным и политическим делам британской администрации Индии о состоявшейся в среду (т.е. 15 марта) продолжительной и весьма откровенной беседе с афганским эмиром Аманулло-ханом⁸.

Кабульский правитель сообщил собеседнику две свои неотложные просьбы, неизвестные, как он особо отметил, главе афганского МИД М. Тарзи, одна из которых касалась публичного признания британским правительством независимости Бухары и Хивы. Серьезность этого шага была очевидна для британской стороны, учитывавшей внутривнутриполитические процессы в Центральной Азии и события, происходившие в регионе, а также ее взаимоотношения как с Афганистаном, так и Советской Россией. Секретарь по иностранным делам британской администрации Индии Д. Брэй, ознакомившийся с сообщением подполковника, сделал 1 апреля 1922 г. не оставлявшие сомнений в его отрицательном отношении к этой просьбе пометки: «В каком виде? Республики или эмирата?»⁹.

В то же время в конце марта 1922 г. по линии Разведывательного бюро Северо-Западной провинции отмечалось широко распространенное мнение, что кабульский правитель «находился в контакте и контролировал в собственных интересах ситуацию в Бухаре»¹⁰. Помимо этого, как стало известно в бюро, так называемые контрреволюционные силы активно действовали в Фергане, а противостоявшие им республиканские бухарцы не проявляли решительности. Одновременно обращалось внимание на поведение представителя БНСР, который, как сообщалось, находился в хороших отношениях с бывшим эмиром и афганским правителем. Считая Бухару независимой от «большевистского контроля», в бюро отмечали, что «войска, противостоявшие контрреволюционерам или басмачам, как называли их русские, являются большевистскими и ими руководят командиры-большевики»¹¹. Такая оценка во многом соответствовала действительности.

⁶ National Archives of India (далее – NAI). Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Extract from the North West Frontier Province Intelligence Bureau Diary N 7 for week ending 16th February 1922. P. 3.

⁷ Министр – ранг дипломатического представителя.

⁸ NAI. Extract from a letter, dated 21th March 1922 from Lieutenant-Colonel F.H. Humphrys, C.J. E., His Majesty's Minister at Kabul. P. 8.

⁹ Ibid. P. 9.

¹⁰ Ibid. Extract from Intelligence Bureau, North-West Frontier Province, Diary N 13 for week ending the 30th March 1922. P. 13.

¹¹ Ibid. P. 14.

В специальном письме главе Форин офиса лорду Керзону, направленном 30 марта 1922 г. и полученном в Лондоне 24 апреля, Хамфрис сообщил о своей беседе с афганским правителем и о заявлении эмира относительно отправки министра иностранных дел М. Тарзи на время в Джелалабад «поменять атмосферу» и решении взять на себя обязанности министра иностранных дел. Последнее, как следовало из содержавшейся в письме информации, было обусловлено серьезными обстоятельствами. После нескольких наводящих вопросов Аманулла-хана Хамфрису относительно некоего тайного послания от британского монарха, а также о степени знакомства подполковника с неким секретным делом, обсуждавшимся афганским эмиром с предыдущим британским посланником Г. Доббсом, и уклончивых ответов британца кабульский правитель сообщил достаточно важную информацию. Доббс и эмир обсуждали заключение договора «об исключении России из Афганистана», что было известно Хамфрису, но последующие заявления были для него неожиданными, так как о деталях не был осведомлен даже глава афганского МИД М. Тарзи¹². «В Восточной Бухаре существовала сильная партия, которая уже боролась за полное признание независимости своей страны. Эта партия не смогла бы добиться успеха без его (Аманулла-хана. — А.У.) помощи из-за присутствия российских войск в городе Бухара. Он искренне настаивал на публичном признании независимости Бухары и Хивы британским правительством и указал на то, что независимость этих двух государств уже была признана Россией и Афганистаном»¹³. На вопрос Хамфриса относительно смысла британского признания, как писал подполковник, «после некоторого колебания он (Аманулла-хан. — А.У.) ответил, что, по его мнению, это заставит русских эвакуироваться из Бухары и оставить страну в покое. Случай с Хивой, которая находилась далеко от его границ, имел второстепенное значение для Афганистана, но на самом деле был неотделим от... Бухары». Подполковник отметил, что официальные заявления британского правительства в подобных случаях делались ранее только после тщательного обсуждения и принятия решения. В случае Бухары, как отмечал подполковник в беседе с Аманулла-ханом, стоял вопрос, являлась ли она ханством или республикой и на признание британским правительством какого режима рассчитывал эмир?¹⁴ Последний был озадачен поставленным вопросом и спросил у своего собеседника, какую форму правления он считал наиболее подходящей. Ответив в свойственной для дипломатов манере, что народ сам должен решать это, Хамфрис в то же время заметил, что присутствие советских сил в Бухаре означает для иностранцев ее зависимость от России. Сам афганский правитель согласился с ним, заявив, что присутствие Красной армии, терроризирующей население, не может обеспечить свободного волеизъявления народа Восточной Бухары, который мог поддержать как бывшего эмира, так и его сына. Одновременно он сообщил о наличии у него определенных обязательств перед бухарцами и хивинцами, и «он беспокоился о том, чтобы граница с Россией была как можно более ограничена. Фергана на востоке давно боролась за свою независимость; если бы она была получена, а Бухара была очищена от русских, северную границу Афганистана было бы гораздо легче защитить»¹⁵.

Аманулла-хан вновь во время беседы обратился к Хамфрису с прошением о признании британским правительством независимости Бухары и Хивы. Подполковник предупредил, что «если конституция двух государств в действительности не определена, то его просьба не имеет силы»¹⁶. Аманулла-хан «лелеял надежды восстановить в Бухаре бывшего эмира, которого он считает неудобным гостем, и таким образом не только получить поддержку своих собственных

¹² [N 3859/6/97] No. 3. Colonel Humphreys to the Marquess Curzon of Kedleston. — (Received April, 24) (No. 4) // Correspondence respecting Afghanistan. Confidential. Part 1. January to December 1922. Printed for the use of the Foreign Office. UK. 1922. P. 24.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid. P. 25.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

подданных, но в целом всего исламского мира, а также обезопасить уязвимую часть границы от угрозы проникновения русских»¹⁷ – к такому выводу пришел британский министр.

Телеграмма аналогичного содержания была направлена Хамфрисом 29 марта 1922 г. заместителю секретаря британского индийского правительства по международным и политическим делам Э.Б. Хоувеллу. Вопрос о признании независимости Бухары и Хивы, как становилось ясно из комментария на этом послании, сделанном британским чиновником, воспринимался им крайне осторожно, и он отмечал, что данное дело так и не продвинулось. Имея в виду, что это было уже повторное обращение из Кабула относительно направления подобной телеграммы в Форин офис, в совместном заключении Военного департамента, Департамента внутренних дел и Департамента Центральной разведки говорилось, что «Правительство Его Величества может найти послание эмира (Афганистана. – А.У.) как представляющее определенный интерес в связи с приближающейся Генуэзской конференцией»¹⁸. В документе оценивалась и позиция афганского правителя: «каковым бы ни было отношение эмира к эмиру Бухары, нетрудно обнаружить в его нынешнем действии (призыв британцев признать независимость Бухары и Хивы. – А.У.) его собственную заинтересованность в оправдании заявленной политики одобрения и поддержки независимости Бухары»¹⁹. При этом подчеркивалась «пронизанность» этой политики «панисламистским духом» и откровенным расчетом на получение выгод среди мусульман и «создание конфедерации мусульманских государств в Центральной Азии под его руководством», что было особенно важно с учетом британских позиций и интересов на мусульманском Востоке. В случае неудачи реализации плана, отмечалось в анализе, позиции Амануллы-хана ослабевали²⁰.

В заключение следовало, что признание независимости Бухары и Хивы не видится возможным. Но было высказано предложение (с явным намерением показать невозможность вмешательства в бухарско-хивинские дела) в случае необходимости изучения данной темы «сообщить о наших взглядах Правительству Его Величества, перенаправить данную телеграмму в Симлу с материалами, касающимися бухарского эмира», а также сведениями, полученными из Мешхеда и Пешавара о положении дел в Бухаре, Хиве, о Джунаид-хане и о басмаческом движении с центром в Фергане²¹. Замечания Хоувелла на документе свидетельствовали о его двояком отношении к происходящему. С одной стороны, он однозначно отверг отправку этого сообщения как имеющего особый преференциальный статус перед другими. Но в то же время, отметив, что данный вопрос – признание бухарской независимости – не изучался, замсекретаря соглашался с тем, что он выглядел срочным. Его патрон – секретарь по иностранным и политическим делам британской администрации Индии Д. Брэй, наложивший 4 апреля 1922 г. окончательную резолюцию на документ, сообщал о необходимости заняться данным вопросом как в связи с важной телеграммой, полученной из Мешхеда, так и с учетом некоего «секретного доклада» начальника Генерального штаба (британской индийской армии),

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ NAI. Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Telegram from His Majesty's Minister at Kabul, N 18, dated (and received) the 29th Serial N 1, March 1922. Regarding recognition of the independence of Bokhara and Khiva by His Majesty's Government. P. 3.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem. О существовавших в Афганистане планах создания регионального государства в составе Афганистана и Центральной Азии см.: *Sirdar Iqbal Ali Shah. The Federation of the Central Asian States under the Kabul Government // Journal of the Central Asian Society. 1921. Vol. VIII. Part I. P. 29–48.*

²¹ NAI. Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Telegram from His Majesty's Minister at Kabul, N 18, dated (and received) the 29th Serial N 1, March 1922. Regarding recognition of the independence of Bokhara and Khiva by His Majesty's Government. P. 4.

направленного в Лондон отдельно. Он распорядился переделать проект послания по данной проблеме в «более широком смысле» и передать его вице-королю Индии Р.Д. Айзексу²².

Новый текст телеграммы, направленной Айзексу в тот же день Брэйем, имел вполне однозначное содержание: в случае признания британской стороной независимости Хивы и Бухары «советское правительство не будет иметь формальных оснований для протестов, так как оно само сделало это»²³. Однако «войска, которые противостоят контрреволюции, являются большевистскими и под командованием большевистских командиров», а советское признание [независимости] носит номинальный характер». В этой связи выражалось согласие с мнением британского посла в Кабуле Хамфрисом о преждевременности признания этих двух государств, но при этом предлагалось объяснить подобное отношение британской стороны отсутствием в обоих образованиях фактических правительств, которые предстояло признать²⁴. В тексте проекта телеграммы обращалось внимание как на полученные из Мешхеда сведения о расширявшемся в Туркестане восстании, что требовало проявлять все большую осторожность, так и на материалы секретного доклада, направленного директору военной разведки, содержавшегося в телеграммах начальника Генерального штаба 30 и 31 марта 1922 г. На основании разрозненных данных в Иностранном департаменте британской администрации Индии приходили к выводу о возможных совместных действиях бывшего бухарского эмира и Энвер-паши с целью поднятия восстания в Туркестане для борьбы против большевиков и о возможном вмешательстве афганской стороны. Целью Амануллы-хана предполагалось восстановление власти свергнутого бухарского эмира и получение Афганистаном «гегемонии над мусульманскими государствами Центральной Азии»²⁵. Не меньшее внимание уделялось собственно плану Энвера-паши, но констатировалась невозможность «определения в настоящий момент, собирается ли Энвер, надеясь на возвращение в Турцию или полагая, что игра в Турции закончена, играть в одиночку, или он действует в соответствии с пантуранскими и панисламскими чувствами, либо он действует в связке с неким широким движением»²⁶.

Таким образом, вопрос о признании независимости Бухары (как и Хивы) британской стороной зависел от комплекса факторов, одним из которых являлась деятельность Энвер-паши. Внимание британских разведывательных служб и дипломатии было сконцентрировано на его фигуре, и любая информация о нем, включая публикации в местной прессе, отслеживалась особенно тщательно, вплоть до предоставления отдельных выдержек и полнотекстовых переводов статей из выходявших в регионе газет в подразделения британской администрации Индии. Так, в частности, по линии Разведывательного бюро в Пешаваре в Симлу сообщалось о публикации в афганской газете «Ислах» материалов о борьбе Энвер-паши против большевиков в Восточной Бухаре и осаде его силами Душанбе, в котором находился советский гарнизон²⁷. Одновременно отмечалось, что Усман Ходжаев (Усманходжа Пулатходжаев), Президент Бухарской республики (Председатель ЦИК Советов Бухарской Народной Советской Республики), прибыл

²² Ibidem.

²³ Ibid. Telegram P., N 403-S, dated the 4th April 1922. From – The Foreign Secretary to the Government of India in the Foreign and Political department, Simla. To – The Private Secretary to His Excellency the Viceroy, Viceroy's Camp. P. 5.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem. Пантуранизм – идеологическая концепция и политическая практика ряда радикальных сил, направленная на объединение тюркских, угро-финских, алтайских и уральских народов с целью создания широкого объединения.

²⁷ Ibid. Serial N 11. Letter from His Majesty's Minister at Kabul. N 20 dated the 30th March (received the 6th April) 1922. Forwards copy of a dispatch addressed to the Foreign Office reporting Amir's request for recognition by His Majesty's Government of the Independence of Bokhara and Khiva. P. 6.

в Афганистан со стороны приграничного Мазари-Шарифа вместе с несколькими своими соратниками и получил убежище у правительства Афганистана²⁸. В приводимом переводе статьи сообщалось, что «хотя обе стороны в Бухаре совместно борются за свободу и Советы признали независимость, все еще не понятно, почему большевики сражаются в противоречии со своим договором и против желания жителей до такой степени, что большое число бухарских беженцев эмигрируют ежедневно на афганскую территорию и сообщают об ужасных впечатлениях относительно происходящих там событий»²⁹.

Подобные сведения и досье активно собирались Иностранным департаментом британской администрации Индии, и среди соответствующей документации находились как материалы о бывшем эмире Бухары, так и его переписка с обращениями об оказании помощи в период, когда он был в Гиссаре. Важная оперативная информация о ситуации в Бухаре, Хиве, а также о басмаческом движении поступала по линии военной разведки от военного атташе в Мешхеде капитана Дж.Э. Стрэттона. За процессом сбора данных следил лично замсекретаря Департамента по иностранным и политическим делам Э.Б. Хоуэлл, создав «Бухарскую папку». Эта тема продолжала играть достаточно важную роль в афгано-британских отношениях. Полученное 5 апреля 1922 г. в Симле новое письмо от Хамфриса лишней раз свидетельствовало об этом, так как в нем сообщалось о состоявшейся у него беседе с Амануллой-ханом, который обращался к британской стороне с просьбой о признании независимости Бухары и Хивы. В представленном в Департамент 8 апреля 1922 г. совместном анализе этого послания, сделанном Военным департаментом, Департаментом внутренних дел и Управлением разведки, отмечалось, что эта беседа откровенно демонстрировала желания и беспокойность афганского правителя как по поводу собственно границ его государства, так и относительно «безопасности ханств, в которых он заинтересован»³⁰. Авторы аналитического резюме делали вывод, что при переговорах с Хамфрисом от эмира не ожидалось на тот момент откровений об амбициях последнего доминировать над ханствами, а также о его договоренностях с Энвером-пашой, но выражалось пожелание получить более точную информацию о совместных планах афганского правителя и бывшего бухарского эмира, а также Энвер-паши в деле развертывания движения в регионе³¹.

В аналитической записке трех департаментов британской администрации Индии отмечались серьезные возражения по сути предлагаемой Амануллой-ханом формулы признания: она была аналогична содержавшейся в советско-афганском договоре относительно признания независимости двух ханств, «оставляя на будущее точную форму и статус последних», что «было бы вероятно не приемлемо для Правительства Его Величества»³². Окончательное решение оставалось за Лондоном, куда и следовало передать информацию о предложении афганского эмира. Ответить кабульскому правителю предполагалось в следующей, «рассчитанной на перспективу» форме: «Правительство Его Величества уже официально проводит разграничение между государствами Бухара и Хива и остальной частью российской Средней Азии, и то, что невыполнение правительством России требований, выдвигаемых правительством Его Величества, может со временем дать последнему существенное основание для признания независимости этих государств, имея в виду обеспечение желательности прямых отношений с ними»³³. Однако такая размытая формулировка порождала у авторов определенные сомнения, в связи с чем им «казалось, что нет необходимости [дальнейших] спекуляций как по этому,

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

³² Ibid. Extract from a letter from Lieutenant-Colonel F.H. Humphry, to Mr. Denys Bray, dated the 15th April 1922. P. 7.

³³ Ibidem.

так и по другим вопросам, поднятым в письме», и они считали представляющим наибольшую ценность вопрос «обеспокоенности эмира относительно более ограниченных контактов с Россией на севере и это должно быть обеспечено до определенной степени на Генуэзской конференции в случае ее окончания с какими-либо положительными и полезными договоренностями с Россией. Можно было бы, однако, добавить, что эмир продолжает надеяться на возможность передачи ему территории Пенджде»³⁴. В своей резолюции на представленном аналитическом резюме Э.Б. Хоуэлл, имея в виду амбиции Амануллы-хана, сослался на опыт Х. Доббса — бывшего британского посла в Кабуле, который вел многомесячные переговоры с афганской стороной после англо-афганской войны, заключив 22 ноября 1921 г. с Афганистаном мирный договор, и, «похоже, имел подлинное понимание образа мыслей эмира»³⁵. Одновременно он отметил, что мнение самого нынешнего британского представителя Хамфриса неясно и он, Хамфрис, не понимает, что поднятый вопрос является частью упоминавшейся ранее в дипломатической переписке проблемы. Как оценка действий подполковника, так и анализируемая в записке тема привлекли внимание главы Иностранного департамента Д. Брэя, представившего свои мысли в виде комментария 9 апреля 1922 г.: он оправдал позицию Хамфриса незнанием о событиях в Туркестане, тогда как последняя часть беседы с афганским правителем была тесно связана с предварительными вопросами об исключительном договоре и с секретными посланиями короля. Брэй полагал необходимым проинформировать британское правительство относительно данных «предварительных вопросов» (по вопросу особых отношений с Британией) с тем, чтобы «сделать возможным получение просьбы эмира о признании независимости Бухары и Хивы в подобающей форме»³⁶. Брэй не был сторонником взглядов Доббса на характер дальнейших взаимоотношений Британии с Афганистаном, а суть политической линии, которую он собирался проводить по отношению к Кабулу, была им определена достаточно откровенно. Отдав дань проницательности Доббса и отметив, что он «был явно прав, полагая, что эмир (Афганистана. — А.У.) будет форсировать события, хотя, возможно, он сомневался, что сделал бы это, если бы не вмешательство Энвер-паши», глава Иностранного департамента сослался на мнение бывшего британского посла в Кабуле, что необходимо «обратить взгляд эмира на Среднюю Азию, чтобы отвлечь его от Индии»³⁷. Однако задача «перенаправления» интересов кабульского правителя оказывалась в реальных условиях довольно сложной из-за недостаточной осведомленности о подлинном масштабе вовлеченности афганской стороны в центральноазиатские дела и об имеющихся у нее планах³⁸. Брэй считал, что, если Аманулла-хан «попытается и потерпит неудачу, и возникнет опасность для Афганистана, мы (британцы. — А.У.) сами будем свободны от ответственности; эмир будет сам для себя Франкенштейном»³⁹. Однако при положительных результатах и возникновении опасности для Индии, как полагал секретарь, британская сторона оказалась бы непричастна к подобному развитию событий. Он также выражал сожаление о задержке с прибытием британского представителя в Кабул, что «помешало нам дать эмиру совет и предупреждение, за которые мы выступали в глубине души»⁴⁰.

Сложность складывавшейся в бывшей российской Центральной Азии ситуации превращала вопрос признания независимости Бухары и Хивы (последнее занимало меньшее место в британских планах) фактически в особое направление британской политики

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

в Центральной Азии. Точка зрения Д. Брея на характер дальнейших действий Британии получила дополнительные аргументы благодаря письму Хамфриса от 15 апреля 1922 г., в котором сообщалось: «Эмир вцепился в бухарский пирог», в то время как советский представитель в Кабуле Ф. Раскольников высказывал «обеспокоенность деликатностью русско-афганских отношений», Энвер-паша вел «серьезную игру в Туркестане», суть которой подполковник пытался понять, а некий министр советского бухарского правительства был вовлечен в интриги по возвращению к власти бывшего эмира⁴¹.

При его личной встрече с Р. Айзексом, как отмечал сам секретарь по международным и политическим делам в своем резолютивном комментарии 21 апреля 1922 г. по поводу полученных из Кабула документов, вице-король в целом согласился со взглядами Брея⁴².

Публиковавшаяся в англоязычной британско-индийской прессе, в частности газетах «The Times of India» и «The Pioneer Mail and Indian Weekly News», информация о ситуации в бывшей российской Центральной Азии, в том числе в Бухаре, свидетельствовала о хорошей осведомленности изданий благодаря прибывавшим в Афганистан и в западную часть британской Индии представителям разных социальных и профессиональных групп, а также участникам событий. Департаменты британской администрации внимательно отслеживали эти публикации, являвшиеся частью «документального нарратива», использовавшегося в практических целях. Особый интерес для британской стороны представляла расстановка сил в афганских политических кругах, такие сведения шли только по дипломатическим и разведывательным каналам, в местной прессе эта тема не получала достаточного освещения по многим объективным и субъективным причинам.

Упоминание Аманнулой-ханом в беседе с Хамфрисом об отсылке главы афганского МИД в Джелалабад для «смены атмосферы» и сокрытии от него важных фактов переговоров с Доббсом и собственных планов в Центральной Азии наводило британцев на подозрения относительно существовавших между эмиром и Тарзи противоречиях, несмотря на их родственные отношения (дочь последнего, Сорайя, являлась женой афганского правителя). Как биография, так и политическая деятельность Тарзи давали основания для подобных предположений. В годы нахождения в ссылке со своей семьей с 1881 г. по 1902 г. в Османской империи он сблизился с представителями реформистских и младотурецких кругов. В 1919 г., уже после англо-афганской войны, в очередном, третьем выпуске специального бюллетеня «Центральная Азия, Персия, Афганистан и большевистское и панисламистское движения, и сопутствующая информация» Форин офис отмечал, что «у эмира и Махмуда Тарзи преобладают амбиции сделать Афганистан сильным независимым государством и расширить его границы, но они не осознают полностью ни слабость своих ресурсов, ни свою экономическую зависимость от Индии. Они считают наши пуштуноязычные племена афганской ирредентой, которая, как они надеются, в конечном итоге заставит нас уступить им, но в то же время мы полагаем, что они считают перспективы экспансии в Центральной Азии наиболее обнадеживающими. Они стремятся закрепить это, если возможно, дружеским соглашением с большевиками. Последнее, похоже, беспокоит Москву, которая должна отказаться от своих коммунистических принципов в реализации целей в Центральной Азии и превратить враждебность в отношении Британской империи единственным условием их дружбы и поддержки и использовать панисламизм в качестве своей основной пропаганды. Этой политике способствуют антибританские и панисламские настроения Махмуда Тарзи»⁴³.

⁴¹ Ibid. P. 9.

⁴² Ibid. [Notes in the Foreign and Political Department. 21-4-22. Denys Bray]. P. 9.

⁴³ British Library. India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/18/A186. Central Asia, Persia, Afghanistan, &c. Bolshevik and Pan-Islamic Movements and connected information. Iss. No. 3. Supplement. 1st to 31st December 1919. 1920. P. 13, 14. — The Qatar Digital Library // URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100078909954.0x00000f (дата обращения: 18.03.2021).

Данные оценки фигуры министра сохранялись у британской стороны и позже, поэтому полученная в Симле 23 апреля 1922 г. из Кабула телеграмма от Хамфриса привлекала, с одной стороны, внимание анализировавшего ее заместителя секретаря по иностранным и политическим делам Э.Б. Хоуэлла, а с другой — не произвела на него сильного впечатления. Прежде всего, он отмечал, что беседа была с Тарзи, а не с эмиром, что могло указывать на угасающий интерес со стороны афганского правителя к «северной авантюре», т.е. активному участию в разных формах в делах бывшей российской, а ныне становившейся советской Центральной Азии⁴⁴. Одновременно в документе указывалось, что «небезопасно основываться на этом» и «было бы, разумеется, безумием как-либо поощрять афганские интриги на северной границе, особенно именно сейчас, когда представители Британской империи и Советской России согласились предпринять достойные усилия по достижению взаимопонимания в Генуе»⁴⁵. Д. Брэй не был склонен придавать особую важность этому интервью. Одновременно Э.В. Хоуэлл, стремясь, судя по всему, не допустить в Лондоне впечатления о слишком мягкой позиции Хамфриса по ряду приграничных вопросов между Индией и Афганистаном, занятой им изначально, но впоследствии исправленной, отмечал, что «было бы бесполезно, а также оскорбительно намекать на ошибку в этом отношении при пересылке телеграммы с комментарием правительства Индии Государственному секретарю (главе британского МИД лорду Керзону. — А.У.)»⁴⁶. Одновременно он предлагал направить отдельное письмо, объясняющее медлительность британского представителя в Кабуле. Хоуэлл предполагал направить копии телеграммы главе британского МИД, а также по ряду адресов, включая Мешхед, Тегеран и Кашгар. Однако Д. Брэй высказался против: «Не считаю необходимым»⁴⁷.

Бухарская тема в ее разных формах как в общеполитическом измерении, так и на уровне конкретных лиц, способных повлиять на ситуацию, довольно серьезно воспринималась британской администрацией Индии. Очередным подтверждением этому стала история с генерал-майором Мир Хайдар Касымовичем Мирбадалевым, которого офицер по политическим вопросам в Сиккиме обозначил в телеграмме в Симлу от 15 апреля 1922 г. как Хайдара Ходжу Мирбадалеффа. Британцам генерал-майор был известен еще до революционных событий в России в 1917 г. как глава канцелярии бухарского эмира по русским делам, а также своим участием в спасении британского разведчика Ф. Бейли в 1918 г. После свержения эмира он бежал из Бухары и, как сообщалось в упоминавшейся телеграмме, направлялся в Симлу. Реакция Д. Брэя на это была крайне негативной, что и было отмечено в его специальной записке, направленной в виде телеграммы в Сикким, а также министру по делам Индии британского правительства У. Пилю⁴⁸. Сославшись на разговор с начальником Генерального штаба британских сил в Индии (К.У. Джейкобом), согласным с мнением Брэя, «было бы ошибкой разрешить Мирбадалеву прибыть в Симлу»: «Было бы естественным, если бы мы держались от этих бухарских дел как можно дальше»⁴⁹.

В то же время, ради получения важной для британской стороны информации, рекомендовалось направить к генералу и сопровождавшим его лицам майора Бейли, являвшегося его старым знакомым, «способным как никто выпотрошить его и его друзей». Одновременно о прибытии Мирбадалева специальной телеграммой 18 апреля был

⁴⁴ NAI. Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Telegram from His Majesty's Minister at Kabul, addressed (presumably) "Katopon", Serial N 20 N 43 dated the 22nd (received the 23-rd) April 1922. P. 11.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid. Letter from the political officer, Sikkim, N 824-G., dated the 20th (received the 26th) April 1922. Forwards gist of statement by Mirbadaleff. P. 11.

⁴⁹ Ibidem.

поставлен в известность министр по делам Индии. Со своей стороны, Э.Б. Хоуэлл в резолюции на письме из Сиккима, направленном 20 апреля и полученном в Симле 26 апреля 1922 г., отметил, во-первых, отсутствие необходимости предпринимать какие-либо действия и, во-вторых, соответствие полученных у Мирбадалева сведений в той или иной степени с имевшимися уже у британской стороны⁵⁰.

Неопределенность происходившего в Центральной Азии, где участниками регионального конфликта являлось несколько сил, нередко входивших во временные союзы друг с другом, порождала распространение слухов, которые отчасти служили «серой» или «черной» пропагандой противостоявших сторон. Поэтому полученная на границе в марте 1922 г. британским агентством Гилгит, занимавшимся княжеством Джамму и Кашмир, информация о ситуации в Бухаре, несмотря на ее неподтвержденность, была передана в Симлу: отмечалось «настоячивое циркулирование слухов на границе о том, что большевики восстановили у власти в Бухаре бежавшего короля (эмира. — А.У.) на основании нескольких условий, которые он принял. Говорят, что он отбыл обратно в свою страну»⁵¹.

Во второй половине апреля 1922 г. британский представитель в Кабуле сообщал в Симлу о накалившейся в афганской столице атмосфере, что вызвало вопросы у Брэя и Хоуэлла. На запрос, отправленный Хамфрису, британский дипломат ответил 26 апреля 1922 г. специальной телеграммой Брэю, в которой писал: «Афганцы до такой степени сильно заинтересованы в случае конфликта с Россией и эвакуации из Бухары в заверениях британской поддержки, что даже общие намеки на возможное использование Хайберской железной дороги с целью борьбы с проникновением России может считаться, при их нынешнем воодушевлении по поводу трудностей для русских в Туркестане, гарантией такой помощи и сподвигнуть их предпринять резкие шаги»⁵². К концу мая 1922 г. также по линии разведки из Мешхеда была получена информация от сына бывшего бухарского кушбеги (визиря) о замене во всех городах Бухарской Республики младобухарцев, занимавших руководящие посты, на большевиков; само младобухарское правительство перестало существовать. Все эти события происходили на фоне усиливавшегося повстанческого движения⁵³.

Учитывая стремление Амануллы-хана усилить свое влияние на «бухарском» направлении, британская сторона обращала особое внимание на действия афганского правительства, направленные на поиск поддержки его планов. Раскол между большевиками и частью младобухарцев-джадидов, фактически перешедших на сторону Антисоветского движения во главе с Энвер-пашой, крайне противоречивые отношения Советской России с поствоенной Германией, а также с рядом государств Востока, в которых большевики хотели видеть союзников против Британии и европейских стран-членов Антанты, рассматривались в британских политических кругах с позиции возможных враждебных действий, различных из упомянутых сил, против британских позиций на Востоке. Любые контакты афганской стороны по центральноазиатским делам с отдельными известными политическими и общественными деятелями за рубежом, иностранными общественно-политическими организациями и зарубежными государствами пристально изучались дипломатической и разведывательными службами Британии. Свою роль в этом играло Управление индийской политической разведки, формально относившееся к структуре военной разведки. Оно вело основную работу за пределами британской Индии и собственно Британских островов, прежде всего в Европе, и отслеживало за рубежом политическую активность выходцев из Индии, вовлеченных в опасную

⁵⁰ Ibid. P. 12.

⁵¹ Ibid. Extract from Gilgit Agency political Diary for March 1922. P. 13.

⁵² Ibid. Telegram P., N 82, dated the 26yh (received 29th) May 1922. From — His Britannic Majesty's Minister at Kabul. P. 19.

⁵³ Ibid. Extract from Meshed Intelligence Diary n 15 for period ending 29th May 1922. Bokhara. P. 27.

деятельность с точки зрения внутривосточного положения империи, а также ее отдельных частей. Именно по линии Управления 8 июня 1922 г. была направлена разведывательная информация через Департамент общественной безопасности и юстиции британской администрации в Индии Государственному секретарю (министру) по делам Индии, а через Разведывательное бюро Департамента внутренних дел – британскому индийскому правительству о том, что «афганцы рассчитывают на территориальное расширение и смотрят на Бухару»⁵⁴. По сведениям Управления, представительство Афганистана в Берлине «намекнуло на то, что Германия согласилась бы повлиять на Россию в этой части, если бы поведение Афганистана оправдало подобные действия со своей стороны»⁵⁵. Таким образом, вовлечение германского фактора в бухарские дела с учетом характера взаимоотношений между Советской Россией и Германией, действий последней накануне и в период Первой мировой войны на афгано-иранском направлении совместно с Османской империей и германо-турецких планов в отношении Туркестана в годы прошедшей войны давало основания для беспокойства.

Распад младобухарско-большевистской коалиции, окончательно произошедший после перехода ряда руководящих деятелей БСНР на сторону восставших и поддержавших Энвера-пашу, стал еще одним важным фактом в общей цепи событий в регионе, все более способствовавших обеспокоенности британцев. В то же время информация о происходивших внутривосточных коллизиях, случавшихся в непосредственной близости от границ британской Индии, продолжала нередко запаздывать. 15 июня 1922 г. глава Разведывательного бюро Северо-Западной пограничной территории, размещавшегося в Пешаваре, Дж.М. Иварт направил Э.Б. Хоуэллу письмо, содержащее перевод статьи из афганской газеты «Ислах» о прибытии в Афганистан «Усмана Хаджи, Президента Бухарской Республики» – Усманходжи Пулатходжаева – через границу около Мазари-Шерифа в сопровождении нескольких лиц и о предоставлении афганским правительством ему убежища⁵⁶. Не исключено, что речь шла о так называемом визите У. Ходжи в Кабул 29 апреля 1922 г., когда он как глава БСНР пытался подписать договор с афганским эмиром о взаимной борьбе с большевизмом, что не увенчалось успехом.

Эта информация, несмотря на опоздание, тем не менее, имела важное значение с точки зрения принятия решения о признании независимости Бухары. В газетной статье также ставился вопрос, почему, хотя обе стороны – бухарская и афганская – «сражаются вместе за свободу, и советская сторона признала их независимость, большевики воюют против них в противоречии с их собственными договоренностями и против желания жителей, в связи с чем большее число бухарских беженцев эмигрирует на афганскую территорию ежедневно и сообщает об ужасных впечатлениях относительно условий, царящих там?»⁵⁷. Сам Хоуэлл в кратком комментарии отмечал: «Нет ничего удивительного. Если бы ситуация развивалась в противоположном направлении, это было бы странным, потому что для европейских держав стало характерной чертой возвращаться к своим обещаниям (используемых для прикрытия подлинных действий. – А.У.). И опять-таки существование двух сторон (хотя они могли и действовать вместе) отдает расколом, который, должно быть, являлся работой неких иностранных доброжелателей»⁵⁸.

К началу июля 1922 г. британской стороне становилось все более очевидно положение дел на «бухарском направлении»; через разведывательные каналы поступали доклады

⁵⁴ Ibid. Extract from Director, Intelligence Bureau, File unofficial N 46-M. A.-22. Noted received with I.P.I's N 285 and 293, dated 1st June 1922 and 8th June 1922 respectively, regarding activities of Afghans in Europe. German overtures to Afghanistan. P. 40.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibid. Dated Peshawar, the 15th June 1922. From – J.M. Ewart, Esq., Intelligence Bureau. To – E.B. Howell., Esq., C.S.I., C.I.E., Deputy Secretary to the Government of India, Foreign and Political Department, Simla. H. 27.

⁵⁷ Ibid. P. 27.

⁵⁸ Ibidem.

о постепенном усилении контроля Советов над Бухарой. Согласно сведениям, поступившим в пешаварское Разведывательное бюро, «правительство Бухары ныне полностью русское, члены правительства Бухарской Советской Республики либо уже дезертировали к повстанцам, либо были помещены в заключение в Ташкенте как ненадежные»⁵⁹.

Вполне естественным на этом фоне становилось пристальное внимание британской стороны к действиям афганских властей, поскольку именно эмир Аманулла-хан настаивал на признании независимости Бухары и Хивы британским правительством. Особое значение придавалось реакции официального Кабула на начавшиеся внутривнутриполитические изменения в БСНР на фоне продолжавшегося повстанческого движения в Центральной Азии. Складывавшиеся обстоятельства придавали важность направленному из Кабула сообщению военного атташе полковника У. Фрейзера, в котором он комментировал перевод статьи «Афганистан и Россия» из газеты «Амман-и Афган» (полное название — «Афганский мир», в письме делалась ссылка на сокращенную форму — «Афган»). Сам материал представлял собой фактически программное заявление сменившего М. Тарзи в июне 1922 г. нового главы афганского МИД Мохаммада Вали Хана Дарвази, известного дипломата, участника афганской делегации, заключившей российско-афганский договор об установлении дипломатических отношений в 1919 г. Как отмечал британский военный представитель, наряду с утверждениями о нейтралитете Афганистана, призванными удовлетворить требования России, подчеркивалась и его заинтересованность в независимости Бухары, в дела которой, отмечал Фрейзер, по мнению министра, «Россия также не имеет права вмешиваться»⁶⁰. Несмотря на возможную интерпретацию подобного шага афганской стороны как уступка угрозам со стороны России, Дарвази «оставляет открытой дорогу Афганистану для дальнейших действий в более пропорциональном виде с целью достижения лелеемой мечты о буферном государстве»⁶¹. Военный департамент, Управление разведки и Департамент внутренних дел британской администрации Индии оценили ситуацию в комментарии к телеграмме британского представителя в Кабуле, полученной в Симле 15 августа 1922 г.: подполковник Хамфрис «уже отметил просчеты афганцев и нам нечего что-либо добавить к тому, что он сказал»⁶².

События, разворачивавшиеся в Восточной Бухаре, приобретали все большую известность и за пределами Центральной Азии, хотя поступающая информация носила нередко противоречивый характер. Действия Энвер-паши, о которых британская сторона, как, впрочем, и большая часть «внешнего мира», включая приграничные с регионом соседние с ним государства, узнавала с опозданием, оставались в центре внимания британцев на протяжении конца лета — осени 1922 г., несмотря на его ликвидацию 4 августа 1922 г., о чем британцам в Кабуле сообщил в конце августа 1922 г. Ф. Раскольников⁶³. Бухарский вопрос исключался из внешнеполитической повестки дня британской дипломатии на Востоке. На заседании Палаты общин британского парламента 3 августа 1922 г. капитан-лейтенант Дж. Кинворти, он же лорд Стрэболджи, выступавший за независимость Индии и являвшийся непримиримым противником премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, обратился к последнему с вопросом о ситуации, складывавшейся вокруг Энвера, о действиях «его сторонников в Бухаре и Туркестане», о наличии связей британского правительства или британской администрации Индии с ним как на официальном, так и на

⁵⁹ Ibid. Extract from the Intelligence Bureau, North-West Frontier Province Diary, N 26, for the week ending the 8th July 1922. P. 34.

⁶⁰ Ibid. Extract from the Military Attaché Kabul Diary N 20 for the week ending 1st August 1922. P. 45.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibid. Telegram from His Majesty's Minister, Kabul, N 180, dated the 7th (received 15th) August 1922. P. 47.

⁶³ Ibid. Extract from Diary of the Military Attaché, Kabul, N 23 for the week ending the 22nd August 1922. P. 53.

неофициальном уровне, а также о существовании «какой-либо договоренности, либо подготовке любого вида таковой между ним и представителями [британского] правительства»⁶⁴. В ответ глава британского правительства заявил, что власти, во-первых, располагают незначительной информацией о действиях Энвер-паши и его сторонников, и ему нечего добавить к публикациям прессы, и, во-вторых, правительство не имеет никаких связей с главой повстанцев⁶⁵.

И все же британцы внимательно отслеживали все происходившее в среде бухарской эмиграции в Афганистане и вокруг бывшего бухарского эмира⁶⁶. В конце августа — начале сентября 1922 г. Разведывательное бюро в Пешаваре сообщало в Симлу о распространившихся слухах приезда делегации бухарцев к Сеид Алим-хану с целью убедить его вернуться в Бухару. Бывший бухарский правитель обратился за советом к Аманулле-хану, но получил якобы ни к чему не обязывающий ответ. Та же делегация утверждала, что Энвер-паша жив. В свою очередь в бюро ссылались на публикацию в проправительственной газете «Итихад-и Машрики», согласно которой смерть Энвер-паши лично подтвердил в телефонном разговоре глава афганского МИД⁶⁷. Таким образом, к осени перспективы развития «бухарской ситуации» стали проясняться: большевики продолжают свое наступление на силы повстанцев, которые уже не могли претендовать на захват власти в Бухаре (как, впрочем, и в Хиве); сам бывший бухарский эмир не обладает никакими возможностями повлиять на ситуацию и уж тем более возглавить борьбу против большевиков; бежавшие из Бухары бывшие члены правительства БСНР не внушали доверия, так как сами участвовали в свержении эмира, а затем стали союзниками Энвер-паши с его мегаломанскими планами в регионе. Не меньшие сомнения вызывал и Аманулла-хан, имевший собственные и совершенно неприемлемые для британцев планы усиления позиций Афганистана в регионе. Все эти события проходили на фоне сложных советско-британских отношений. Признание британской стороной бухарской независимости становилось к осени 1922 г. практически невозможно как по внутрибухарским, так и международным причинам.

Библиография

Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009.

Генис В.Л. «Бутафорская революция», или российское полпредство в Хиве в 1920 г. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2000. № 2. С. 5–26.

Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций: Документальная хроника. М., 2001.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб., 2019.

Тихонов Ю.Н. Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. // Восточный архив. 2010. № 2 (22). С. 50–62.

⁶⁴ House of Commons. Debates. Enver Pasha. 3 August 1922 // The Parliamentary Debates. Official Report. Fifth Series- Volume 157. Fifth Session of the Thirty-First Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. 13 George V. House of Commons. Seventh Volume of Session, 1922. Comprising Period from Monday, 24th July, to Friday, 4th August, 1922. London, 1922. Col. 1664.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ NAI. Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Extract from the North-West Frontier Province Intelligence Bureau Diary N 34 for the week ending the 7th September 1922. P. 57. О центрально-азиатской эмиграции и ее общественной и политической активности в странах Востока см.: *Абдуллаев К.Н.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009.

⁶⁷ NAI. Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Extract from the North-West Frontier Province Intelligence Bureau Diary N 34 for the week ending the 7th September 1922. P. 57.

Улунян Ар.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

Шерстюков С.А. Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша между Москвой и Берлином (1918–1922) // Восток. Afro-азиатские общества: история и современность. 2018. № 4. С. 55–69.

Correspondence respecting Afghanistan. Confidential. Part 1. January to December 1922. Printed for the use of the Foreign Office. UK. 1922.

Dumont P. La fascination du bolchevisme: Enver pacha et le parti des soviets populaires, 1919–1922 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16. № 2. P. 141–166.

Erşan M. Hüsein Fevzi Bey'in, Enver Paşa – İslam İhtilal Cemiyetleri İttihadı – Anadolu ilişkilere dair raporu // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2009. Vol. 4/3. S. 952–975.

The Parliamentary Debates. Official Report. Fifth Series – Volume 157. Fifth Session of the Thirty-First Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. 13 George V. House of Commons. Seventh Volume of Session, 1922. Comprising Period from Monday, 24th July, to Friday, 4th August, 1922. London, 1922.

Sirdar Ikbāl Ali Shah. The Federation of the Central Asian States under the Kabul Government // Journal of the Central Asian Society. 1921. Vol. VIII. Part I. P. 29–48.

Yenen A. The Other Jihad: Enver Pasha, Bolsheviks, and Politics of Anticolonial Muslim Nationalism during the Baku Congress 1920 // The First World War and its Aftermath: The Shaping of the Middle East / ed. T.G. Fraser. London, 2015. P. 273–293.

References

Abdullayev K.N. Ot Sin'tszyanya do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoy emigratsii XX veka [From Xinjiang to Khorasan. From the history of the Central Asian emigration of the 20th century]. Dushanbe, 2009. (In Russ.)

Genis V.L. “Butaforskaya revolyutsiya”, ili rossiysskoye polpredstvo v Khive v 1920 g. [“Fake revolution”, or the Russian embassy in Khiva in 1920] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [Orientis. Afro-Asian Societies: History and Modernity]. 2000. № 2. S. 5–26. (In Russ.)

Genis V.L. “S Bukharoy nado konchat...” K istorii butaforskikh revolyutsiy. Dokumental'naya khronika [“We must end with Bukhara...” On the history of fake revolutions. A documentary chronicle]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Sergeyev Ye.Yu. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskiye otnoshe-niya, 1918–1924 gg. Ot interventsii k priznaniyu [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924. From intervention to recognition]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Sherstyukov S.A. Enver-pasha, Dzhemal'-pasha i Talaat-pasha mezhdou Moskvoy i Berlinom (1918–1922) [Enver Pasha, Dzhemal Pasha and Talaat Pasha between Moscow and Berlin (1918–1922)] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [Orientis. Afro-Asian Societies: History and Modernity]. 2018. № 4. S. 55–69. (In Russ.)

Tikhonov Yu.N. Dzhemal'-pasha v Afganistane i Sovetskoy Rossii v 1921–1922 gg. [Dzhemal Pasha in Afghanistan and in Soviet Russia in 1921–1922] // Vostochnyy arkhiv [Oriental Archive]. 2010. № 2 (22). S. 50–62. (In Russ.)

Ulunyan Ar.A. Turkestanskiy platsdarm. 1917–1922. Britanskoye razvedyvatel'noye soobshchestvo i britanskoye pravitel'stvo [Turkestan bridgehead. 1917–1922. British intelligence community and British government]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Correspondence respecting Afghanistan. Confidential. Part 1. January to December 1922. Printed for the use of the Foreign Office. UK. 1922.

Dumont P. La fascination du bolchevisme: Enver pacha et le parti des soviets populaires, 1919–1922 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16. № 2. P. 141–166.

Erşan M. Hüsein Fevzi Bey'in, Enver Paşa – İslam İhtilal Cemiyetleri İttihadı – Anadolu ilişkilere dair raporu // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2009. Vol. 4/3. S. 952–975.

The Parliamentary Debates. Official Report. Fifth Series – Volume 157. Fifth Session of the Thirty-First Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. 13 George V. House of Commons. Seventh Volume of Session, 1922. Comprising Period from Monday, 24th July, to Friday, 4th August, 1922. London, 1922.

Sirdar Ikbāl Ali Shah. The Federation of the Central Asian States under the Kabul Government // Journal of the Central Asian Society. 1921. Vol. VIII. Part I. P. 29–48.

Yenen A. The Other Jihad: Enver Pasha, Bolsheviks, and Politics of Anticolonial Muslim Nationalism during the Baku Congress 1920 // The First World War and its Aftermath: The Shaping of the Middle East / ed. T.G. Fraser. London, 2015. P. 273–293.

DOI: 10.31857/S013038640018270-5

© 2022 г. Ю.Н. ТИХОНОВ

РОЛЬ «БУХАРСКОГО ВОПРОСА» ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СОВЕТСКО-АФГАНСКОГО «ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ» 1921 года

Тихонов Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

E-mail: tikhlip@mail.ru

ORCID: 0000-003-4017-6951

Аннотация. В период переговоров о заключении первого советско-афганского «Договора о дружбе» между сторонами возникло острое соперничество из-за контроля над Бухарским эмиратом. Бывший протекторат Российской империи играл важную роль в планах большевиков по экспорту революции в страны Центральной и Южной Азии, поэтому они не могли допустить установления афганского контроля над Бухарой. В свою очередь, афганское правительство попыталось использовать дипломатические переговоры с Москвой с целью сохранения независимости Хивы и Бухары. «Бухарский вопрос» был особенно важен для Афганистана, так как афганский эмир Аманулла-хан стремился превратить свою страну в «региональную державу» во главе конфедерации среднеазиатских государств. Как свидетельствуют рассекреченные документы российских архивов, с целью создания «Великого Афганистана» Аманулла-хан хотел добиться от советских дипломатов крупных уступок во всех вопросах, касавшихся Бухары. Первоначально афганский эмир стремился получить согласие от Советской России на раздел Бухарского эмирата на сферы влияния, передачу Афганистану российских крепостей Термез и Керки, особые права над бухарским участком Среднеазиатской железной дороги, свободу торговли. Когда афганцы убедились в слабости советской власти в Средней Азии, они взяли курс на установление афганского протектората над Бухарой. При этом афганские дипломаты трезво оценивали международную ситуацию и понимали, что их претензии к советской стороне имеют определенные границы и не должны сорвать заключение выгодного для Афганистана договора с РСФСР. По этой причине Аманулла-хан с трудом, но смирился с «бухарской революцией» 1920 г., организованной большевиками, а потом пошел на ратификацию подписанного в Москве 28 февраля 1921 г. советско-афганского «Договора о дружбе».

Ключевые слова: Советская Россия, Афганистан, Бухарский эмират, «Договор о дружбе» 1921 г.

Yu.N. Tikhonov

The Role of the “Bukhara Question” in the Conclusion of the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship” of 1921

Yuri Tikhonov, the Department of National and World History of the Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky (Lipetsk, Russia).

E-mail: tikhlip@mail.ru

ORCID: 0000-003-4017-6951

Abstract. During the negotiation of the first Soviet-Afghan “Treaty of Friendship”, a fierce rivalry arose between the parties over control of the Emirate of Bukhara. The former protectorate of the Russian Empire played an important role in the Bolsheviks’ plans to export revolution to Central and South

Asia, making it impossible for them to allow Afghan control of Bukhara. In turn, the Afghan government attempted to use diplomatic negotiations with Moscow to preserve the independence of Khiva and Bukhara. The “Bukhara Question” was of particular importance to the Afghan Emir, Amanullah Khan, who sought to transform the country into a “regional power” at the helm of a confederation of Central Asian states. Declassified records kept in Russian archives reveal that Amanullah Khan was seeking major concessions from Soviet diplomats on all issues relating to Bukhara to create “Greater Afghanistan”. At first, the Afghan Emir sought Soviet Russia’s consent to divide the Emirate of Bukhara into spheres of influence, the transfer of the Russian fortresses of Termez and Kerki to Afghanistan, special rights over the Bukhara section of the Central Asian railway, and freedom of trade. When the Afghans became convinced of the weakness of Soviet power in Central Asia, they set out to establish an Afghan protectorate over Bukhara. At the same time, the Afghan diplomats were sober about the international situation and recognised that their claims had limits and should not derail the conclusion of a favourable treaty with the RSFSR. For this reason, Amanullah Khan accepted, with some difficulty, the “Bukhara Revolution” of 1920, orchestrated by the Bolsheviks, and then agreed to ratify the Soviet-Afghan “Treaty of Friendship”, signed in Moscow on 28 February 1921.

Keywords: Soviet Russia, Afghanistan, Bukhara Emirate, “Treaty of Friendship” 1921.

В отечественном востоковедении в общих чертах освещены попытки Афганистана добиться от Великобритании «возвращения» полосы «независимых» пуштунских племен в годы правления эмира Амануллы-хана¹ и в период Второй мировой войны, гораздо менее известно об афганских планах в отношении среднеазиатских ханств — бывших протекторатов Российской империи. В советских дипломатических документах начала 1920-х годов для обозначения планов Амануллы в отношении Британской Индии часто использовался термин «южный фронт», а для планов в отношении среднеазиатских ханств — «северный фронт». В рамках одной статьи невозможно осветить всю совокупность спорных вопросов между Советской Россией и Афганистаном из-за Бухары, поэтому главное внимание в работе уделено вопросу влияния «бухарской проблемы» на ход советско-афганских переговоров в Кабуле при заключении договора 1921 г.²

В отечественной историографии советско-афганских отношений без выяснения комплекса причин конфликта интересов двух государств либо констатируется, что «вопрос о Бухаре был весьма сложным и потребовались значительные усилия с советской и афганской сторон, чтобы его окончательно решить в интересах советско-афганского добрососедства»³, либо попытка распространения афганского влияния на Среднюю Азию объясняется лишь экономическими причинами, что также неполно отражает реальную картину событий 1919–1921 гг.⁴

В постсоветский период после рассекречивания большого количества документов НКВД и Коминтерна и снятия цензурных ограничений у отечественных исследователей появилась возможность осветить механику организации большевиками «революций» в Хиве и Бухаре. Прорывной в отечественной историографии советско-афганских отношений стала монография иркутского исследователя С.Б. Панина, в которой на основе дипломатических источников из фондов Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) были изучены ранее неизвестные страницы отношений между Советской

¹ *Аманулла-хан* (1892–1960) — эмир (король) Афганистана в 1919–1929 гг. Провозгласил независимость своей страны от Великобритании, провел ряд прогрессивных реформ. В 1929 г. вследствие Гражданской войны в Афганистане отрёкся от престола и уехал в Италию.

² Проблема Бухары была составной частью советско-афганских переговоров не только в Кабуле, но и в Москве в начале 1921 г. перед подписанием «Договора о дружбе».

³ *Теплинский Л.Б.* СССР — Афганистан. М., 1982. С. 33.

⁴ Первым советским востоковедом, выдвинувшим эту гипотезу, был И.М. Рейснер. См.: *Рейснер И.* Десять лет внешней политики Афганистана // *Новый Восток*. 1929. Кн. 22. С. 67–86.

Россией и Афганистаном в Бухаре⁵. С.Б. Панин убедительно доказал, что афганское правительство упорно оказывало сопротивление советизации Бухары, так как планировало укрепить собственное влияние в этом бывшем протекторате Российской империи.

Ряд работ историка В.Л. Гениса детально показал процесс подготовки бухарской «революции» руководством Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР)⁶. Освещая ход событий вокруг Бухары в 1918–1920 гг., он затронул вопрос о степени вовлеченности Афганистана в бухарские события, угрожавшие срывом переговорного процесса между Москвой и Кабулом, с целью заключения первого межправительственного договора.

Влияние советско-афганского противостояния в Туркестане на развитие дипломатических отношений между Москвой и Кабулом убедительно показано в работах российского историка А.А. Улуныяна, который в качестве источниковой базы использовал материалы британских спецслужб⁷. Из трудов Улуныяна следует, что, правильно ориентируясь в хитросплетениях региональной политики, Великобритания, вероятнее всего, не располагала полной информацией о ходе переговоров о заключении «Договора о дружбе» 1921 г. между Советской Россией и Афганистаном. Поэтому исследователи, использующие западные источники (даже британские), вынуждены ограничиваться лишь общим описанием истории советско-афганских отношений.

Исследование процесса заключения первого советско-афганского договора затруднено информационной бедностью британских публикаций архивных документов по этой теме. Вероятно, это связано с тем, что сведения о ходе переговоров в Кабуле и Москве добывалась британской разведкой с помощью агентуры⁸.

Восполнить имеющийся недостаток источников можно, изучая российские и афганские архивы, фонды которых хранят до сих пор неизвестные источники о событиях Гражданской войны и дипломатическом соперничестве «больших» и «малых» участников «Большой игры» в Центральной Азии. Недавно рассекреченные документы АВП РФ позволяют осветить основные моменты советско-афганского соперничества из-за контроля над Бухарой в годы становления дипломатических отношений между Советской Россией и независимым Афганистаном. Ценными источниками по изучаемой проблеме являются протоколы советско-афганской комиссии по выработке первого договора между СССР и Афганистаном. Эти протоколы в сочетании с донесениями советского полпреда в Кабуле Я.З. Сурица⁹ позволяют определить позиции Москвы и Кабула по «бухарскому вопросу» в 1919–1921 гг.¹⁰

Обретение Бухарским эмиратом независимости сулило не только весомые выгоды для афганской стороны, но и таило в себе потенциальную угрозу вероятного сближения бухарского эмира с Великобританией. При этом варианте развития событий Афганистан

⁵ Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. Москва; Иркутск, 1998.

⁶ Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М., 2001; *Ego же*. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003.

⁷ См.: Улуныян А.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.

⁸ К примеру см.: *Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War* / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002. P. 191–193. Подраздел этого многотомного издания архивных материалов британских спецслужб, посвященный советско-афганскому договору, состоит лишь из одного документа: текста договора на английском языке.

⁹ Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат. В 1919–1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. До 1922 г. – уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии.

¹⁰ К 100-летию установления советско-афганских дипломатических отношений и 200-летию создания Института востоковедения РАН был опубликован сборник дипломатических и коминтерновских документов, содержащих новую информацию о советско-афганских противоречиях из-за Бухары. Материалы сборника легли в основу данной статьи. См.: Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): сборник документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2019.

оказался бы между двух огней: англо-индийские войска могли через Прикаспийский регион выйти к Бухаре и оказать ей поддержку как против большевиков, так и против афганцев, которые, пользуясь слабостью эмирата, проводили политику экспансии в отношении своего северного соседа. Бухарский эмир Алим-хан, искавший поддержки против усилившейся советской угрозы, постоянно удерживался афганским монархом от сближения с Великобританией. В сводке разведки Туркестанского фронта по Афганистану в апреле 1920 г. освещался один из многочисленных фактов такой политики: «В ответ на жалобу эмира бухарского, указывающего на невозможность мира с Советской Россией, так как его подданные, как мусульмане, не могут примириться с поступками “большевиков”, эмир афганский ответил, что именно с Советской Россией необходимо быть в дружбе, так как только в союзе с ней возможно освобождение Востока от англичан — общего врага Афганистана и Бухары»¹¹.

По той же причине афганские войска с самого начала их появления в Бухаре играли двоякую роль: с одной стороны, эта была поддержка эмиру, с другой — сила, контролирующая ненадежного партнера. По этому поводу еще в декабре 1919 г. в одном из своих писем Я. Сурицу глава Отдела внешних сношений Турккомиссии ВЦИК Г.И. Бройдо¹² писал, что афганских войск Бухара «явно побаивается». В разговорах с Бройдо афганские представители в Ташкенте «всегда подчеркивают, что на случай, если Бухара не будет принимать преподнесенных ей “сладких лекарств” (дружеских советов), ими готовится в пограничной с Бухарой полосе “горькое лекарство” (военные силы)»¹³.

Роль «региональной державы» Афганистан играть не мог из-за своей военной и экономической слабости. И все же планы создания конфедерации среднеазиатских государств, с возможным восстановлением при поддержке афганцев Кокандского ханства, привлекали Аманулла-хана и его окружение: установление афганского контроля лишь над одним Бухарским эмиратом сразу давало крупные экономические выгоды Афганистану и значительно укрепляло его позиции в регионе.

Правительственным кругам в Кабуле приходилось считаться и с тем, что рано или поздно большевики попытаются создать «афганский коридор» к Индии с целью экспорта революции в эту британскую колонию. Чтобы избежать с советской стороны силового варианта решения этой задачи, Аманулле был нужен не просто буфер между его владениями и Советской Россией, а «громоотвод», притянувший бы к себе главные силы Красной армии в Туркестане. В одном из своих докладов нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину¹⁴ полпред Суриц, освещая политическую обстановку в Кабуле во время переговоров о заключении советско-афганского договора, писал: «Первоначальные цели, поставленные себе афганской политикой в Средней Азии, не стояли в прямом антагонизме с существованием там советской власти. Они в общих чертах сводились лишь к закреплению в Бухаре, а также установлению контакта с мусульманским движением в Туркестане, что явилось бы надежной гарантией против возможной агрессивности как Англии, так и России»¹⁵. Как показали дальнейшие события в Средней Азии, басмаческое движение справилось с задачей нейтрализации наступательного порыва частей Красной армии в южном направлении.

¹¹ Советская Россия в «Большой игре». С. 105.

¹² *Бройдо Григорий Исаакович* (1883–1956) — советский государственный и партийный деятель, дипломат. В 1917 г. — председатель Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, зам. председателя Туркестанского крайсовета. В 1919 г. — уполномоченный РВС Южной группы войск и Восточного фронта. В 1919–1920 гг. — заведующий отделом внешних сношений Турккомиссии и чрезвычайный уполномоченный в Хиве. В 1921–1923 гг. — заместитель наркома по делам национальностей РСФСР.

¹³ Советская Россия в «Большой игре». С. 80.

¹⁴ *Чичерин Георгий Васильевич* (1872–1936) — советский государственный деятель и дипломат. В 1918–1930 гг. — нарком иностранных дел РСФСР и СССР.

¹⁵ Советская Россия в «Большой игре». С. 214.

Жизненно важным вопросом для Афганистана было обеспечение для афганских торговцев свободного доступа на бухарский рынок: в 1920 г. доходы от экспортных и реэкспортных операций составляли 40% афганского бюджета¹⁶. Эти деньги смягчали ущерб от потери английской субсидии и позволяли афганским государственным финансам держаться на плаву. «Народная революция» 1920 г. в Бухаре разрушила все планы Амануллы извлечь максимальную выгоду от транзитной торговли между Средней Азией и Индией.

Главной мечтой Амануллы было создание «Великого Афганистана», что было невозможно без подчинения Бухары афганскому контролю. Заведующий представительством НКВД в Ташкенте Д.Ю. Гопнер¹⁷ в одном из своих докладов ЦК РКП(б) обращал внимание большевистских лидеров на эту особенность внешней политики эмира-реформатора: «Амануллахан мечтал об основании огромного панисламистского государства с включением Северо-Западной Индии, Афганистана, Бухары, Хивы, Ферганы и Пенде с центром в Кабуле и перенесением туда выпавшего из турецких рук халифата»¹⁸.

«Бухарский вопрос» на советско-афганских переговорах о заключении «Договора о дружбе» был одним из самых острых, но все же в 1920–1921 гг. он стоял для Афганистана на третьем месте после проблем с острой нехваткой вооружения и получением субсидии взамен прекращенных Великобританией ежегодных выплат. Таким образом, афганская сторона, ведя ожесточенные споры по ряду пунктов проекта договора, все же была склонна произвести «дипломатический товарообмен» с РСФСР, если первые два ее требования были бы удовлетворены большевиками.

Соперничество между Кабулом и Москвой из-за Бухары началось с первых контактов советских и афганских дипломатов. Первоначально афганцы предложили большевикам разделить Бухарский эмират на сферы влияния, но вскоре отказались от своего предложения, желая превратить всю Бухару в свой протекторат. В ходе переговоров между Амануллой и первым советским полпредом в Кабуле Н.З. Бравиным¹⁹ выяснилось, что под предлогом «защиты независимости» Бухары афганское правительство пытается осуществить (фактически в ущерб своему северному соседу) захват стратегически важных русских крепостей, расположенных на бухарской территории, в Термезе и Керках. Аманулла потребовал от Бравина дать согласие на ввод афганских гарнизонов в эти крепости. Бравин резонно заявил Аманулле, что «если возвращать их, то уж лучше Бухаре, у которой они отняты»²⁰.

16 сентября 1919 г. требование независимости Бухары было выдвинуто афганцами как обязательное условие установления дипломатических отношений с советской стороной²¹. Даже в разгар Гражданской войны в России это требование было признано советскими дипломатами невыполнимым. Получив от полпреда вежливый и логичный отказ, афганская сторона продолжила настаивать на своем.

После прибытия в Кабул в конце декабря 1919 г. Сурица, обладавшего широкими полномочиями для заключения договора с Афганистаном, с новой силой разгорелась борьба вокруг «бухарского вопроса». 13 января 1920 г. на секретном заседании,

¹⁶ Там же. С. 309.

¹⁷ *Гопнер Давид Юльевич* (1884–1925) – советский дипломат. В 1920–1921 гг. уполномоченный НКВД в Туркестане. В конце 1921 г. – советник полпреда в Иране.

¹⁸ Советская Россия в «Большой игре». С. 225–226.

¹⁹ *Бравин Николай Захарович* (1881–1921) – первый полпред РСФСР в Афганистане. Один из немногих царских дипломатов, перешедших на службу советской власти. В 1918 г. – представитель РСФСР в Тегеране. В 1919 г. – полпред в Афганистане. В феврале 1920 г. сложил с себя дипломатические полномочия. В 1921 г. при попытке уехать из Афганистана в Индию убит в Газни афганским охранником.

²⁰ Рапорт в Турккомиссию военного атташе первого советского посольства в Афганистан Б.Н. Иванова, декабрь 1919 г. // Советская Россия в «Большой игре». С. 47.

²¹ Там же. С. 49.

длвшемся семь часов, афганцы согласились на определенных условиях заключить договор с Советской Россией и в течение месяца после доставки крупных партий вооружения в Кабул возобновить войну с Англией. По традиции афганская сторона выдвинула свои требования по Бухаре. С многими из них Сурицу пришлось согласиться, чтобы не сорвать переговоры в самом начале. В донесении в НКВД он сообщил, что был вынужден пообещать «не препятствовать допущению афганских делегатов в особую русско-бухарскую комиссию по вопросам о Термезе и Керках, плаванию по Аму-Дарье, железной дороге»²².

Долгое время, желая сохранить содержание советско-афганских переговоров в Кабуле в секрете от англичан, афганцы категорически отказывались фиксировать свои требования на бумаге. Лишь 5 февраля 1920 г. они сочли необходимым вручить Сурицу ноту с перечнем условий, на которых Аманулла был согласен заключить договор с большевиками. Афганский эмир требовал от советского правительства соблюдения РСФСР гарантий независимости и целостности Бухары; передачу российской железной дороги бухарскому эмиру Алим-хану, но при «соучастии» афганских представителей. Это фактически означало установление контроля Афганистана над этим стратегическим объектом под предлогом, что он является «единственной связью между дружественными государствами – Россией и Афганистаном»; выдвигалось требование передачи Афганистану Керки и Термеза²³.

Два последних условия Суриц, имевший от советского правительства полномочия подписывать соглашения со всеми государствами Центральной Азии, следовательно, и соглашение с Амануллой по Бухаре, категорически отказался принять. В свою очередь, в начале 1920 г. члены Турккомиссии, обеспокоенные проявлением «великодержавности» Афганистана, сочли необходимым продемонстрировать «проблематичность его надежд на захват Бухары, Ферганы и Мервского оазиса»²⁴. Речь шла об усилении отрядов Красной армии в приграничных с Афганистаном районах.

После создания совместной советско-афганской комиссии по выработке условий «Договора о дружбе» «бухарский вопрос» вновь стал объектом острых споров между Амануллой и Сурицем. 24 июня 1920 г. заседание комиссии началось с острой дискуссии, в ходе которой эмир пытался доказать беспочвенность «слухов» о действиях афганцев в Бухаре, а советский дипломат настаивал на том, что его сведения о действиях афганцев в Бухаре «основаны не на слухах, а на точных, добытых органами нашей официальной разведки данных»²⁵.

Чтобы избежать продолжения возникшего спора и перейти к обсуждению условий договора, Аманулла-хан заявил, что «единственным средством поставить дружбу между обоими государствами на прочное, не подверженное никаким колебаниям основание – является договорное соглашение, с подписанием которого необходимо поспешить»²⁶. Однако обсуждение статей афганского проекта, касавшихся Бухары, вновь привело к оживленной полемике между эмиром и советским представителем.

В афганский проект будущего договора с РСФСР были внесены следующие пункты: во-первых, «Россия признает особые интересы Афганистана в железной дороге, проходящей по бухарским владениям, соглашается поручить управление этой дорогой особой комиссии, составленной на паритетных началах из представителей России, Бухары и Афганистана»; во-вторых, «Россия безоговорочно признает независимость бухарского государства [и] передает крепости Термез и Керки Бухаре»²⁷.

²² Там же. С. 90.

²³ Нота афганского правительства, 5.02.1920 г. // Там же. С. 93.

²⁴ Докладная записка заведующего Отделом внешних сношений Турккомиссии Г.И. Бройдо, май 1920 г. // Там же. С. 106.

²⁵ Протокол заседания комиссии по выработке условий договора между РСФСР и Афганистаном, 24.06.1920 г. // Там же. С. 130.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 131.

Аманулла-хан попытался доказать, что статья о совместном контроле трех государств над железной дорогой, проходящей через бухарскую территорию, вытекает из признания Советской Россией независимости Бухары. На этот сомнительный довод Суриц возразил: «Афганские требования и по существу своему совершенно неосновательны. Россия, признавая независимость бухарского народа, не собирается, однако, отказаться от своих интересов в Бухаре, ограждение которых должно быть предметом особого русско-бухарского соглашения. Факт нашего признания независимости Бухары совершенно не равносителен автоматической передаче этому государству всякого имущества, в том числе и железной дороги, принадлежащей России»²⁸.

Афганский проект был составлен в настолько жесткой форме, что Суриц потребовал прекратить его дальнейшее обсуждение, справедливо указав, что «Советская Россия, слава богу, еще не афганская колония»²⁹. Афганские претензии на российскую железную дорогу в Бухарском эмирате он назвал вмешательством в «дела, касающиеся только России и Бухары», что, по его мнению, являлось «неслыханным прецедентом в истории международных отношений между двумя независимыми государствами»³⁰.

Вопрос о совместном контроле над российской железной дорогой в Бухаре фактически был вопросом об афганском протекторате над этой страной, так как целью Амануллы был полный контроль над этой стратегически важной магистралью и прилегающими к ней территориями. Так, при переговорах с правительством ТАССР афганцы добивались переноса бухарско-афганской границы на линию этой железной дороги. Кроме этого, в распоряжении ТуркЦИК имелась информация о попытках Амануллы принудить бухарского эмира отдать левый берег Амударьи Афганистану. Возможно, из-за плохой связи полпреда с Ташкентом Суриц был не осведомлен об этих фактах, но в его распоряжении имелась обширная информация об афганских акциях в Бухаре и на ее границах, поэтому он дал решительный отпор Аманулле. Кроме того, советский дипломат был твердо уверен, что потеря советского влияния на Бухару не входила в планы центрального советского правительства.

Очередной раунд борьбы за контроль над Бухарой произошел 11 июля 1920 г. на заседании советско-афганской комиссии по выработке условий «Договора о дружбе»³¹. Это заседание было лучше подготовлено, чем июньское: обе стороны были знакомы с советским и афганским проектами договора. В связи с этим заседание прошло сравнительно спокойно. Однако и на этот раз по пунктам афганского проекта договора № 13 и № 14, касавшимся Бухары, между афганским эмиром и советским дипломатом возникли трения. Суриц категорически отказался внести в договор между Афганистаном и Советской Россией статью о передаче Керки и Термеза Бухаре. Попытки Амануллы обосновать афганское «участие» в делах Бухары общностью религии двух восточных государств впечатление на полпреда не возымели³².

Вопрос о российской железной дороге в Бухаре на этот раз был поставлен более дипломатично и фактически являлся письменной фиксацией обещаний Сурица, данных эмиру в январе 1920 г. Афганская сторона считала, что «вопрос о функционировании этой дороги следует разрешить так, чтобы независимость и внутренняя, и внешняя свобода Бухары не были нарушены», и поэтому настаивала на присутствии в советско-бухарской комиссии афганского представителя³³. Не отрицая своего прежнего согласия на это требование, Суриц отказался обсуждать с Амануллой и эту статью проекта будущего договора,

²⁸ Там же. С. 133–134.

²⁹ Там же. С. 132.

³⁰ Там же. С. 133.

³¹ Протокол заседания комиссии по выработке условий договора между РСФСР и Афганистаном, 11.07.1920 г. // Там же. С. 137–145.

³² Там же. С. 142.

³³ Там же.

сославшись на новые инструкции, полученные из Москвы³⁴. Чтобы окончательно снять вопрос о судьбе участка Среднеазиатской железной дороги в Бухаре, полпред предложил изъять этот пункт из проекта «политического» договора и рассмотреть его при заключении советско-афганского торгового соглашения.

Не ограничившись тем, что его точка зрения была внесена в протокол заседания советско-афганской комиссии по выработке условий «Договора о дружбе», 17 июля полпред РСФСР направил афганскому правительству специальное письмо, в котором изложил свою точку зрения по каждой статье. В этом документе было четко указано, что вопросы о Бухаре являются «предметом лишь русско-бухарского обсуждения» и не будут внесены в договор между РСФСР и Афганистаном³⁵. Одним словом, афганцам ничего не оставалось делать, как попытаться ускорить решение по их требованиям непосредственно в Москве и ждать начала в Кабуле переговоров о советско-афганском торговом договоре, шансы на скорое заключение которого были невелики.

Настойчивые требования афганского правительства допустить его представителя в комиссию по железной дороге в Бухаре в Кремле было решено удовлетворить. 23 мая 1920 г. советский заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан в телеграмме Сурицу сообщил: «В случае переговоров об уступке Бухаре дороги Керки-Термез, допустим афганпредставителя [с] совещательным голосом на переговоры»³⁶. Однако полпред в Кабуле предпочел не сообщать об этом афганцам. Советский дипломат, видимо, считал эту уступку Москвы ошибкой и решил, что пойдет на допуск афганского представителя в комиссию лишь в крайнем случае, который так и не наступил.

15 августа 1920 г., когда члены Турккомиссии готовили вторжение Красной армии в Бухару, в Кабуле состоялось очередное заседание комиссии по выработке условий советско-афганского договора³⁷. Афганскую сторону представлял уже не эмир, а министр иностранных дел Махмуд Тарзи³⁸. Вопрос о Бухаре вновь вызвал ожесточенные споры между Сурицем и афганцами. Советский дипломат на этот раз попытался полностью удалить из будущего договора с Афганистаном статью, по которой РСФСР признавала независимость Бухары. Суриц вновь категорически отказался обсуждать передачу Бухаре российских крепостей и железной дороги. Несмотря на это, Тарзи в конце 10-часового трудного заседания выразил уверенность, что договор будет заключен, так как в середине августа 1920 г. Аманулла принял решение ускорить подписание договора с Советской Россией. Тарзи был готов на компромисс по многим вопросам, включая бухарский, ради получения современного оружия и ежегодной субсидии.

Уступка с афганской стороны была вынужденным, но необходимым шагом, чтобы не потерять материальную помощь, обещанную Москвой. 18 августа Тарзи заявил Сурицу «о полной невозможности для Афганистана вести в настоящий момент войну с Англией» и желании придерживаться политики строго нейтралитета между РСФСР и Великобританией³⁹. Разумеется, при такой постановке вопроса Суриц сразу же заявил, что «Афганистан не вправе рассчитывать на нашу помощь»⁴⁰. Однако при определенных

³⁴ Из-за малой мощности радиостанции советской дипломатической миссии и трудностей с доставкой дипломатической почты из Ташкента в Кабул Суриц не имел регулярной связи с Москвой. Поэтому ссылки полпреда на московские инструкции можно, с большой долей вероятности, считать одной из дипломатических хитростей.

³⁵ Советская Россия в «Большой игре». С. 149.

³⁶ Там же. С. 113.

³⁷ Протокол заседания комиссии по выработке условий договора между РСФСР и Афганистаном. 15.08.1920 г. // Там же. С. 173–183.

³⁸ Тарзи Махмуд (1866–1935) — афганский министр иностранных дел в 1919–1921 и 1924–1927 гг. С 1922 г. — посол Афганистана во Франции; идеолог младоафганского движения; тесть Амануллы-хана. 1929 г. эмигрировал из Афганистана вместе с Аманулой.

³⁹ Телеграмма № 193 Я.З. Сурица в НКВД, 19.08. 1920 г. // Советская Россия в «Большой игре». С. 191.

⁴⁰ Там же. С. 192.

афганских уступках в Туркестане и среднеазиатских ханствах, а также гарантии Кабула не заключать с любой иностранной державой соглашений, враждебных Советской России, Суриц признавал целесообразным подписание договора с Афганистаном. Полпред справедливо полагал, что этот дипломатический документ «повлияет на благополучное разрешение русско-бухарских отношений»⁴¹.

Однако руководство ТАССР не нуждалось в дипломатическом урегулировании проблем с Бухарским эмиратом, так как члены Турккомиссии взяли курс на организацию «революции» в Бухаре. Вторжение частей Красной армии в это государство неизбежно должно было вызвать резкую реакцию в Афганистане и значительно осложнить положение Сурица в Кабуле. В связи с этим 26 августа 1920 г. Гопнер направил полпреду радиотелеграмму, в которой предупреждал его о предстоящих событиях и просил любыми средствами обеспечить нейтралитет афганцев во время бухарской «революции». Осознавая, что своими действиями Турккомиссия ставила под угрозу срыва советско-афганские переговоры о заключении договора, ее глава писал Сурицу: «Мы полагаем, что с прокламированием нами независимости Бухары и нашего невмешательства в ее дела и с прибытием в Кабул посольства свободной Бухары неминуемая на первое время в Кабуле буря уляжется. Вам предстоит безусловно тяжелое испытание. Мы полагаем, что, когда пройдет первый страх перед бухарской революцией, Вам удастся вывести Афганистан из состояния колебания, вражды и страха и довести начатое Вами дело до успешного конца»⁴². Турккомиссия выражала надежду, что спровоцированный ею же кризис в советско-афганских отношениях Сурицу удастся преодолеть и вопреки всему заключить договор с Афганистаном.

Советский полпред в Кабуле знал о готовящейся операции Красной армии в Бухаре и опасался ее негативных последствий для переговорного процесса. Поэтому он постарался ценой максимальных уступок ускорить подписание советско-афганского договора. Прежде всего, в конце августа Сурицу пришлось пообещать Аманулле материальную помощь со стороны Советской России, хотя было ясно, что будущий договор потерял значительную часть своей антибританской направленности. 31 августа 1920 г., когда в Бухаре шли бои, о которых афганское правительство еще ничего не знало, Сурицу пришлось отказаться от одних из самых ценных для большевиков статей — «пропаганде» против Британской Индии. Пропагандистскими эти пункты можно назвать лишь условно, так как в афганском проекте будущего договора речь шла о совместных военно-политических шагах Кабула и Москвы с целью свержения британского владычества в Индии. Так, одна из двух так называемых пропагандистских статей (№ 15) гласила: «Если народы Индии, в какой угодно форме, добьются своей самостоятельности и свободы, то Высокие Государства Афганистан и Россия тому не препятствуют и признают их независимость». Советская сторона предлагала усилить этот пункт фразой «и взаимно обязуются содействовать и друг другу помогать для достижения этой цели»⁴³. Статья № 16 должна была превратить Афганистан и советскую Среднюю Азию в укрытие для всех антибританских лиц и группировок, вынужденных бежать из Индии от преследований британских колониальных властей. В ней закреплялись следующие положения: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются иностранным политическим эмигрантам дать убежище на своих территориях, причем иностранные политические эмигранты подчиняются законам обоих государств»⁴⁴. Кроме этого, по предложению Сурица эта статья должна была содержать взаимное обязательство сторон не стеснять политической деятельности эмигрантов на своей территории.

⁴¹ Там же.

⁴² Цит по: Панин С.Б. Указ. соч. С. 59.

⁴³ Письмо полпреда Сурица в ответ на афганский проект договора между РСФСР и Афганистаном, 17.07.1920 г. // Советская Россия в «Большой игре». С.149.

⁴⁴ Афганский проект договора между РСФСР и Афганистаном, 11.07.1920 г. // Там же. С. 147.

Принципиальных возражений у афганцев такая редакция этих двух пунктов не вызвала, так как даже в договоре о «нейтралитете» афганская сторона соглашалась сохранить положения этих «пропагандистских» статей. Суриц, который считал, что подготовка революции в Индии является главной задачей советского полпреда в Кабуле, вынужден был пойти на эту жертву, чтобы ценой уступок смягчить гнев афганских партнеров по переговорам после получения ими известий о «революции» в Бухаре.

В качестве еще одной меры предосторожности Суриц 2 сентября 1920 г. добился от афганских дипломатов согласия на новую редакцию статьи о признании независимости Хивы и Бухары: «Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая форма правления там не существовала бы согласно желанию их народов»⁴⁵. Таким образом, полпред готовился представить Аманулле события в Бухаре как «народную революцию».

Вскоре информация о свержении бухарского эмира достигла Кабула. 8 сентября 1920 г. Суриц доложил в Москву, что «плохо скрываемое бешенство афганцев сдерживается опасением потерять явные выгоды, которые им сулит договор»⁴⁶. Заверениям советского посла, что события в Бухаре являются делом рук «бухарских революционеров» в Кабуле, разумеется, никто не верил. Заявление Сурица о гарантии Москвы не вмешиваться в дела «будущей революционной Бухары» имело тот же эффект. Однако афганское правительство не отказалось от подписания договора с Советской Россией, так как его заключение укрепляло независимость Афганистана. 9 сентября 1920 г. Суриц отправил в НКВД телеграмму, в которой сообщил, что афганцы «видимо, примирились с фактом переворота [в Бухаре]», поэтому приложили все силы для завершения переговоров о заключении с РСФСР договора о дружбе, статьи которого 13 сентября 1920 г. были парафированы в Кабуле⁴⁷.

Заключение соглашения между Советской Россией и Афганистаном в момент, когда отношения между ними подверглись серьезному испытанию из-за «революции» в Бухаре, было дипломатическим чудом. В связи с этим Суриц направил в НКВД вместе с текстом только что заключенного соглашения обширный доклад, детально объяснявший причины, побудившие Афганистан пойти на сближение с большевиками и одновременно дистанцироваться от событий в Средней Азии. Полпред писал: «Афганистан умывает руки в борьбе мусульман с “большевистским игом”. Дело дальше фраз не пошло, и это учтено мусульманскими массами в Средней Азии. Кабул предпочел нашу помощь неизвестному исходу новой авантюры. Этим он связал себя и на будущее время, ибо эмирство без посторонней поддержки существовать не может, особенно после краха надежды на торговое посредничество между рынками Индии и ханств. Устанавливается длительная зависимость Афганистана от нашей дружбы и помощи, возникает эгоистический интерес в точном соблюдении взятых на себя договорных обязательств. Этим в корне пресекается возможность обращения Афганистана в орудие иностранного империализма. Связав себя с Россией в минуту, когда на редкость благоприятная обстановка толкала на разрыв, Афганистан ясно показал, что отдает себе отчет, что главная опасность афганской независимости все же угрожает от Англии и что основные, жизненные задачи страны лежат не в Туркестане или Бухаре, а в Индии»⁴⁸.

Афганистан не собирался сдавать без борьбы своих позиций в Бухаре, но после ввода в нее частей Красной армии Аманулла-хан был вынужден осуществлять более осторожную политику в «бухарском вопросе». Легкость, с которой в Кабуле смирились с бухарской «революцией», означала, что афганское правительство надеялось поставить под свой контроль лидеров провозглашенной Бухарской Советской Народной Республики

⁴⁵ Панин С.Б. Указ. соч. С. 59.

⁴⁶ Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...» С. 83.

⁴⁷ Теплинский Л.Б. Указ. соч. С. 35.

⁴⁸ Советская Россия в «Большой игре». С. 217.

(БСНР), где сформировалась проафганская группировка, видевшая в Афганистане единственный противовес советскому контролю над Бухарой.

Начавшиеся в 1921 г. переговоры между Афганистаном и БСНР о заключении афгано-бухарского договора были использованы Аманулла с целью оказания давления как на советское правительство в Москве, так и на полпреда Сурица в Кабуле. В начале августа 1921 г. глава представительства НКВД в Ташкенте В.М. Цукерман⁴⁹ в письме полпреду в Бухаре К.К. Юреневу⁵⁰ сообщил, что «весь смысл афгано-бухарских переговоров сводится к нажиму на Сурица в Кабуле» накануне ратификации «Договора о дружбе», все же заключенного 28 февраля 1921 г. между РСФСР и Афганистаном в Москве⁵¹. Министр иностранных дел Тарзи, считавший на тот момент более выгодным для Афганистана сближение с Великобританией, пытался использовать советско-афганские противоречия из-за Бухары, чтобы сорвать ратификацию договора.

Недовольство афганцев ситуацией в Бухаре было настолько сильным, что Суриц был вынужден в июне 1921 г. информировать НКВД, что в Кабуле «растет настроение за отказ от русско-афганского договора»⁵². Убежденность афганского министра иностранных дел в необходимости такого шага была искренней. Однако эмир не хотел срывать ратификацию «Договора о дружбе» с Москвой: он стремился получить максимальные уступки от Советской России, используя с этой целью все средства, включая и «бухарский вопрос».

7 июля 1921 г. в Кабул прибыл бывший афганский посол в БСНР Абдул Хади-хан. В течение всего дня Аманулла и Тарзи консультировались с ним о ситуации в Бухаре. Разумеется, афганский дипломат сообщил эмиру, что о независимости БСНР не может быть и речи, так как там находится часть Красной армии. К радости Сурица, Абдул Хади-хан выступил за ратификацию советско-афганского договора 1921 г., несмотря на все «грехи» Советской России в Бухаре. Такая позиция бывшего афганского посла в Бухаре была тем более ценна для советской стороны: Хади-хан фактически признавал провал своей попытки контролировать политику правительства БСНР.

Советское руководство твердо пресекало все попытки Афганистана влиять на ситуацию в Бухаре. Идя на уступки по вопросам афганско-бухарской торговли, чтобы минимизировать финансовые потери афганцев от «революции» 1920 г., Москва категорически не допускала появления даже тени афганского политического контроля над БСНР. Так, инструктируя полпреда Ф.Ф. Раскольникову, сменившего Сурица, о его линии поведения в «бухарском вопросе», Чичерин писал: «Надо соблюдать безусловно мягкую политику в вопросе о Бухаре. Мы не можем допускать афганский протекторат над Бухарой вроде того, который пытался осуществить Абдул Хади-хан, но мы можем доставить удовольствие афганскому правительству видимостью союза двух мусульманских государств, если только из этого не выйдет чего-либо реально опасного, за чем надо следить»⁵³.

3 августа 1921 г. Аманулла-хан созвал в Кабуле совет, который должен был ратифицировать советско-афганский «Договор о дружбе». Перед собравшимися выступил эмир, рассказавший об английских попытках восстановить контроль над Афганистаном и призывавший для укрепления независимости своей страны пойти на сближение с Советской Россией. Среди афганских политиков, поддержавших Аманулла, был и Абдул Хади-хан.

⁴⁹ Цукерман Владимир Моисеевич (1891–1937) – советский дипломат. С августа 1920 г. – врио полпреда в Бухаре. В 1921–1922 гг. – заведующий отделом внешних сношений НКВД в Ташкенте. В 1922–1931 гг. – заведующий отделом Среднего Востока НКВД. В 1931–1937 гг. – заведующий I Восточным отделом НКВД. Репрессирован.

⁵⁰ Юренев Константин Константинович (Кротовский) (1888–1938) – советский военный деятель и дипломат. В 1919–1920 гг. – член Реввоенсовета (РВС) Восточного и Западного фронтов. В 1921–1922 гг. – полпред в Бухаре.

⁵¹ В.М. Цукерман – К.К. Юреневу. 03.08.1921 г. // РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 67. Л. 160.

⁵² Донесение полпреда Сурица в НКВД. 18.06.1920 г. // Советская Россия в «Большой игре». С. 420.

⁵³ Письмо № 5 Г.В. Чичерина Ф.Ф. Раскольникову, 10.08.1921 г. // Там же. С. 443.

После его выступления влияние «бухарского вопроса» на ратификацию договора с РСФСР значительно уменьшилось. Афганский дипломат заявил: «Внешняя политика РСФСР чужда духа стяжательств и захвата, благожелательна к исламу, как идее, способной сплотить Восток в борьбе с империализмом. Персия видит в своем северном соседе единственную опору при высвобождении из цепкого охвата английской дружбы. Героическая Турция давно погибла бы в неравной борьбе, если бы не материальная и моральная поддержка Москвы. Афганистан должен идти в ногу с передовыми единоверческими странами и, отвергнув союз с Англией, стараться теснее сблизиться с РСФСР»⁵⁴. Эта точка зрения победила. 11 августа 1921 г. большинством голосов (270 против 7) эмирский совет ратифицировал «Договор о дружбе» между Афганистаном и Советской Россией. 14 августа 1921 г. в Кабуле состоялся обмен ратификационными грамотами⁵⁵. С этого момента «бухарский вопрос» в советско-афганских отношениях потерял свою остроту.

Таким образом, соперничество Советской России и Афганистана из-за Бухары значительно осложнило заключение между этими странами «Договора о дружбе» и сказалось на содержании этого дипломатического документа. Бухарская «революция» 1920 г. разделила переговорный процесс между Москвой и Кабулом на два периода. Первый — конец декабря 1919 г. — сентябрь 1920 г., в это время независимый Афганистан планомерно пытался уничтожить российское влияние в Бухарском эмирате с целью установить фактический протекторат над ним. Аманулла-хан стремился юридически закрепить свой контроль над Бухарой в обмен на заключение с РСФСР «наступательно-оборонительного союза» против Великобритании. Бухарская наступательная операция Красной армии 1920 г. продемонстрировала афганскому правительству, что ни на какие сделки по «бухарскому вопросу» большевики не пойдут. В ответ Аманулла настоял на исключении из текста будущего договора с РСФСР всех «пропагандистских статей», допускавших антибританскую деятельность против Индии с афганской территории. Суриц по своей инициативе был вынужден согласиться на это. 13 сентября 1920 г. соответствующий документ был подписан в афганской столице.

Второй период — октябрь 1920 г. — август 1921 г., когда афганская сторона превратила «бухарский вопрос» в рычаг давления на советское правительство при ратификации подписанного в Москве 28 февраля 1921 г. «Договора о дружбе», чтобы получить от большевиков оружие и ежегодную субсидию. В начале 1921 г. начались переговоры о заключении договора между Афганистаном и Бухарской Советской Народной Республикой. Афганский проект этого соглашения включал в себя многие статьи, которые ранее не согласился включить в «Договор о дружбе» полпред Суриц. Эти, как и все последующие, шаги афганской дипломатии в Бухаре были пресечены советской стороной. Здравомыслящие политики в Кабуле вынуждены были признать крах своих планов по установлению афганского контроля над Бухарой. В результате в августе 1921 г. «Договор о дружбе», предусматривавший предоставление Афганистану советской военной и финансовой помощи, был ратифицирован афганской стороной без каких-либо осложнений.

Библиография

Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М., 2001.

Генис В.Л. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003.

Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. Москва; Иркутск, 1998.

Рейснер И. Десять лет внешней политики Афганистана // Новый Восток. 1929. Кн. 22. С. 67–86.

⁵⁴ Там же. С. 450.

⁵⁵ Панин С.Б. Указ. соч. С. 50.

Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925): сборник документов / сост. и предисл. Ю.Н. Тихонов. М., 2019.

Теплинский Л.Б. СССР – Афганистан. М., 1982.

Улуян А.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2020.

Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002.

References

Genis V.L. “S Bukharoy nado konchat'...” K istorii butaforskikh revolyutsiy. Dokumental'naya khronika [“It is necessary to finish with Bukhara...” To the history of fake revolutions. Documentary chronicle]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Genis V.L. Vitse-konsul Vvedenskiy. Sluzhba v Persii i Bukharskom khanstve (1906–1920). Rossiyskaya diplomatiya v sud'bakh [Vice-Consul Vvedenskiy. Service in Persia and the Bukhara Khanate (1906–1920). Russian diplomacy in the fates]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Panin S.B. Sovetskaya Rossiya i Afganistan. 1919–1929 [Soviet Russia and Afghanistan. 1919–1929]. Moskva; Irkutsk, 1998. (In Russ.)

Reysner I. Desyat' let vneshney politiki Afganistana [Ten years of Afghanistan's Foreign Policy] // Novyy Vostok [New East]. 1929. Kn. 22. S. 67– 86. (In Russ.)

Sovetskaya Rossiya v “Bol'shoi igre” (1919–1925): sbornik dokumentov / sost. i predisl. Yu.N. Tikhonov [Soviet Russia in the “Big Game” (1919–1925): a collection of documents / comp. and preface by Yu.N. Tikhonov]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Teplinskiy L.B. SSSR – Afganistan [USSR – Afghanistan]. Moskva, 1982. (In Russ.)

Uluynan A.A. Turkestanskiy platsdarm. 1917–1922: Britanskoye razvedyvatel'noye soobshchestvo i britanskoye pravitel'stvo [Turkestan bridgehead. 1917–1922: The British Intelligence Community and the British government]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Afghanistan Strategic Intelligence: British Records 1919–1970. Vol. 1. 1919–1928. From Independence to the Civil War / ed. L.P. Burdett. Chippenham (UK), 2002.

DOI: 10.31857/S013038640014995-2

© 2022 г. **Ф.О. ТРУНОВ**

К ВОПРОСУ ПЕРИОДИЗАЦИИ УЧАСТИЯ ФРГ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: Itrunov@mail.ru

Scopus Author ID: 57211605240; Researcher ID: AAC-7844-2020; ORCID: 0000-0001-7092-4864

Аннотация. В современных реалиях Германия демонстрирует стремление утвердиться в положении полновесного глобального игрока. Стратегическое проникновение ФРГ на территорию бывшего СССР в форме участия в урегулировании вооруженных конфликтов (грузино-абхазского, грузино-югоосетинского, приднестровского, на востоке Украины, а также самые последние события – в Беларуси и в Нагорном Карабахе во второй половине 2020 г.) на постсоветском пространстве является одним из факторов достижения данной цели. В статье предложена периодизация этого аспекта внешнеполитической деятельности Германии. Для каждого этапа показана эволюция тактик использования политико-дипломатического инструментария, а также расширение состава региональных игроков, на территории и для взаимодействия с которыми он применялся. Выявляется двукомпонентный подход ФРГ к поиску путей урегулирования. Первая составляющая – федерализация как способ устранения противоречий: Германия оказывала поддержку центральным властям бывшей союзной республики, не учитывая зачастую интересы сепаратистски действующего субъекта. Вторая составляющая – обеспечение подписания и имплементации сторонами конфликта соглашения об ассоциации с ЕС. Это резко усложняло процесс урегулирования, создавало высокую вероятность его деградации вплоть до «разморозки» прекращенных вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: Германия, дипломатия, внешняя политика, вооруженные конфликты, региональные конфликты, Грузия, Украина, Молдова, постсоветское пространство, Беларусь.

Ph. O. Trunov

On the Periodisation of the German Involvement in the Settlement of Armed Conflicts in the Post-Soviet Space

Philipp Trunov, Institute of Scientific Information on Social Sciences Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: Itrunov@mail.ru

Scopus Author ID: 57211605240; Researcher ID: AAC-7844-2020; ORCID: 0000-0001-7092-4864

Abstract. Currently, Germany is demonstrating its ambition to establish itself as a full-fledged global player. German strategic intrusion into the post-Soviet space in the form of participation in the settlement of armed conflicts is a factor contributing to the fulfilment of this ambition. The article proposes a periodisation for this aspect of German foreign policy. Both the evolution of tactics for using political and diplomatic tools in a given territory and the expansion of the composition of regional players are demonstrated for each period. The author focuses on the evolution of the German approach to the resolution of armed conflicts in the region (Georgian-Abkhaz, Georgian-South Ossetian, Transnistrian, and in the east of Ukraine). The German approach to the regulation of armed conflicts in the region has had two components. The first component is federalization as a way to eliminate local contradictions: Germany provided support to the central authorities of the former Soviet republic, often not taking into account the interests of the separatist party. The second component is German attempts to ensure that the parties to the conflict sign and implement the Association Agreement with the EU. This dramatically complicated the settlement process, creating a high probability of its degradation and leading, sometimes, to the resumption of discontinued armed clashes. The paper pays close attention to the German position on the 2020–2021 Belarusian protests and the 2020 Nagorno-Karabakh war.

Keywords: Germany, diplomacy, bilateral interstate relations, armed conflicts, resolution, regulation, Georgia, Ukraine, Moldova, Belarussian events.

Пандемия COVID-19 с весны 2020 г. привела в значительной степени к «замиранию» политических процессов в мире. На этом фоне показательны достаточно глубокие сдвиги политического ландшафта на постсоветском пространстве во второй половине 2020 г. Это белорусские события, «разморозка» нагорнокарабахского конфликта, постановка вопроса о выводе российских миротворцев из Приднестровья на фоне очередного «пробуксовывания» имплементации «Минска-2». В ходе возникновения и попыток урегулирования данных проблем наблюдалась повышенная активность стран-участниц и институтов Евроатлантического сообщества. Одним из безусловных лидеров по интенсивности и масштабу прилагаемых усилий выступала ФРГ. Рост усилий Германии на постсоветском пространстве в ходе различных кризисных ситуаций 2020 г. стал не исключением, а логичным продолжением тенденции, проявившейся в ходе «августовской войны» 2008 г. и украинских событий 2013–2014 гг.

В доктринальных документах политики ФРГ в области безопасности и обороны отсутствовала отдельная официальная стратегия в отношении постсоветского пространства. Так, в «Белой книге по безопасности, положению дел и будущему бундесвера» (1994 г.) содержалось положение лишь о необходимости скорейшей и более полной демократизации стран СНГ¹. В «Белой книге» 2006 г. была подчеркнута заинтересованность в наращивании скорости сближения Украины с ЕС и НАТО, а также готовность ФРГ урегулировать приднестровский конфликт, гарантируя безопасность границ Молдовы и Украины². В действующей «Белой книге» 2016 г. вооруженный конфликт на востоке Украины и переход Крымского полуострова под российский суверенитет расценивались как выстраивание новой системы безопасности в Европе, характеризующейся возвращением фактора военной силы с обвинениями в этом РФ³. Притом внимания другим странам постсоветского пространства (кроме Украины и Молдовы) в «Белых книгах» не уделялось. Не был определен и курс Германии на территории бывшего СССР, но оговаривалось, что ФРГ выполнит все обязательства перед партнерами по ЕС,

¹ Weissbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr (1994). Bonn, 1994. S. 29.

² Weissbuch zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr (2006). Berlin, 2006. S. 31, 41, 56.

³ Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr (2016). Berlin, 2016. S. 31–32, 38.

руководствуясь интересами развития данного интеграционного объединения (НАТО в этой связи отводилась меньшая роль)⁴. В «Белой книге мультилатерализма» 2021 г., подготовленной МИД ФРГ, выражена готовность Германии вносить растущий, особенно невоенный, вклад в урегулирование конфликтов, однако принципы стратегии взаимоотношений с региональными игроками не прописаны⁵.

В статье предпринята попытка реконструировать эту стратегию на основе значимых практических политико-дипломатических и военных шагов официального Бонна/Берлина, выделив в ней основные этапы. Статья предлагает авторскую периодизацию участия ФРГ в урегулировании вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве в 1990-е – 2020 гг. Для этого выделяются реперные хронологические точки, ставшие временными водоразделами для изменения тактик использования Германией политико-дипломатического инструментария.

Отечественными исследователями был создан существенный задел в изучении политики ФРГ на пространстве СНГ. Вместе с тем исследования в основном были сегментарны либо с хронологической точки зрения (в основном охватывали период 1990 – середины 2000-х годов)⁶, либо с территориальной (наибольшее внимание уделялось германо-украинским отношениям)⁷. Немецкие специалисты исследовали в основном сами процессы, идущие на постсоветском пространстве⁸, и участие в них (в том числе в военном ключе) России⁹, а действиям самой ФРГ уделяли существенно меньшее внимание¹⁰. Притом пока отсутствуют отдельные исследования, посвященные участию Германии в урегулировании локальных вооруженных конфликтов на пространстве СНГ в целом.

* * *

Первый этап охватывает временной промежуток с середины 1990-х годов до августа 2008 г. В это время Германия подключилась к урегулированию лишь грузино-абхазского конфликта. Именно здесь происходили апробация и определение тактики ФРГ, прежде всего форм использования политико-дипломатического и военного инструментария, и стратегии, в том числе принципиального подхода, к урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве. С 2004 г. опосредованно (через ЕС) ФРГ стала делать попытки оказать влияние и на ход приднестровского конфликта.

ФРГ параллельно участвовала в работе профильного переговорного механизма – Группы друзей Генерального секретаря ООН по Грузии – и мониторинговой миссии ООН UNOMIG. Показателен состав группы: Россия и тетрархия западных держав – «старые» (США, Великобритания, Франция) и прочно вошедшая в этот состав к концу 1990-х годов Германия¹¹. ФРГ стремилась присоединиться к триумvirату ведущих «западных демократий» практически сразу после ее создания в 1949 г. Уже объединившаяся Германия

⁴ Ibid. S. 34–39.

⁵ *Gemeinsam für die Menschen. Weißbuch Multilateralismus der Bundesregierung*. Berlin, 2021. S. 36, 54–55.

⁶ *Кокеев А.М.* Политика ФРГ в отношении стран СНГ в конце 1991 – середине 2000-х годов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 42–49.

⁷ *Фрольцов В.В.* Политика ФРГ в отношении Украины в 1990–1994 гг.: основные тенденции // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 3. С. 22–27; *Кириллова А.Н.* «Новая восточная политика» канцлера Герхарда Шрёдера и оранжевая революция на Украине // Клио. 2018. № 2. С. 109–111.

⁸ *Halbach U., Musayev K.* EU–Aserbaidschan: Nicht nur Energiepartner // SWP-Aktuell. 2011. Februar. № 11. S. 1–8; *Fischer S.* Der Donbas-Konflikt. Berlin, 2019.

⁹ *Klein M.* Russlands Militärpolitik im postsowjetischen Raum. Berlin, 2018.

¹⁰ *Bos E.* Deutsche Interessen und Zielen im GUS-Raum // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / Hrsg. S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden, 2007.

¹¹ О встрече заместителя министра иностранных дел Г.В. Берденникова с послами стран, входящих в Группу друзей Генерального секретаря ООН по Грузии (Великобритания, Германия, США и Франция), 13 декабря 2000 г. // URL: <https://www.mid.ru/bdcomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005f432569b5004c6bf8!OpenDocument> (дата обращения: 12.02.2021).

продемонстрировала готовность и способность нести повышенный груз ответственности в сфере безопасности, о чем можно судить по ее роли в формировании политического ландшафта постюгославского пространства.

В реалиях 1990 — середины 2000-х годов эгида ООН наиболее отвечала интересам ФРГ с точки зрения выбора международной структуры, в рамках деятельности которой Германия подключалась к урегулированию вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Ни НАТО, ни тем более ЕС, лишь приступавший к формированию внешнеполитического инструментария, не были еще готовы к принятию сколько-нибудь существенной нагрузки в решении проблем безопасности СНГ. Не менее важно и то, что тесные связи между бывшими союзными республиками в значительной степени не были разорваны сразу же в 1991 г.; данный процесс растянулся на последующее десятилетие. Это, безусловно, создавало определенные препятствия для стратегического проникновения Евроатлантического сообщества на пространство СНГ.

Если на Балканах или в Афганистане с начала 2000-х годов Bundeswehr присутствовал в основном в виде войсковых подразделений и частей, то на постсоветском пространстве имело место сугубо точечное применение персонала Министерства обороны ФРГ: его численность в составе миссии UNOMIG составляла не более 20 солдат и офицеров¹², рассосредоточенных по два-три человека или поодиночке по подразделениям. На постюгославском пространстве и в Центральной Азии мандат немецких войск предполагал не только мониторинг ситуации, но и противодействие факторам, мешающим соблюдению режима прекращения огня и примирению сторон. Напротив, в странах СНГ функции германских военных заключались исключительно в фиксировании случаев возобновления всплеск организованного насилия¹³. Вопрос о боевом использовании Bundeswehr здесь не ставился в принципе, при скептическом отношении к расширению НАТО на бывшие союзные республики СССР (исключая страны Балтии).

Стратегически уже в ходе острой фазы грузино-абхазского противостояния (1992–1993 гг.) вырисовалась основа подхода ФРГ к урегулированию вооруженных конфликтов в регионе: поддержка центра бывшей союзной республики в его борьбе с субъектами, готовыми выйти из ее состава. Так, официальный Бонн еще в 1993 г. жестко осудил стремление Абхазии обрести независимость от Грузии¹⁴. Основой урегулирования германская сторона считала формулу федерализации, т.е. предоставления автономии малой стороне конфликта при условии ее сохранения в составе единого государства. Этот же подход отстаивала и российская дипломатия, что создавало предпосылки для взаимодействия, содержавшего элементы сотрудничества, между РФ и ФРГ в 1990 — середине 2000-х годов¹⁵. В частности, руководство ФРГ в данный период воздержалось от выражения негативных оценок российского миротворческого присутствия в зонах вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР. Однако уже в 2007 — первой половине 2008 г. стали проявляться симптомы существенного сужения «окна возможностей» для кооперации.

За прошедшие полтора десятилетия возникли значимые предпосылки для качественно иного по масштабам и характеру проникновения ФРГ на постсоветское пространство. Во-первых, в значительной степени был завершен процесс формирования политического ландшафта бывшей Югославии. Здесь, как и на постсоветском пространстве, в ходе конфликтов Германия поддерживала бывшие союзные республики, а не нижестоящие

¹² The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin, 2009. P. 58.

¹³ Ibid. P. 58, 65–66, 71–72, 80–87.

¹⁴ Antwort der Bundesregierung auf die Große Anfrage der Fraktionen der CDU/CSU und FDP (Drucksache 12/5046). Unterstützung der Reformprozesse in den Staaten Mittel-, Südost- und Osteuropas (einschließlich der baltischen Staaten) sowie in den neuen unabhängigen Staaten auf dem Territorium der ehemaligen Sowjetunion. Deutscher Bundestag, 12. Wahlperiode. Drucksache 12/6162, 12.11.1993. S. 8.

¹⁵ О встрече заместителя министра иностранных дел Г.В. Берденникова...

субъекты; исключением стала лишь ситуация с автономным краем Косово, который стремился отделиться от базовой республики, олицетворявшей собой общесоюзный центр на Балканах, — Сербии. Во-вторых, в результате расширения НАТО (2002 и 2004 гг.) и ЕС (2004 и 2007 гг.) в состав евроатлантических институтов вошли бывшие страны — участницы Организации Варшавского договора из числа государств Восточной Европы, а также республики Балтии. Таким образом, к 2008 г. ФРГ обеспечила свое стратегическое проникновение практически на все территории постсоциалистического пространства в Европе, располагавшиеся за пределами бывшего СССР.

Второй этап занимает временной промежуток с августа 2008 г. по октябрь 2013 г., теперь ФРГ старается подключиться к урегулированию имеющихся и вновь возникающих вооруженных конфликтов в западной и в южной частях (кроме Нагорного Карабаха) постсоветского пространства.

В ходе «августовской войны» (2008 г.) Германия пыталась как можно скорее достичь «разрядки», недопущения неконтролируемой эскалации. Так, уже 10 августа 2008 г., через два дня после начала агрессии правительственных грузинских войск, стартовали интенсивные контакты глав МИД РФ и ФРГ С.В. Лаврова и Ф.-В. Штайнмайера¹⁶. Германская дипломатия, тесно координируя действия с Францией, внесла вклад в выработку «шести пунктов» Д.А. Медведева — Н. Саркози. Означало ли это готовность Берлина отказаться от своих целей в отношении постсоветского пространства? Нет, их корректировки не последовало. А урегулированные кризисные ситуации германская сторона стремилась использовать к выгоде, демонстрируя роль внешнего гаранта безопасности малых и средних стран региона.

В ходе второго этапа отчетливо высветился новый двухкомпонентный подход ФРГ к урегулированию. Одной составляющей оставалась формула федерализации, отстаиваемая даже в тех случаях, где «большая» сторона конфликта преднамеренно шла на возобновление боевых действий. Речь в данном случае идет об агрессии Грузии в отношении Южной Осетии (8 августа 2008 г.) и подготовке такого же шага в отношении Абхазии. Берлин отказался от выдвижения обвинений в отношении режима М. Саакашвили, одновременно негативно восприняв сугубо вынужденную операцию Вооруженных сил РФ по принуждению агрессора к миру¹⁷. Соответственно, германская сторона исключительно негативно оценила и решение РФ о признании независимости Абхазии и Южной Осетии.

Другая составляющая видения ФРГ путей урегулирования — увязывание воедино самого процесса (и без того идущего крайне сложно) и обеспечение подписание «большой» стороной конфликта соглашения об ассоциации с ЕС. Тем самым на постсоветском пространстве реализовывалась схема, выработанная и применявшаяся самым активным образом на постюгославском направлении со второй половины 1990-х годов. Отмеченные изменения подхода ФРГ к урегулированию вооруженных конфликтов на территории СНГ неизбежно вели к дальнейшему сокращению потенциала российско-германского взаимодействия. Так, 15 июня 2009 г. деятельность миссии UNOMIG была прекращена. 27 августа 2008 г. была развернута мониторинговая миссия ОБСЕ (параллельно с UNOMIG), в состав которой были направлены 15 немецких военных наблюдателей, однако и эта миссия в июне 2009 г. также прекратила свою деятельность¹⁸. Симптоматично, что в обоих случаях ФРГ стремилась полностью снять с себя ответственность за демонтаж

¹⁶ О телефонном разговоре министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова с вице-канцлером, министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером, 10 августа 2008 г. // URL: <https://www.mid.ru/bdcomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc325-74a10063a056!OpenDocument> (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁷ “Ein sehr fragiler Waffenstillstand” — Bundesaußenminister Steinmeier im Interview zu Georgien mit der Welt am Sonntag, 17.08.2008 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2008/080817-BM-WamS.html> (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁸ The Bundeswehr on Operations... P. 58.

механизмов отслеживания ситуации в зоне грузино-абхазского (миссия ООН) и грузино-югоосетинского (наблюдатели ОБСЕ) конфликтов. Вместо них при активной поддержке ФРГ была развернута мониторинговая миссия ЕС EUMM в Грузии, в нее-то и входили те 20 германских военных и гражданских наблюдателей¹⁹. К середине 2010-х годов германо-французским тандемом была запущена Конференция (как переговорный формат) по Южному Кавказу, которая отслеживала обстановку в зонах грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов²⁰. Если миссия EUMM воспринималась и использовалась Германией в качестве замены аналогичным механизмам под эгидой ООН и ОБСЕ, то Конференция по Южному Кавказу – в качестве альтернативы Группе друзей Генерального секретаря ООН по Грузии. Иными словами, и в политико-дипломатическом, и в военном (мониторинговом) отношении ФРГ участвовала в создании и поддержке структур, в принципе не предполагавших участия в них РФ. Способствовало ли это прогрессу в урегулировании? Нет. Попытки выведения России «за скобки» урегулирования были контрпродуктивны, способствуя лишь закреплению и углублению серьезных противоречий между официальным Тбилиси, с одной стороны, Абхазией и Южной Осетией – с другой. Не признав их независимости, ФРГ, равно как и ее партнеры по Евроатлантическому сообществу, фактически отказалась от контактов с этими двумя акторами, в том числе от установления опосредованного (через РФ) диалога. В свою очередь действия Германии привели к тому, что ее наблюдатели не допускались российскими миротворцами на территорию Абхазии и Южной Осетии. МИД РФ подчеркивал, что действие миссии Европейского союза распространяется лишь на территорию Грузии, не включая двух других вновь признанных Россией государств²¹. При этом, несмотря на свои, был создан точечный механизм с участием РФ и ЕС «сверки часов» непосредственно по соблюдению режима прекращения огня. В целом действия ФРГ обеспечивали скорее регулирование, но отнюдь не урегулирование грузино-абхазского и грузино-югоосетинского вооруженных конфликтов.

Наблюдался интерес германской стороны к развитию взаимодействия с РФ по урегулированию приднестровского конфликта. Еще в 2003–2004 гг. руководство Молдовы, отказавшись от подписания уже парафированного «меморандума Козака» (по фамилии специального представителя Президента РФ Д.Н. Козака), предполагавшего урегулирование посредством федерализации единого молдавского государства в увязке с принятием им нейтрального статуса, настояло на подключении к переговорам США и ЕС: Кишинёв, Приднестровье, Россия, Украина, ОБСЕ + США и ЕС. Однако интернационализация переговорного процесса отнюдь не привела к заметному прогрессу.

В 2010 г. в ходе встречи канцлера А. Меркель и президента Д.А. Медведева была обозначена инициатива по созданию Комитета РФ – ЕС по внешней политике. Его ключевой функцией являлось согласование позиций по урегулированию вооруженных конфликтов, прежде всего приднестровского²². Однако сколько-нибудь заметного продвижения не произошло ни в этом частном случае, ни в целом в российско-

¹⁹ EUMM Georgia. 2021 // URL: https://eumm.eu/en/about_eumm/facts_and_figures (дата обращения: 12.02.2021).

²⁰ Deutsch-französische Versöhnung in den Südkaukasus tragen: Zweite Regionalkonferenz der Botschafterinnen und Botschafter aus Deutschland und Frankreich in Tiflis. 17.12.2016 // URL: https://www.auswaertiges-amt.de/nn_582140/sid_322FE765566059B79A2A28BCFAED4FE7/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Georgien/161219_dt_frz_Boko_Kaukasus.html?nnm-582158 (дата обращения: 12.02.2021).

²¹ Комментарий официального представителя МИД РФ А.К. Лукашевича в связи со срывом встречи механизма предотвращения и реагирования на инциденты в Гале 27 июня 2012 г. // URL: <https://www.mid.ru/bdcomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/c32577ca00173e5744257-a2b006496df!OpenDocument> (дата обращения: 12.02.2021).

²² Меморандум по итогам встречи Президента России Д. Медведева и федерального канцлера Германии А. Меркель, 4-5 июня 2010 г., г. Мезеберг // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/575> (дата обращения: 12.02.2021).

германском взаимодействии. ФРГ последовательно стремилась увязывать в «пакет» самого процесса урегулирования подписание и имплементацию сторонами конфликта соглашения об ассоциации. Это рассматривалось ключевым инструментом «восточной политики» ЕС, осуществляемой с 2009 г. в отношении шести стран постсоветского пространства: Беларуси, Украины, Молдовы, Грузии, Армении и Азербайджана²³. Хотя Германия, в отличие от Польши и Швеции, не являлась государством – инициатором «восточной политики», она принимала в ее осуществлении весьма активное участие, в частности в подготовке профильного Вильнюсского саммита 28–29 ноября 2013 г. На нем украинская делегация во главе с президентом В.Ф. Януковичем отказалась подписать согласованный текст соглашения об ассоциации, что нанесло существенный имиджевый урон стратегии ЕС в целом и Германии как лидера объединения в частности.

Третий этап (ноябрь 2013 г. – февраль 2015 г.) пришелся на время украинских событий, ставших одной из причин и поводом к возникновению новой холодной войны в отношениях Евроатлантического сообщества и России. С начала выступлений оппозиции в Киеве, требовавшей подписания соглашения об ассоциации с ЕС, германская сторона последовательно придерживалась курса на поддержку протестующих. Так, 17 февраля 2014 г. в Берлине переговоры с лидерами украинской оппозиции А. Яценюком и В. Кличко провели Ф.-В. Штайнмайер, а затем А. Меркель²⁴.

В это время германская дипломатия действовала на украинском направлении в основном в формате «Веймарского треугольника» (ФРГ, Франция и Польша). В 2013–2015 гг. постсоветское пространство стало еще одним направлением достаточно тесной кооперации Берлина и Парижа. Если Франция и Германия представляли «старую» часть европейских стран – участниц НАТО и ЕС, то Польша относилась к «новой», несколько иначе воспринимавшей цели и обеспокоенности Евроатлантического сообщества. Гиперболизируя якобы существующую «российскую угрозу», официальная Варшава выступала за реализацию намного более жесткого курса в отношении РФ²⁵.

21 февраля 2014 г. в Киеве между В.Ф. Януковичем и оппозицией было подписано соглашение о примирении, гарантами которого выступили Германия, Польша (на уровне министров иностранных дел) и Франция. Особо следует подчеркнуть, что соглашение было пролоббировано де-юре прежде всего Германией, Францией и Польшей, в то время как США оказались «в тени» их действий. Уже на следующий день, 22 февраля 2014 г., документ был аннулирован силовым приходом украинской оппозиции к власти. Данный факт в принципе не вызвал негативной реакции со стороны западных государств-гарантов.

Однако в марте – июне 2014 г. для ФРГ ценность сотрудничества с Польшей на украинском направлении стала снижаться. Ключевая причина тому – рост конфронтации между Евроатлантическим сообществом и РФ. Германская сторона стремилась добиться «разрядки» в острейшие кризисные моменты, стратегически последовательно реализуя избранный курс и стремясь обеспечить его принятие РФ, оказывая на нее разнохарактерное давление.

На фоне резкой активизации украинских националистов после победы оппозиции 28 февраля и 2 марта 2014 г. состоялись телефонные переговоры А. Меркель и В.В. Путина. В ходе которых канцлер обозначила свое критическое отношение к реализации Кремлем

²³ Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin zum Treffen der Staatsund Regierungschefs der Europäischen Union zur Lage in der Ukraine am 6. März 2014 // Plenarprotokoll 18/20. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. S. 1520D–1521A.

²⁴ Bundeskanzlerin Merkel empfing die ukrainischen Oppositionsführer Arsenji Jazenjuk und Vitali Klitschko. 17.02.2014 // URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/02/2014-02-17-merkel-jazenjuk-klitschko.html> (дата обращения: 12.02.2021).

²⁵ Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des “Eisernen Vorhangs” unter besonderer Berücksichtigung der Initiative “Weimarer Dreieck”. Deutscher Bundestag, Wissenschaftliche Dienste. WD 2 - 3000 - 075/16. 17. Mai 2016. S. 16–19.

активных мер по защите прав русскоязычного населения на территории Украины²⁶. 13 марта 2014 г., исходя из итогов консультаций на уровне Европейского совета, А. Меркель выступила с программной речью перед депутатским корпусом Бундестага, представив два сценария возможного развития отношений с РФ:

– в случае отказа Кремля от каких-либо действий по защите прав русскоязычного населения в Крыму и на иных украинских территориях сохранение с Россией отношений в полном объеме и запуск мониторинговой миссии ОБСЕ для стабилизации ситуации;

– при выборе РФ иной схемы поведения «замораживание» с ней взаимодействия на полях дву- и многосторонних площадок, оказание на нее по нарастающей (в случае дальнейшего роста расхождений) политического и экономического, но отнюдь не военного давления²⁷.

Германская сторона стремилась парализовать действия России по защите своих интересов на украинском направлении, при этом отнюдь не планируя корректировать свои собственные планы по обеспечению сближения Украины с Евроатлантическим сообществом.

Переход Крыма под российский суверенитет 17 марта 2014 г. был весьма негативно воспринят германской стороной, которая поддержала «заморозку» отношений с РФ по линиям ЕС и НАТО с 1 апреля 2014 г. Оказываемое тем самым политико-дипломатическое давление сочеталось с введением экономических санкций: с середины апреля 2014 г. против России были введены рестриктивные меры из-за поддержки ею Донецкой (ДНР) и Луганской (ЛНР) народных республик.

«Малый» вооруженный конфликт на востоке Украины таил в себе потенциал перерастания в «большой» военный с привлечением стран – участниц НАТО и РФ. Попытки официального Киева (временных властей, а затем и избранного президента П. Порошенко) быстро разрешить проблему силовым путем, разгромив ДНР и ЛНР, провалились. При этом ФРГ весной 2014 г. не направила бундесвер для участия в военных учениях НАТО, что проходило в странах Восточной Европы и республиках Балтии, достаточно отчетливо осознавая их провокационный характер по отношению к РФ. Берлин, в отличие от Белого дома, не демонстрировал готовности развернуть ротационное войсковое присутствие вблизи восточной границы зоны ответственности альянса. Изменение позиции ФРГ происходило по мере выработки механизмов недопущения перерастания «малых» конфликтов в «большую» войну.

6 июня 2014 г. при активном участии германо-французского тандема был запущен формат «Нормандской четверки» (с участием России и Украины). Берлин и Париж расценивали его как демонстративно вынужденное взаимодействие с РФ. В случае вооруженного конфликта на востоке Украины подход ФРГ к урегулированию был стандартным: последовательная поддержка «большой» стороны, продвижение идеи федерализации как основы урегулирования в увязке с подписанием и реализацией единой Украиной соглашения об ассоциации с ЕС. Де-факто уже сам запуск «Нормандского формата» рассматривался руководством ФРГ как возможность если не быстрого урегулирования, то регулирования конфликта, а следовательно, и создания возможности для активизации в деле достижения своих стратегических целей. Так, при самой активной поддержке германской дипломатии 27 июня 2014 г. соглашение об ассоциации с ЕС подписали не только официальный Киев, но также Кишинёв и Тбилиси²⁸. Следует подчеркнуть, что все три

²⁶ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Staatspräsidenten Putin. 2.03.2014 // URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/03/2014-03-02-telefonat-putin.html> (дата обращения: 12.02.2021).

²⁷ Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin... S. 1520D–1521A.

²⁸ Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel, dem Ministerpräsidenten der Republik Moldau, Leancă, dem Ministerpräsidenten von Georgien, Garibaschwili, und dem Ministerpräsidenten der Ukraine, Jazenjuk, am 28. Mai 2014 in Berlin. 28.05.2014 // URL: <https://www.bundesregierung.de/bregde/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-dem-ministerpraesidenten-der-republik-moldau-leancă-dem-ministerpraesidenten-von-georgien-garibaschwili-und-dem-ministerpraesidenten-der-ukraine-jazenjuk-am-28-mai-2014-844494> (дата обращения: 12.02.2021).

подписанта документа одновременно являлись и сторонами вооруженных конфликтов. Притом ни в одном случае (!) формула федерализации не была реализована на практике. В грузино-абхазском и грузино-югоосетинском конфликтах она уже не отвечала реальной обстановке, в приднестровском — была отложена вследствие «торпедирования» «меморандума Козака» в 2003 г., на востоке Украины продолжались активные боевые действия. Во всех случаях соглашение об ассоциации подписывалось до осуществления федерализации. С одной стороны, ФРГ тем самым стремилась обеспечить «точку невозврата» в принятии данного документа. С другой — де-факто, учитывая негативное восприятие соглашения об ассоциации «меньшей» стороной конфликта в каждом случае, этот шаг отнюдь не содействовал его урегулированию: конфликт в каждом случае мог лишь регулироваться, оставаясь в той или иной форме «подвешенного» состояния.

Однако достичь даже этого на востоке Украине оказалось весьма непростой задачей. Продолжая обвинять РФ в поддержке ДНР и ЛНР, ФРГ пыталась оказывать на российскую сторону разноплановое давление. Это не только расширение экономических санкций, самый мощный пакет которых был введен после уничтожения в воздушном пространстве над Донбассом малазийского пассажирского самолета 17 июля 2014 г., но и фактический временный отказ от «Нормандской четверки». Так, в июле — первой половине августа 2014 г. германо-французский тандем стал практиковать использование «троек»: сначала переговоры велись с одной внешней стороной (в основном с Киевом), а лишь потом — с другой (обычно РФ).

Со второй половины августа 2014 г. встречи в «Нормандском формате» активизировались. Это отражало некоторый рост готовности ФРГ к взаимодействию с РФ. Так, официальный Берлин позитивно расценил договоренности «Минск-1» (5 сентября 2014 г.), декларируя поддержку их реализации²⁹ и действительно оказывая определенное давление на власти в Киеве. Тем не менее провокационные вылазки как армии, так и военизированных формирований «добровольческих» батальонов привели в середине января 2015 г. к «разморозке» вооруженного конфликта.

В этой ситуации германо-французским тандемом была предпринята «челночная дипломатия»: канцлер ФРГ А. Меркель и президент Франции Ф. Олланд, перемещаясь из Киева в Москву и обратно, стремились выработать условия новой «стратегической сделки». В отличие от «Минска-1», в чьей выработке ведущую роль помимо ОБСЕ сыграла лишь РФ, «Минск-2» (12 февраля 2015 г.) как «дорожная карта» урегулирования разрабатывался при самом активном посредничестве участия Германии и Франции. Они обе, как и Россия, выступали не просто государствами-подписантами, но и гарантами «Минска-2»³⁰. Документ стал элементом кооперативной безопасности между Германией и Францией как представителями Евroatлантического сообщества, с одной стороны, и Россией — с другой.

Четвертый этап (март 2015 г. — июль 2020 г.) характеризовался отсутствием масштабных действий ФРГ на постсоветском пространстве: осуществлялась планомерная работа по укреплению стратегического присутствия. Так, к середине 2010-х годов была подведена юридическая основа — соглашения об ассоциации с ЕС — под установление сотрудничества с Украиной, Молдовой, Грузией.

Стремясь укрепить роль внешнего гаранта безопасности и территориальной целостности Киева, Кишинёва, Тбилиси, руководство ФРГ активно использовало фактор исторической памяти на фоне сохранения неурегулированных вооруженных конфликтов. При этом обходились вниманием Вторая мировая война и прежде всего Великая

²⁹ Gespräch über die Lage in der Ukraine im Normandie-Format. 17.10.2014 // URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/10/2014-10-17-merkel-normandie-format.html> (дата обращения: 12.02.2021).

³⁰ Полный текст Минских соглашений, 12 февраля 2015 г. // URL: <https://ria.ru/world/20150212/1047311428.html> (дата обращения: 12.02.2021).

Отечественная война. События той поры неизбежно актуализировали бы воспоминания о злодеяниях Третьего рейха, проводившего человеконенавистническую политику по отношению к населению СССР.

В Берлине старались сфокусироваться на двух периодах:

1) 1918 г., когда в течение нескольких месяцев Германская империя под своим протекторатом содействовала образованию ряда зависимых от нее национальных правительств. Речь идет прежде всего о гетманском режиме П. Скоропадского на Украине и Грузинской демократической республике³¹;

2) новейшей истории (в основном с конца 2000-х годов). ФРГ позиционировала себя защитницей государственности Грузии в 2008 г.³² и Украины в 2014–2015 гг.³³ от якобы наличествующей «российской угрозы».

Подобная позиция ФРГ не содействовала развитию российско-германской кооперации на постсоветском пространстве — ее объемы во второй половине 2010-х годов продолжили снижаться. Ключевым пунктом кооперации РФ и ФРГ стали попытки реализации «Минска-2». Наблюдалось постоянное «пробуксовывание» в деле имплементации как документа в целом, так и каждого из его блоков: общеполитического (сохранение ДНР и ЛНР в составе Украины в обмен на предоставление им особого статуса), миротворческого (комплекс мер по введению международного мониторинга по границам зоны боевых действий) и социально-экономического (восстановление Донбасса). Германская сторона неоднократно критиковала РФ, обходя вниманием факт саботирования имплементации «Минска-2» со стороны Киева³⁴, что не могло не вызывать негативной реакции уже со стороны России³⁵. По настоятельным просьбам украинского руководства, 10 мая 2018 г. в Аахене была проведена встреча лидеров Германии, Франции и Украины без участия России по вопросу урегулирования конфликта. Однако в итоговой конференции приняли участие только А. Меркель и Э. Макрон, дав понять Киеву, что необходимо хотя бы частично продвигаться по пути реализации «Минска-2»³⁶ и что Берлин и Париж не готовы «выключить» РФ из переговоров.

ФРГ достаточно болезненно восприняла запуск в 2017 г. администрацией Д. Трампа миссии специального представителя Государственного департамента США по вопросам Украины К. Волкера. Выступая неофициальной альтернативой «Нормандскому формату», этот механизм прежде всего являлся вызовом для ведущей роли, которую германо-французский тандем пытался играть в украинском урегулировании. Показательно, что руководство ФРГ ни разу не обозначило заинтересованности в налаживании координации

³¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Ministerpräsidenten von Georgien, Mamuka Bachtadse in Tiflis. 23.08.2018 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-ministerpraesidenten-von-georgien-mamuka-bachtadse-1506190> (дата обращения: 12.02.2021).

³² Ibidem.

³³ Außenminister Maas reist zum Unabhängigkeitstag in die Ukraine, 24.08.2020 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/ukraine-node/maas-kiew/2376744> (дата обращения: 12.02.2021).

³⁴ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem ukrainischen Präsidenten Petro Oleksijowytsch Poroschenko in Kiew. 1.11.2018 // Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-ukrainischen-praesidenten-petro-oleksijowytsch-poroschenko-1544910> (дата обращения: 12.02.2021).

³⁵ Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с годовщиной Парижского саммита «Нормандского формата», 9 декабря 2020 г. // URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-/asset_publisher/MCZ7HQumDqBY/content/id/4472961 (дата обращения: 12.02.2021).

³⁶ Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der Verleihung des Karlspreises am 10. Mai in Aachen. Donnerstag, 10. Mai 2018 // Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeskanzlerin-angela-merkel-anlaesslich-der-verleihung-des-karlspreises-am-10-mai-in-aachen-1008452> (дата обращения: 01.11.2019).

с миссией К. Волкера. Ее деятельность, особенно осенью 2017 г. — в первом полугодии 2018 г., стимулировала рост готовности Германии к использованию «Нормандского формата», а следовательно, и взаимодействию с РФ.

Во второй половине 2018 г. — начале 2019 г. наблюдалось, однако, очередное снижение интереса ФРГ к использованию «Нормандского формата»: там ожидали итогов президентских и парламентских выборов в Украине. У руководства ФРГ накопилась определенная усталость от работы с администрацией П. Порошенко. Несмотря на последовательно демонстрируемую дружественность Германии и Евroatлантическому сообществу, украинский политик не был готов существенно продвинуться по пути имплементации «Минска-2». Победа В. Зеленского на президентских выборах и завоевание его партией «Слуга народа» большинства в Верховной раде способствовали подъему германо-украинских отношений³⁷. Так, 9 декабря 2019 г. в Париже был проведен впервые с участием В. Зеленского саммит «Нормандского формата», который выработал комплекс из семи мер, направленных на реализацию «Минска-2»³⁸. Однако В. Зеленский не продемонстрировал готовности продвигаться по пути выполнения договоренностей. Лишь две из семи мер (обмен пленными по формуле «всех на всех» и введение режима прекращения огня) были выполнены, притом вторая с существенным опозданием³⁹.

В целом интенсивность диалога Германии и Украины в 2015–2019 гг. была выше, чем в случае контактов ФРГ с Кишинёвом, уступая лишь динамике германо-грузинских отношений. Так, во второй половине 2010-х годов вне работы различных переговорных площадок А. Меркель встречалась с президентом Украины и премьер-министром Грузии не менее одного раза в год. Показательно также, что большинство этих встреч проходило в Берлине, что подчеркивало роль ФРГ как старшего партнера при развитии двусторонних контактов.

О высоком уровне развития отношений с Грузией говорит тот факт, что с нее началось дипломатическое турне в страны Южного Кавказа А. Меркель в августе 2018 г. — в год 100-летия поддержки Германией вновь провозглашавших независимость государств Закавказья. Берлин вновь подчеркнул приверженность возвращению территорий Абхазии и Южной Осетии в состав грузинского государства, притом не выдвинув каких-либо инициатив для достижения прогресса в урегулировании. 24 августа 2018 г. А. Меркель провела встречу с премьер-министром Армении Н. Пашиняном. Канцлером была четко обозначена заинтересованность в сотрудничестве с этим политиком, бывшим оппозиционером, выступавшим за сближение страны с Евroatлантическим сообществом⁴⁰. ФРГ стала зондировать возможность подключиться к урегулированию нагорнокарабахского конфликта. Однако на фоне сближения с правительством Н. Пашиняна весьма ограниченные результаты были достигнуты в ходе переговоров А. Меркель и президента И. Алиева, состоявшихся 25 августа 2018 г.⁴¹

³⁷ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten der Ukraine, Selensky in Berlin. 18.06.2019 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-der-ukraine-selensky-1638778> (дата обращения: 12.02.2021).

³⁸ Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky am 9. Dezember 2019 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200> (дата обращения: 12.02.2021).

³⁹ Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой...

⁴⁰ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Nikol Paschinjan. Freitag, 24.08.2018 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-nikol-paschinjan-1506130> (дата обращения: 12.02.2021).

⁴¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Ilham Alijew. Samstag, 25. August 2018 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-ilham-alijew-1504726> (дата обращения: 12.02.2021).

Пятый этап участия ФРГ в урегулировании вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве следует начинать с августа 2020 г. Пандемия привела к масштабной «заморозке» мирополитических контактов. Тем не менее Берлин продемонстрировал повышенный интерес к вовлечению в разрешение вновь возникших кризисных ситуаций.

Выступления оппозиции после президентских выборов в Беларуси, завершившиеся победой А.Г. Лукашенко, в отличие от украинских событий не переросли в вооруженный конфликт. Однако Германия избрала курс на последовательную поддержку протестных сил и персонально С. Тихановской. Первоначально контакты развивались через Литву, а с сентября они стали уже прямыми. 6 октября 2020 г. состоялись переговоры А. Меркель и С. Тихановской⁴², не приведшие, однако, к активизации действий ФРГ на белорусском направлении. Германия оценила заявление России о недопустимости внешнего вмешательства в ход белорусских событий, т.е. интернационализации урегулирования проблемы. Подчеркивая уважение суверенитета Республики Беларусь (РБ), Москва четко и недвусмысленно обозначила готовность оказать ей любую помощь на основании соглашения о Союзном государстве (1996 г.). После этого состоялся телефонный разговор между А. Меркель и В.В. Путиным 18 августа 2020 г. С одной стороны, А. Меркель выразила обеспокоенность возможностью временного развертывания российских войск в Беларуси⁴³. С другой – лидер ФРГ не могла не осознать готовность России защищать интересы ближайшего союзника, не допуская под предлогом оказания поддержки оппозиции широкого международного вмешательства во внутренние дела РБ.

«Разморозка» вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе (НКР) оказалась неожиданностью для Берлина. ФРГ ограничилась призывами к сторонам конфликта – НКР, тесно связанной с ней Арменией и Азербайджану – вернуть решение споров исключительно в политическое русло. При этом был жестко осужден факт военной поддержки Азербайджана со стороны Турции⁴⁴.

Визит на Украину министра иностранных дел ФРГ Х. Мааса 24 августа 2020 г. – в день независимости страны – начался с посещения мемориального комплекса в ходе вооруженного конфликта на Донбассе. Глава МИД Германии подчеркнул роль своей страны в обеспечении безопасности и территориальной целостности Украины, существенно меньшее внимание уделив необходимости выполнения «Минска-2»⁴⁵.

В Молдавии победившая на президентских выборах М. Санду, известная своей прозападной ориентацией, предложила вывести российских миротворцев из Приднестровья и заменить их мониторинговой миссией ОБСЕ⁴⁶. Переход к этой схеме с перспективой свертывания мониторингового механизма ОБСЕ и замены его на аналогичный под эгидой ЕС, как это имело место в случае Абхазии и Южной Осетии в 2009 г., был направлен на постепенное «выключение» РФ из урегулирования, что в целом отвечало интересам ФРГ. Притом не учитывалось, что лишь миротворческое присутствие РФ выступало надежной и по сути единственной гарантией невозобновления боевых действий.

В целом, на этом этапе не произошло каких-либо существенных изменений в позиции ФРГ на тех направлениях урегулирования вооруженных конфликтов (грузино-абхазского, грузино-югоосетинского, приднестровского, на востоке Украины), где она

⁴² Тихановская встретилась с Меркель, 6 октября 2020 г. // URL: <https://www.dw.com/ru/tihanovskaja-vstretilas-s-merkel/a-55174652> (дата обращения: 12.02.2021).

⁴³ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin. 18.08.2020 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1777836> (дата обращения: 12.02.2021).

⁴⁴ Auswärtiges Amt zum Bergkarabach-Konflikt. 17.10.2020 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/aa-bergkarabach-konflikt/2406268> (дата обращения: 12.02.2021).

⁴⁵ Außenminister Maas reist zum Unabhängigkeitstag in die Ukraine...

⁴⁶ Майя Санду объяснила слова о выводе российских войск из Молдавии. 30.11.2020 // URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/11/2020/5fc4adb69a7947fd62c8f8e0> (дата обращения: 12.02.2021).

начала активно действовать ранее. Кроме того, Германия не сыграла заметной конструктивной роли ни в «разрядке» напряженности вокруг Беларуси, ни в урегулировании конфликта в НКР. На этом фоне закономерным стал глубокий спад в российско-германских отношениях, иллюстрацией чему – поведение Берлина в ходе сугубо политизированного «дела А. Навального».

* * *

С середины 1990-х по февраль 2015 г. ФРГ последовательно смогла подключиться к урегулированию всех вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, кроме нагорнокарабахского. В этом процессе она выступала в роли внешнего гаранта безопасности для бывших союзных республик, на территории которых эти очаги организованного насилия наличествовали, – Грузии, Молдовы и Украины. С марта 2015 г. ФРГ продолжала укреплять контакты с Тбилиси и Киевом, а также Кишинёвом, предприняв во второй половине 2020 г. в целом неудачные попытки повлиять на ход событий в Беларуси и подключиться к стабилизации ситуации в Нагорном Карабахе.

При этом германской дипломатии в принципе не удалось добиться прорыва в урегулировании ни одного из конфликтов. Берлин в принципе не был готов признать, что подписание и имплементация Грузией, Молдовой и Украиной соглашений с ЕС отнюдь не содействовало продвижению в урегулировании. Кроме того, наблюдался рост противоречий между ФРГ и РФ в их взаимодействии по урегулированию конфликтов на постсоветском пространстве, что усиливалось по мере нарастания объемов стратегического проникновения сюда Германии. Берлин не демонстрировал готовности к выстраиванию кооперативной, подразумевающей реальный учет западных игроков схемы безопасности. По сути, одним из немногих ее одиночных элементов оставались лишь договоренности «Минск-2».

Библиография / References

Кириллова А.Н. «Новая восточная политика» канцлера Герхарда Шрёдера и оранжевая революция на Украине // Клио. 2018. № 2. С. 109–111.

Кокеев А.М. Политика ФРГ в отношении стран СНГ в конце 1991 – середине 2000-х годов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 42–49.

Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с годовщиной парижского саммита «Нормандского формата», 9 декабря 2020 г. // URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4472961 (дата обращения: 12.02.2021).

Комментарий официального представителя МИД РФ А.К. Лукашевича в связи со срывом встречи механизма предотвращения и реагирования на инциденты в Гале 27 июня 2012 г. // URL: <https://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/c32577ca00173e5744257a2b006496df?OpenDocument> (дата обращения: 12.02.2021).

Меморандум по итогам встречи президента России Д. Медведева и федерального канцлера Германии А. Меркель, 4-5 июня 2010 г., г. Мезеберг // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/575> (дата обращения: 12.02.2021).

О встрече заместителя министра иностранных дел Г.В. Берденникова с послами стран, входящих в Группу друзей Генерального секретаря ООН по Грузии (Великобритания, Германия, США и Франция). 13.12.2000 // URL: <https://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005f432569b5004c6fb8?OpenDocument> (дата обращения: 12.02.2021).

О телефонном разговоре министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова с вице-канцлером, министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером. 10.08.2008 // URL: <https://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc32574a10063a056?OpenDocument> (дата обращения: 12.02.2021).

Фрольцов В.В. Политика ФРГ в отношении Украины в 1990–1994 гг.: основные тенденции // Журнал международного права и международных отношений. 2005. № 3. С. 22–27.

Frol'tsov V.V. Politika FRG v otnoshenii Ukrainy v 1990–1994 gg.: osnovnye tendentsii [FRG's policy towards Ukraine in 1990–1994: the key tendencies] // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarod-

nykh otnoshenii [Journal of International Law and International Relations]. 2005. № 3. S. 22–27. (In Russ.)

Kirillova A.N. “Novaya vostochnaya politika” kantslera Gerkharda Shredera i oranzhevaya revolyutsiya na Ukraine [“New Eastern policy” of the chancellor Schröder and “Orange Revolution” in Ukraine] // *Klio [Clio]*. 2018. № 2. S. 109–111. (In Russ.)

Kokeev A.M. Politika FRG v otnoshenii stran SNG v kontse 1991 – seredine 2000-kh godov [FRG’s policy towards the states of Post-Soviet space since the end of 1991 until middle 2000-s] // *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RANn [Analysis and forecast. IMEMO RAS Journal]*. 2019. № 4. S. 42–49. (In Russ.)

Kommentarii ofitsial’nogo predstavatelya MID RF A.K. Lukashevicha v svyazi so sryvom vstrechi mekhanizma predotvrashcheniya i reagirovaniya na insidenty v Gale 27 iyunya 2012 g. [Comments of the official representative of the Russian Foreign Ministry A.K. Lukashevich in connection with the disruption of the meeting of the incident prevention and response mechanism in Gale on June 27, 2012] // URL: <https://www.mid.ru/bdcomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/c32577ca00173e5744257-a2b006496df!OpenDocument> (access date: 12.02.2021). (In Russ.)

Kommentarii ofitsial’nogo predstavatelya MID Rossii M.V. Zakharovi v svyazi s godovshchinoi parizhskogo sammita “normandskogo formata” [Comments of the official representative of the Russian Foreign Ministry M.V. Zakharova on the anniversary of the Paris Normandy format summit]. 9.12.2020 // URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_prestavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HQumdqBY/con-tent/id/4472961 (access date: 12.02.2021). (In Russ.)

Memorandum po itogam vstrechi prezidenta Rossii D. Medvedeva i federal’nogo kantslera Germanii A. Merkel, 4–5 iyunya 2010 g., g. Mezeberg [Memorandum on the results of the meeting between Russian President D. Medvedev and German Federal Chancellor A. Merkel, June 4–5, 2010, Meseberg] // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/575> (access date: 12.02.2021). (In Russ.)

O telefonnom razgovore ministra inostrannykh del RF S.V. Lavrova s vitse-kantslerom, ministrom inostrannykh del FRG F.-V. Shtainmaierom [About the telephone conversation of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov with the Vice-Chancellor, Minister of Foreign Affairs of the Federal Republic of Germany F.-V. Steinmeier]. 10.08.2008 // URL: <https://www.mid.ru/bdcomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc32574a10063a056!OpenDocument> (access date: 12.02.2021). (In Russ.)

O vstreche zamestitelya ministra inostrannykh del G.V. Berdennikova s poslami stran, vkhodyashchikh v gruppu druzei general’nogo sekretarya OON po Gruzii (Velikobritaniya, Germaniya, SSHA i Frantsiya) [About the negotiations of Deputy Foreign Minister G.V. Berdennikov with the ambassadors of the countries included in the Group of friends of the UN Secretary General for Georgia (Great Britain, Germany, the USA and France)]. 13.12.2000 // URL: <https://www.mid.ru/bdcomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005f432569b5004c6fb8!OpenDocument> (access date: 12.02.2021). (In Russ.)

“Ein sehr fragiler Waffenstillstand” – Bundesaußenminister Steinmeier im Interview zu Georgien mit der Welt am Sonntag, 17.08.2008 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Inforservice/Presse/Interviews/2008/080817-BM-WamS.html> (access date: 12.02.2021).

Antwort der Bundesregierung auf die Große Anfrage der Fraktionen der CDU/CSU und FDP (Drucksache 12/5046). Unterstützung der Reformprozesse in den Staaten Mittel-, Südost- und Osteuropas (einschließlich der baltischen Staaten) sowie in den neuen unabhängigen Staaten auf dem Territorium der ehemaligen Sowjetunion. Deutscher Bundestag, 12. Wahlperiode. Drucksache 12/6162, 12.11.1993.

Außenminister Maas reist zum Unabhängigkeitstag in die Ukraine, 24.08.2020 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/ukraine-node/maas-kiew/2376744> (access date: 12.02.2021).

Auswärtiges Amt zum Bergkarabach-Konflikt. 17.10.2020 // URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/aa-bergkarabach-konflikt/2406268> (access date: 12.02.2021).

Bos E. Deutsche Interessen und Zielen im GUS-Raum // *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* / Hrsg. S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf. Wiesbaden, 2007. S. 456–461.

Bundeskaznlerin Merkel empfing die ukrainischen Oppositionsführer Arsenji Jazenjuk und Vitali Klitschko. 17.02.2014 // URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/02/2014-02-17-merkel-jazenjuk-klitschko.html> (access date: 12.02.2021).

Bundeskaznlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin. 18.08.2020 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskaznlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1777836> (access date: 12.02.2021).

Bundeskaznlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Staatspräsidenten Putin. 2.03.2014 // URL: <https://www.bundeskaznlerin.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/03/2014-03-02-telefonat-putin.html> (access date: 12.02.2021).

Deutsch-französische Versöhnung in den Südkaukasus tragen: Zweite Regionalkonferenz der Botschafterinnen und Botschafter aus Deutschland und Frankreich in Tiflis. 17.12.2016 // URL: https://www.auswaertiges-amt.de/nn_582140/sid_322FE765566059B79A2A28BCFAED4FE7/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Georgien/161219_dt_frz_Boko_Kaukasus.html?nnm-582158 (access date: 12.02.2021).

Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des "Eisernen Vorhangs" unter besonderer Berücksichtigung der Initiative "Weimarer Dreieck". Deutscher Bundestag, Wissenschaftliche Dienste. WD 2 - 3000 - 075/16. 17. Mai 2016.

Fischer S. Der Donbas-Konflikt. Berlin, 2019.

Gemeinsam für die Menschen. Weißbuch Multilateralismus der Bundesregierung. Berlin, 2021.

Gespräch über die Lage in der Ukraine im Normandie-Format. 17.10.2014 // URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/10/2014-10-17-merkel-normandie-format.html> (access date: 12.02.2021).

Halbach U., Musayev K. EU – Aserbaidschan: Nicht nur Energiepartner // SWP-Aktuell. 2011. Februar. № 11.

Klein M. Russlands Militärpolitik im postsowjetischen Raum. Berlin, 2018.

Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky am 9. Dezember 2019 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200> (access date: 12.02.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Ministerpräsidenten von Georgien, Mamuka Bachtadse in Tiflis. 23.08.2018 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeschkanzlerin-merkel-und-dem-ministerpraesidenten-von-georgien-mamuka-bachtadse-1506190> (access date: 12.02.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten der Ukraine, Selensky in Berlin. 18.06.2019 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeschkanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-der-ukraine-selensky-1638778> (access date: 12.02.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem ukrainischen Präsidenten Petro Oleksijowytsch Poroschenko in Kiew. 1.11.2018 // Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeschkanzlerin-merkel-und-dem-ukrainischen-praesidenten-petro-oleksijowytsch-poroschenko-1544910> (access date: 12.02.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Ministerpräsident Nikol Paschinjan. Freitag, 24.08.2018 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeschkanzlerin-merkel-und-ministerpraesident-nikol-paschinjan-1506130> (access date: 12.02.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident İlham Alijew. Samstag, 25. August 2018 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeschkanzlerin-merkel-und-praesident-ilham-alijew-1504726> (access date: 12.02.2021).

Pressesstatements von Bundeskanzlerin Merkel, dem Ministerpräsidenten der Republik Moldau, Leancă, dem Ministerpräsidenten von Georgien, Garibaschwili, und dem Ministerpräsidenten der Ukraine, Jazenjuk, am 28. Mai 2014 in Berlin. 28.05.2014 // URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressesstatements-von-bundeschkanzlerin-merkel-dem-ministerpraesidenten-der-republik-moldau-leanca-dem-ministerpraesidenten-von-georgien-garibaschwili-und-dem-ministerpraesidenten-der-ukraine-jazenjuk-am-28-mai-2014-844494> (access date: 12.02.2021).

Rede von Bundeskanzlerin Angela Merkel anlässlich der Verleihung des Karlspreises am 10. Mai in Aachen. Donnerstag, 10. Mai 2018 // Bundeskanzleramt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/rede-von-bundeschkanzlerin-angela-merkel-anlaesslich-der-verleihung-des-karlspreises-am-10-mai-in-aachen-1008452> (access date: 01.11.2019).

Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin zum Treffen der Staatsund Regierungschefs der Europäischen Union zur Lage in der Ukraine am 6. März 2014 // Plenarprotokoll 18/20. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. S. 1520D -1521A.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin, 2009.

Weissbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr (1994). Bonn, 1994.

Weissbuch zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr (2006). Berlin, 2006.

Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr (2016). Berlin, 2016.

DOI: 10.31857/S013038640015337-8

© 2022 г. Г.Л. КРЫЛОВ

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «САДРИСТСКОГО ТЕЧЕНИЯ» («АТ-ТАЙЯР АС-САДРИЙ») КАК УЧАСТНИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ ИРАКЕ

Крылов Герман Леонидович – соискатель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (Москва, Россия).

E-mail: german_krylov@mail.ru

Scopus Author ID: 57226016378; ORCID: 0000-0002-5838-6298

Аннотация. «Садристское течение» («ат-тайяр ас-садрий») заявило о себе сразу же после свержения режима Саддама Хусейна в результате вторжения США в 2003 г. Движение, действовавшее до этого скрытно, вышло из подполья и стало мощным фактором, серьезно скорректировавшим планы Вашингтона в Ираке.

Под эгидой Муктады ас-Садр, выступающего с лозунгами борьбы с коррупцией, равенства и социальной справедливости, объединились представители самых разных взглядов: от выучеников шиитских религиозных школ до сторонников левой идеологии. Однако отсутствие четкой иерархии и организационной структуры не дает Муктаде ас-Садру эффективно контролировать «садристское течение», на действиях которого отражается нестабильный и непредсказуемый характер самого лидера.

Имея тесные отношения с Ираном еще со времени противостояния американской оккупации, ас-Садр сохраняет значительную степень независимости от Тегерана, что, несмотря на декларативную лояльность хомейнистской идеологии, делает его весьма неудобным партнером. В целом ас-Садр предпочитает уходить от политической ответственности за действия правительства, ощущая себя комфортно в роли вечного критика и оппозиционера. В то же время он оказывал важную поддержку иракской власти в критические моменты: его сторонники принимали активное участие в деятельности шиитского народного ополчения в период противостояния ИГИЛ и в усилиях власти по сдерживанию и локализации массовых протестов в 2019–2020 гг. Кроме того, ас-Садр неизменно выступал в поддержку крайне осторожного курса правительства по интеграции подразделений шиитского народного ополчения в вооруженные силы Ирака и установлению таким образом государственной монополии на действия с оружием.

Ключевые слова: Ирак, шииты, политика, США, Иран, конфликт, Муктада ас-Садр.

G.L. Krylov

The Key Features of the Sadrist Movement (“At-Tayyar As-Sadri”) as a Player in the Political Process in Present-Day Iraq

German Krylov, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: german_krylov@mail.ru

Scopus Author ID: 57226016378; ORCID: 0000-0002-5838-6298

Abstract. The Sadrist Movement (“at-Tayyar as-Sadri”) broke into Iraqi politics in the immediate aftermath of the overthrow of Saddam Hussein’s government as a result of the US invasion in 2003.

The previously clandestine movement emerged from the shadows and proved to be a powerful force that dramatically adjusted Washington's plans for Iraq.

Muqtada as-Sadr who positions himself as an anti-corruption fighter and champion of equality and social justice, united under his umbrella people of sundry political views: from graduates of Shia religious schools to secular-minded left-wingers. As-Sadr's personality, shaded by the haloed figure of his father-martyr, Ayatollah Muhammad Sadiq as-Sadr, plays an essential role in consolidating such a vast variety of beliefs. Meanwhile, the absence of strict hierarchy and organizational structure inside the movement prevents Muqtada as-Sadr from effectively managing the "sadrists current", which at the same time is strongly influenced by his own instable and unpredictable character.

An old ally of Iran with the history of effective cooperation dating back to the times of anti-American resistance, as-Sadr maintains substantial independence from Tehran, despite his uttered support for the "Wilāyat al-Faḳīh" theory understood in large part identically with the ideological doctrine of the Islamic Republic, as it seems from as-Sadr's declarations. This makes him a hard but indispensable partner of Iranians in Iraq.

In general, as-Sadr prefers to avoid taking serious political responsibilities, feeling comfortable in a specific métier of gadfly and dissenter. However, he provided vital support for the government in crucial moments, as his supporters actively participated in the operations of popular mobilization forces against ISIS, as well as in actions aimed to moderate and curb the mass protests in 2019–2020. As-Sadr also repeatedly advocated the idea of the popular mobilization forces integration into the structures of the federal army, thus contributing to the latent government-led campaign of re-establishing the state's monopoly on armed operations.

Keywords: Iraq, Shia, politics, USA, Iran, conflict, Muqtada Al-Sadr.

Муктада ас-Садр вместе с возглавляемой им политической организацией, названной по его имени «садристским течением» (ат-тайяр ас-садрий), находится в центре иракской политической жизни со времени свержения американцами правительства Саддама Хусейна в 2003 г. За это время садристы эволюционировали от вооруженного формирования к влиятельной политической партии, имеющей немалую долю в разделе политических должностей в иракском государстве (мухасаса). При всей своей массовости и влиятельности садристское движение остается своего рода «терра инкогнита» для иностранного наблюдателя, в глазах которого неожиданные тактические кульбиты его лидера нередко остаются необъяснимыми: ас-Садр то поддерживает уличные антиправительственные протесты, то призывает демонстрантов разойтись; или же заявляет о необходимости включения сил ополчения (кувват аль-хашд аш-шаабий) в состав подразделений иракских вооруженных сил. Заявления ас-Садра заставляют предположить, что его взгляды на социальное устройство вращаются вокруг некоей модели «исламского социализма», однако четкого видения будущего страны его движение, как, впрочем, и все другие политические организации Ирака, так и не выработало. Относительно долгая история этого политического движения вкупе с отсутствием четко сформулированного представления о его целях и роли у его многочисленных сторонников, привлеченных постоянно озвучиваемыми ас-Садром популистскими идеями, замешанными на шиитской мифологии, привели и к появлению многочисленных трактовок садристской миссии и, как следствие, внутренней фрагментации и неоднородности этой политической силы.

Готовя вторжение в Ирак, Вашингтон изучал сценарии будущего устройства страны, опираясь на представленный в эмиграции спектр иракских политических сил, однако сразу же по прибытии в страну глава временной администрации коалиции Пол Бремер четко осознал, что множество внутренних факторов остались неучтенными¹. При Саддаме Хусейне в Ираке все внешние политические проявления были монополизированы правящей диктатурой, оппозиционные же настроения были сокрыты в глубине иракского социума и проявились лишь после свержения режима. Американцы не

¹ *Bremer L.P., McConnel M. My Years in Iraq. New York, 2006. P. 79–82.*

учли потенциал Муктады ас-Садра: его «Армия Махди», сформированная из числа многочисленных фанатичных представителей иракских низов, которые, несмотря на отсутствие систематической военной подготовки, сражались отчаянно, оказалась серьезным противником для размещенных в Ираке регулярных войск США.

Глубинное «садристское течение» формировалось в сельских районах и бедных городских кварталах, населенных шиитами, в 1990-х годах под влиянием авторитета отца Муктады ас-Садра, аятоллы Мухаммада Садека ас-Садра (прозванного в стиле принятой у шиитов нумерологической символики Садром Вторым, ставшим «мучеником» после Садра Первого – Мухаммада Бақыра ас-Садра, который был убит агентами спецслужб Саддама Хусейна в 1980 г.). Ввергнутая в нищету чередой войн и международных санкций, шиитская беднота нашла своего лидера в лице религиозного авторитета, сохранившего достоинство в условиях тоталитарного давления и не покинувшего Ирак и прозванного за это в народе «белым львом» (по цвету седой бороды). Вместе с тем ряд авторов полагают, что Садр Второй не мог достичь столь высокого положения в иерархии шиитов Ирака без неких негласных договоренностей с режимом и его убийство в 1999 г. стало результатом несоблюдения этих договоренностей². Известно, что в 1998 г. Мухаммад Садек ас-Садр направил своих представителей в иранский шиитский центр Кум, однако тамошнее духовенство встретило их холодно, если не враждебно. Так, аятолла Казым Хусейн аль-Хаири даже выгнал эмиссара Садра Второго – Абу Сейфа аль-Ваили – из своего дома, обвинив его в работе на баасистские спецслужбы³. Правда, в будущем это не помешало аятолле аль-Хаири стать марджи таклид («авторитетом для подражания») для «садристского течения». В шиитском исламе марджи таклид – это религиозный авторитет, практически всегда обладающий академической степенью аятоллы, фетвам (религиозным предписаниям) которого следует определенная группа людей. Так, для большинства шиитов Ирака марджи таклид – это аятолла Али ас-Систани. Однако Муктада ас-Садр и значительная часть его сторонников ориентируется на проживающего в иранском Куме аятоллу Казыма Хусейна аль-Хаири как на маржи таклид. Уроженец Кербелы и выученик ее религиозно-академической школы (хаузы), аль-Хаири был ближайшим учеником Мухаммада Бақыра ас-Садра (Садра Первого). Это было одним из решающих факторов выбора Муктадой ас-Садром аятоллы аль-Хаири в качестве марджи таклид.

Признание иранскими религиозными кругами Мухаммада Садека ас-Садра принесла лишь смерть от рук предполагаемых агентов Саддама Хусейна в феврале 1999 г., придавшая ему мученический ореол. Вскоре после убийства его и двух его старших сыновей – Мустафы и Муамиля – на выходе из мечети в Куфе государственное телевидение Ирака показало видеозапись, преподнесенную как признательные показания убийц и их сообщников. По официальной версии, преступление совершила группа оппонентов Мухаммеда Садека ас-Садра из числа шиитского духовенства. Обвиняемых оперативно приговорили к высшей мере наказания и привели приговор в исполнение. Саддам Хусейн направил письмо с выражением соболезнования, ответ на которое в стандартном «верноподданническом» стиле того времени был опубликован в газетах за подписью «Муктада ас-Садр с семьей»⁴. Это первое упоминание будущего религиозно-политического лидера в СМИ.

² Iraq's Muqtada Al-Sadr: Spoiler or Stabiliser? // Middle East Report. International Crisis Group, 11.VII.2006. P. 3; *Cockburn P.* Muqtada: Muqtada al-Sadr, the Shia Revival and the Struggle for Iraq. London, 2008. P. 79; *Baram A.* Sadr the Father, Sadr the Son, the “Revolution in Shi’ism”, and the Struggle for Power in the Hawzah of Najaf // Iraq Between Occupations. London, 2010. P. 144; *Al-Hayun R.* 100 ‘am min al-islam as-siyasiy fi-l-‘Iraq: ah-shi’a (100 Years of Political Islam in Iraq: the Shias). Vol. 1. Dubai, 2011. P. 371; *Marr Ph.* The Modern History of Iraq. Philadelphia, 2012. P. 249.

³ *Al-Hayun R.* Op. cit. P. 383–384.

⁴ *Ibid.* P. 413.

Сторонники Мухаммеда Садека ас-Садра изначально были сравнительно слабо представлены в иракской политической эмиграции. На конференции иракской оппозиции в Лондоне в декабре 2002 г. одним из периферийных участников была политическая организация «Тайяр аль-имам ас-Садр» («Течение имама ас-Садра»), однако и она не ассоциировалось тогда с именем сына имама – Муктады⁵.

В мировых и межарабских СМИ имя Муктады ас-Садра звучало сразу вскоре установления американского контроля над Багдадом в связи с убийством Абдулмаджида аль-Хои, видного шиитского религиозного деятеля и критика Саддама Хусейна, с 1991 г. проживавшего в Лондоне, в иракский Эн-Наджаф он вернулся в начале апреля. Враждебно настроенная толпа встретила аль-Хои и хранителя Мечети имама Али в Эн-Наджафе, главной шиитской святыни, Хайдара аль-Каллидара ар-Руфайи, близ офиса последнего. Аль-Хои, ар-Руфайи и еще один недавно вернувшийся в Ирак бывший политический эмигрант были жестоко избиты и скончались на месте (аль-Хои оттащили в ближайший переулок и там застрелили). Именно с этим преступлением и связаны многочисленные публикации в СМИ, упоминавшие имя Муктады ас-Садра. По словам представителя иракских следственных органов, занимавшегося этим делом, Муктада ас-Садр был главным подозреваемым в этом деле. Однако спустя год он так и не был допрошен в этом качестве в суде, несмотря на американские заявления, что они намерены обеспечить правосудие и арестовать ас-Садра на основании этих подозрений⁶. Последовавшие в августе 2004 г. боевые действия между «Армией Махди» и американскими вооруженными силами в Эн-Наджафе, в ходе которых преимущество было отнюдь не на стороне американцев, сделало ас-Садра недосягаемым для курируемых представителями администрации Бремера судебных органов Ирака.

Среди американских исследователей бытует точка зрения, что вооруженные выступления «Армии Махди» в Эн-Наджафе в 2004 г. были попыткой установить контроль над этим важным религиозным центром⁷. По их мнению, усилия американских военных по демилитаризации вооруженных шиитских группировок непрямым образом укрепляли позиции официального иракского шиитского истеблишмента во главе с аятоллой Али ас-Систани.

Сравнительно плохо вооруженные, организованные и обученные бойцы «Армии Махди», с одной стороны, были легкой мишенью для американцев, с другой – их действия было сложно предсказать. Важным преимуществом была и готовность к смерти этих фанатиков из низов, которым нечего было терять. Впоследствии из ее состава выделились несколько воевавших подразделений – «специальных групп», изначально находившихся под оперативным командованием Кайса аль-Хазаали, за координацию взаимодействия которых с другими шиитскими формированиями отвечал руководитель зарубежных операций иранского Корпуса стражей исламской революции генерал Касем Сулеймани. В таких условиях контроль ас-Садра над деятельностью этих спецгрупп во многих случаях был чисто номинальным⁸.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ БАЗА ДВИЖЕНИЯ МУКТАДЫ АС-САДРА

Столь громко заявившее о себе после свержения Саддама Хусейна религиозно-политическое движение во главе с Муктадой ас-Садром возникло не на пустом месте.

⁵ Ibid. P. 353.

⁶ *Fayadh M. Qadhi at-tahqiq al-'iraqi fu qadiyah maqatl Abdulmajid al-Khoi li "Ash-Sharq al-Awsat"*: Shihadat as-shuhud wa i'tirafart muttahamin mu'taqalin wa qarain maddiya tuakkid tawjih al-ittiham li Muqtada as-Sadr (Iraqi Judge investigating the case of Abdulmajid al-Khoi assassination to "As-Sharq al-Awsat": Evidence of eyewitnesses, admissions of arrested accused persons and material evidence support charges against Muqtada as-Sadr) // *Ash-Sharq al-Awsat*, 25.IV.2004. № 9280. URL: <https://archive.aawsat.com/details.asp?issueno-9165&article-230538#.YKSjJ0kUk08> (дата обращения: 19.05.2021).

⁷ *D'Cruz B.R., Mansour R. Making Sense of the Sadrists: Fragmentation and Unstable Politics // Iraq in Transition: Competing Actors and Complicated Politics. USA, 2020. P. 10.*

⁸ Ibid. P. 31.

Базой для него служили структуры и методы, созданные и отработанные сторонниками его отца из числа представителей духовенства. Религиозные институты Эн-Наджафа и Кербелы были и центрами религиозного туризма, приносящими немалый доход. Участие в контролировании этих финансовых потоков во многом определяло место того или иного деятеля в шиитской иерархии, причем речь шла не об одном человеке, но о целой группе его последователей и сторонников. В организации и осуществлении всех этих процессов принимали участие многие шиитские религиозные деятели, сплотившиеся вокруг Мухаммеда Садека ас-Садра в 1990-х годах.

Впоследствии именно они составили «Офис мученика ас-Садра». Надо сказать, что и при жизни Мухаммада Садека ас-Садра они не были едины. Отсутствовала четкая система вертикальной иерархии, которая просто не могла возникнуть в условиях тоталитарного режима Саддама Хусейна, — спецслужбы внимательно следили за любыми попытками создания внесистемных объединений.

После свержения правительства Саддама Муктады ас-Садр также не озаботился созданием формализованной структуры движения. Внутренняя иерархия определялась не должностями, но в первую очередь близостью к лидеру, наличием неформальных отношений. Профессиональный бэкграунд Муктады ас-Садр определял и род занятий большинства его приближенных — это были представители шиитских религиозных кругов, имевшие с ним личные связи, такие как Мустафа и Мухаммад аль-Якуби, Ахмад Шайбани, Мухаммад Табтабаи, Рияд ан-Нури, Кайс и Лейс аль-Хазаали, Джаббар аль-Хаффаджи, Валид аль-Кураймауи, Асаад ан-Насири и др. Дружба могла смениться непониманием или даже враждой, особенно, если ты критиковал своего лидера. Соответственно менялось и место человека в рамках «садристского течения» (об этом, в частности, свидетельствуют материалы допроса Кайса аль-Хазаали оперативниками ЦРУ в период его содержания под стражей в 2007–2010 гг.⁹). В этом смысле Муктады ас-Садр не был уникален: личные неформальные отношения традиционно играли большую роль в обеспечении преемственности в шиитских религиозных структурах¹⁰, что естественным образом сохранялось и в тех случаях, когда эти религиозные структуры начинали играть политическую роль.

Быстрому восхождению политической звезды Муктады ас-Садра после свержения Саддама Хусейна способствовало то, что его сторонники действовали исключительно в Ираке, несмотря на грозившую им опасность со стороны спецслужб режима. Другие оппозиционеры, претендовавшие на власть, фактически были импортированы американцами: большинство из них в течение долгого времени проживали в эмиграции и не были известны населению. С точки зрения наличия политического ресурса садристы были одной из немногих политических сил в Ираке, не нуждавшихся в поддержке американцев: имевшаяся организационная структура обеспечивала их финансами (через сбор закята и другие пожертвования), мобилиационной базой как для боевых действий и силовых акций (в составе «Армии Махди» и образовавшихся на ее основе формирований), так и для массовых демонстраций, необходимых для давления на власть; сакральное реноме «мученика» Мухаммада Садека ас-Садра давало мощную опору их нехитрой идеологии. Этот политический ресурс активно использовался Муктадой ас-Садром, выступавшим то как элемент дестабилизации политической системы (посредством вооруженных и протестных акций); то, наоборот, как восстановитель ее стабильности (участвуя в закулисных переговорах между различными конкурирующими группами политической элиты).

⁹ The Qayis al-Khazali Papers, Tactical Interrogation Report of Qayis Hadi Sa'id al-Khazali – 1. American Enterprise Institute // URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/08/TIR-1.pdf?x91208> (дата обращения: 23.05.2021).

¹⁰ Corboz E. Guardians of Shi'ism: Sacred Authority and Transnational Family Network. Edinburgh, 2016. P. 44–45.

Обладая безусловным авторитетом в «Армии Махди», Муктада ас-Садр не контролировал деятельность ее командиров на местах и вмешивался в возникавшие конфликты между правительственными силовыми структурами и группами своей разношерстной «армии» уже постфактум в качестве миротворца, когда кризис достигал опасных масштабов. Так было в октябре 2006 г., когда в ходе стихийно вспыхнувшего бунта (его причиной стало задержание иракской полицией активиста «Армии Махди» по подозрению в убийстве главы следственного управления провинции Мисан Касема Тамими, бывшего активистом конкурирующей с садристами проиранской Организации Бадр) «Армия Махди» взяла под контроль административный центр провинции Мисан – Амару, продемонстрировав свой силовой потенциал. За Амарой в августе 2007 г. последовала Кербела, где «Армия Махди» вступила в силовое противостояние с иракской полицией. Муктада ас-Садр призвал своих сторонников прекратить боевые действия. «Армия Махди» объявила полугодичное перемирие, продленное затем еще на полгода. Эти перемирия носили чисто декларативный характер, не имея под собой никаких юридических оснований. Очевидно, правительство Ирака не считало себя связанным какими-либо обязательствами перед «Армией Махди», и поэтому уже 25 марта 2008 г. подразделения иракских вооруженных сил начали операцию против садристских боевиков в Басре, в ответ на что «Армия Махди» начала кампанию гражданского неповиновения во всех шиитских районах Ирака. Действия иракского государства по противостоянию «Армии Махди» активно поддерживали американцы¹¹. В мае 2008 г. было заключено новое соглашение о перемирии с «Армией Махди», потерявшей за время этого полуторамесячного обострения (с 25 марта по 11 мая 2008 г.) от 700 до 1000 человек убитыми и ранеными.

28 августа 2008 г. Муктада ас-Садр объявил о приостановлении деятельности «Армии Махди» на неопределенный срок, отлучив всех нарушителей этого распоряжения от принадлежности к возглавляемому им течению. Место «Армии Махди» должна была занять организация «Аль-Мумаххидун» («Приготавливающие»), представляющая собой «культурный проект»¹². Правда, уже в ноябре 2008 г. Муктада ас-Садр объявил о создании «Лива аль-яум аль-мав'уд» («Бригады обетованного дня» – так в исламской эсхатологии называют Судный день), новой вооруженной группировки, которая, по его словам, должна была объединить все патриотические силы Ирака для оказания вооруженного давления на США в случае подписания иракско-американского соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности (соглашение о статусе сил)¹³. Иракский парламент ратифицировал это соглашение (Соглашение между США и Республикой Ирак о выводе ВС США из Ирака и организации их деятельности в период их временного присутствия в Ираке) 27 ноября 2008 г., что вызвало волну протестов. Муктада ас-Садр призвал к трехдневным мирным демонстрациям против принятия документа; верховный лидер шиитов Ирака аятолла Али ас-Систани заявил, что соглашение ставит под сомнение суверенитет иракского государства, а суннитская Ассоциация мусульманских улемов назвала документ «легитимизацией оккупации». Пакт все же был подписан главами государств во время визита президента США Джорджа Буша в Багдад 14 декабря 2008 г. (на пресс-конференции Буша журналист иракского телеканала «Аль-Багдадия» бросил в него обувь, что считается у арабов большим оскорблением), какой-либо заметной

¹¹ Cordesman A.H., Ramos J. Sadr and the Mahdi Army: Evolution, Capabilities, and a New Direction. Washington, 2008. P. 18–22.

¹² As-Sadr yumaddid tajmid “Jeish al-Mahdi” fi-l-‘Iraq ila “ajal gheyr musamma” (As-Sadr prolongs freezing of the “Army of Mahdi” “indefinitely”) // Alarabiya.net. 28.08.2008. URL: <https://www.alarabiya.net/articles/2008%2F08%2F28%2F55618> (дата обращения: 21.05.2021).

¹³ As-Sadr yu’lin tashkil “Liwa al-yawm al-maw’ud” li muharabat al-amirkiyin fi hal baqaihim fi-l-‘Iraq (As-Sadr announces creation of the “Promised day Brigade” to fight Americans in case they stay in Iraq) // Aawsat.com. 15.11.2008. URL: <https://archive.aawsat.com/details.asp?section-4&issue-no-10945&article-494985#.YKedfkkUk08> (дата обращения: 21.05.2021).

эскалации со стороны «Бригады обетованного дня» не последовало. Зато садристы показали себя в октябре 2009 г., когда вступили в вооруженное противостояние с другой шиитской вооруженной группировкой «Асаиб ахль аль-хакк» («Отряды людей правды») Кайса аль-Хазаали, отколовшейся от «Армии Махди» в 2004 г.¹⁴, за контроль над 2-миллионным пригородом Багдада – Мадинат ас-Садр.

В 2014 г., когда ИГИЛ установила контроль за обширными территориями к северу и востоку от Багдада, Муктада ас-Садр объявил о создании еще одной вооруженной группировки – «Сарая ас-салам» («Отряды мира»). Как осуществлялась координация деятельности между этими одновременно существовавшими вооруженными формированиями, было ли вообще какое-либо четкое разграничение между этими отрядами и насколько они реально подчинялись ас-Садру, сказать трудно. Как бы то ни было, в феврале 2015 г. Муктада ас-Садр заявил о замораживании деятельности «Бригады обетованного дня» и «Отрядов мира» на неопределенное время и подтвердил ранее принятое аналогичное решение в отношении «Армии Махди» в качестве жеста доброй воли, призвав участников политического процесса в Ираке не выходить из него¹⁵. Впоследствии, 1 октября 2020 г., Муктада ас-Садр в официальном заявлении многозначительно напомнил, что, хотя «Армия Махди» и «Бригада обетованного дня» и находятся в полной боеготовности, решение о замораживании их деятельности остается в силе¹⁶.

ПОИСК НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ: ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ СО СВЕТСКИМИ АКТИВИСТАМИ

Сформированный по итогам выборов 30 апреля 2014 г. парламент долго не мог определиться с кандидатурой премьер-министра. Премьер-министр Нури аль-Малики, партия которого «Государство закона» завоевала 92 из 328 депутатских мест, имел все основания надеяться возглавить правительство в третий раз, однако после потери иракскими правительственными войсками контроля над Мосулом он уже не имел поддержки США, Ирана и иракских политических лидеров. Муктада ас-Садр в знак протеста против неспособности парламентских сил определить кандидата на пост премьер-министра вывел своих сторонников на улицы и сам же потом призвал их разойтись, пытаясь предстать в глазах общественного мнения выразителем национальных интересов. Лишь в августе 2014 г. президент Фуад Маасум выдвинул кандидатуру Хайдара аль-Аббади и поручил ему формирование нового правительства, которое после утверждения парламентом в сентябре приступило к работе.

Протесты с активным участием садристов имели место летом 2015 г. в Багдаде, Эн-Насирии и Эн-Наджафе, причем сторонники ас-Садра выходили на улицы без каких-либо призывов со стороны своего лидера. Будучи в подавляющем большинстве выходцами из социальных низов, они на себе ощущали последствия всеобъемлющего кризиса, поразившего жизненно важные сферы – энерго- и коммунальное хозяйства, образование и здравоохранение и т.д. Демонстранты требовали от премьер-министра уволить коррумпированных членов правительства. Протестные вспышки продолжились, в 2016 г. самой яркой из них стало проникновение демонстрантов в зал иракского

¹⁴ *Rajab A.* 'Asaib Ahl ak-Haq (People of Truth Detachments) // *Islamist-movements.com*. 20.07.2020. URL: <https://www.islamist-movements.com/54311> (дата обращения: 21.05.2021).

¹⁵ *Muqtada as-Sadr yu'lin tajmid "Liwa al-Yawm al-Maw'ud" wa "Saraya as-Salam" wa yad'u li 'adam insihab min al-'amaliya as-siyasiya bi-l-'Iraq* (Muqtada as-Sadr announces freezing of "Liwa al-Yawm al-Maw'ud" and "Saraya as-Salam" and calls not to withdraw from the political process in Iraq) // *Arabic,cnn.com*. 17.02.2015. URL: <https://arabic.cnn.com/middleeast/2015/02/17/sadr-iraq-militias-activities?form-MY01SV&OCID-MY01SV> (дата обращения: 21.05.2021).

¹⁶ *Muqtada as-Sadr yu'lin istimrar tajmid Jeish al-Mahdi wa Liwa al-Yawm al-Maw'ud* (Muqtada as-Sadr Announces Continuation of "Army of Mahdi" and "Promised Day Brigades Freezing") // *Ninanews.com*. 01.10.2020. URL: <https://ninanews.com/Website/News/Details?Key-860151> (дата обращения: 21.05.2021).

парламента в багдадской «зеленой зоне» после того, как депутаты не поддержали новые назначения в правительстве аль-Аббади. В ходе этих протестов садристы благодаря ас-Садру, который, будучи не вполне способным контролировать выступления своих сторонников, решил их возглавить, наладили контакты с представителями политических сил светской направленности. Так родился альянс «Саирун лиль-ислах» («Идущие к реформам»), объединивший садристов, коммунистов и представителей еще пяти небольших светских партий во время избирательной кампании 2018 г. Правда, удельный вес левых политиков был совсем невелик – парламентариями от «Саирун» стали лишь два коммуниста (из 54 депутатов фракции), да и те отказались от мандатов после начала массовых протестов в октябре 2019 г. в знак солидарности с демонстрантами¹⁷.

Участвуя в протестах 2015–2016 гг., садристы по указанию Муктады ас-Садр избегали использования каких-либо символов, подчеркивающих их политико-религиозную принадлежность¹⁸. Муктада ас-Садр стал первым шиитом-исламитом, обратившимся к носителям светского мировоззрения с предложением объединить усилия в борьбе за формирование правительства профессионалов-технократов вместо кабинета политических назначенцев и коррупционеров, против неофициальной и непоколебимой системы «квотирования» государственных должностей по различным политическим партиям и объединениям, за построение «гражданского государства». Последнее словосочетание происходит от привычных – «гражданское общество» и «светское государство» – и является своеобразным «ноу-хау» шиитского садристского движения, для которого лозунг построения светского государства является неприемлемым. Словосочетание «гражданское государство» содержит идею народного представительства и социальной ответственности каждого гражданина, что способно привлечь не только сторонников светских взглядов, но и носителей религиозного мировоззрения. Многие иракцы, уставшие от межконфессиональных разногласий, поддержали «Саирун» – в результате блок получил большинство голосов на парламентских выборах в мае 2018 г.

Когда 1 октября 2019 г. в Ираке начались массовые антиправительственные протесты с требованием политических реформ и борьбы с коррупцией, Муктада ас-Садр, известный своей популистской позицией (даже имея большинство в парламенте, он все равно выступал в качестве оппозиционера, предпочитая не брать на себя ответственность за формирование программы действий правительства), не мог не выступить в их поддержку. В какой-то степени он даже вынужден был это сделать, дабы, как и в 2015–2016 гг., возглавить в значительной степени спонтанные выступления своих сторонников, которые он не вполне мог контролировать. Есть сведения, что до половины палаток, разбитых на багдадской центральной площади Тахрир в октябре 2019 г., принадлежало садристам¹⁹.

¹⁷ Al-‘Iraq. Istiqlal arba’at nuwwab tadhamunan ma’a-l-mutadahirin (Iraq: Resignation of four deputies to express solidarity with the demonstrators) // Alhurra.com. 27.10.2019. URL: <https://www.alhurra.com/iraq/2019/10/27/%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82-%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D9%82%D8%A7%D9%84%D8%A9-%D8%A3%D8%B1%D8%A8-%D8%B9%D8%A9-%D9%86%D9%88%D8%A7%D8%A8-%D8%AA%D8%B6%D8%A7%D9%85-%D9%86%D8%A7-%D9%85%D8%B9-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AA%D8%B8%D8%A7-%D9%87%D8%B1%D9%8A%D9%86> (дата обращения: 31.05.2021).

¹⁸ As-Sadr yarfuḍh raf’ suwarih bi-l-ihitijajat wa yutalib bi ‘adam shumul al-madaris al-ibtidaiya wa-l-qita’ as-sihhiy fi-i-idhrab (As-Sadr objects against raising his pictures during the protests and calls not to involve elementary schools and health sector in the strike) // Alsumaria.tv. 23.11.2019. URL: <https://www.alsumaria.tv/news/%D8%B3%D9%8A%D8%A7%D8%B3%D8%A9/325812/%D8%A7%D9%84%D8%B5%D8%AF%D8%B1-%D9%8A%D8%B1%D9%81%D8%B6-%D8%B1%D9%81%D8%B9-%D8%B5%D9%88%D8%B1%D9%87-%D9%81%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%AF%D8%AD-%D8%AA%D8%AC%D8%A7%D8%AC%D8%A7%D8%AA-%D9%88%D8%B9%D8%AF%D9%85-%D8%B4%D9%85%D9%88%D9%84-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%AF%D8%A7%D8%B1> (дата обращения: 22.05.2021).

¹⁹ D’Cruz B.R., Mansour R. Op. cit. P. 25.

Протесты в стиле киевского майдана (с ночующими в палатках на центральных площадях Багдада молодыми людьми без определенных занятий, столкновениями сил безопасности с демонстрантами, неизвестными снайперами, разрабатываемой ангажированными СМИ героикой «мучеников», горящими покрышками, перекрытыми улицами и т.п.) затянулись. Даже отставка правительства Абдульмахи 1 декабря 2019 г. не положила им предел.

В лагере протестующих стали отчетливо раздаваться антииранские лозунги, затрагивающие и лояльных Тегерану иракских шиитских политиков, в том числе и самого ас-Садра. И лидер садристов перешел от обычной для себя демагогии к конкретике, в столь же обычном для себя резком и бескомпромиссном стиле, обрушив на «революционеров» резкую критику. «Если бы я был лидером революции, я бы ее прекратил в тот же день, в тот же миг... Да, немного насилия нужно [для революции], но именно немного, не три-четыре месяца без еды, питья, школ, больниц, занятий в школах и университетах – один-два дня, ну один-два месяца, и хватит», – заявил ас-Садр в телеинтервью иракскому каналу «Аш-Шаркия» 24 февраля 2020 г.²⁰ После такого выступления среди демонстрантов стало заметно меньше организаторов раздачи еды и воды за счет оттока имеющих подобный опыт активистов-садристов; на улицах появились «голубые кепки» – молодые сторонники ас-Садра в головных уборах соответствующего цвета, вступавшие в столкновения с протестующими, требуя прекращения демонстраций и восстановления нормальной жизни. Правда, среди «голубых кепок» находились и те, кто, следуя велению сердца, вступался за демонстрантов, когда на них нападали организованные группы неизвестных в масках (по неофициальной информации – члены отрядов проиранского шиитского ополчения, среди которых вполне могли оказаться сторонники того же ас-Садра, иначе видящие свою роль в данной ситуации)²¹.

Одной из причин столь резкого изменения позиции ас-Садра считалось давление на него со стороны Тегерана: в Иране постоянно проживает его родной брат Муртада, да и сам ас-Садр имеет иранский вид на жительство. Представители духовенства из садристов даже призывали игнорировать требования Муктады ас-Садра, исходя из якобы изданной еще его отцом фетвы не подчиняться исходящим от него приказам прекратить оппозиционную деятельность, в случае появления таковых, так как они могут быть обусловлены давлением саддамовской диктатуры²².

7 декабря 2019 г. неизвестный беспилотник обстрелял дом ас-Садра в Эн-Наджафе на следующий день после того, как группа неизвестных, вооруженных огнестрельным и холодным оружием, атаковала антиправительственных демонстрантов в центре Багдада²³. Садристы обвинили в этом проиранские силы. Однако отсутствие доказательств этого не исключает возможность того, что эта провокация была организована силами, заинтересованными в продолжении антиправительственных (и антииранских) демонстраций. Очевидно, что ас-Садр, имеющий давние связи с Ираном, контролирующий свою долю государственных должностей в рамках неофициальной системы их политического квотирования и комфортно чувствующий себя в роли вечного критика правительства с популистских позиций, не имел оснований всерьез поддерживать не им организованные массовые протесты.

Очень кстати для ас-Садра стала ликвидация на выезде из Багдадского аэропорта в ночь со 2 на 3 января 2020 г. командующего иранским корпусом Аль-Кудс генерала

²⁰ Fi mutanawal al-yad... Muqtada as-Sadr fi hiwar sarih wa muthir (Within arm's reach... Muqtada as-Sadr in a fare and thrilling interview) // Youtube.com. 24.02.2020. URL: <https://youtu.be/Dz1f95ER854> (дата обращения: 29.05.2021).

²¹ D'Cruz B.R., Mansour R. Op. cit. P. 25.

²² Ibid. P. 27.

²³ Drone attack targets Iraqi cleric's home following deadly attack on protesters. // France 24. 07.12.2019. URL: <https://www.france24.com/en/20191207-drone-attack-targets-iraqi-cleric-s-home-following-deadly-attack-on-protesters> (дата обращения: 29.05.2021).

Касима Сулеймани, куратора зарубежных операций Корпуса стражей исламской революции, и заместителя командующего иракским шиитским ополчением Абу Махди аль-Мухандиса. Авиаудар, осуществленный американским беспилотником, без сомнения, был важен для президента США Дональда Трампа, стремившегося таким образом поднять свой рейтинг перед выборами. Этот громкий инцидент сплотил иракское шиитское сообщество и сделал временно неактуальной критику Ирана. Ас-Садр вновь вышел на первый план, приняв участие во встречах лидеров шиитских вооруженных формирований иракского народного ополчения (аль-хашд аш-шаабий) в иранском городе Кум. В ночь с 11 на 12 января 2020 г. ас-Садр обсуждал сложившуюся ситуацию с Хади аль-Амири, влиятельным иракским парламентарием и лидером проиранской «Организации Бадр» — старейшего из всех формирований, влившихся в аль-хашд аш-шаабий, а 13 января там же переговорил с другими главами группировок: Абу Валя аль-Валяй («Катаиб сейид аш-шухада»), Лейсом аль-Хазаали («Асаиб ахль аль-хакк»), Акрамом аль-Кааби («Харакат Хезболла ан-Нуджаба») и Абу Дуа Иссауи («Сарая ас-салам»), которые якобы признали его «главой сопротивления»²⁴.

Ас-Садр некоторое время действительно был выразителем народного негодования. 24 января 2020 г. он организовал «миллионный марш» против военного присутствия США в Ираке (конечно, до миллиона там было далеко, но даже десятки тысяч демонстрантов, вышедших на несколько часов на улицу, выглядели достаточно убедительно). После положенного траура по погибшим и требуемого приличием «негодования масс» волна патриотического подъема спала. В мае 2020 г. парламент утвердил премьер-министром Мустафу аль-Казыми, бывшего главу Национальной службы разведки Ирака, известного давним сотрудничеством со спецслужбами США.

Осенью 2020 г. Муктада ас-Садр весьма органично подключился к последовательно проводимой главами трех иракских правительств, Хайдаром аль-Аббади, Адилем Абдильмахди и Мустафой аль-Казыми, кампании по интеграции формирований народного ополчения в вооруженные силы Ирака²⁵, вновь став участником централизованной политики, настроив против себя и сторонников протестного движения, и влиятельные проиранские силы. Хотя каких-либо серьезных изменений к лучшему в социально-экономической сфере в 2021 г. в Ираке не было, серьезных протестных выступлений не наблюдалось. Очевидно, силы, способные этот протест организовать (мы не будем рассматривать вопрос, что это за силы, отметим лишь их явно теневой характер: лидеры демонстрантов — выступления были слишком хорошо организованы — так и не вышли на прямой контакт с представителями правительства, несмотря на его неоднократные призывы), вполне устроила кандидатура аль-Казыми. Результаты выборов показали правильность избранного ас-Садром курса на реальную поддержку действий правительства, изящно маскируемого демагогической критикой: по информации иракской Высшей независимой комиссии по выборам, победителем стала «Садристская фракция» («Аль-Кугля ас-садрийя»), получившая 73 места²⁶. Коалиция «Аль-Фатх» получила всего 17 депутатских мандатов (против 48, завоеванных на выборах 2018 г., — тогда это был второй результат после тех же садристов).

²⁴ As-Sadr yajtami' ma'a qadat al-hashd ash-sha'biy fi Qum al-iraniya wa anba 'an tasmiyatih "raisan lil-muqawama".

²⁵ Ash-Shammari, Bara. Muqtada as-Sadr yad'u li damj "al-'anasir al-jeyyida" bi-lk-hashd as-sha'biy bi-l-ajhiza al-amniya al-'iraqiya (Muqtada as-Sadr calls to integrate "positive elements" in the popular mobilization forces into Iraqi security structures) // Alaraby.co.uk. 01.09.2020. URL: <https://www.alaraby.co.uk/%D8%A7%D9%84%D8%B5%D8%AF%D8%B1-%D9%8A%D8%AF%D8%B9%D9%88-%D9%84%D8%AF%D9%85%D8%AC-%22%D8%A7%D9%84%D8%B9%D9%86%D8%A7%D8%B5%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%AC%D9%8A%D8%AF%D8%A9%22-%D8%A8%D9%80%22%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%B4%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%B4%D8%B9-%D8%A8%D9%8A%22-%D8%A8%D8%A7%D9%84%D8%A3%D8%AC%D9%87%D8%B2%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A3%D9%85%D9%86%D9%8A%D8%A9> (дата обращения: 30.05.2021).

ИДЕОЛОГИЯ САДРИСТОВ

Стройная, развитая идеологическая система у садристов отсутствует. Собственно говоря, сплачивается это религиозно-политическое движение вокруг личности Муктады ас-Садра. Однако, будучи бесспорным авторитетом для всех сторонников «садристского течения», Муктада ас-Садр не имеет постоянного прямого контроля над всеми его местными филиалами и ячейками. Под садристским брендом объединились самые разные люди – от выучеников шиитских религиозных школ, ратующих за шариатское устройство общества, и фанатичных бойцов, готовых в любой момент взяться за оружие по приказу своего лидера, до светских интеллектуалов, привлеченных призывами к равенству и социальной справедливости, выступающих за открытость новым идеям и сотрудничество с широким спектром политических сил.

Для руководства столь обширным и неоднородным движением необходима четкая иерархическая и функционально специализированная система органов управления, которая отсутствует. Фактически это оборачивается анархией и непредсказуемостью политического поведения этого движения. «Путаный, религиозно и политически нестабильный» характер последователей Муктады ас-Садра его бывший последователь Кайс аль-Хазаали объяснял тем, что их лидер «сам нестабилен и постоянно меняет свое мнение»: «Он «может говорить, что американские силы и силы коалиции – это оккупанты, что нам нужно противостоять им политическими средствами. Потом он может поменять свою точку зрения и говорить, что мы должны противостоять уже военными средствами. Эта смена мнений создает слишком много трат, препятствий и сложностей, потому что ты не можешь понять, что он думает на самом деле, чтобы вести с ним диалог, общаться с ним. Мы считаем, что эта проблема гораздо больше, чем если бы он неправильно оценивал или понимал происходящее»²⁷.

Признавая духовное руководство иранского аятоллы аль-Хаири, Муктада ас-Садр является частью хомейнистской политико-религиозной системы. В одном из интервью он заявил, что является сторонником идеи вилайат аль-факих, как и его отец, и аятолла Мухаммад Бакир ас-Садр²⁸. Отец Муктады ас-Садра – аятолла Мухаммад Садек ас-Садр – имел весьма натянутые отношения с аятоллой Али ас-Систани, на которого с подозрением смотрели и спецслужбы баасистского режима, учитывая его персидские корни²⁹. Вместе с тем этнический перс ас-Систани известен сдержанным отношением к иранской теократической идеологии, в то время как араб Муктада ас-Садр, неоднократно подчеркивавший свое арабское происхождение, через аятоллу аль-Хаири оказался привитым к хомейнистскому дереву. Любопытно, что Муктада ас-Садр считает, что для большинства иракцев «идея общего правления [духовного лидера], марджыйя [религиозные руководители шиитов], хауза [шиитская религиозно-академическая

²⁶ Ан-Натаидж ан-нихайя лиль-интихабат аль-иракыйя 2021: тагйрат тафифа тахтафиз аттайр ас-садрий би-ль-марказ аль-авваль (Окончательные результаты иракских выборов – 2021: незначительные изменения не повлияли на первое место садристского течения) // Alaraby.co.uk. 17.10.2021. URL: <https://www.alaraby.co.uk/politics/%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%AA%D8%A7%D8%A6%D8%AC-%D8%A7%D9%84%D9%86%D9%87%D8%A7%D8%A6%D9%8A%D8%A9-%D9%84%D9%84%D8%A7%D9%86%D8%AA%D8%AE%D8%A7%D8%A8%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D8%B9%D8%B1%D8%A7%D9%82%D9%8A%D8%A9-2021-%D8%AA%D8%BA%D9%8A%D9%8A%D8%B1%D8%A7%D8%AA-%D8%B7%D9%81%D9%8A%D9%81%D8%A9> (дата обращения: 23.10.2021).

²⁷ The Qayis al-Khazali Papers, Report No. 200243-007. American Enterprise Institute // URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/08/Enclosure-TAB-A-Documents-for-Release-1-16.pdf?x91208> (access date: 23.05.2021).

²⁸ As-Seyid al-qa'id Muqtada as-sadr – Qanat Al-Hurra Al-'Iraq Kamil (His Excellency the Leader Muqtada as-Sadr – Al-Hurra Channel, Iraq, full version) // Youtube.com. 11.01.2013. URL: <https://youtu.be/c7wewqIvjK> (дата обращения: 26.05.2021).

²⁹ *Al-Hayun R.* Op. cit. P. 360–365.

корпорация], представители шариатского руководства гораздо ближе, чем политические и светские лидеры», в отличие от народа Ирана, «если не полностью, то в значительной мере далекого от общего правления [духовного лидера] и своего шариатского руководства»³⁰. Муктада ас-Садр использовал здесь термин «аль-вилая аль-‘амма», «общее правление [духовного лидера]». Строго говоря, он применим и к иракцам, считающим своим духовным руководителем аятоллу Али ас-Систани, не являющегося сторонником идеи вилая аль-факих в ее иранской трактовке, как подчинение верховному лидеру – рахбару («аль-вилая аль-‘амма аль-мутлака» – абсолютное общее правление). Большинство иракской хаузы (в том числе ас-Систани) издавна понимало вилая аль-факих (и, соответственно, аль-вилая аль-‘амма) как руководство указаниями авторитетных представителей шиитского духовенства, предполагающее возможность выбора авторитета «по вкусу». Даже если предположить, что Муктада ас-Садр выбрал в качестве духовного авторитета для себя иранского аятоллу аль-Хаири, то последний, признавая аль-вилая аль-‘амма аль-мутлака, абсолютное общее правление высшего государственного факиха – рахбара, является звеном, связывающим садристов с иранской теократией. С большой долей вероятности можно предположить, что отсутствие ясных объяснений этого вопроса со стороны Муктады ас-Садра является примером применения широко принятого у шиитов принципа «такыйя» – сокрытия истинных убеждений, исходя из сложившихся обстоятельств.

В апреле 2014 г. Муктада ас-Садр совершил неожиданный для своих сторонников политический маневр, посетив в Эн-Наджафе аятоллу Али ас-Систани, воспринимавшегося садристами оппонентом их лидера. На официальном сайте Муктады ас-Садра ему задала вопрос: «Разве ас-Систани не враг его отца, как он [Муктада ас-Садр] может посещать его?». В разъяснении говорится, что и Мухаммад Садек ас-Садр встречался с ас-Систани. Далее следует предостережение от навешивания ярлыка врага на кого бы то ни было: «Мелкие умы, вы весь мир сделали врагами рода ас-Садр, но они [представители рода ас-Садр] ни к кому не относились враждебно и никого не считали своими врагами». Здесь же ас-Садр высказывает свое отношение к правительству Нури аль-Малики, которому вскоре предстоит победить на всеобщих выборах 2014 г., сдать без боя игиловцам Мосул и быть лишенным возможности формировать новый совет министров в третий раз: «Целью этого визита было не что иное, как нанести удар по коррумпированному правительству и его лидеру – Нури»³¹.

Уже вскоре после захвата Мосула боевиками ИГИЛ ас-Систани выступит со знаменитой фетвой о «джихаде по способностям» (аль-джихад аль-кафаий), положившей начало активному формированию шиитского народного ополчения (аль-хашд аш-шаабий), участниками которого станут и многочисленные садристы. Британские исследователи Бенедикт Робин-Д’Круз и Ренад Мунсур цитируют проинтервьюированного ими политического советника ас-Садра, сказавшего, что лидер садристов «старается обсуждать свои политические шаги (обычно через не прямые каналы, но иногда и напрямую) с ас-Систани и стремится обеспечить общую линию и гармонию между ними»³².

Муктада ас-Садр ни разу не заявлял о намерении построить в Ираке государство по образцу Исламской Республики Иран или заключить какое-либо интеграционное соглашение с восточным соседом. На прямой вопрос, требует ли он, чтобы Ирак был шиитской исламской республикой, Муктада ас-Садр ответил: «Я ни от кого этого не требую, потому что право принимать такое решение принадлежит лишь иракскому народу. Я не требую этого ни от Америки, ни от кого-либо еще. Только иракский народ имеет

³⁰ As-Sadr, Muqtada. *Hiwar at-tayyar ad-diniy (al-islamiy) ma'a "at-tayyar al-madaniy"* (Dialogue between the Religious (Islamic) Trend and "Citizens Trend"). An-Najaf, 2015. P. 10–11.

³¹ Nuri wa-l-buri.. *bi qalam Salih Muhammad al-'Iraqi (Nuri and the Bummer... from Salih Muhammad al-'Iraqi)* // Site of As-Sadr Office. 14.04.2014. URL: <http://jawabna.com/index.php/permalink/7420.html> (дата обращения: 28.05.2021).

³² D'Cruz B.R., Mansour R. *Op. cit.* P. 18.

право требовать — как исламского правительства, так и какого-то другого»³³. В том же ключе ас-Садр ответил на вопрос, должна ли конституция Ирака базироваться на Коране или на позитивном праве: «Я отдалил себя от этой темы, если можно так сказать, я не вмешиваюсь в то, быть ли конституции исламской или неисламской. Как индивидуум, я предпочитаю, чтобы она была исламской, но это все должен решить народ — он выбирает свою конституцию»³⁴.

Очевидно, что декларативная поддержка идеологии вилайат аль-факх (пусть даже с упомянутыми оговорками, связанными с принципом такыйя, к которым по известным причинам в Тегеране отнесутся с пониманием) играет важную роль в обеспечении продолжения иранской поддержки садристского движения. В настоящее время в открытом доступе нет информации, подтверждающей конкретные факты материальной помощи ас-Садру со стороны Ирана, однако имеются документы, свидетельствующие о материально-технической и финансовой поддержке иранским режимом «Армии Махди» во времена ее активного противостояния оккупационным силам в Ираке, — об этом сообщал Кайс аль-Хазаали, когда-то выступавший в качестве казначея этого военизированного формирования³⁵. Никаких оснований полагать, что такого рода тесные и выгодные связи были прерваны Муктадой ас-Садром, нет, а его благожелательные заявления об идеологии вилайат аль-факх служат косвенным свидетельством непрерывного характера этих отношений.

Тем не менее логично предположить, что эти связи определенным образом эволюционировали со времени антиамериканского сопротивления. Благодаря политическому маневрированию, успешному опыту сближения со светскими партиями и налаживанию внешних связей (в 2017 г. Муктада ас-Садр посетил Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты, где был принят наследными принцами) лидер садристского течения стал меньше зависеть от Ирана, хотя влияние на него теократических кругов Исламской Республики нельзя сбрасывать со счетов. Весьма красноречивым в этом контексте является участие Муктады ас-Садра в Тегеране 10 сентября 2019 г. в многотысячной религиозной церемонии «ночь тоски и одиночества» (лейлят аль-гурба ва-ль-вахша), отмечаемой 11 числа месяца мухаррам — на следующий день после ночи ашуры в память о гибели особо чтимого шиитами имама Хусейна, сына имама Али. Во время этого мероприятия ас-Садр был единственным иностранным политиком в зале и занимал почетное место между лидером исламской революции аятоллой Али Хаменеи и генералом Касемом Сулеймани³⁶.

Характерна для Муктады ас-Садра антиамериканская и в целом антиимпериалистическая риторика, ставшая основой морально-политической работы с бойцами «Армии Махди» во время активного противостояния оккупационным силам в середине первого десятилетия XXI в. и не потерявшая актуальность и поныне. Есть основания полагать, что ас-Садр проповедует некую оригинальную шиитскую модель исламского социализма, основанную на выводимых из Корана неприятии концентрации богатства в руках привилегированных классов, своеобразной концепции социального и бесклассового государства, равенстве прав

³³ *As-Sadr M.* Op. cit. P. 11–12.

³⁴ *Ibid.* P. 12.

³⁵ The Qayis al-Khazali Papers. American Enterprise Institute // URL: <https://www.aei.org/the-qayis-al-khazali-papers/> (дата обращения: 28.05.2021).

³⁶ Iqamat marasim 'azaa leilat al-hadi 'ashar min muharram bi hudhur qaid ath-thawra (Mourning ceremony on the night of 11 muharram in the presence of the leader of the revolution) // IRNA News Agency. 11.09.2019. URL: <https://ar.irna.ir/photo/83471674/%D8%A5%D9%82%D8%A7%D9%85%D8%A9-%D9%85%D8%B1%D8%A7%D8%B3%D9%85-%D8%B9%D8%B2%D8%A7%D8%A1-%D9%84%D9%8A%D9%84%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D8%A7%D8%AF%D9%8A-%D8%B9%D8%B4%D8%B1-%D9%85%D9%86-%D9%85%D8%AD%D8%B1%D9%85-%D8%A8%D8%AD%D8%B6%D9%88%D8%B1-%D9%82%D8%A7%D8%A6%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%AB%D9%88%D8%B1%D8%A9> (дата обращения: 28.05.2021).

и возможностей всех мусульман, примате общинных (государственных) интересов над индивидуальными. Ас-Садр неизменно предстает защитником обездоленных слоев населения, являющихся мобилизационным ресурсом как для лояльных ему военизированных структур, так и для участия в массовых протестах. Впрочем, он не предлагает никаких конкретных программ национального уровня, хотя садристские структуры на местах активно занимаются благотворительностью, оказывая поддержку конкретным нуждающимся семьям.

Муктада ас-Садр заявляет о необходимости построения «гражданского государства» (дауля мадания): «Гражданское государство или государство истинной гражданственности (даулят аль-муватана) дает всем одну идентичность, независимо от религии, конфессии или этнической принадлежности. Считается, что это можно осуществить только путем секуляризации и отделения религии от политики, но я заявляю, что достичь этого возможно лишь через исламизацию и повышение культурного уровня общества на истинно исламской основе, в духе справедливости и равенства, посредством терпимости, истинного братства, отказа от любви к мирскому, с опорой на отеческое владычество, чуждое эгоизму и любому правлению, нацеленному на стяжание материальных ценностей и сохранение должности»³⁷.

Таким образом, можно выделить следующие основные особенности «садристского движения» как участника политического процесса в современном Ираке:

- под эгидой Муктады ас-Садра, выступающего с лозунгами борьбы против коррупции, установления равенства и социальной справедливости, объединились представители самых разных слоев иракского общества: от выучеников шиитских религиозных школ до сторонников светских (левых) взглядов;

- личность Муктады ас-Садра вкупе с «мученическим» ореолом его отца – аятоллы Мухаммада Садека ас-Садра – играет большую роль в консолидации его сторонников из числа приверженцев подчас противоположных политических взглядов. Однако отсутствие четкой иерархии и организационной структуры не дает Муктаде ас-Садру эффективно контролировать «садристское течение»;

- нестабильный и непредсказуемый характер Муктады ас-Садра отражается на действиях «садристского течения» в целом как на уровне парламентской фракции, так и на уровне формирований шиитского ополчения;

- спонтанные действия сторонников ас-Садра, нередко предпринимаемые без его указания, влияют на политическое поведение его самого, заставляя корректировать процессы, которые он сам не инициировал;

- имея тесные отношения с Ираном еще со времен противостояния американской оккупации, ас-Садр сохраняет значительную степень независимости от Тегерана, что, несмотря на декларативную лояльность хомейнистской идеологии, делает его весьма неудобным партнером для иранцев;

- несмотря на серьезную поддержку в обществе, ас-Садр предпочитает уходить от политической ответственности за действия правительства, ощущая себя комфортно в роли вечного критика и оппозиционера. В то же время он оказывал важную поддержку иракской власти в критические моменты. В частности, его сторонники принимали активное участие в деятельности шиитского народного ополчения в период противостояния ИГИЛ и в действиях власти по сдерживанию и локализации массовых протестов в 2019–2020 гг. Кроме того, ас-Садр неизменно выступал в поддержку крайне осторожного, но явно прослеживаемого курса трех правительств по интеграции подразделений шиитского народного ополчения в вооруженные силы Ирака и установлению таким образом государственной монополии на действия с оружием.

³⁷ *As-Sadr M.* Op. cit. P. 41–42.

Библиография / References

- Al-Hayun R.* 100 'am min al-islam as-siyasiy fi-l-'Iraq: ah-shi'a (100 Years of Political Islam in Iraq: the Shias). Vol. 1. Dubai, 2011. (In Arabic)
- As-Sadr, Muqtada. Hiwar at-tayyar ad-diniy (al-islamiy) ma'a "at-tayyar al-madaniy" (Dialogue between the Religious (Islamic) Trend and "Citizens Trend"). An-Najaf, 2015. (In Arabic)
- Baram A.* Sadr the Father, Sadr the Son, the 'Revolution in Shi'ism,' and the Struggle for Power in the Hawzah of Najaf // Iraq between Occupations. London, 2010. P. 139–146.
- Bremer L.P., McConnel M.* My Years in Iraq. New York, 2006.
- Cockburn P.* Muqtada: Muqtada al-Sadr, the Shia Revival and the Struggle for Iraq. London, 2008.
- Corboz E.* Guardians of Shi'ism: Sacred Authority and Transnational Family Network. Edinburgh, 2016.
- Cordesman A.H., Ramos J.* Sadr and the Mahdi Army: Evolution, Capabilities, and a New Direction. Washington, 2008.
- D'Cruz B.R., Mansour R.* Making Sense of the Sadrists: Fragmentation and Unstable Politics // Iraq in Transition: Competing Actors and Complicated Politics. USA, 2020. P. 10–26.
- Fayadh M.* Qadhi at-tahqiq al-'iraqi fu qadhiyat maqatl Abdulmajid al-Khoi li "Ash-Sharq al-Awsat": Shihadat as-shuhud wa i'tirafart muttahamin mu'taqalin wa qarain maddiya tuakkid tawjih al-ittham li Muqtada as-Sadr (Iraqi Judge investigating the case of Abdulmajid al-Khoi assassination to "As-Sharq al-Awsat": Evidence of eyewitnesses, admissions of arrested accused persons and material evidence support charges against Muqtada as-Sadr) // Ash-Sharq al-Awsat. 25.IV.2004. № 9280. URL: <https://archive.aawsat.com/details.asp?issueno-9165&article-230538#.YKSjJ0kUk08> (access date: 19.05.2021). (In Arabic)
- Marr Ph.* The Modern History of Iraq. Philadelphia, 2012.
- Nuri wa-l-buri. bi qalam Salih Muhammad al-'Iraqi (Nuri and the Bummer... from Salih Muhammad al-'Iraqi) // Site of As-Sadr Office. 14.04.2014. URL: <http://jawabna.com/index.php/permalink/7420.html> (access date: 28.05.2021). (In Arabic)
- Public Condemnation on Corruption and Poverty on the Sidelines of Ashura Commemoration in Karbala. 30.12.2009. Wikileaks.org. // URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BAGHDAD3361_a.html (access date: 30.05.2021).
- Rajab A.* 'Asaib Ahl ak-Haqq (People of Truth Detachments) // Islamist-movements.com. 20.07.2020. URL: <https://www.islamist-movements.com/54311> (access date: 21.05.2021). (In Arabic)
- The Qayis al-Khazali Papers, Report No. 200243-007. American Enterprise Institute // URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/08/Enclosure-TAB-A-Documents-for-Release-1-16.pdf?x91208> (access date: 23.05.2021).
- The Qayis al-Khazali Papers, Tactical Interrogation Report of Qayis Hadi Sa'id al-Khazali – 1. American Enterprise Institute // URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2018/08/TIR-1.pdf?x91208> (access date: 23.05.2021).
- The Qayis al-Khazali Papers. American Enterprise Institute // URL: <https://www.aei.org/the-qayis-al-khazali-papers/> (access date: 28.05.2021).
- Tucker S.* The Encyclopedia of Middle East Wars: The United States in the Persian Gulf, Afghanistan, and Iraq Conflicts. Santa Barbara, 2010.

DOI: 10.31857/S013038640018282-8

© 2022 г. А.Л. КИСЕЛЕВ

К ВОПРОСУ О САБОТАЖЕ ИНОСТРАННЫМИ БАНКАМИ ПРИЕМА КРАТКОСРОЧНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАЗНАЧЕЙСТВА В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ И В СИБИРИ

Киселев Андрей Леонидович – соискатель кафедры российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета (Южно-Сахалинск, Россия).

E-mail: and9485961@yandex.ru

Researcher ID: AAT-1931-2021

Аннотация. Революционные события 1917 г., Гражданская война и военная интервенция союзных государств на Дальнем Востоке России и Сибири (1918–1922 гг.) характеризовались частой сменой власти и острым денежным кризисом. Каждая власть стремилась решить его, выпуская свои суррогаты денежных знаков. К ним относились в том числе 5% краткосрочные обязательства Государственного казначейства Временного Сибирского правительства и краткосрочные обязательства Государственного казначейства Всероссийского временного правительства. Отделения иностранных финансовых учреждений, открывшиеся в регионе, в нарушение ранее действовавших законов отказались принимать данные обязательства наравне с общегосударственными денежными знаками. Данный факт способствовал падению курса русского рубля и оказал существенное влияние на ситуацию с денежным обращением и экономикой региона в и без того сложный исторический период. Вопросы выпуска, хождения и изъятия из оборота различных краткосрочных обязательств Государственного казначейства нашли широкое отражение в трудах отечественных историков. Однако такой интересный и важный исторический аспект, как отказ в приеме данных обязательств наравне с общегосударственными денежными знаками действовавшими в регионе отделениями иностранных банков, остался за пределами данных исследований. В статье рассмотрены ранее не изучавшиеся аспекты деятельности отделений иностранных банков на Дальнем Востоке России в 1918–1922 гг. Кроме того, в научный оборот впервые вводятся архивные документы, касающиеся данного вопроса.

Ключевые слова: обязательства Государственного казначейства, Гражданская война, Дальний Восток России, Сибирь, иностранная интервенция, иностранные банки, денежное обращение, финансовая политика.

A.L. Kiselev

On the Sabotage by Foreign Banks of Short-Term Obligations of the State Treasury During the Foreign Intervention in the Russian Far East and Siberia

Andrey Kiselev, Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia).

E-mail: and9485961@yandex.ru

Researcher ID: AAT-1931-2021

Abstract. The revolutionary events of 1917, the Civil War, and the military intervention of the allied powers in the Russian Far East (1918–1922) were marked by frequent regime changes and an acute monetary crisis. Each government tried to solve it by issuing its own currency surrogates. These included 5% short-term liabilities of the State Treasury of the Provisional Siberian Government and short-term liabilities of the State Treasury of the Provisional All-Russian Government. Branches of foreign financial institutions established in the region refused to accept these obligations on a par with the national banknotes, in violation of the previously effective laws. This contributed to the depreciation of the Russian rouble and had a significant negative impact on the monetary situation and the economic situation of the region in what was already a very difficult historical period. The issue, circulation, and withdrawal of various short-term liabilities of the State Treasury have been extensively discussed in the writings of Russian historians. However, an intriguing and historically significant aspect, such as the refusal to accept these obligations on an equal basis with the national banknotes operating in the region by branches of foreign banks, has remained outside the scope of these studies. The author examines previously overlooked aspects of the operations of branches of foreign banks in the Far East of Russia in 1918–1922. In addition, for the first time, archival documents relating to the subject are subjected to academic scrutiny.

Keywords: liabilities of the state treasury, civil war, Russian Far East, Siberia, foreign intervention, foreign banks, money circulation, financial policy.

Революционные события 1917 г., кровопролитная Гражданская война и последовавшая высадка иностранных военных отрядов на Дальний Восток и Север России, ознаменовавшая начало военной интервенции, оказали существенное влияние на политическую и экономическую жизнь этих регионов бывшей Российской империи. Удаленность Дальнего Востока и Сибири от центра всегда сказывалась на существовании региона, в частности на пополнении денежными знаками, поток которых теперь вовсе прекратился. Частая смена власти, разрозненность в управлении регионом и отсутствие единого центра власти также оказывали огромное влияние на экономическую ситуацию. Каждая власть стремилась выпустить свои денежные знаки, пытаясь показать этим, что она «настоящая», с полноценным атрибутом государства.

К лету 1918 г. на территории, контролируемой Временным Сибирским правительством¹, впрочем, как и на всем Дальнем Востоке и в Сибири, начался острый финансовый кризис, связанный с отсутствием денежных знаков. Осенью, перед прибытием адмирала А.В. Колчака в Сибирь, положение стало критическим. Пытаясь устранить денежный голод, правительство вынуждено было произвести эмиссию собственных суррогатных денег².

¹ Временное правительство автономной Сибири (ВПАС) – орган исполнительной власти Сибирской республики, существовавший на территории Сибири и Дальнего Востока во время Гражданской войны в России с 28 января (10 февраля) по 22 октября 1918 г.

² Николаев П.В. Деньги адмирала Колчака // Петербургский коллекционер. 2003. № 1 (22). С. 14–15.

Постановлением Административного совета Временного Сибирского правительства³ от 1 октября 1918 г. «О выпуске 5% краткосрочных обязательств Государственного казначейства Сибири достоинством в 500, 1000 и 5000 рублей» министерству финансов Сибири было предписано выпустить 5% краткосрочные обязательства Государственного казначейства Сибири достоинством в 500, 1000 и 5000 руб. на общую сумму 100 000 000 руб.⁴ Уже 5 октября 1918 г. постановлением «О хождении наравне с денежными знаками, выпускаемых Государственным казначейством Сибири 5% краткосрочных обязательств» выпущенные обязательства всех сроков и достоинств допускались к хождению по номинальной стоимости наравне с денежными знаками и подобно последним стали обязательны к приему в платежи как в казну, так и между частными лицами на неограниченную сумму⁵.

Когда принималось решение о выпуске 5% обязательств, не предполагалось использовать их в обороте как деньги. Выпуск был задуман для того, чтобы «вытащить» денежные знаки из кубышек сельского населения. В планах было использовать эти 5% обязательства как ценные бумаги в виде краткосрочного займа путем продажи населению с предоставлением ему по ним фиксированного дохода. Одновременно в обороте появились бы внесенные на банковские счета наличные деньги, которых так не хватало. Рассылая эти обязательства по своим учреждениям, Государственный банк Сибири предлагал зачислять их при получении на местах по нарицательной стоимости не в разменный капитал, а как денежные знаки непосредственно в оборотную кассу⁶.

В Оренбургской газете «Новая жизнь» казначей Оренбургского губернского казначейства В. Павлов дал разъяснение новых положений: «Первоначально при издании закона о выпуске обязательств Государственного казначейства Сибири, посредством уплаты держателям процентов, имелось в виду привлечение в кассы банка и казначейств частных капиталов, но затем, вследствие острого недостатка денежных знаков и огромного на них спроса, законом 5 октября с.г. эти обязательства были выпущены в обращение взамен денежных знаков. В силу этого, все приведенные в обязательствах указания, касающиеся платежа процентов, должны считаться аннулированными означенным законом»⁷.

Деньги-обязательства печатались односторонним способом, выглядели примитивно, а единственным их украшением был рисунок двуглавого орла свергнутого Временного правительства России в ажурном картуше. Своим оформлением они повторяли выпущенные в Петрограде обязательства Государственного казначейства, а среди местного населения получили название «языки»⁸.

³ Административный совет, созданный 24 августа 1918 г. «для содействия Совету министров в делах управления», первоначально должен был предварительно обсуждать вопросы, выносимые на рассмотрение Совета министров. На практике же он занимался в том числе и подготовкой проектов правительственных постановлений и распоряжений, обсуждением и утверждением смет доходов и расходов центральных и местных учреждений Временного Сибирского правительства, утверждением штатных расписаний министерств и ведомств, уставов и положений учреждений и общественных организаций, назначением на высшие административные должности Сибири и другими вопросами. В связи с созданием Всероссийского временного правительства (Директории), воспринявшего аппарат Временного Сибирского правительства, 4 ноября 1918 г. Административный совет был упразднен. Председателем Административного совета являлся И.И. Серебренников. — Путеводитель. Т. 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. М., 2004.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 12 октября. № 14. Ст. 128. Омск, 1918. С. 6; Банкноты России периода Гражданской войны 1917–1922 годов. Каталог. СПб., 2016. С. 136–137.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 26 октября. № 16. Ст. 146. С. 16.

⁶ Баранов А.Г. Борьба с фальшивомонетчиками в колчаковской России // Труды Московского государственного гуманитарного университета Правительства Москвы. 2005. Вып. 6. С. 40–59.

⁷ Новая жизнь. Оренбург. 6.XII.(23.XI).1918. С. 1.

⁸ Парамонов О.В. Сибирские деньги // Интернет-альманах «День за днем»: Наука. Культура. Образование. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article-283> (дата обращения: 06.03.2021).

«Белые» власти Сибири не учли, что иностранные державы⁹, как и их финансовые учреждения в лице отделений иностранных банков¹⁰, не ставили перед собой задачи помочь оздоровить финансовую систему и экономику региона. Они отказались признать выпущенные обязательства в качестве средства расчета и не принимали их наравне с денежными знаками.

Об этом 29 октября 1918 г. написала владивостокская газета «Голос Приморья» в статье «Денежное обращение». В ней говорилось, что председатель Совета местных кредитных учреждений В.Я. Исакович¹¹ направил председателю Административного совета Временного Сибирского правительства телеграмму, в которой отмечал, что функционирующие во Владивостоке иностранные банки отказывались от приема выпущенных в обращение обязательств казначейства и принимали исключительно кредитные билеты, вследствие чего уменьшилась обращаемость данных обязательств и создавался лаж¹² в пользу кредитных билетов. «Совет считал необходимым устранить указанное явление и принять действенные меры к тому, чтобы действующие на русской территории иностранные банки подчинялись вполне распоряжениям правительства наравне с русскими учреждениями»¹³.

Пришедший к власти 18 ноября 1918 г. адмирал А.В. Колчак (1874–1920) возглавил Всероссийское временное правительство¹⁴, которое, продолжая испытывать острый денежный кризис, сначала признало и допустило к хождению ранее выпущенные 5% обязательства Временного Сибирского правительства, а вскоре было вынуждено напечатать и выпустить в обращение свои «Краткосрочные обязательства Государственного казначейства», выпускавшиеся сериями достоинством в 25, 50, 100, 250 руб. Кроме того, были выпущены 5% краткосрочные обязательства номиналами 500, 1000 и 5000 руб. В обоих случаях в названии было убрано слово «Сибирь»¹⁵. По общему оформлению и по существу выполнения обоими обязательствами функций денег они принципиального различия не имели. Данные краткосрочные обязательства начали печатать в январе 1919 г.¹⁶

Выпущенные обязательства были очень плохого качества. Для их изготовления были переоборудованы многие сибирские типографии. В Омске не было необходимых специалистов, художников и граверов. Проблема была также с бумагой и краской¹⁷. Среди местного населения обязательства назывались «сибирскими» деньгами или «сибирками»¹⁸.

⁹ Речь идет о государствах-союзниках, которые в 1918 г. под предлогом борьбы с большевиками и оказания помощи возвращению домой Чехословацкого корпуса высадили свои военные отряды на Дальнем Востоке России: Япония, США, Великобритания, Франция, Канада, Австралия и др.

¹⁰ В период иностранной интервенции на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) открыли в «явочном» порядке и осуществляли операции отделения банков: «Индо-китайский банк»; «Китайский промышленный банк» (оба – Франция); «Гонконг-Шанхайский банк» (Великобритания); «Националь-сити банк» (США); «Канадский банк» (Канада); «Йокогама спешу банк»; «Чосен банк» (оба – Япония).

¹¹ В.Я. Исакович с 1916 по 1922 г. являлся управляющим владивостокского отделения «Русско-азиатского банка».

¹² Лаж – разница между номинальной стоимостью денежного знака и ее эквивалентом в бумажных деньгах, доплачиваемая при обмене (продаже) бумажных дензнаков.

¹³ Денежное обращение // Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920. Документы Исторического архива Омской области / авт. сост. Д.И. Петин. Омск, 2014. С. 82–83.

¹⁴ В исторических источниках правительство, возглавляемое А.В. Колчаком, вице-адмиралом флота Российской империи, располагавшееся в Сибири, зачастую называют Всероссийским временным правительством или Омским правительством.

¹⁵ *Наволочкин Н.Д.* Дело о полутора миллионах. Хабаровск, 1969. С. 26–27; Банкноты России... С. 139–142.

¹⁶ *Николаев Р.В.* Деньги адмирала Колчака. С. 14–15.

¹⁷ *Николаев Р.В.* Деньги – Время – Власть. СПб., 2002. С. 58.

¹⁸ *Николаев Р.В.* Деньги адмирала Колчака. С. 14–15.

Краткосрочные обязательства Государственного казначейства, как и выпущенные параллельно казначейские знаки Омского правительства, напечатанные на плохой бумаге «красками для крыш», односторонние, разного размера и цвета в зависимости от достоинства, не могли конкурировать с «романовскими»¹⁹ рублями²⁰.

Политическая и экономическая ситуация, в которой оказалось правительство, складывалась таким образом, что что-либо требовать от представителей иностранных держав в лице их вооруженных отрядов и банковских учреждений, действовавших в том числе под их охраной, новая администрация не могла. А тон разговора больше походил на просительный, чем требовательный.

Однако работа в этом направлении вскоре принесла некоторые результаты. 20 декабря 1918 г. на заседании Совета министров министр финансов И.А. Михайлов²¹ сообщил, что «французское правительство предложило французским банкам принимать выпущенные российским правительством в обращении краткосрочные обязательства государственного казначейства»²². Почти сразу отделения «Индо-китайского банка» и «Китайского промышленного банка» начали принимать купоны краткосрочных обязательств и облигаций Временного Сибирского правительства. Владивостокский биржевой комитет «выразил приветствие дружественной союзнице, которая остается верна своим обязательствам и обещаниям». Кроме этого, выражались пожелания и другим союзникам последовать примеру Франции²³.

Иностранные банки, осуществляющие операции в крае, не стали принимать краткосрочные обязательства правительства А.В. Колчака в качестве денег, как и выпущенные ранее обязательства Временного Сибирского правительства.

В феврале 1919 г. вопрос об отказе в приеме иностранными банками краткосрочных обязательств российского казначейства, как одним из элементов стабилизации расстроенного денежного обращения в регионе, неоднократно поднимался на заседаниях начавшего свою работу Финансово-экономического совещания²⁴.

Данное совещание было учреждено при Гражданском управлении Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата²⁵ из представителей различных ведомств для разработки и рассмотрения проектов финансовых и экономических мероприятий, касающихся Дальнего Востока²⁶.

¹⁹ «Романовскими» называли денежные знаки, выпущенные до 1917 г. в Российской империи. Бумажные денежные знаки номиналами: 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 и 500 руб. Металлические монеты: $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, 1, 2, 3, 5 коп. из меди; 10, 15, 20, 25 и 50 коп. и 1 руб. из серебра; 5, 7, 10 и 15 руб. из золота.

²⁰ Шиканова И.С. Денежная реформа А.В. Колчака // Денежные реформы в России. История и современность. М., 2004. С. 128; Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг. СПб., 2019. С. 190.

²¹ Михайлов Иван Андрианович (1891–1946) — в январе 1918 г. на тайном заседании Сибирской областной думы в Томске был заочно избран министром финансов Временного Сибирского правительства. После свержения власти большевиков в Сибири (с 30 июня 1918 г.) приступил к исполнению обязанностей министра. Сохранил этот пост во Всероссийском временном правительстве (с 4 ноября 1918 г.) и в Российском правительстве (с 18 ноября 1918 г.). С 6 мая 1919 г. еще и временно управляющий министерством торговли и промышленности. Входил в состав Совета Верховного правителя. 16 августа 1919 г. уволен в отставку со всех постов в правительстве.

²² Амурское Эхо, Благовещенск, 14.I.1919. С. 2; Из журнала заседания Совета министров колчаковского правительства // Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Документы и материалы / отв. ред. Б.И. Мухачев, М.И. Светачев. Владивосток, 1995. С. 142.

²³ Амурской лиман, Николаевск, 3.I.1919. С. 3.

²⁴ Финансово-экономическое совещание // Голос Приморья, Владивосток, 22.II.1919. С. 5; 25.II.1919. С. 3.

²⁵ Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937), генерал-лейтенант (1912 г.). В 1918 г. возглавил в Харбине Дальневосточный комитет «Защита Родины» и Учредительное собрание. Верховный уполномоченный Временного Сибирского правительства по Дальнему Востоку с августа 1918 г.; представитель Омского правительства в Маньчжурии (1918–1919). В 1920 г. эмигрировал в Китай. — Клавинг В.В. Гражданская война в России: Белые армии. Военно-историческая библиотека. М., 2003. С. 571.

²⁶ Финансово-экономическое совещание // Голос Приморья, 25.II.1919. С. 3.

20 февраля 1919 г. в рамках Финансово-экономического совещания начальник 3-го (финансово-экономического) отделения Общей канцелярии Верховного уполномоченного по гражданской части Российского правительства В.В. Солдатов в докладе, говоря о причинах тяжелого положения денежного обращения на Дальнем Востоке, осложненного по сравнению с остальной Сибирью, среди прочего указал, что «иностранцы предпочитают принимать только “керенки” и “романовские” и отказывались брать какие-либо суррогаты, что создавало для коммерсантов необычайные затруднения». Отмечалось, что некоторые иностранные банки согласились принимать краткосрочные обязательства государственного казначейства, но вопрос не являлся исчерпывающим. Поэтому было предложено всем иностранным банкам признать «наравне с общегосударственными денежными знаками Краткосрочные обязательства государственного казначейства»²⁷.

На заседании Финансово-экономического совещания 22 февраля 1919 г. одним из главных рассматривался вопрос «о признании иностранными банками наравне с общегосударственными знаками Краткосрочных обязательств государственного казначейства». Директор «Русско-азиатского банка» В.Я. Исакович в выступлении отметил, что «в настоящее время торговая деятельность превалирует над промышленностью. Вопрос о приеме обязательств иностранными банками имеет кардинальное значение». Однако в тот период отделение «Гонконг-Шанхайского банка» отказывалось принимать обязательства. Отделения японских банков давали «уклончивые объяснения», и только «Индо-китайский» и «Китайский промышленный» банки, а также «Канадский банк» принимали обязательства, но делали при этом разницу в курсе, а при крупных сделках уклоняясь по тем или иным причинам от их приема.

Причина непопулярности среди иностранцев данных обязательств была в плохом качестве бумаги, «неточности надписи» и т.д. Сами же банки заявляли, что они «не могут признать деньги правительства, которое союзными державами не признано».

Член Временного Амурского правительства А.Н. Алексеевский отмечал, что «обеспечением этих обязательств все Российское государство не является, так как Польша и Финляндия не являлись больше российскими, европейская Россия в руках большевиков, оставалась одна Сибирь». В связи с этим разница между «керенками» и «романовскими», с одной стороны, и обязательствами — с другой, большая.

Вице-директор кредитной канцелярии Министерства финансов Омского правительства М.С. Капушевский возразил: «Неужели же Сибирь не может являться прекрасным обеспечением для 728 миллионов рублей? Что касается иностранных банков, то они, подчиняясь законам Российского государства, должны принимать “обязательства”, изданные на законных основаниях. Правительство, выпуская краткосрочные обязательства, стремится к унификации денежного обращения»²⁸.

Действительно, качество изготовления обязательств оставляло желать лучшего. Об этом упоминали и соратники А.В. Колчака. Так, один из членов Омского правительства Г.К. Гинв вспоминал: «Мы раньше не замечали в Омске, до чего плохи были эти знаки. Теперь, когда с обесцениванием денег даже нищие чиновники стали получать жалованье пачками, министры могли собственными глазами видеть, с какою преступной небрежностью печатались эти знаки. Так, например, в одной пачке деньги были разных цветов, одни темнее, другие светлее; целая серия пятидесятирублевков была выпущена с опечаткой (месяц май был назван по-французски “Mai”); вместо “департамента” государственного казначейства печаталось “отдел”, хотя отдел уже давно был преобразован в департамент; на некоторых не была поставлена точка. Если в руки попадало несколько пятисотрублевков, то нельзя было ручаться, что все они настоящие, потому что размеры их и цвет были различные. Ясно, что уже одни эти внешние дефекты

²⁷ Финансово-экономическое совещание // Голос Приморья, 22.II.1919. С. 5.

²⁸ Там же.

должны были погубить деньги, а тут присоединились еще политические невзгоды. Сибирское правительство висело на волоске — кто же мог верить сибирским деньгам?»²⁹. Барон А.П. Будберг³⁰ в дневнике называл обязательства «сибирские бутылочные этикетки»³¹.

Стоит подчеркнуть, что рассмотрение деятельности Финансово-экономического совещания при Гражданском управлении Верховного уполномоченного достойно отдельного научного изучения.

Все попытки «белого» правительства уговорами и убеждениями «принудить» действующие отделения иностранных банков признать государственные обязательства в качестве полноценных денежных знаков так ни к чему не привели. Омское правительство А.В. Колчака просуществовало до 4 января 1920 г. Вопрос с обязательствами был «решен» летом 1920 г., когда на основании представления Финансово-экономического совета 5 июня 1920 г. Временным правительством Дальнего Востока был принят закон № 352 «О выпуске государственных кредитных билетов и об обмене на них ныне имеющихся обращение платежных знаков»³².

В соответствии с пятой статьей этого закона, с целью попытки «упорядочения пришедшего в расстройство денежного обращения на территории Временного правительства Дальнего Востока и объединения и упрочения денежной системы этой территории на твердых финансовых началах», изымались из оборота в том числе: «Краткосрочные 5% обязательства Государственного казначейства всех достоинств, выпущенные во время войны бывшим царским правительством и правительством Керенского» и «Обязательства Государственного казначейства достоинством в 25, 50, 100, 250, 500, 1000, 5000 руб. и выше всех сроков, как выпусков бывшего правительства адмирала Колчака (на простой бумаге), так и выпуска Временного правительства сечетка с орлами»³³.

Очевидно, что выпуском данных обязательств Государственного казначейства «белыми» правительствами Дальнего Востока была предпринята попытка спасти серьезно пошатнувшееся денежное обращение региона. Но данная цель не была достигнута. Иностранным союзникам не нужна была устойчивая денежная система в регионе, а подъем местной экономики не входил в их планы. При активном противостоянии союзнических финансовых учреждений, представленных в регионе отделениями иностранных банков, а также при молчаливом согласии военного и политического руководства государств — участников военной интервенции в дальневосточном регионе очередная попытка местных властей в наведении порядка в денежном обращении региона и подъеме экономики не увенчалась успехом.

Вопросы выпуска, хождения и изъятия из оборота краткосрочных обязательств Государственного казначейства нашли отражение в трудах отечественных историков³⁴. Однако такой интересный и важный исторический аспект, как отказ в приеме данных обязательств наравне с общегосударственными денежными знаками отделениями иностранных

²⁹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2013. С. 491.

³⁰ Будберг Алексей Павлович, фон (1869–1945) — барон, генерал-лейтенант. Управляющий военным министерством в правительстве А.В. Колчака.

³¹ Будберг А.П. Дневник. 1917–1919. М., 2016. С. 398.

³² Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). Харбин, 1924. С. 50–51.

³³ Там же. С. 51–52.

³⁴ См.: Блинов С.И., Петин Д.И. Краткосрочные обязательства Государственного казначейства правительства Колчака номиналом 25 рублей: классификация по видам и номерам серий // Петербургский коллекционер. 2013. № 6. С. 12–14; Блинов С.И., Петин Д.И. Сторублевые краткосрочные обязательства государственного казначейства правительства Колчака // Петербургский коллекционер. 2015. № 31 (83). С. 7–9; и др.

финансовых учреждений, действовавших в регионе в 1918–1922 гг., остался за пределами данных исследований, хотя и оказал существенное влияние на ситуацию с денежным обращением и экономикой региона в сложный исторический период и заслуживает детального рассмотрения. Отдельное упоминание об отказе иностранными банками в приеме сибирских денег присутствует в монографии В.М. Рынкова³⁵.

Один из ведущих специалистов по социально-экономической истории М.В. Ходяков в рецензии отметил, что выявление и публикация документов, отражающих состояние финансов Востока России в годы Гражданской войны, является сегодня перспективным научным направлением³⁶. Эту работу продолжает вести известный исследователь финансовой системы в Сибири периода Гражданской войны Д.И. Петин³⁷.

В процессе исследовательской работы с документами фонда Р-198 «Особенная канцелярия по Кредитной части Министерства финансов Российской Государственной Империи. Омск» в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) удалось обнаружить ранее не публиковавшиеся документы. Речь идет о письме из Японской дипломатической миссии Российскому правительству «Дело о приеме японскими банками билетов краткосрочного обязательства Государственного казначейства» и ответ на это письмо министра финансов Российского правительства И.А. Михайлова в Японскую дипломатическую миссию. Данные документы находятся в архивных документах «I Отделения. III Делопроизводство и дела II, III, IV отделений, носящих архивный характер».

В тексте первого документа прослеживается суть политики осуществлявших операции на Дальнем Востоке России отделений японских «Йокогама спешис»³⁸ и «Чосен»³⁹ банков по отношению к русским денежным знакам. Основной задачей банковских отделений было внедрение в денежный оборот региона японских денежных знаков и вытеснение рубля путем снижения его курса. С этой целью банками создавался искусственный лап между различными денежными знаками или прекращался прием отдельных денежных знаков в качестве расчета. Все это создавало серьезные трудности в и без того хаотичном денежном обращении края. Во втором документе видна попытка министерства финансов правительства А.В. Колчака решить возникшие проблемы политическими методами.

Тексты документов приводятся с сохранением их изначальных стилистических особенностей, но в соответствии с современными нормами русского литературного языка, сохранены подчеркивания и правки.

³⁵ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая пол. 1918 – нач. 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 59–60.

³⁶ Ходяков М.В. Рецензия на сборник «Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области» // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 314.

³⁷ См.: Петин Д.И. Документы Временного правительства автономной Сибири о хождении военных денег Сибирской экспедиции японских войск // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 236–246; *Его же*. Правда на правду: «По содержанию записки по вопросу о введении в обращение в Сибири...» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. № 1. С. 220–226; и др.

³⁸ «Йокогама спешис банк», основан в 1880 г., вел крупные девизные операции по всему миру. Этому банку было предоставлено право эмиссии банкнот в так называемой арендованной Квантунской области (Южная Маньчжурия, полуостров Ляо-дун) и во всех портах Китая.

³⁹ «Чосен банк», наиболее общеупотребимое в российской историографии название «Тёсэн гинко», основан японским правительством в колониальной Корее в 1907 г.

№ 1

**Письмо из Японской Дипломатической миссии
Российскому Правительству (г. Омск)**

Японская Дипломатическая
Миссия
г. Омск

Дело о приеме японскими банками билетов краткосрочного
обязательства Государственного Казначейства

По мнению Директора «Иокогама Спешы Банка» в Харбине, если со стороны Российского Правительства не встречается ни каких препятствий к тому, чтобы Банк готов открыв[ть] отдельно текущие счета для приема билетов краткосрочного обязательства Государственного Казначейства и проводил платежи по этим счетам теми же самыми билетами, кроме того, чтобы Банк имел возможность устанавливать известную разницу курса между означенными билетам и романовками и керенками, то Банк признает возможность принимать билеты казначейского обязательства. В этом случае, можно сказать, что Российским Правительством признается официально неравномерность между старыми кредитными билетами и казначейскими билетами. В результате этого в случае надобности Банк может оставлять за собой свободу выбирать по его усмотрению род денег, т.е. Банк может отказаться от приема таких денег, род которых является неодинаковым с отпущенными Банком деньгами, в противном случае Банк будет вынужден получать казначейские билеты в оплату отпущенных Банком старых кредитных билетов на том основании, что старые билеты и казначейские знаки одинаково являются государственными законными денежными знаками.

Затем, по мнению Директора «Чосен-Банка» в Харбине, Банк этот также готов принимать казначейские билеты как чисто ценные бумаги, открывая отдельные специальные счета специально для приема казначейских билетов, а также устанавливая известную разницу курса между старыми и казначейскими.

«Спешы Банк», а равно «Чосен Банк», считают установление известной разницы в курсе между казначейскими билетами и старыми неизбежным в то время, когда уже существует разница курса между керенками 20-ти и 40 рублевого достоинства и романовками, а равно керенками 1000-ти и 250 рублевого достоинства.

Апреля 6-го дня, 1919 г.
г. Омск.

Резолюция (от руки): Прошу составить письм.[менный] ответ. И[ван]М[ихайлов].

Штамп: М[инистерство] Ф[инансов] Особен.[ная] Канц.[елярия] по кредитной части 12 апреля 1919 г. № 1856.

ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 72. Л. 1—1 об. Машинопись. Рукопись. Заверенная копия.

№ 2

Ответ Министра финансов Российского Правительства (г. Омск) Михайлова И.А. в Японскую Дипломатическую миссию

Министерство

Финансов

г. Омск

Ответ по ~~делу~~ вопросу о приеме японскими банками ~~билетов~~ краткосрочных обязательств Государственного казначейства

Министерство Финансов, Ознакомившись с мнениями Директоров Японских Банков по вопросу о приеме этими Банками краткосрочных обязательств Государственного казначейства, считает необходимым поставить Японскую дипломатическую Миссию в известность, что те условия, на которых Японские Банки соглашаются принимать краткосрочные обязательства, не может быть приемлемы по следующим соображениям.

Краткосрочные обязательства Государственного Казначейства в настоящее время на всей территории Российского Государства подчиненной власти Верховного Правителя являются ~~вполне легальными и~~ главнейшими денежными знаками и ничем не отличаются от таковых же денежных знаков, выпущенных как Императорским, так и ~~Дореволюционными~~ ~~Временными~~ Временными Правительствами, и если на дальневосточном рынке установился известный лаж на последние знаки, то это надо считать лишь ни на чем не основанное недоразумением.

Это недоразумение является тем ~~даже~~ более странным, что ввиду легкости воспроизведения денежных знаков 20-ти и 40 рублевого достоинства (керенок) в обращении их имеется столь громадное количество, что Правительство, крайне озабоченное этим, проэктирует в ближайшее время даже совсем изъять из обращения.

Ввиду изложенного Министерство финансов считает, что если бы оно согласилось с условиями продления Японскими Банками, то тем самым оно узаконило бы то различие денежных знаков, которое имеется на Дальнем Востоке, и тем в крае подорвало бы доверие к тем знакам, которые имеют теперь преобладающее хождение среди населения ~~и нарушило бы всю стройную систему денежного обращения с таким трудом налаженную.~~

И[ван]М[ихайлов]

апреля 1919 г.

№

г. Омск

ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–4 об. Машинопись. Рукопись. Заверенная копия.

Библиография

Банкноты России периода Гражданской войны 1917–1922 годов. Каталог. СПб., 2016.

Баранов А.Г. Борьба с фальшивомонетчиками в колчаковской России // Труды Московского государственного гуманитарного университета Правительства Москвы. 2005. Вып. 6. С. 40–59.

Блинов С.И., Петин Д.И. Краткосрочные обязательства Государственного казначейства правительства Колчака номиналом 25 рублей: классификация по видам и номерам серий // Петербургский коллекционер. 2013. № 6. С. 12–14.

Блинов С.И., Петин Д.И. Сторублевые краткосрочные обязательства государственного казначейства правительства Колчака // Петербургский коллекционер. 2015. № 31 (83). С. 7–9.

Будберг А.П. Дневник. 1917–1919. М., 2016.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2013.

- Клавинг В.В.* Гражданская война в России: Белые армии. Военно-историческая библиотека. М., 2003.
Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Документы и материалы / отв. ред. Б.И. Мухачев, М.И. Светачев. Владивосток, 1995.
- Наволочкин Н.Д.* Дело о полутора миллионах. Хабаровск, 1969.
- Николаев Р.В.* Деньги – Время – Власть. СПб., 2002.
- Николаев Р.В.* Деньги адмирала Колчака // Петербургский коллекционер. 2003. №1 (22). С. 14–15.
- Парамонов О.В.* Сибирские деньги // Интернет Альманах «День за днем»: Наука. Культура. Образование. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article-283> (дата обращения: 06.03.2021).
- Петин Д.И.* Документы Временного правительства автономной Сибири о хождении военных денег Сибирской экспедиции японских войск // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 236–246.
- Петин Д.И.* Правда на правду: «По содержанию записки по вопросу о введении в обращение в Сибири...» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. № 1. С. 220–226.
- Погребецкий А.И.* Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период Войны и Революции (1914–1924). Харбин, 1924.
- Рынков В.М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая пол. 1918 – нач. 1920 г.). Новосибирск, 2006.
- Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920. Документы Исторического архива Омской области / авт. сост. Д.И. Петин. Омск, 2014.
- Ходяков М.В.* Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг. СПб., 2019.
- Ходяков М.В.* Рецензия на сборник «Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области» // Новейшая история России. 2014. № 3(11). С. 312–315.
- Шиканова И.С.* Денежная реформа А.В. Колчака // Денежные реформы в России. История и современность. М., 2004. С. 126–132.

References

- Banknoty Rossii perioda Grazhdanskoj vojny 1917–1922 godov. Katalog [Banknotes of Russia during the Civil War of 1917–1922. Catalog]. Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.)
- Baranov A.G.* Bor'ba s fal'shivomonetchikami v kolchakovoy Rossii [The fight against counterfeiters in Kolchak Russia] // Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta Pravitel'stva Moskvy [Proceedings of the Moscow State University for the Humanities of the Moscow Government]. 2005. Iss. 6. S. 40–59. (In Russ.)
- Blinov S.I., Petin D.I.* Kratkosrochnye objazatel'stva Gosudarstvennogo kaznachejstva pravitel'stva Kolchaka nominalom 25 rublej: klassifikacija po vidam i nomeram serij [Short-term liabilities of the State Treasury of the Kolchak government with a denomination of 25 rubles: classification by type and number of series] // Peterburgskij kolekcijoner [Petersburg collector]. 2013. № 6. S. 12–14. (In Russ.)
- Blinov S.I., Petin D.I.* Storablevye kratkosrochnye objazatel'stva gosudarstvennogo kaznachejstva pravitel'stva Kolchaka [Ruble short-term liabilities of the state treasury of the Kolchak government] // Peterburgskij kolekcijoner [Petersburg collector]. 2015. № 31 (83). S. 7–9. (In Russ.)
- Budberg A.P.* Dnevnik [Diary]. 1917–1919. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Finansovaya politika i denezhnoye obrashcheniye v Sibiri. 1917–1920. Dokumenty Istoricheskogo arkhiva Omskoj oblasti / avt. sost. D.I. Petin [Financial policy and money circulation in Siberia. 1917–1920. Documents of the Historical Archive of the Omsk Region / auth. comp. D.I. Petin]. Omsk, 2014. (In Russ.)
- Gins G.K.* Sibir', soyzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoj istorii. 1918–1920 [Siberia, allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Khodyakov M.V.* Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoj vojny: 1917–1920 gg. [Revolution and Civil War money: 1917–1920]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)
- Khodyakov M.V.* Retenziya na sbornik "Finansovaya politika i denezhnoye obrashcheniye v Sibiri. 1917–1920: dokumenty Istoricheskogo arkhiva Omskoj oblasti" [Review of the collection "Financial policy and money circulation in Siberia. 1917–1920: Documents of the Historical Archive of the Omsk Region"] // Noveyshaya istoriya Rossii [Contemporary History of Russia]. 2014. № 3 (11). S. 312–315. (In Russ.)
- Klavning V.V.* Grazhdanskaja vojna v Rossii: Belye armii [The Civil War in Russia: White Armies]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Документы и материалы / отв. ред. Б.И. Мухачев, М.И. Светачев [Kolchak and intervention in the Far East. Documents and materials / eds B.I. Mukhachev, M.I. Svetachev]. Vladivostok, 1995. (In Russ.)
- Navolochkin N.D.* Delo o polutora millionakh [The one and a half million case]. Khabarovsk, 1969. (In Russ.)

Nikolayev R.V. Den'gi – Vremya – Vlast' [Money – Time – Power]. Sankt-Peterburg, 2002. (In Russ.)

Nikolayev R.V. Den'gi admirala Kolchaka [Admiral Kolchak's money] // Peterburgskiy kollektzioner [Petersburg collector]. 2003. № 1 (22). S. 14–15. (In Russ.)

Paramonov O.V. Sibirskiy den'gi [Siberian money] // Internet Al'manakh "Den' za dnem": Nauka. Kul'tura. Obrazovaniye [Internet Almanac "The Day by Day": Science. Culture. Education]. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article-283> (access date: 06.03.2021). (In Russ.)

Petin D.I. Dokumenty Vremennogo pravitel'stva avtonomnoj Sibiri o hozhdenii voennyh deneg Sibirskoj jekspedicii japonskih vojsk [Documents of the Provisional Government of Autonomous Siberia on the circulation of war money of the Siberian expedition of Japanese troops] // Novejshaja istorija Rossii [Modern history of Russia]. 2015. № 3. S. 236–246. (In Russ.)

Petin D.I. Pravda na pravdu: "Po sodержaniju zapiski po voprosu o vvedenii v obrashhenie v Sibiri..." [Truth to truth: "According to the content of the note on the issue of putting into circulation in Siberia..."] // Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]. Serija "Istoricheskie nauki". 2020. Vol. 7. № 1. S. 220–226. (In Russ.)

Pogrebetskiy A.I. Denezhnoye obrashcheniye i denezhnyye znaki Dal'nego Vostoka za period Voyny i Revolyutsii (1914–1924) [Currency circulation and banknotes of the Far East for the period of the War and Revolution (1914–1924)]. Harbin, 1924. (In Russ.)

Rynkov V.M. Finansovaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraya pol. 1918 – nach. 1920 g.) [Financial policy of anti-Bolshevik governments in the east of Russia (second half of 1918 – early 1920)]. Novosibirsk, 2006. (In Russ.)

Shikanova I.S. Denezhnaya reforma A.V. Kolchaka [A.V. Kolchak's monetary reform] // Denezhnyye reformy v Rossii. Istoriya i sovremennost' [Monetary reforms in Russia. History and modernity]. Moskva, 2004. S. 126–132. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640018287-3

© 2022 г. **В.В. СОГРИН**

«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» В США. ЭВОЛЮЦИЯ. ЭТАПЫ. СОВРЕМЕННОСТЬ

Согрин Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, председатель Российской ассоциации историков-американистов (Москва, Россия).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Scopus Author ID: 56291644800; ORCID: 0000-0002-5707-2879; Researcher ID: ABI-7132-2020

Аннотация. Автор стремится с профессиональной точки зрения осветить историю «прав человека» в США, приобретающую актуальное значение на современном этапе, но освещаемую соперничающими сторонами с идеологических позиций. Идеологизированные подходы обеих партий к американскому прошлому, по мнению автора, противоречат объективной картине и историзму. Автор показывает, что, несмотря на важные изменения (прежде всего Гражданскую войну 1861—1865 гг. и Реконструкцию Юга), до середины XX в. «права человека» в США в полном объеме распространялись только на мужчин — представителей белой расы. Затем под воздействием как внутренних проблем, так и холодной войны с СССР США провозглашали свое стремление распространить «права человека» на небелые расы и этносы. Зародились мультикультурализм и острый конфликт между ним и традиционными представлениями о «плавильном котле», закреплявшими господство в американской цивилизации за белой расой, в первую очередь англосаксами. На современном этапе достиг пика конфликт между Республиканской партией, приверженной приоритету белой расы, и Демократической партией, победившей на президентских выборах 2020 г. под лозунгами мультикультурализма и равных «прав человека» для всех рас, этносов, гендерных и иных групп американцев. В то же время в статье показывается и активное сопротивление многих американцев подобному подходу. Неудивительно, что многие мероприятия президента Д. Трампа в духе неоконсерватизма под давлением республиканцев во многом были продолжены его преемником Дж. Байденом.

Ключевые слова: права человека, мультикультурализм, политические движения, США.

V.V. Sogrin

Human Rights in the United States: Evolution, Milestones, Contemporary Developments

Vladimir Sogrin, Institute of World History, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Scopus Author ID: 56291644800; ORCID: 0000-0002-5707-2879; Researcher ID: ABI-7132-2020

Abstract. The author seeks to give a professional perspective on the history of human rights in the United States, which has recently acquired considerable significance, but is portrayed from ideological perspectives by competing political movements, groups, and parties. The author believes that in this situation the historical truth is being seriously misrepresented. The author shows that until the middle of the twentieth century, “human rights” in the United States were extended only to white men. Then, under the influence of both internal problems and the Cold War with the USSR, the United States had to extend “human rights” to ethnic minority groups. Multiculturalism was born and a sharp conflict between it and the traditional “melting pot” that secured the dominance of the white race in American civilization, primarily the Anglo-Saxons, was created. At the present stage, the conflict between the Republican party, committed to the priority of the white race, and the Democratic Party, which won the 2020 presidential elections under the slogans of multiculturalism and equal “human rights” for all races, ethnicities, genders, and other groups of Americans, has reached its peak. Approaches of both parties to the American past according to the author contradict historicism.

Keywords: human rights, evolution, stages, melting pot, multiculturalism, political movements, groups, parties.

Во взгляде на «права человека» в США в «публичной истории»¹ господствует презентизм. Известный российский публицист В.В. Познер, критикуя Д. Трампа за ограничение иммиграции, доказывал, что Америка изначально была привержена идее равенства прав, а потому Трамп пренебрегает первоосновами. Действительно, в Декларации США 1776 г. провозглашались равные естественные права «всех людей» (all people). Но дело в том, что авторы декларации, включая Т. Джефферсона, понимали под «всеми людьми» только белых мужчин, что соответствовало духу и букве того времени. Трамп первоосновами не пренебрегал, хотя по современным (но не изначальным) меркам он посягал на равные права меньшинств — латиноамериканцев, чернокожих, мусульман и др.

Презентизм укоренился в «публичной истории» США. В последние десятилетия в США история подверглась мощному натиску со стороны адептов политкорректности, которая восторжествовала в «публичной истории» и перед напором которой не устояла профессиональная историография. На современном этапе адепты «публичной истории» США объявили о «Проекте 1619», участники которого считают началом истории США ввоз первых черных рабов, а не прибытие первых белых поселенцев-ангლოსаксов в 1606–1607 гг. Осенью 2020 г. президент Дональд Трамп создал «Комиссию 1776» по подготовке празднования 250-летия независимости Соединенных Штатов. Комиссия поставила целью пропаганду традиционного патриотического взгляда на историю США в ответ на «Проект 1619». Новый президент США от Демократической партии Джо Байден в первый же день правления отменил решение Трампа о «Комиссии 1776». Но политкорректность, как и трамповский «патриотизм», противоречит объективному подходу и историзму.

В настоящей статье автор стремится с профессиональной точки зрения, принципиально отличающейся от того, что проповедают адепты «публичной истории», осветить историю «прав человека» в США, приобретающую актуальное значение на современном этапе, но освещаемую соперничающими сторонами с чисто политических позиций.

¹ «Публичная история» — это исторические интерпретации, т.е. мифы, создаваемые в интересах различных социальных слоев и групп, как и власть в интересах государства. К публичной истории относятся публицистика, художественная литература, всевозможные произведения искусства и т.д. Ведущую позицию в создании «публичной истории» занимают электронные порталы и сайты, руководимые отнюдь не профессиональными историками. В массовом сознании доминируют представления, создаваемые именно «публичной историей», а не научной историографией, которая зиждется на иных принципах. Тема соотношения профессиональной и «публичной истории» рассматривалась автором. См., например: *Согрин В.В.* «Публичная история» и профессиональная историография // *Российская история.* 2020. № 2. С. 139–148.

Основополагающими документами США считаются Декларация независимости 1776 г. и Конституция 1787 г. В обоих документах отстаиваются две главные ценности — *демократия*, предполагающая равные права людей в управлении государством, и *либерализм*, подчеркивающий право на частную собственность, индивидуализм.

На колониальном этапе, с 1607 по 1775 г. переселенцы рассматривали себя как англичан, перебравшихся на новую территорию и обладавших теми же правами, что и жители метрополии. Английский монарх выдавал им хартии, в которых условием было поддержание всех прав, закрепленных за подданными в самой Англии, также и их ограничений. Например, главным ограничителем избирательного права в колониальной Америке, как и в Англии, стал имущественный ценз. По английскому закону в выборах в парламент могли участвовать лица, имевшие определенный ежегодный доход от земельного владения. Принцип имущественного ценза действовал и в североамериканских колониях. Но в колониях, в сравнении с Англией, избирательное право было более широко распространено — им пользовались от 50% до 75% взрослых свободных белых мужчин. Причина заключалась в доступе колонистов к незанятым землям и массовом обращении белых американцев во фригольдеров — самостоятельных собственников земельных участков.

Английский радикал Томас Пейн, который прибыл в Северную Америку в 1774 г., в начале января 1776 г. в памфлете «Здравый смысл» развил две революционные доктрины, зародившиеся в колониях: образование независимого американского государства и создание республиканского строя². В Декларации независимости 1776 г. ее автор Томас Джефферсон изложил три идеи, перекликавшиеся с памфлетом Пейна. Это идея об естественных, равных и неотъемлемых правах «всех людей» (all people). Это признание права народа быть единственным источником государственной власти. Это утверждение о праве народа на восстание против тирании и ликвидацию деспотического правительства.

В колониальный период белое население делилось на свободное и полусвободное («сервенты» — законтрактованные слуги). В целом в колониальную эру законтрактованные слуги составляли примерно половину от общего числа переселенцев из Европы. В Англии такие работники набирались в подавляющем большинстве из бедных и деклассированных слоев, а также из заключенных (в этом случае контракт заключался тюремным начальством). Обычно подневольные переселенцы продавались на срок от четырех до семи лет, а в среднем на пять лет. По истечении срока контракта большинство сервентов попадали в нижние слои свободных американцев³. Под воздействием Американской революции подневольный труд белых был отменен.

Кроме белых, в колониальный период Америку населяли также индейцы и чернокожие. Подобно жителям Англии, белые колонисты усвоили чувство превосходства над иными этносами и расами. В XVII—XVIII вв. англичане, а вслед за ними и американцы рассматривали индейцев и африканцев как «дикарей» и «варваров», которых англосаксы имели право подчинять и поработать. Согласно суждениям англосаксонских белых поселенцев, «варвары» — индейцы, не знавшие понятия о собственности, могли занимать только те земли, которые непосредственно населяли и обрабатывали, но все иные территории, в том числе те, на которых местные племена охотились, были «ничьи». К концу колониального периода в североамериканских колониях из изначального количества «краснокожих» примерно в 2 млн человек осталось около 100 тыс. индейцев. Поработить индейцев не удалось, но вытесняли их с исконных земель вполне успешно.

Первых чернокожих рабов в Виргинию доставил голландский корабль в 1619 г. Чернокожие, как утверждали белые священники, были за «грехи» обращены в рабов самим

² Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959. С. 85–87.

³ Morris R.B. Government and Labor in Early America. New York, 1946. P. 398–399, 448–449, 450, 466–468, 500–501; Smith A.E. Colonists in Bondage: White Servitude and Colonial Labor in America. 1607–1776. New York, 1947.

Создателем. К концу колониального периода чернокожие составляли 0,5 млн человек, или 20% от общей численности американцев⁴.

Следующий этап — от Войны США за независимость до Гражданской войны 1861–1865 гг. — ознаменовался дальнейшим распространением «прав человека» на свободное мужское население. Имущественный ценз был снижен более чем в половине штатов, при этом в Пенсильвании и Вермонте право голоса распространилось на всех налогоплательщиков. Подходы, созвучные демократическим доктринам, оказали влияние на формирование центральной североамериканской власти эпохи Войны за независимость. Суверенные штаты отвергали как унитарную, так и федеративную форму государственного объединения, согласившись на создание конфедерации. Одобренные в 1781 г. Статьи Конфедерации закрепляли статус штатов как суверенных государств⁵.

После завершения революционной войны политическая элита инициировала создание сильного федерального правительства. По убеждению участников Филадельфийского конституционного конвента, заседавшего с мая по сентябрь 1787 г., политическая система конфедеративных Соединенных Штатов привела к «демократическому деспотизму», который следовало преодолеть. Но участникам конвента был присущ и политический реализм. Конституционный конвент 1787 г. допустил к национальным выборам всех американцев, наделенных избирательным правом в годы Войны за независимость. При обсуждении организации исполнительной власти восторжествовала концепция «единой и неделимой» исполнительной власти, которая провозглашала наделение таковой во всем объеме одного лица — президента США, переизбираемого каждые четыре года. Первый президент Дж. Вашингтон после второго срока отказался от нового переизбрания, создав важный прецедент демократического ограничения срока пребывания высшего лица в должности⁶. Избрание президента доверялось выборщикам, назначаемым штатами.

В 1789 г. Конгресс США включил в федеральную Конституцию Билль о правах в качестве первых 10 поправок. Поправки гарантировали либерально-демократические «права человека», не употребляя самого этого понятия. Идея противоправности рабства чернокожих и необходимости его ликвидации в годы Войны за независимость нашла поддержку только в северо-восточных штатах, в которых были приняты законы о постепенном освобождении на их территориях черных рабов. Рабовладение не подвергалось сомнению в южных штатах.

Подавляющее большинство индейцев, проживавших на территории новообразованных Соединенных Штатов, выступили на стороне англичан. В предреволюционное десятилетие, запретив американцам переселяться за Аппалачи, Англия выступила своего рода гарантом неприкосновенности еще не захваченных индейских территорий. В августе 1783 г. индейские племена приняли совместное решение любыми средствами предотвращать захват американцами их территорий. Но в 1783 г. Соединенные Штаты и Англия заключили договор, признававший независимость США. В нем об индейцах не упоминалось ни словом, а территории, признававшиеся Англией ранее индейскими, передавались американскому государству, обратившему «свободные земли» в государственный фонд. Индейцы остались один на один с гораздо более сильным врагом и были обречены на поражение.

⁴ *Nash G.B.* Red, White and Black: the Peoples of Early America. Englewood Cliffs (N.J.), 1982. P. 79–80.

⁵ *Согрин В.В.* Новое в изучении Американских революций // Американский ежегодник. 2020. М., 2020. С. 237–238.

⁶ Новый прецедент создал Ф.Д. Рузвельт в 1940 и 1944 гг., который в чрезвычайных условиях Второй мировой войны был избран президентом на третий, а потом и на четвертый срок. После окончания войны в 1951 г. была одобрена 21-я поправка к Конституции США, запретившая избираться на президентскую должность более двух раз.

В США зародилась двухпартийность⁷. В эпоху второй двухпартийной системы, известной как «джексоновская демократия» 1820–1830-х годов, произошло расширение электората за счет нижних слоев белых мужчин, облегчение им доступа к западным землям, антимонопольное экономическое законодательство. Между двумя участниками этой двухпартийной системы, Демократической и Вигской партиями, сохранялся консенсус в отношении первооснов американской цивилизации. Наименьшими были расхождения в негритянском вопросе. На протяжении практически всего джексонского периода партиям удавалось сохранять компромисс во взрывоопасном вопросе (Конгресс одобрил отказ от обсуждения темы рабства). Джексон проводил жесткую антииндейскую политику, а в стоне индейских племен с их исконных территорий видел верное средство заселения западных земель белыми поселенцами и, следовательно, расширения демократии и прав белых. Белое мужское население оказалось в выигрыше. Европейцы, поощрявшие США, самым известным из которых стал француз А. де Токвиль, восприняли политический строй Соединенных Штатов как торжество демократии⁸. В массовом сознании белых культивировался приоритет «человека, сделавшего самого себя».

Резкое обострение конфликта Севера и Юга на рубеже 1840–1850-х годов имело в своей основе первоначально земельный спор: два региона вступили в дискуссию по поводу распределения между ними отнятых у Мексики в ходе войны 1846–1848 гг. огромных территорий. Южане настаивали на том, что рабовладельческие штаты имеют право на доступ к новым территориям, а северяне проявили решимость поставить предел распространению рабства на новые земли. Южане отвергали уступки свободным штатам, а в последние стали набирать силу те, кто выступал против уступок рабовладельцам.

Зародилась новая, третья двухпартийная система «демократы – республиканцы»⁹. Республиканцы хотели с помощью раздачи простым белым гражданам свободных (но населенных индейцами) государственных земель помочь им реализовать «американскую мечту» – стать собственниками. Доказывая невозможность бесконечного сосуществования свободы и рабства, они одновременно доказывали невозможность совместной жизни белой и черной рас. Популярность среди белых в свободных северо-восточных штатах приобрела идея о необходимости полного разделения белой и черной рас посредством возвращения всех негров в Африку или же их вывоза в Латинскую Америку. Так рассуждал и лидер Республиканской партии А. Линкольн¹⁰.

Но у рабовладельцев не было сомнений в том, что Север стремился разрушить рабовладельческую цивилизацию, хотя такая цель Линкольном, победившим на выборах осенью 1860 г. и собравшим 30% голосов избирателей¹¹, не провозглашалась. В феврале 1861 г., за месяц до вступления Линкольна в должность президента, 11 южных штатов обнародовали рабовладельческую конституцию и во главе с Демократической партией начали войну.

Поражения в битвах с южанами подвигли Линкольна и республиканцев к радикальным мерам. Первая из них – закон о гомстедах в интересах свободных белых американцев, одобренный Конгрессом США 20 мая 1862 г. Согласно этому закону все граждане США старше 21 года получали право на приобретение в полную собственность 160 акров (64 га) земли из государственного фонда после занятия и пользования соответствующим

⁷ Согрин В.В. Двухпартийная система в американской истории // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 71.

⁸ *Tocqueville A.de. Democracy in America. Vol. 1–2. New York, 1835, 1840.* (Новейшие российские переводы: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992, 2001).

⁹ Новую Республиканскую партию, действующую и поныне, следует отличать от более ранней Республиканско-демократической партии Т. Джефферсона.

¹⁰ *The Collected Works of Abraham Lincoln. Vols. 1–9 / ed. R.F. Basler. New Brunswick (N.J.), 1953–1955. Vol. 3. P. 462, 477, 479; Vol. 5. P. 52.*

¹¹ Согрин В.В. Энциклопедия истории США. М., 2018. С. 396.

участком в течение пяти лет и уплаты умеренного регистрационного взноса. Доступ на свободные земли рабовладельцев исключался. Практическая реализация закона в последней трети XIX в. сопровождалась нарушениями и коррупционными злоупотреблениями со стороны властей. Но земельными участками и фермами обзавелись миллионы простых белых американцев.

Восприятие Линкольном отмены рабства темнокожих определялось политической целесообразностью. После поражений северян летом—осенью 1862 г., когда их политическая судьба повисла на волоске, Линкольн 22 сентября 1862 г. обнародовал предварительную Прокламацию об освобождении рабов. Прокламация вступила в силу 1 января 1863 г. Рабовладение в 11 мятежных штатах отменялось без процедуры одобрения обеими палатами Конгресса США. В конце Гражданской войны была принята 13-я поправка к Конституции США, которая означала радикальную с точки зрения либерализма и американской буржуазной ментальности экспроприацию частной («говорящей») собственности на сумму в 3 млрд долл. На завершающем этапе войны Линкольн и республиканцы отказались от идеи вывоза чернокожих в Африку или Латинскую Америку.

Во время Реконструкции, последовавшей за Гражданской войной, режим чрезвычайного управления, введенный Республиканской партией и Конгрессом в 10 южных штатах, сопровождался распространением «прав человека» на чернокожих мужчин. В 1867—1868 гг. в 10 подвластных Конгрессу США южных штатах были проведены конституционные конвенты. Во время избрания конвентов сотни тысяч нелояльных белых южан поражались в избирательных правах, зато их получили взрослые чернокожие мужчины. В результате число черных избирателей в этих штатах превысило число белых — 735 тыс. против 635 тыс.¹² Новые конституции южных штатов наделили чернокожих мужчин равными с белыми гражданскими и политическими правами. Позднее федеральная Конституция была дополнена 14-й и 15-й поправками о равных гражданских и политических правах чернокожих.

К 1870 г. в федеральный Союз вернулись все южные штаты. Вскоре на Юге обозначились реставрационные тенденции. Во всех южных штатах стали одобряться избирательные нормы, согласно которым для получения права голоса необходимо было заплатить специальный налог и сдать экзамен на грамотность. При помощи подобных норм, которые федеральной Конституцией не запрещались (она не позволяла лишать права голоса по расовому признаку, а остальные нормы оставались в компетенции штатов), от участия в выборах оказались отстранены 90% чернокожих избирателей. Чернокожим на Юге было запрещено пользоваться совместно с белыми больницами, транспортом, школами и т.д. Режим расовой сегрегации утвердился на Юге на последующие сто лет.

Республиканская партия не проявила желания препятствовать этому. Северо-восточные нувориши в течение нескольких лет Реконструкции завоевали на Юге прочные экономические и социальные позиции, стали владельцами железных дорог, нефтяных скважин, многих промышленных и торговых предприятий. Их экономическим богатствам, созданным в значительной мере благодаря поддержке переродившейся Республиканской партии, ничто не угрожало. Также все социальные классы белого населения были против уравнивания в правах белых и чернокожих.

Последняя треть XIX в. отмечена утверждением на господствующей позиции в экономике крупных корпораций. Часть представителей крупного бизнеса вышла из нижних слоев, и в социал-дарвинистской идеологии, ставшей новым вариантом либерализма и воспринятой значительной частью нации, а не только верхним классом, их называли продуктом «естественного отбора» и «наиболее приспособленными» индивидами. Олигархи-нувориши отнесли к политической власти как к своей собственности¹³.

¹² *McPherson J.M.* Ordeal by Fire. The Civil War and Reconstruction. New York, 1992. P. 530.

¹³ *Burch P.H.jr.* Elites in American History. Vol. 2. The Civil War to the New Deal. New York, 1980. P. 320—321.

Произошло перерождение республиканцев из коалиции различных социальных сил, среди них средних и нижних слоев белых, каковой она была в эпоху Гражданской войны и Реконструкции, в выразительницу интересов верхов. Демократическая партия, вернувшая господство в южных штатах, в национальном масштабе также во все большей степени превращалась в выразительницу воли верхнего класса.

Судебные интерпретации наполняли реальным содержанием американские законы. 14-я поправка к федеральной Конституции США, одобренная в 1868 г., провозглашала, что «ни один штат не может лишить кого-либо жизни, свободы или имущества без надлежащей правовой процедуры»¹⁴. Инициаторы поправки предназначали ее для пресечения попытки властей южных штатов ограничить права чернокожих. После 1870-х годов судебная ветвь использовала эту поправку для того, чтобы пресечь попытки властей штатов как на Юге, так и на Севере, ущемить интересы бизнеса. В 1896 г. Верховный суд США признал расовую сегрегацию на Юге не противоречащей федеральной Конституции, поскольку, как утверждали судьи, 14-я поправка осуждает неравенство прав, но не возможность раздельного пользования ими.

В конце XIX в. свободные государственные земли в США были исчерпаны. В Америке среди белого населения стали укореняться экономические контрасты. Нижние слои вовлекались в протестные движения. Просвещенная элита с начала XX в., нейтрализуя «левые» партии, сосредоточилась на ограничении злоупотреблений корпораций и демократических политических требованиях. К важнейшим федеральным реформам относится 16-я поправка к Конституции США, вступившая в силу в 1913 г. и введившая федеральный подоходный налог. 17-я поправка к Конституции, введившая прямые выборы сенаторов, была одобрена также в 1913 г.

Впервые в американской истории успехов в обретении равных политических прав добились женщины¹⁵. На рубеже 80–90-х годов сторонницы избирательного права для женщин объединились в Национальной Американской женской суфражистской ассоциации. Суфражистки (сторонницы избирательных прав для женщин) создали мощную лоббистскую организацию в Вашингтоне, которая активно воздействовала как на конгрессменов, так и на руководство двух главных партий. Тогда же возникла на время Национальная женская партия. В 1918 г. Конгресс США высказался за внесение в Конституцию США поправки о наделении женщин избирательным правом (вступила в силу в 1920 г.). Это было движение белых женщин, и подавляющее их большинство не испытывали интереса к нуждам расово-этнических меньшинств. Большинство белых женщин той эпохи, подобно большинству белых мужчин, сохраняли расистское сознание.

Чернокожие, сталкиваясь с расизмом белых, не решались бороться за права, дарованные им в годы Реконструкции 1860-х годов. Популярность приобрела стратегия, предложенная чернокожим Букером Вашингтоном. Б. Вашингтон, родившийся в семье рабов, самостоятельно проделал путь «наверх» и, став ректором одного из первых колледжей для чернокожих, в 1895 г. предложил модель собственного успеха как основополагающую для чернокожих. Им, согласно Вашингтону, следовало воздерживаться от коллективного или индивидуального протеста, альтернатива которому – тяжкий ежедневный труд, направленный на достижение конкретного результата. Добившись успеха на основе подобной «протестантской этики», чернокожие могли рассчитывать на признание равенства с белыми. Концепция Вашингтона получила одобрение со стороны белого истеблишмента. В начале XX в. чернокожий уроженец северо-восточных штатов Уильям Дюбуа выступил с возражениями Б. Вашингтону, призывая к борьбе за восстановление гражданских и политических прав чернокожих. В 1909 г. его сторонники создали Национальную ассоциацию содействия прогрессу цветного населения, к которой примкнула и часть белой интеллигенции.

¹⁴ Конституции зарубежных государств. М., 2002. С. 362.

¹⁵ *Evans S.M. Born in Liberty: A History of Women in America.* New York, 1989. P. 130, 134, 135.

Политика власти в отношении индейцев свелась к дальнейшему вытеснению с мест проживания племен аборигенов. В период с 1866 по 1891 г. на Западе произошло 1065 столкновений между федеральными войсками и коренными американцами. Американские власти руководствовались в отношении индейских племен планом «концентрации», означавшим их перемещение со всех западных пространств на одну территорию между Канзасом и Небраской.

От плана «концентрации» отказались по причине упорного нежелания индейцев покидать обжитые места. Правительство США взяло на вооружение идею «ассимиляции» индейцев, означавшую «прививку» краснокожим буржуазных норм белой расы. Эта идея воплотилась в законе 1887 г. Закон Дауэса, под именем которого он вошел в историю, предполагал разрушение общинной земельной собственности индейцев и раздел ее в частное пользование. Согласно закону, при разделе земельной собственности племени главе каждой семьи нарезался надел в 160 акров, а остальным взрослым членам по 80 акров. При таких нормах меньшая часть земель племени переходила в частную собственность индейцев, большая часть становилась достоянием федерального правительства. К началу XX в. был произведен раздел 118 индейских резерваций. В результате индейцы потеряли 62% земли, принадлежавшей им до 1887 г. Права американских граждан они получили в 1924 г.

На этапе «десятилетия процветания» (1920-е годы) правящая Республиканская партия, окончательно переродившаяся в консервативную партию «верхов», предприняла усилия для увековечения прав англосаксов и превращения их в расово-этническую основу американской цивилизации. Федеральный закон 1921 г. ввел иммиграционную квоту, согласно которой ежегодное число иммигрантов любой национальности не должно было превышать 3% численности соответствующей этнической группы в США на 1910-й год. Вследствие этого закона приток иммигрантов в США сократился в 2,5 раза. В 1924 г. была полностью запрещена иммиграция из Восточной Азии. Для европейцев иммиграционная квота была снижена с 3% до 2%. К концу 1920-х годов общее число иммигрантов, ежегодно въезжающих в США, было законодательно ограничено 150 тыс., а на практике иммиграционные власти понижали ее еще более.

На протяжении всего периода процветания сохранялась высокая напряженность в отношениях белой и черной рас. Реакцией со стороны униженной расы явилось усиление «черного национализма». В 1920-х годах его наиболее ярким идеологом выступил выходец из Ямайки (иммигрировал в США в 1917 г.) Маркус Гарви. Он решительно отверг идею интеграции черных в белое североамериканское общество, призывал чернокожих воспитывать в себе чувство собственной расовой гордости, развивать собственный социум и культуру, которую он ставил выше белой культуры. Расово угнетенные американцы должны создавать «черный» капитализм, собственные профсоюзы, доказывая разнообразными способами жизнеспособность и достоинство черной Америки. Гарви, добившись немалого влияния, изменил акценты «черного» национализма и сделал упор на возвращение черной расы в Африку. В реализации этой идеи чернокожего Моисея поджидали непредвиденные трудности и в конечном счете крах. Негритянские государства не обнаружили желания поддерживать Гарви. Организованная им для переправки чернокожих в Африку акционерная парусная компания быстро обанкротилась. Гарви был обвинен в мошенничестве, привлечен к суду и приговорен к пяти годам тюремного заключения. В 1927 г. его помиловали, но тут же депортировали из США как «нежелательного иностранца»¹⁶. После этого пресеклась и деятельность его сторонников.

Лидер Демократической партии Ф.Д. Рузвельт, в 1930-е годы предпринявший усилия для превращения демократов в партию «забытых американцев», не проводил реформ

¹⁶ LaFeber W., Polenberg R., Woloch N. The American Century. A History of the United States since 1890s. New York, 1986. P. 167.

в интересах темнокожих¹⁷, азиатов, женщин, мусульман. Актуальные сегодня понятия «права человека», «мультикультурализм» были взяты на вооружение Демократической партией США после Второй мировой войны и в значительной мере определялись идеологической войной с СССР, ставшим, как и США, по итогам этой войны сверхдержавой.

Начало же нового этапа в истории «прав человека» положило движение чернокожих за восстановление и расширение своих прав, закрепленных в 14-й и 15-й поправках к федеральной Конституции, но попиравшихся белыми с последней трети XIX в. В значительной мере на изменение поведения чернокожих повлияло их активное участие в боевых действиях армии США, а также их вклад в военную экономику. Огромную роль в начале демонтажа системы сегрегации сыграл Верховный суд США после того, как в 1953 г. его председателем стал Э. Уоррен. Известный как человек консервативных взглядов, Уоррен совершенно неожиданно для выдвинувшего его на эту должность президента США республиканца Д. Эйзенхауэра начал отстаивать демократический подход в отношении чернокожих, склонив на свою сторону большинство Верховного суда. С формальной точки зрения в позиции этого органа США ничего революционного не было, ведь он только стремился вернуть чернокожим те права, данные им уже 90 лет в соответствии с поправками к федеральной Конституции, на страже которой и должен стоять Верховный суд. Но до Уоррена он действовал вопреки 14-й и 15-й поправкам.

В 1954 г. после рассмотрения жалобы чернокожего О. Брауна на запрет его дочери посещать школу для белых Верховный суд объявил сегрегацию в сфере образования антиконституционной. Поддержку Верховным судом права чернокожих на совместное обучение с белыми негритянская общественность восприняла как вторую Декларацию об освобождении (первая, напомним, была принята в 1862 г.) и вдохновила ее на более решительные действия против режима сегрегации. Целый ряд негритянских организаций стал все настойчивее критиковать режим сегрегации, но конкретные выступления против него происходили спонтанно. Так, в 1955 г. чернокожая жительница Монтгомери (штат Алабама) Р. Паркс, войдя в автобус, заняла место, предназначенное для белых, и категорически отказалась уступить его. После вмешательства полиции Паркс была заключена в тюрьму. Узнав об этом, чернокожие жители Монтгомери объявили бойкот городскому транспорту, продолжавшийся более года. Бойкот увенчался успехом. В ноябре 1956 г. Верховный суд США объявил сегрегацию на общественном транспорте противоречащей Конституции США.

События в Монтгомери и их последствия стали поворотным моментом в движении темнокожих за гражданские и политические права. Движение приобрело массовый характер, а во главе его встали новые организации, добившиеся широкого признания их авторитета. Первой среди таких организаций явилась Южная конференция христианских лидеров, созданная группой темнокожих священников во главе с Мартином Лютером Кингом-младшим. М.Л. Кинг (1929–1968), священник одной из баптистских церквей в Монтгомери, не только предложил идеологию массового движения чернокожих, но и стал его главным политическим лидером вплоть до своей гибели (его убил белый расист в 1968 г.). В отличие от Национальной ассоциации содействия цветному населению, добивавшейся восстановления прав темнокожих посредством апелляций к властным институтам и общественности, Кинг и его организация прибегли к тактике прямого действия, включившей массовые митинги, марши, забастовки протеста и др. Кинг верил, что белая и черная расы смогут стать единой американской нацией.

Обострившийся расовый конфликт потребовал реакции со стороны государственно-го руководства. Подавляющее большинство представителей южных штатов в Конгрессе США осудили как действия чернокожих, так и позицию Верховного суда США. В 1956 г.

¹⁷ Тем не менее объективно реформы Рузвельта способствовали улучшению положения темнокожих (см.: *Согрин В.В.* Три ключевые проблемы в исследовании истории Нового курса Ф.Д. Рузвельта // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 17).

был обнародован Южный Манифест, в котором решения судебной ветви объявлялись «явным злоупотреблением» (clear abuse)¹⁸. Но благодаря позиции конгрессменов-северян законодательная власть все же одобрила решения Верховного суда.

Неопределенной оказалась позиция федеральной исполнительной власти. Решения Верховного суда 1954 и 1956 гг. застали президента Эйзенхауэра врасплох. Но в 1957 г. в связи с событиями в Литтл-Роке (штат Арканзас) ему пришлось определяться. Осенью того года, когда девять чернокожих школьников попытались войти в центральную городскую школу, в которой до того обучались только белые, путь им преградил сам губернатор штата, призвавший на помощь членов местной национальной гвардии. Эйзенхауэру как гаранту федеральной Конституции пришлось вмешаться в конфликт и отправить федеральные войска на защиту прав чернокожих в Арканзасе. Губернатор штата вынужден был уступить, но в следующем году прибег к новому средству. На сей раз оно заключалось в прекращении финансирования тех школ, которые допустили совместное обучение белых и чернокожих. Этим методом воспользовались власти других южных штатов.

Ответом со стороны чернокожих жителей Юга стали новые акции массового протеста. В начале 1960 г. в южных штатах прокатилась волна «сидячих демонстраций» (sit-ins) чернокожих в сохранявшихся сегрегированных местах общественного пользования, в первую очередь в пунктах общественного питания. На волне этого массового протеста возникла еще одна влиятельная организация движения чернокожих — Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (СККНД). Его тактика во многом совпадала с тактикой организации М.Л. Кинга, но состав участников был более молодым, в нее вошли по преимуществу студенты, причем не только чернокожие, но и белые.

В 1961 г. участники движения чернокожих заручились поддержкой федерального правительства и Демократической партии, оказавшейся у власти после осенних национальных выборов 1960 г. В сентябре 1962 г., когда чернокожий студент Дж. Мередит попытался войти в здание университета Миссисипи (г. Оксфорд), а путь ему преградили расисты, президент США уже от Демократической партии Дж. Кеннеди отдал приказ федеральным войскам защитить конституционные права Мередита. Право Мередита на посещение университета было восстановлено. Вступивший в 1963 г. вместо убитого Дж. Кеннеди в президентскую должность Л. Джонсон объявил демократизацию законов о гражданских и политических правах одним из главных приоритетов.

Реформаторский размах Кеннеди — Джонсона, двух президентов от Демократической партии 1960-х годов, можно объяснить как давлением «снизу», так и общемировыми тенденциями, требовавшими от лидеров демократов укрепления устоев американской цивилизации. 1960 г. вошел в историю не только как дата избрания Кеннеди президентом США, но и как «год Африки». В СССР антиколониальные революции в африканских странах восприняли как реальный шанс менять соотношение сил в холодной войне в свою пользу. Многие освободившиеся африканские страны проявили интерес к социалистической модели. В Москве их стали называть «странами социалистической ориентации», начав предоставлять им разнообразную помощь, включая военную. Неприемлемые для США тенденции обозначились в Латинской Америке. Куба стала под руководством Ф. Кастро укреплять леворадикальный режим вблизи границ с Соединенными Штатами. Схожие тенденции проявились в Азии: Вьетнам, освободившись от французского владычества, обнаружил стремление заменить капитализм социализмом. Советский руководитель Н.С. Хрущёв провел серию социальных и политических реформ, улучшивших имидж Советского Союза.

Новый лидер Демократической партии Дж.Ф. Кеннеди в инаугурационной президентской речи 1961 г. заявил: «На всем земном шаре по-прежнему актуальна та революционная

¹⁸ Среди сенаторов-южан манифест отказались подписать только Л. Джонсон (президент США в 1963–1969 гг.), А. Гор (отец А. Гора, вице-президента США в 1993–2001 гг.) и Э. Кефвер.

вера, за которую сражались наши отцы... пусть каждая страна, желает она нам добра или зла, знает, что мы заплатим любую цену... утверждая жизнь и достижение свободы»¹⁹. Демократическая партия принимала новые законы не только в сфере расово-этнических отношений, ослабляя господство белой расы, но и в более широком плане социальной политики.

Л. Джонсон даже настаивал на недостаточности равенства возможностей и провозгласил достижение «равенства по факту и по результатам»²⁰. С 1960-х годов оформлялась концепция «социального гражданства». Она требовала от государства уменьшать фактическое неравенство, перераспределяя налоги, предоставляя нижним слоям льготы и помощь, гарантирующие качество жизни, соответствующее возможностям американской цивилизации. Для социальной политики Кеннеди — Джонсона характерно укрепление двух главных компонентов социального государства (social state) — во-первых, уже существовавшего со времен Рузвельта социального страхования, охватывающего всех американцев, и, во-вторых, введенного впервые социального вспомоществования, предназначенного для обездоленных слоев. Важной программой социального вспомоществования стала «Медикейд», предусматривавшая бесплатную медицинскую помощь миллионам малоимущих граждан. Важным нововведением 60-х годов стала программа продовольственной помощи, в первую очередь в виде продовольственных талонов нуждающимся американцам. Уровень бедности в США снизился за 1960-е годы в два раза²¹.

Законы 1964—1965 гг., принятые в интересах чернокожих, оказались, по заключению многих, Второй (после конституционных и законодательных актов 1860-х годов) американской Реконструкцией. В январе 1964 г. вступила в силу 24-я поправка к федеральной Конституции, отменявшая избирательный налог, служивший препятствием для участия чернокожих на Юге в выборах. Федеральный закон о гражданских правах, одобренный Конгрессом США 2 июля 1964 г., запретил расовую дискриминацию во всех местах общественного пользования, включая школы, больницы, транспорт, а также при приеме на работу. В августе 1965 г. Конгресс США одобрил закон об избирательном праве, отменивший ценз грамотности, второе главное препятствие для участия чернокожих на выборах в южных штатах. В интересах чернокожих стали широко применяться программы «позитивных действий» (affirmative actions). Согласно им, при поступлении на работу, в учебные заведения, конкурсном замещении различных вакансий афроамериканцам выделялись квоты, соответствовавшие их удельному весу в американском населении. Почти все чернокожие стали теперь голосовать за Демократическую партию.

1960-е годы стали важной вехой в продвижении равноправия женщин. Было снято табу с добрых сексуальных отношений, освящена не только свобода женщины в выборе и смене партнера-мужчины, но и свобода лесбийских, как и в целом однополых, отношений. В 1970-е годы федеральное правительство одобрило программу «позитивных действий» для женщин при заполнении вакансий в учреждениях и предприятиях, имеющих федеральные контракты. В 1973 г. женское движение добилось от Верховного суда США отмены запрета на аборт. Женщины боролись за осуждение укорененных в веках разнообразных форм «сексуальных домогательств» со стороны мужчин. В 1977 г. Верховный суд США дал правовое обоснование пресечения «сексуальных домогательств».

В 1960-е годы были приняты важные меры в интересах индейцев. В 1961 г. представители 67 индейских племен одобрили на съезде в Чикаго декларацию, обосновывавшую

¹⁹ Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789—2001 гг. / под ред. Э.А. Иваняна. М., 2001. С. 429—430.

²⁰ Цит. по: *Foner E. Give Me Liberty. An American History.* New York, 2008. P. 982.

²¹ *The Cambridge Economic History of the United States. Vol. III. The Twentieth Century / eds S.L. Engerman, R.E. Gallman.* New York, 2000. P. 263; *Statistical Abstract of the United States.* Washington, 1996. P. 472.

«право выбрать собственный образ жизни». В 1968 г. Конгресс США одобрил Закон о гражданских правах для индейцев (Indian Civil Rights Act), гарантировавший коренным американцам сохранение собственного жизненного уклада. К началу XXI в. численность индейцев достигла в США более 2 млн²².

С 1960-х годов стал оформляться *мультикультурализм*. До того иммигранты оказывались в «плавильном котле», который формировал американскую цивилизацию на основе англосаксонских ценностей²³. С 1960-х годов с концепцией «плавильного котла» стала соперничать концепция мультикультурализма, означавшая, что иммигранты и граждане разных этнических и расовых групп существуют в США суверенно и равноправно. Мультикультурализму особенно поспособствовал иммиграционный закон 1965 г., который можно рассматривать, помимо прочего, как ответ на стремление СССР привлечь на свою сторону народы Азии и Африки. Прежние запреты на иммиграцию для небелых этносов были отменены. Доминировать среди иммигрантов стали мексиканцы, до того прибывавшие в США по специальным разрешениям на временные работы. Теперь, прибыв на временную работу, они назад не возвращались.

Новым явлением в движении темнокожих стало распространение расового протеста на северные штаты²⁴. Первым радикальную доктрину выдвинул Малкольм Литтл, священник из Гарлема, получивший широкую известность под именем Малкольм Икс (Malcolm X). В 1964 г. он провозгласил, что этап «ненасильственного сопротивления себя исчерпал» и что «революции побеждают на крови»²⁵. В течение года его движение быстро набирало силу, но в 1965 г. прервалось после убийства Малкольма Икса. Немалое влияние приобрел последователь Малкольма Икса, лидер Студенческого координационного комитета ненасильственных действий С. Кармайл. В 1966 г. по его инициативе из организации были исключены белые участники, и она выдвинула лозунг «Власть черным». Дальнейшее развитие радикализм афроамериканцев (так вслед за Малкольмом Иксом его сторонники стали называть чернокожих американцев, а слово «негры» было предано остракизму) получил в движении «Черных пантер». Организация «Черные пантеры», созданная в октябре 1966 г., объявила капитализм главным источником унижения и эксплуатации черной расы.

Следующий этап истории «прав человека» в США был связан с президентством республиканца Р. Никсона. Во время президентских выборов 1968 г. кандидат Республиканской партии Р. Никсон на первое место среди недостатков в наследии администрации Кеннеди и Джонсона поставил не состояние экономики, а драматические военные поражения во Вьетнаме и нарастание антивоенного движения. Главные нововведения Никсона были связаны с изменением внешней политики, приверженностью политике «разрядки», способствовавшей ослаблению военно-политического «перенапряжения» (формулировка Г. Киссинджера, внешнеполитического советника Никсона). Высказываясь за начало переговоров с СССР по стратегическим вооружениям, Никсон вместе с тем заявил о важности «привязки» к ним достижения взаимопонимания по другим важным проблемам²⁶. Вначале в «привязку» (“linkage”) включали правила поведения на мировой арене. Но американские «ястребы» стали включать в «привязку» внутривнутриполитические проблемы СССР, что противоречило провозглашенному Никсоном – Киссинджером принципу невмешательства во внутренние дела СССР и Китая. Лидер консерваторов в сенате США Г. Джексон вместе с членом палаты представителей Ч. Вэником внес на рассмотрение конгресса проект, увязывавший предоставление СССР статуса наибольшего благоприятствования

²² Согрин В.В. Энциклопедия истории США. С. 357.

²³ См.: *Чертина З.С.* Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. М., 2000.

²⁴ *Trotter J.W., jr.* African American experience. Boston; New York, 2001. P. 52–53, 558.

²⁵ *Hine D.C., Hine W.C., Harold S.* African Americans. A Concise History. Upper Saddle River (N.J.), 2004. P. 434.

²⁶ *Two Centuries of U.S. Foreign Policy. The Documentary Record / ed. S.J. Valone.* Westport (Ct.); London, 1995. P. 156–157.

в торговле с США с принятием Москвой правил свободного выезда евреев из Советского Союза. «Поправку Джексона – Вэника» в 1974 г. одобрили обе палаты конгресса.

«Права человека» были превращены в орудие в борьбе с СССР и его союзниками. В декабре 1969 г. страны Западной Европы согласились с предложением стран Варшавского договора, выдвинутым в марте того же года, провести Общеευропейское совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе при условии участия в нем США и Канады. Страны Варшавского договора дали согласие, и в результате был запущен Хельсинкский процесс, имевший, как выяснилось позднее, опасные подводные камни для СССР. Г. Киссинджер суммировал: «Наиболее важным положением Хельсинкских соглашений явилась так называемая “третья корзина” по вопросам прав человека... “Третья корзина” обязывала все подписавшие соглашение страны претворять в жизнь и обеспечивать определенные, конкретно перечисленные основные права человека»²⁷.

При Дж. Картере, президенте США уже от Демократической партии (1977–1981 гг.), концепция «прав человека» стала основополагающей в борьбе с СССР. В американский «набор» «прав человека», воспринятый и в странах Западной Европы, были включены, кроме свободы выезда, перемещения по стране и миру, равноправие рас и этносов, а также свобода нетрадиционных семейных и сексуальных отношений, однополые браки, легализация сообщества ЛГБТ, молодежная контркультура 1960-х годов. Контркультура западной молодежи 1960-х была успешно интегрирована в массовую рыночную культуру.

Р. Рейган и республиканцы в 1980-х годах не посягали на новые социокультурные явления, глава США в конце президентства издал указ о легализации положения 11 млн незаконных мигрантов из Мексики. Вместе с тем, следуя постулатам неоконсерватизма, Рейган и республиканцы сократили многие программы помощи бедным и резко расширили возможности для капиталистического рынка и обогащения верхнего класса.

После завершения холодной войны между демократами и республиканцами произошло сближение по экономическим вопросам. Наибольшим было согласие по вопросам внешней политики. Но углубились расхождения в социокультурных вопросах, особенно по «правам человека» внутри страны. Б. Обама, первый темнокожий американец, мулат (отец – уроженец Кении, мать – белая американка), избранный в 2008 г. президентом США от Демократической партии, а в 2012 г. переизбранный на эту должность, был и остается приверженцем мультикультурализма. В США уже шли «культурные войны» вокруг таких явлений, как женское равноправие, сексуальная свобода, нетрадиционный брак, мультикультурализм, иммиграция. Национальный социокультурный раскол привел к оформлению «двух Америк». Женщины, среди которых наблюдалось снижение приверженности традиционным семейным ценностям, стали в большей мере оказывать поддержку демократам. Теперь, в отличие от начала XX в., женское движение включало не только белых, но и темнокожих, составив большинство избирателей.

Обама и демократы последовательно расширяли поддержку постмодернистских ценностей на законодательном уровне. Все большее число штатов одобряло однополые браки. Если до 2008 г. однополые браки были признаны только в Калифорнии, то в период президентства Обамы их признали более чем в 30 штатах, в том числе в Нью-Йорке. Успехом для сторонников нетрадиционных ценностей явилось решение Верховного суда США в июне 2013 г., уравнивавшее однополые браки с традиционными. Резко возросла толерантность в отношении геев со стороны масс американцев. Если в 1982 г. только 31% опрошенных признавали геев равными во всех отношениях остальным гражданам, то в 2008 г. таковых было 57%²⁸.

Как показывали социологические опросы, латентный расизм в ряде отношений возрос среди как черных, так и белых. По данным опросов, число белых, считавших черных

²⁷ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 690–692.

²⁸ Simon R.J., Abdel-Moneim M.A. Public Opinion in the United States. Studies of the Race, Religion, Gender and Issues that Matter. New Brunswick (N.J.), 2010. P. 45.

по умственным способностям равными себе, в период с 1942 по 1963 г. выросло с 41% до 73%. Но к 2008 г. этот показатель понизился до 48%²⁹. Выросло число тех, кто считал, что Америка «зашла слишком далеко» в утверждении равноправия темнокожих. Разнонаправленными были тенденции отношения американского большинства к ряду других этносов. Латиноамериканская иммиграция стала главенствующей в США, при этом многомиллионная нелегальная иммиграция по массовости превзошла легальную. Характер иммиграции в США вследствие целой серии либеральных иммиграционных законов последней трети XIX в. радикально изменился. Если прежде численность и этнический состав иммигрантов регламентировались квотами, то с конца XX в. квоты для Латинской Америки практически исчезли, а либеральный экономический режим в отношениях с Мексикой способствовал массовому свободному проникновению латиноамериканских иммигрантов в США. Усилилась критика нелегальной иммиграции. В Республиканской партии большинство считает, что иммиграция полезна для экономики, но нелегальную иммиграцию необходимо ограничивать.

Обама в период президентства еще более смягчил иммиграционную политику с учетом того, что выходцы из Латинской Америки в большинстве поддерживали на выборах Демократическую партию. Иммиграционный законопроект Обамы 2013 г. предполагал предоставление гражданства в течение 13 лет 11 млн нелегальных иммигрантов. Накануне выборов в Конгресс США осенью 2012 г. Обама издал беспрецедентный президентский указ, предоставивший гражданство 800 тыс. молодых нелегальных иммигрантов (до 30 лет), проживавших на территории Соединенных Штатов не менее пяти лет, окончивших американскую школу и не нарушавших законы страны. Значимы были и ноябрьские 2014 г. президентские указы Б. Обамы, вследствие которых, по расчетам американских специалистов, под амнистию попадали 5 млн нелегальных иммигрантов и их детей³⁰.

В 2016 г. соотношение незаконных и законных иммигрантов в США составило пять к одному. 8 ноября 2016 г. в ходе американских президентских выборов за кандидата от Демократической партии Х. Клинтон проголосовало 65,8 млн избирателей, за республиканца Д. Трампа – 62,9 млн. Благодаря мажоритарной системе выборов по штатам Трамп заручился поддержкой 306 выборщиков, а Клинтон – 232 при необходимом минимуме 270 голосов, необходимых для избрания президентом США. 19 декабря при голосовании выборщиков Трамп получил 304 голоса, а Клинтон – 227.

Трамп заручился поддержкой менее половины граждан, принявших участие в выборах, а если учесть всех американцев, наделенных правом голоса, т.е. и тех, кто не пришел на избирательные участки, тогда выходит, что число поддержавших его составило лишь четверть от числа избирателей. Тем не менее его избрание соответствовало нормам американской избирательной системы. Победа Трампа стала сенсацией, она опровергла выводы социологических опросов и мнение подавляющего большинства аналитиков, предрекавших победу Х. Клинтон³¹.

Программа Трампа была наиболее близка палеоконсерватизму. Наиболее ярким представителем палеоконсерватизма («возвращение к корням») являлся Пат Бьюкенен. Всю сознательную политическую жизнь Бьюкенен исповедовал консерватизм и поддерживал Республиканскую партию. В 1964 г. он выступал на стороне реакционера Б. Голдуотера, в последующем был ближайшим советником Р. Рейгана. В 1992 и 1996 гг. пытался сам выдвинуться кандидатом в президенты от Республиканской партии, но потерпел неудачу. В 2000 г. дистанцировался от республиканцев, организовал Реформаторскую партию, но на президентских выборах потерпел сокрушительное поражение.

²⁹ Ibid. P. 2–3, 81.

³⁰ Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015. С. 475.

³¹ Согрин В.В. Внутри- и внешнеполитические факторы победы Дональда Трампа // Американский ежегодник 2017. М., 2018. С. 35–48.

Важнейшей причиной возможного краха США, по Бьюкенену, являлись мультикультурализм и иммиграционная политика властей. Сам Бьюкенен озабочен сохранением господства в США христианства и англосаксонского этноса. Именно их он объявил основами североамериканской цивилизации, а в их ослаблении видит верный путь к ее краху. Бьюкенен приводит данные о радикальной перемене этнической и религиозной основ США³². Важное место во взглядах Бьюкенена занял анализ взаимоотношений белой расы и афроамериканцев. Он доказывает, что «черный расизм» постоянно нарастает. «Культурные войны», начавшиеся в 1960-е годы, разделили, согласно Бьюкенену, американцев на два главных лагеря. Первый – традиционалисты, не желающие отказываться от десяти христианских заповедей, как и от идеологических заветов отцов-основателей. Второй лагерь – «постмодернисты», т.е. люди, воспринявшие свободу и равенство в максималистских трактовках, одобривших полное уравнение женщин в правах и социальных ролях с мужчинами, так же как полное уравнивание в правах всех рас и этносов, вероисповеданий. «Горячими точками» в «культурных войнах» стали темы нетрадиционных сексуальных отношений и ориентаций, однополых браков, неограниченного права женщин на аборт. Бьюкенен видит в них смертельную опасность для американской цивилизации.

Палеоконсерватизм не завоевал большинства ни в Республиканской партии, ни тем более в стране, но его влияние оказалось достаточным среди граждан для победы Д. Трампа в 2016 г. на президентских выборах. Трамп, по сути, был независимым кандидатом, близким независимому Р. Перо, успешно участвовавшему в президентских выборах 1992 г., но все же потерпевшему поражение. Трамп, никогда прежде не участвовавший в политике, решил выдвинуться от Республиканской партии. Другие ее выдвиженцы Трампа осмеивали, но тот победил и их, и Х. Клинтон.

Трамп обещал отменить закон Обамы о государственном обязательном медицинском страховании и вернуть традиционное страхование. Он провозгласил радикальное сокращение налогов на бизнес. Одной из целей было возвращение транснациональных корпораций в США, а вместе с этим воссоздание миллионов рабочих мест. В области иммиграции Трамп рассчитывал расследовать и выкорчевать злоупотребления визовыми программами, а самое главное – построить пограничную стену между США и Мексикой (более 3 тыс. миль) и обуздать нелегальную иммиграцию. На съезде Республиканской партии Трамп пошел на определенные уступки неоконсервативному большинству. Программа подтвердила присутствовавший в платформах республиканцев 1992–2012 гг. неоконсервативный вариант американского мирового лидерства. Внутриполитические пункты Трампа практически не претерпели изменений.

Показательно процентное соотношение республиканских и демократических голов избирателей, согласно авторитетному экзитполу. Мужчины – 52 : 41, женщины – 41 : 51, белые – 57 : 37, небелые – 21 : 74. Образованная часть избирателей голосовала за Х. Клинтон – 52 : 42, а менее образованная – за Д. Трампа – 51 : 44³³. Большое количество избирателей поддержали иммиграционную программу Трампа, как и его программу по борьбе с терроризмом.

Придя к власти, Трамп сразу же натолкнулся на серьезное сопротивление при попытках практической реализации своей программы. Был отклонен его проект отмены государственного медицинского страхования. Не встретила поддержки и идея сотрудничества с Россией в борьбе с международным терроризмом. Перейдя к обороне, Трамп начал доказывать, что он гораздо более жесткий противник России, нежели Б. Обама и Х. Клинтон.

³² Работы Бьюкенена переводились на русский язык. См.: *Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада*. М., 2003; *Его же. Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша*. М., 2006; *Его же. На краю гибели*. М., 2008.

³³ *Согрин В. В. Внутри- и внешнеполитические факторы...* С. 48.

Трамп повел борьбу против иммиграции. Преодолевая сопротивление демократов и части консерваторов в Конгрессе США, он начал строительство стены на границе с Мексикой (впрочем, так и не законченное), стал ограничивать выдачу виз выходцам из мусульманских стран, планировал резкое ограничение числа грин-крат, а впоследствии и их отмену, наметил иные меры по резкому сокращению гражданства в США для «цветных».

В 2017 г. был принят закон о сокращении налогов на бизнес. Выиграли от него верхние слои. Два года спустя, по данным опроса авторитетного Центра Пью, 46% считали действующую налоговую систему справедливой, 52% – несправедливой. Трампу не удалось отменить закон Б. Обамы о государственном медицинском страховании, но он гордился тем, что сумел отменить штраф за просрочку обязательного медицинского страхования. Важнейшей своей целью Трамп объявил устранение социализма в Латинской Америке и в самих США. Под социализмом он понимал любые социальные программы, зачисляя в социалисты Демократическую партию.

Некоторые российские эксперты (особенно журналисты) обрушились на Демократическую партию США как на «либерастов», а часть из них даже начали прогнозировать социалистическую революцию в результате ее победы. Это не так. Главным спонсором партии являются ТНК, и партия, выполняя их волю, следует требованию Клинтон и неоллибералов – руководить мировой глобализацией. Но победить с помощью «товара», приемлемого для одного верхнего класса, на национальных выборах невозможно. Демократы сделали ставку на мультикультурализм, который, по их расчетам, должен обеспечить поддержку большинства нации, с учетом того, что его одобряли не только небелые этносы, но и многие белые американцы, особенно молодежь и женщины. Поддержкой Демократической партии пользовались женское движение «ми ту» («me too»), движение чернокожих и сочувствующим им слоям белых «Жизни черных [тоже] имеют значение» («Black lives matter»). Демократы, фигурально выражаясь, встали на колени перед темнокожими. В прошлом в конкурентной политической борьбе они не раз поглощали внесистемную оппозицию разных мастей.

Президентские выборы состоялись 3 ноября 2020 г. В них участвовало 66,7% избирателей – рекорд для XX–XXI вв. Байден превзошел результат Барака Обамы 2008 г., получив более 81 млн голосов. Из-за коронавирусной пандемии рекордное количество бюллетеней было подано досрочно по почте. Сенатор Камала Харрис из Калифорнии, американка азиатского происхождения, стала вице-президентом. Трамп и его сторонники-республиканцы распространяли версию о масштабных фальсификациях голосований и обратились с судебными исками в штаты, но генеральный прокурор и официальные лица в каждом из 50 штатов не обнаружили доказательств нарушений во время выборов.

6 января 2021 г. состоялось массовое выступление в пользу Трампа в столице США. Толпа на короткое время оккупировала Капитолий, большинство в котором принадлежало демократам. Погибли четыре человека. На следующий день Трамп признал свое поражение. Инаугурация его преемника состоялась 20 января 2021 г. В программе 2020 г., одобренной на съезде Демократической партии, «многообразии» провозглашалось высшей ценностью, а протест – одной из «высших форм патриотизма»³⁴. Партия обещала повысить минимальный уровень зарплаты до 15 долл. в час к 2026 г., удешевить жилищный кредит, добиться полного уравнивания прав для женщин, расово-этнических и гендерных меньшинств. Во внутренней политике приоритетом объявлялись интересы среднего и нижнего классов, обещая преодолеть застой в их материальном положении, распространить плоды экономического роста на все группы и слои населения.

Партия осудила иммиграционную политику Трампа и признала, что еще до Трумэна в США принимались иммиграционные законы, не соответствовавшие современным

³⁴ 2020 Democratic Party Platform. Washington, 2020. P. 5–6.

стандартам демократов. Иммиграционная программа партии отстаивала мультикультурализм в противовес идеям «плавильного котла». Программа предложила «дорожную карту» для нелегальных иммигрантов, направленную на обеспечение им гражданства в США. В случае практической реализации программы Демократической партии – распространение полного равенства на небелые расы и этносы, а также геев и в целом ЛГБТ – мог кардинально измениться облик американской цивилизации, возникшей как англосаксонская цивилизация с равноправием для белых мужчин.

В первый же день президентства Байден отменил многие решения Трампа. Он подписал указ о возвращении США к Парижскому соглашению по климату, из которого страна вышла после прихода к власти Дональда Трампа, отменил решения Трампа о выходе из Всемирной организации здравоохранения, о запрете на въезд в США из некоторых стран с преимущественно мусульманским населением. Было заявлено, что демократы останвят строительство стены вдоль границы между США и Мексикой, ужесточат меры по борьбе с «системным расизмом» и проявлениями дискриминации по признаку гендерной идентичности или сексуальной ориентации. Президент отменит запрет министерства обороны на службу транссексуалов в вооруженных силах. В целом демократы обещали распространить «права человека» на все расы и этносы, все сексуальные меньшинства.

Для понимания современной позиции Демократической партии США важен общий контекст мышления либералов. В нем зафиксировано нарастание кризиса современного либерализма. По заключению многих либералов, переход к демократии в Восточной Европе, Турции и Юго-Восточной Азии застопорился. Государства, где имела место «арабская весна», не смогли демократизироваться. В самих США с середины 1980-х годов открытые рынки и глобализация привели к снижению доходов для большинства. Рост реального среднего дохода домохозяйства в Соединенных Штатах не наблюдался с середины 1970-х годов. Социальная мобильность подверглась стагнации даже среди американцев с высшим образованием. К 1984 г. только половина всех детей в семьях зарабатывала больше, чем их родители, а тот же показатель в 1940-х годах составлял 92%. Особенного внимания заслужила иммиграция. За время пребывания на посту президента США Дональд Трамп сократил легальную иммиграцию на 49%, политизировал пограничный контроль и применил жесткую иммиграционную практику, включая разлучение детей с родителями. Это необходимо устранить на основе «нового общественного договора»³⁵.

Но уже в течение первых «ста дней» президентства, имеющих принципиальное значение для определения курса правящей партии, главе государства пришлось учитывать, что политика – «искусство возможного». Главным препятствием для Байдена явилось то, что демократы, имея большинство в палате представителей, делили поровну – 50 на 50 – места с республиканцами в сенате. Имело значение и то, что республиканцы жестко критиковали демократов в подвластных им СМИ, в первую очередь на телеканале «Фокс». Губернаторы ряда штатов издали указы по борьбе с нелегальной иммиграцией.

Байден пошел на уступки республиканцам³⁶. 17 апреля 2021 г. он подписал указ о приеме в 2021 финансовом году (период с 1 октября 2020 г. по 30 сентября 2021 г.) 15 тыс. беженцев. На беженцев из государств Африки выделено 7 тыс. виз, Восточной Азии – 1 тыс., Европы и Центральной Азии – 1,5 тыс., Латинской Америки и государств бассейна Карибского моря – 3 тыс., Ближнего Востока и Южной Азии – 1,5 тыс. Еще 1 тыс. виз остается в резерве. Но раньше Байден обещал увеличить число принимаемых беженцев до 62,5 тыс.³⁷ Указ Байдена о более чем четырехкратном сокращении приема

³⁵ Foreign Affairs. 4.IV.2021.

³⁶ Материалы о деятельности Дж. Байдена основаны на данных, почерпнутых из информации службы «Голоса Америки». Оценки и интерпретации – авторские.

³⁷ Прием беженцев отличается от предоставления убежища мигрантам. Беженцы должны пройти проверку, находясь за границей, и там же получить разрешение на въезд в США, в отличие от мигрантов, которые прибывают на границу США и только потом просят убежища.

беженцев стал ударом для либеральных организаций, которые хотели, чтобы президент-демократ сразу на практике изменил политику в отношении беженцев, проводившуюся Трампом.

Компромиссный подход характерен для мер Байдена и в отношении мигрантов. В феврале 2021 г. он подписал три указа, касающиеся иммиграционной политики США. 19 марта 228 законодателей, в основном демократы, поддержали законопроект, предоставляющий правовой статус примерно 2 млн «мечтателей» – детей нелегальных мигрантов, которых родители ввезли в страну до наступления совершеннолетия, и сотням тысяч мигрантов, допущенных по гуманитарным соображениям из десятка проблемных стран. 197 республиканцев проголосовали против принятия законопроекта. 247 членов Палаты представителей также поддержали законопроект, обеспечивающий правовую защиту для 1 млн сельскохозяйственных рабочих, нелегально работающих в США: по оценкам правительства они составляли половину сельскохозяйственных рабочих в стране.

Дискуссии об иммиграционной политике в Вашингтоне усилились. По словам республиканцев, глава государства открыл границы для беспрепятственной нелегальной иммиграции. Число несовершеннолетних, прибывших без сопровождения взрослых, по сравнению с мартом прошлого года выросло более чем в четыре раза. Власти в марте задержали более 170 тыс. мигрантов на юго-западной границе США. «New York Times», самая влиятельная либеральная газета, отметила, что это самый высокий показатель за любой месяц по крайней мере за последние 15 лет. В конце марта Байден обратился к потенциальным мигрантам, надеющимся пересечь границу США: «Не приходите!» 25 марта на первой официальной пресс-конференции президента в Белом доме он заявил, что наилучший способ разрешить проблему миграции – это обратиться к нерешенным проблемам в странах, являющихся ее источниками.

Президент проявил твердость в поддержке мер в пользу темнокожих американцев. 21 апреля президент и вице-президент выказались в пользу решения присяжных в Миннеаполисе, признавших белого полицейского виновным в убийстве чернокожего Джорджа Флойда. Байден назвал приговор по спорному делу «уникальным, но гигантским шагом вперед на пути к достижению справедливости в Америке» и преодолению «системного расизма». Вице-президент Камала Харрис заявила: «Мы все еще должны реформировать систему». Она призвала Конгресс принять «закон имени Джорджа Флойда». Байден поддержал ее.

Байден подписал указ, призванный облегчить процедуру участия американцев в выборах. Указ Байдена предусматривал устранение барьеров, мешающих голосованию инвалидов. Должна быть создана межведомственная координационная группа по улучшению избирательных прав коренных американцев. Демократы в Палате представителей одобрили законопроект о реформе избирательных процедур, требующий от штатов передать вопросы нарезки округов по выборам в Конгресс независимым комиссиям. Ни один сенатор-республиканец не проголосовал «за». Президент подверг критике процедуру «филибастера»³⁸, указав, что этой мерой серьезно злоупотребляют.

Палата представителей США передала в Сенат избирательный законопроект, наиболее серьезный со времен принятия закона «Об избирательных правах» 1960-х годов. Закон призван создать национальные стандарты, которые упростят регистрацию и голосование для избирателей, включая досрочное голосование и голосование по почте, применить федеральные законы против дискриминации избирателей. Сенаторы-республиканцы обнаружили намерение блокировать закон с помощью «филибастера».

³⁸ Принцип филибастера не ограничивает право любого сенатора занимать ораторскую трибуну. Сенатор, который хочет остановить филибастер, должен собрать 16 подписей, подождать еще два дня, и только после этого возможно голосование. При этом необходимо получить одобрение минимум 60 из 100 сенаторов.

Демократы и президент в ответ заявили о намерении утвердить правило одобрения закона не 60% голосов, которых нет у демократов в верхней палате, а простым большинством в 51 голос, которым демократы в совокупности с голосом вице-президента — председателя сената обладают.

Также в «первые сто дней» Палата представителей приняла «Закон о равенстве» — о правах ЛГБТ, который запрещает дискриминацию по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности во многих сферах, включая занятость, жилье, образование, общественные помещения, кредитование и участие в жюри присяжных. Голоса в нижней палате разделились преимущественно по партийной линии, и только трое республиканцев поддержали законопроект.

На главу государства оказывалось давление «снизу», отвергающее компромиссы с республиканцами. Отстаивалась концепция «Третьей американской Реконструкции». «Первая Реконструкция» 1860—1870-х годов покончила с рабством, утвердила правовое и политическое равенство чернокожих, но затем она была похоронена белыми расистами. «Вторая Реконструкция» 1950—1960-х годов запретила апартеид, восстановила гражданские и избирательные права чернокожих. «Третья Реконструкция», которую вменяют в обязанность Дж. Байдену, призвана покончить с ограничением избирательных прав, полицейским произволом и массовым заключением темнокожих в тюрьмы, закрепить равные права для всех «цветных».

Идеологическим нововведением Байдена и демократов в сравнении с неоконсерваторами явилось разделение всех стран не на три группы — демократические, авторитарные, тоталитарные, как требовала Дж. Кирпатрик, представитель США в ООН эпохи Р. Рейгана, а только на две — демократические, в которые были зачислены страны Запада, и авторитарные, к которым отнесли Китай и Россию. Байден призвал страны Запада к сплочению вокруг США в конкуренции с авторитарными странами, успехи которых в создании рыночной экономики он признал.

28 апреля 2021 г. Байден выступил с обращением к Конгрессу, подводя итог «ста дням». По словам главы государства, за первые сто дней его президентства в экономике было создано более 1,3 млн рабочих мест. Он предложил план создания рабочих мест в Америке — «самый крупный план со времен Второй мировой войны». «Эти инвестиции может осуществить только правительство, — доказывал Джо Байден. — Это хорошо оплачиваемая работа, которую нельзя вывезти за рубеж. Почти 90% рабочих мест, созданных в рамках Американского плана занятости для строительства инфраструктуры, не требуют высшего образования». По словам президента, новый пакет инвестиций в создание инфраструктуры и рабочих мест обойдется почти в 4 трлн долл., что примерно равно годовому федеральному бюджету США.

Байден пояснил, что собирается финансировать планы развития Америки «без увеличения бюджетного дефицита». Он пообещал, что повышение налогов не коснется людей, зарабатывающих менее 400 тыс. долл. в год. По словам Байдена, пришло время, чтобы «корпоративная Америка и 1% самых богатых американцев заплатили свою долю по справедливости». Многие компании, отметил Байден, уклоняются от уплаты налогов через офшорные убежища от Швейцарии до Бермудских и Каймановых островов, извлекая выгоду из налоговых лазеек и вычетов.

Лидер республиканского меньшинства в Палате представителей К. Маккарти утверждал, что республиканцы не могут «позволить Соединенным Штатам идти по пути социализма с правительством, которое решает, сколько кому разрешено зарабатывать, а остальное конфискует и передает политическим соратникам и приближенным». Республиканцы указали, что Байден не уделил должного внимания инвестициям в вооруженные силы.

Американские избиратели, по данным социологических опросов, разделяются примерно поровну сторонников мер демократов и их противников. Те, кто был против,

негативно оценивали иммиграционную политику Байдена. Республиканцы получили шанс на успех в ходе последующих выборов. Но сохраняет актуальность пророчество именитого политолога И. Валлерстайна: «Если принять во внимание четыре основных критерия неравного распределения — пол, раса и национальность, возраст и социальный класс, становится ясным, что те, кто получает меньше, чем полноценную долю, составят большинство голосующих»³⁹.

Библиография

- Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М., 2003.
- Бьюкенен П.Дж.* Правые и не-правые. Как неоконсерваторы заставили нас забыть о рейгановской революции и повлияли на президента Буша. М., 2006.
- Бьюкенен П.Дж.* На краю гибели. М., 2008.
- Валлерстайн Э.* Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. № 4. С. 67–77.
- Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789–2001 гг. / под ред. Э.А. Иваняна. М., 2001.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.
- Конституции зарубежных государств. М., 2002.
- Пейн Т.* Избранные сочинения. М., 1959.
- Согрин В.В.* Три ключевые проблемы в исследовании истории Нового курса Ф.Д. Рузвельта // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 3–24.
- Согрин В.В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015.
- Согрин В.В.* Внутри- и внешнеполитические факторы победы Дональда Трампа // Американский ежегодник 2017. М., 2018. С. 35–48.
- Согрин В.В.* Энциклопедия истории США. М., 2018.
- Согрин В.В.* Новое в изучении Американских революций // Американский ежегодник 2020. М., 2020. С. 234–248.
- Согрин В.В.* «Публичная история» и профессиональная историография // Российская история. 2020. № 2. С. 139–148.
- Согрин В.В.* Двухпартийная система в американской истории // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 69–87.
- Чертина З.С.* Плавленный котел? Парадигмы этнического развития США. М., 2000.
- 2020 Democratic Party Platform. Washington, 2020.
- Burch P.H. jr.* Elites in American History. Vol. 2. The Civil War to the New Deal. New York, 1980.
- Evans S.M.* Born in Liberty: A History of Women in America. New York, 1989.
- Foner E.* Give Me Liberty. An American History. New York, 2008.
- Hine D.C., Hine W.C., Harold S.* African Americans. A Concise History. Upper Saddle River (N.J.), 2004.
- Hunter R.* Poverty. New York, 1904.
- LaFeber W., Polenberg R., Woloch N.* The American Century. A History of the United States since 1890s. New York, 1986.
- McPherson J.M.* Ordeal by Fire. The Civil War and Reconstruction. New York, 1992.
- Morris R.B.* Government and Labor in Early America. New York, 1946.
- Nash G.B.* Red, White and Black: the Peoples of Early America. Englewood Cliffs (N.J.), 1982.
- Simon R.J., Abdel-Moneism M.A.* Public Opinion in the United States. Studies of the Race, Religion, Gender and Issues that Matter. New Brunswick (N.J.), 2010.
- Smith A.E.* Colonists in Bondage: White Servitude and Colonial Labor in America. 1607–1776. New York, 1947.
- Statistical Abstract of the United States 1996. Washington, 1996.
- The Cambridge Economic History of the United States. Vol. III. The Twentieth Century / eds S.L. Engerman, R.E. Gallman. New York, 2000.
- The Collected Works of Abraham Lincoln. Vols. 1–9 / ed. R.F. Basler. New Brunswick (N.J.), 1953–1955.
- Tocqueville A. de.* Democracy in America. Vol. 1–2. New York, 1835, 1840.
- Trotter J.W., jr.* African American experience. Boston; New York, 2001.

³⁹ *Валлерстайн Э.* Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995. № 4. С. 67, 73–77.

Two Centuries of U.S. Foreign Policy. The Documentary Record / ed. S.J. Valone. Westport (Ct.); London, 1995.

References

- Buchanan P.J.* Na kraiu gibeli [On the Edge of Death]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Buchanan P.J.* Pravye i ne-pravye. Kak neokonservatory zastavili nas zabyt' o rejganovskoj revolucii i povlijali na prezidenta Busha [Right – wing and non-right-wing. How Neoconservatives made us forget about the Reagan Revolution and influenced President Bush]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Buchanan P. J.* Smert' Zapada [The Death of the West]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Chertina Z.S.* Plavil'nyj kotel? Paradigmy jetnicheskogo razvitiia SShA [Melting pot? Paradigms of Ethnic Development in the USA]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Inauguratsionnye rechi amerikanskikh prezidentova ot George Washingtona do George Busha 1789–2001 / red. E.A. Ivanya [Inaugural speeches of US Presidents from George Washington to George Bush 1789–2001 / ed. E.A. Ivanyan]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Kissinger G.* Diplomatiia [Diplomacy]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Konstitutsii zarubezhnykh strannykh gosudarstv [Constitutions of Foreign States]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Paine T.* Izbrannyye sochineniia [Selected works]. Moskva, 1959. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Tri kl'uchevykh problemy v izuchenii Novogo kursa F.D. Roosevelta [Three Key Problems in Research of F.D. Roosevelt's New Deal] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary history]. 2007. № 5. S. 3–24.
- Sogrin V.V.* SShA v XX–XXI vekakh. Liberalism. Demokratii. Imperiia [USA in the 20th–21st centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Vnutri- i vneshpoliticheskie faktory pobedy Donal'da Trampa [Domestic and foreign policy factors of Donald Trump's victory] // Amerikanskii ezhegodnik 2017 [American Yearbook 2017]. Moskva, 2018. S. 35–48. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Entsiklopediia istorii SShA [Encyclopedia of the US History]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Novoie v izuchenii amerikanskikh revolutsiy [New in the study of American Revolutions] // Amerikanskii ezhegodnik 2020 [American Yearbook 2020]. Moskva, 2020. S. 234–249. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* “Publichnaia istoriia” i professional'naia istoriografiia [“Public History” and professional historiography] // Rossiiskaia istoriia [Russian history]. 2020. № 2. S. 139–148. (In Russ.)
- Sogrin V.V.* Dvukhpartiinaia sistema v amerikanskoi istorii [The two-party System in American History] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and Contemporary history]. 2021. № 1. S. 69–87. (In Russ.)
- Tocqueville A.de.* Demokratii v Amerike [Democracy in America]. T. 1–2. Moskva, 1992, 2001. (In Russ.)
- Wallerstein E.* Amerika i mir: vchera, segodnia i zavtra [America and the World: Today, Yesterday and Tomorrow] // Svodnaia mysl' [Free Thought]. 1995. № 4. S. 67–77. (In Russ.)
- 2020 Democratic Party Platform. Washington, 2020.
- Burch P.H. jr.* Elites in American History. Vol. 2. The Civil War to the New Deal. New York, 1980.
- Evans S.M.* Born in Liberty: A History of Women in America. New York, 1989.
- Foner E.* Give Me Liberty. An American History. New York, 2008.
- Hine D.C., Hine W.C., Harrold S.* African Americans. A Concise History. Upper Saddle River (New Jersey), 2004.
- Hunter R.* Poverty. New York, 1904.
- LaFeber W., Polenberg R., Woloch N.* The American Century. A History of the United States since 1890s. New York, 1986.
- McPherson J.M. Ordeal by Fire. The Civil War and Reconstruction. New York, 1992.
- Morris R.B.* Government and Labor in Early America. New York, 1946.
- Nash G.B.* Red, White and Black: the Peoples of Early America. Englewood Cliffs (N.J.), 1982.
- Simon R.J., Abdel-Moneim M.A.* Public Opinion in the United States. Studies of the Race, Religion, Gender and Issues that Matter. New Brunswick (N.J.), 2010.
- Smith A.E.* Colonists in Bondage: White Servitude and Colonial Labor in America. 1607–1776. New York, 1947.
- Statistical Abstract of the United States 1996. Washington, 1996.
- The Cambridge Economic History of the United States. Vol. III. The Twentieth Century / eds S.L. Engerman, R.E. Gallman. New York, 2000.
- The Collected Works of Abraham Lincoln. Vol. 1–9 / ed. R.F. Basler. New Brunswick (N.Y.), 1953–1955.
- Tocqueville A. de.* Democracy in America. Vol. 1–2. New York, 1835, 1840.
- Trotter J.W., jr.* African American experience. Boston; New York, 2001.
- Two Centuries of U.S. Foreign Policy. The Documentary Record / ed. S.J. Valone. Westport (Ct.); London, 1995.

DOI: 10.31857/S013038640018289-5

© 2022 г. А.А. САГОМОНЯН

ИСПАНЦЫ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сагомонян Александр Артурович — доктор исторических наук, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: scobochka@mail.ru

Scopus Author ID: 57220933771; ORCID: 0000-0001-9346-5402

Аннотация. В Великой Отечественной войне участвовали сотни испанских добровольцев, которые разными путями, в составе нескольких «потоков» оказались в СССР во время или после Гражданской войны в Испании (1936–1939): вывезенные в Советский Союз испанские дети; несколько тысяч эвакуированных после падения Республики членов испанской компартии и ее руководители; испанские республиканцы, вызволенные советскими дипломатами из французских лагерей для интернированных в 1939–1940 гг. Кроме того, в СССР остался после начала войны последний выпуск пилотов, проходивших курс повышения летного мастерства в авиационной школе в Кировабаде. Цель представленной статьи – систематизировать имеющиеся в источниках (мемуарных и архивных) и литературе сведения об участии испанских добровольцев в войне на стороне Советского Союза, сделать выводы относительно характера и форм этого участия. У советских призывных пунктов не было полномочий принимать испанцев, не имевших советского гражданства, на службу в Красную армию, и испанские добровольцы получили возможность попасть на фронт благодаря советским военным руководителям, воевавшим в Испании в годы Гражданской войны. Именно поэтому наиболее массовой и эффективной оказалась боевая деятельность испанцев в тылу врага в составе партизанских и диверсионных групп, а также в авиации. Испанские добровольцы вписали яркую страницу не только в историю своей страны, но и в историю Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, добровольцы, испанские антифашисты, партизанская борьба, военная авиация, И.Г. Старинов, Рубен Руис Ибаррури, Хосе Мария Браво.

A.A. Sagomonyan

Spaniards in the Great Patriotic War

Alexander Sagomonyan, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: scobochka@mail.ru

Scopus Author ID: 57220933771; ORCID: 0000-0001-9346-5402

Abstract. Hundreds of Spanish volunteers who had ended up in the Soviet Union in various ways during or after the Spanish Civil War (1936–1939) took part in the Great Patriotic War. First, they were Spanish children, including teenagers. Secondly, several thousand members of the Spanish Communist Party and its leaders evacuated after the fall of the Republic. Thirdly, Spanish Republicans rescued by Soviet diplomats from French internment camps in 1939–1940. In addition, after the outbreak of war, the last of the pilots who had taken a pilot training course at the aviation school in Kirovabad remained in the USSR. The aim of this article is to systematise the information available in memoirs, archival sources and literature on the participation of Spanish volunteers in the war on the Soviet side and to draw conclusions as to the nature and forms of that participation. Soviet conscription centres did not have the authority to enrol Spaniards who did not have Soviet citizenship into the Red Army, and Spanish volunteers were allowed to go to the front thanks to several Soviet military officers who had

fought in the Spanish Civil War. It is for this reason that the most massive and effective military efforts of the Spaniards behind enemy lines were in partisan and sabotage groups, as well as in the air force. The Spanish volunteers wrote a glorious chapter both in the history of their country and in the annals of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, volunteers, Spain, anti-fascism, guerrilla warfare, military aviation, I.G. Starinov, Ruben Ruiz Ibarruri, Jose Maria Bravo.

26 июня 2003 г. на Поклонной горе в Москве был торжественно открыт Памятник-часовня. Надпись на русском и испанском языках гласит: «Испанцам, павшим в Великой Отечественной войне 1941–1945». Испанскую сторону на церемонии представлял принц Астурийский Фелипе, нынешний король Испании Филипп VI.

По различным сведениям, на стороне Советского Союза в годы войны сражалось от 700 до 800 испанских добровольцев, из них погибло около 200 человек. Испанская газета «El Paiz», ссылаясь на данные Испанского центра в Москве, насчитывает около 800 испанцев; потери – 151 человек погиб и 15 пропало без вести¹. Примерно столько же советских военнослужащих погибло и в годы Гражданской войны в Испании².

Имеется довольно ограниченный круг специальной научной литературы, посвященный участию испанцев в Великой Отечественной войне. Ряд испанских авторов затрагивали эту тему в работах о судьбах испанской эмиграции после Гражданской войны в различных странах, в том числе в СССР³. В 1986 г. на русском языке вышла книга Роке Серны, участника Гражданской войны, который затем воевал в рядах Красной армии. Его обширный труд представляет собой собрание беллетризованных очерков, описаний боевых эпизодов и т.п., богат реальными фактами и именами, основан на многочисленных воспоминаниях⁴. До сих пор в Испании наблюдается особый интерес к двум темам: боевому пути испанских летчиков в СССР⁵ и судьбам юных испанцев, эвакуированных в СССР в период Гражданской войны⁶.

В отечественной историографии первой научной публикацией стала небольшая статья В.И. Талашовой, основанная на архивных источниках⁷. В вышедшей в 2002 г. книге А.В. Елпатьевского⁸ имеется отдельная глава об участии испанцев в Великой Отечественной войне, включающая в себя ряд уникальных неопубликованных документов из нескольких российских архивов. С.Б. Вязьменский разрабатывает тему участия испанских «детей войны» в обороне Ленинграда⁹.

¹ *Ibarruri D.* Воспоминания. Кн. 2. М., 1988. С. 64; *Memoria. 1941–1945.* Madrid, 2001. P. 4; *El Paiz.* 9.IX.2010.

² Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеина. М., 2001. С. 359.

³ *Pons Prades E.* Republicanos españoles en la Segunda Guerra Mundial. Barcelona, 1975; *Rubio J.* La emigración de la Guerra civil de 1936–1939. Historia de exodo que es produce con el fin de la II Republica española. Madrid, 1977.

⁴ *Serna R.* Heroísmo español en Rusia. 1941–1945. Madrid, 1981; *Serna P.* Испанцы в Великой Отечественной войне. М., 1986.

⁵ *Madariaga R. de.* Aviadores Españoles en la URSS. 1936–1938. Valladolid, 2018. В 1976 г. в Барселоне было создано Объединение республиканских летчиков – *Asociación de Aviadores de la República (ADAR)*, которое и в наши дни регулярно проводит различные памятные мероприятия, научные конференции и др.

⁶ См., например: *Devillard M.J., Castillo S., Medina N.* Los niños españoles en la URSS (1937–1977). Narración y memoria. Barcelona, 2001; *Colomina Limonero I.* Los Niños de la Guerra de España en la Unión Soviética. Córdoba, 2019.

⁷ *Талашова В.А.* Испанские добровольцы в борьбе с германским фашизмом на фронтах Великой Отечественной войны // Проблемы германской истории. Вып. 3. Вологда, 1975. С. 121–128.

⁸ *Елпатьевский А.В.* Испанская эмиграция в СССР: историография и источники, попытка интерпретации. М.; Тверь, 2002.

⁹ См., например: *Вязьменский С.Б.* Ленинградская битва 1941–1944: испанские добровольцы в 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19). С. 29–44.

Известный советский организатор партизанской и диверсионной борьбы в тылу врага И.Г. Старинов называл испанцев первыми иностранцами, ставшими воинами Красной армии в 1941 г., самыми многочисленными представителями других стран, сражавшимися в рядах наших партизан, «беззаветно мужественными, бесконечно скромными»¹⁰. И это, конечно, не случайно, если вспомнить тесные связи между СССР и республиканской Испанией в годы Гражданской войны в этой стране (1936–1939 гг.). После ее окончания несколько тысяч испанцев нашли прибежище в Советском Союзе.

Еще во время войны испанских детей и подростков (около 3 тыс. человек) стали вывозить в СССР. Повзрослев, многие из них поступили в военные училища, пошли добровольцами в ополчение и в советские вооруженные силы.

Помимо этого, сразу после падения Республики были эвакуированы в СССР около 4 тыс. (вместе с членами семей) испанских коммунистов, в том числе руководители компартии во главе с Хосе Диасом и Долорес Ибаррури, партийные активисты, командиры республиканской армии (Э. Листер, Х. Модесто, А. Кордон и др.), военные специалисты.

В СССР оказались и испанские республиканцы, вызволенные советскими дипломатами из французских лагерей для интернированных, в которых они оказались после победы франкистов в 1939 г. (в Аржелес-сюр-Мер, Сен-Сиприене, Баркаре и др.). Условия их содержания – люди (отнюдь не пленные!) находились за несколькими рядами колючей проволоки, голодали, спали на голой земле; дети умирали на руках у матерей, многочисленные жандармы с автоматами всегда были готовы открыть огонь – ужасалась даже французская газета «Се суар»: «В нашей истории не было такого примера, что эмигрантов третировали, как банду злодеев и врагов. Ни с кем, даже с немецкими военнопленными после Первой мировой войны... так презрительно и жестоко не обращались, как с испанскими беженцами»¹¹.

Благодаря усилиям Советского Союза, а также руководству Французской компартии те, кто изъявил желание отправиться в СССР («красные испанцы», как их окрестили местные газеты), освобождались из лагерей (около 2000 человек)¹². Из французских портов их отправляли на кораблях в Советский Союз. Так, уже в апреле 1939 г. из Гавра в Ленинград прибыл пароход «Сибирь», на борту которого находились бывшие бойцы республиканской армии.

В СССР эмигрантов, нуждавшихся в лечении, направляли в санатории, остальных размещали в домах отдыха МОПР, а потом распределяли по разным городам (Москва, Ленинград, Харьков, Одесса, Горький, Тбилиси и др.), трудоустраивали, направляли на учебу, в том числе в военные училища и академии¹³. Вывоз испанцев из Франции прекратился в июне 1940 г.

С началом Великой Отечественной войны многие испанцы, оказавшиеся в СССР, приняли решение добровольно вступить в Красную армию. Уже 23 июня 1941 г. руководители Коммунистической партии Испании Хосе Диас и Долорес Ибаррури направили в ЦК ВКП(б) письмо, в котором выражали искреннее стремление испанцев принять участие в войне с гитлеровцами. Они писали, что «дело Советского Союза является нашим собственным делом... Мы помним преступления фашизма в народной Испании и готовы бороться до последней капли крови с нашими советскими братьями...». О таких же намерениях свидетельствует и послание испанских офицеров и генералов председателю Коминтерна Г. Димитрову: «Сражаться на фронте с германскими фашистами является для нас, испанцев, которые столь многим обязаны Советскому Союзу... долгом

¹⁰ Старинов И.Г. Записки диверсанта. М., 1997. С. 367.

¹¹ Цит. по: Мещеряков М.Т. Испанская республика и Коминтерн. М., 1981. С. 192–193.

¹² Serrano S. Maquis. Historia de la guerrilla antifranquista. Madrid, 2006. P. 138.

¹³ Серна Р. Указ. соч. С. 18–20, 68–69; Arias A. Arde el cielo. Valencia, 1995. P. 345–349; Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., 2001. С. 488; Мероньо Пельисер Ф. No pasaran! Они не пройдут! М., 2008. С. 260–269.

военных и коммунистов»¹⁴. Они рвались в бой, но, не имея советского гражданства, считались иностранцами, у военкоматов не было полномочий их принимать. Советские паспорта имели к тому времени буквально единицы, только они на добровольной основе могли вступить в Красную армию.

Самым известным в Советском Союзе испанским участником Великой Отечественной войны, именем которого называли улицы, о ком снимали фильмы и писали повести, был Рубен Руис Ибаррури (1920–1942). Сын видных деятелей КПИ, он прибыл в СССР вместе с другими детьми после ареста матери, Д. Ибаррури, в 1935 г. С началом Гражданской войны добился возвращения на родину, храбро сражался, стал сержантом. В 1939 г. Рубен вновь прибыл в СССР; проучившись год в Качинском летном училище, поступил в Московское пехотное училище. С первых дней Великой Отечественной войны находился на Западном фронте. Его пулеметная рота 6 часов удерживала мост на реке Березине. В этом бою Рубен был ранен. Орден Красного Знамени в Кремле ему вручил М.И. Калинин. Многие запомнили страстное выступление Рубена Ибаррури 28 сентября 1941 г. в Колонном зале Дома союзов, где он призвал молодежь всего мира подняться на борьбу с фашизмом.

Летом 1942 г. старший лейтенант Ибаррури сражался под Сталинградом. Вышедший 28 июля приказ наркома обороны «Ни шагу назад» перекликался со знаменитым призывом Пассионарии, его матери, «Но пасаран!». Его рота 35-й гвардейской стрелковой дивизии более суток сдерживала наступление фашистов южнее станции Котлубань. В этом бою 24 августа испанский герой был смертельно ранен и умер в госпитале 3 сентября. В 1956 г. Рубену Руису Ибаррури было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза¹⁵.

С начала и до конца войны на особом положении находилась в СССР группа «элитных» военных кадров. Г. Димитров писал советским руководителям Г.М. Маленкову и Г.К. Жукову 30 июля 1941 г.: «Имеется группа испанских товарищей в количестве 27 человек, заканчивающих Академию им. Фрунзе, которые настоятельно просят допустить их участвовать в войне против фашистского врага. Кроме того, группа испанских летчиков в количестве 40 человек... обратилась к нам с просьбой ходатайствовать о принятии их на советскую службу. Желательно было бы вопрос... по возможности положительно решить»¹⁶.

В декабре 1943 г. с просьбой относительно этих же выпускников Академии им. Фрунзе, а также четырех из Академии Генерального штаба Д. Ибаррури обратилась непосредственно к И.В. Сталину: «Мне известны соображения, по которым не желают мобилизовать испанских военных командиров... *их хотят сохранить для борьбы в Испании* (выделено мной. — А.С.)»¹⁷. После этого письма многих из указанных в письме Ибаррури офицеров зачислили на военную службу (некоторые стали преподавателями Академии им. Фрунзе), но в боевых действиях они участия не принимали. Известным командирам республиканской армии Э. Листеру, Х. Модесто, А. Кордону в 1944 г. было присвоено звание генерал-майора.

У большинства испанцев в начале войны было два пути, чтобы попасть на фронт: уйти в ополчение или в партизаны. Одними из первых испанцев, вступивших в бой с фашистами в 1941 г., стали бывшие воспитанники ленинградских детских домов, которые с началом войны десятками устремились в военкоматы. По разным источникам, от 63 до 74 человек смогли записаться в июле в 3-ю Ленинградскую дивизию народного ополчения, им помог офицер, ранее служивший в Испании¹⁸. Вместе со своей дивизией они

¹⁴ Цит. по: *Мещеряков М.Т.* Вся жизнь — борьба. (О Хосе Диасе). М., 1976. С. 207–208.

¹⁵ *Серна Р.* Указ. соч. С. 40–42, 263; *Arias A.* Op. cit. P. 235.

¹⁶ Коминтерн... С. 488, 489.

¹⁷ Ибаррури Сталину. Москва, 21.12.1943. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 318. Л. 83–84, 86.

¹⁸ *Вязьменский С.Б.* Указ. соч. С. 32.

сразу же оказались в эпицентре жестоких боев, многие из них погибли или попали в плен к финнам. Как вспоминал помощник начальника штаба Выборгского полка по разведке В. Дружинин: «это были юноши 16–18 лет, молодые ребята, очень симпатичные, прекрасно знали русский язык»¹⁹.

Сразу после нападения Германии на СССР И.Г. Старинову была поручена организация боевой деятельности в тылу врага, именно по его инициативе в партизанских отрядах оказалось множество испанцев. В годы Гражданской войны в Испании Старинов как советский военный советник был одним из создателей знаменитого XIV корпуса, который проводил партизанские операции против франкистских войск. Командиром корпуса был подполковник Доминго Унгрива²⁰.

После войны Д. Унгрива и многие его товарищи жили в Харькове. С самого начала Отечественной войны Старинов доложил о них командованию Юго-Западного фронта, испанцы были зачислены в специальные батальоны. Старинов вспоминал: «Одна из главных заслуг испанцев в этой войне — то, что они щедро делились своим боевым опытом с нашими партизанами. Мне хочется отметить мужество и отвагу Хосе Веско, Хуана Браво, Рафаэля Эстрельо... и многих других, которые помогли подготовить соответствующие кадры на Украине, в Белоруссии и в России и сами активно участвовали в партизанских действиях»²¹.

Позднее полковник Старинов станет заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), а созданные им на различных фронтах диверсионные подразделения войдут в эту оперативную структуру.

Вскоре после начала войны в рамках НКВД была создана Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) для проведения боевых операций на оккупированной территории. Бригада формировалась на Центральном стадионе «Динамо» в Москве из добровольцев — выпускников учебных заведений НКВД, спортсменов (даже таких известных, как братья Знаменские, Б. Галушкин и др.), а также из политэмигрантов-антифашистов: чехов, словаков, поляков, болгар, венгров, немцев и др. (почти все они воевали в составе интербригад в Испании).

Было в бригаде и около 40 испанцев, которые в основном прибыли из г. Горького, где работали на автозаводе. Руководителем этой группы (особой роты) был Перегрин Перес Галарса, одним из взводов командовал Роке Серна. Эта группа вместе с советскими бойцами обеспечивала охрану Кремля в самые тяжелые дни октября 1941 г.²²

Боевое крещение бригада приняла в битве за Москву, а в дальнейшем ее бойцы наносили удары по коммуникациям противника в Калининской области, лесах Белоруссии и Украины, в горах Северного Кавказа, на побережье Балтийского и Черного морей, в Крыму, на Кубани и других местах. Ими было пущено под откос более 1000 вражеских эшелонов, уничтожено на аэродромах более 50 самолетов, подорвано около 140 танков²³.

В своих воспоминаниях Д. Ибаррури писала, что спецгруппа этой бригады, состоящая только из испанцев, в 1942 г. была заброшена в немецкий тыл под видом военнослужащих испанской «голубой дивизии» вермахта. Ее возглавлял Хосе Парра Мойя. Одной из целей было освободить из концлагеря попавшего в плен сына Сталина Якова Джугашвили. Однако по приказу сверху операция была отменена²⁴.

В составе знаменитого партизанского разведывательно-диверсионного отряда ОМСБОН «Победители», которым командовал легендарный Д.Н. Медведев, воевало

¹⁹ Там же. С. 39.

²⁰ *Старинов И.Г.* Записки диверсанта. С. 64–66, 122–123.

²¹ Там же. С. 223–224; *Старинов И.Г.* Мины замедленного действия. М., 1999. С. 224.

²² *Pons Prades E.* Op. cit. P. 511; *Серна Р.* Указ. соч. С. 28, 31–34.

²³ *Серна Р.* Указ. соч. С. 25–26, 184–186; *Ваушиасов С.А.* На тревожных перекрестках. М., 1988. С. 223–224; *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1994. С. 150–151; *Пихоя Р.Г.* СССР: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 122–123; 178.

²⁴ *Ибаррури Д.* Указ. соч. С. 63–64.

14 испанцев²⁵. Среди них был и знаменитый партизан Хосе Грос, который оставил книгу воспоминаний²⁶.

К началу 1942 г. на Южном фронте сложилась угрожающая обстановка, была прямая угроза прорыва противника на Кубань. Для проведения диверсий в тылу противника решением Военного совета фронта был создан специальный батальон минеров и десантников, среди которых были и испанцы. Как писал И.Г. Старинов, плечом к плечу сражались «донецкие, московские, кордовские, рязанские, валенсийские, тульские, барселонские, алтайские и баскские парни». 7 февраля три небольшие группы партизан вышли на первое задание по льду Таганрогского залива. В результате таких «ледовых походов» немецким захватчикам был нанесен огромный урон, было полностью парализовано движение вражеского транспорта между Бердянском и Таганрогом. Эти боевые операции были высоко оценены командующим фронтом Р.Я. Малиновским. Особенно отличились испанцы Мариано Чико, Анхель Альберка, Франсиско Гульон, Мануэль Бельда, Франсиско Гаспар и другие²⁷.

С боевой деятельностью этого спецбатальона связано одно, возможно, судьбоносное для нашей страны событие. 22 февраля стремительной атакой был захвачен населенный пункт Кривая Коса, фашистский гарнизон был частично перебит, частично пленен. Были уничтожены две артиллерийские батареи, три прожекторные установки, средства связи. В штаб батальона было доставлено большое количество трофейных документов, в том числе толстая общая тетрадь, принадлежавшая убитому майору инженерных войск вермахта. Тетрадь была испещрена графиками, формулами и диаграммами с пояснениями. Не владевший немецким языком И.Г. Старинов показал ее одному из своих офицеров. Тот не нашел в ней ничего важного: «Все какая-то синтетика, товарищ полковник... Да еще бред об атомной энергии...» Но Старинов оставил тетрадь у себя, а в апреле, прибыв в Москву, отнес ее в Государственный комитет обороны уполномоченному по науке С.В. Кафтанову. Как оказалось, содержание тетради свидетельствовало о начавшейся в гитлеровской Германии работе по использованию в военных целях атомной энергии, а убитый немецкий офицер совершал поездки по оккупированным южным районам нашей страны в поисках урана. Как утверждал С.В. Кафтанов, эта тетрадь сыграла важную роль в принятии советским руководством программы по созданию ядерного оружия²⁸.

В августе 1942 г. Ленинградским штабом партизанского движения был создан отряд из опытных партизан-диверсантов для дезорганизации вражеских сил в районе осажденного Ленинграда. Именно на этом участке действовала тогда в составе вермахта испанская «голубая дивизия». Командиром интернационального отряда был назначен 22-летний капитан Франсиско Гульон, являвшийся во время Гражданской войны в Испании одним из лучших офицеров-разведчиков. Его заместителем стал Анхель Альберка, как и Гульон, — участник «ледовых походов». Отряд получил имя К.Е. Ворошилова²⁹. В сентябре он был тремя группами заброшен в тыл врага на самолетах, но уже при десантировании понес большие потери. Шесть месяцев отряд, фактически небольшая оставшаяся его часть под командованием Ф. Гульона, взрывал автомашины с живой силой, уничтожал телефонные и телеграфные линии; пустил под откос шесть воинских эшелонов (в районе Кингисепа, на перегоне Луга — Ленинград), лишь четверо партизан

²⁵ Элита русской разведки. М., 2005. С. 241–242.

²⁶ Gros J. Abriendo camino. Relatos de un guerrillero comunista español. Paris, 1972. P. 32. В ней он рассказывает о своем участии в трех войнах: Гражданской 1936–1939 гг., Великой Отечественной и антифранкистской герилье в Испании в 1946–1951 гг.

²⁷ Старинов И.Г. Записки диверсанта. С. 261–266; Серна Р. Указ. соч. С. 49–50.

²⁸ Кафтанов С.В. По тревоге // Химия и жизнь. 1985. № 3. С. 6–13; Старинов И.Г. Записки диверсанта. С. 274–275, 291–292; Чиков В.М., Керн Г. Охота за атомной бомбой. М., 2001. С. 88–91, 103–104; Холловой Д. Атомоход Лаврентий Берия. М., 2011. С. 58–59.

²⁹ Серна Р. Указ. соч. С. 59–60, 134.

сумели в конце концов пробиться к своим через линию фронта. «Вся деятельность отряда, вплоть до возвращения Ф. Гульона, Х. Гомеса, Е. Семенова, А. Сухушина в советский тыл 20 марта 1943 г. — это не только разведка, диверсии на железных, автомобильных дорогах, бои с карателями, но и борьба с голодом, холодом, болезнями, и, что самое главное, борьба за честное имя отряда, заподозренного ЦШПД в работе на немцев»³⁰. Ф. Гульон станет первым испанским партизаном, награжденным орденом Ленина (скончался от полученных ранений в 1944 г.).

Во время наступления советских войск под Сталинградом в тыл немецких войск было заброшено 16 диверсионных групп с боевой задачей не допустить организованного отвода войск и техники — взрывать мосты, минировать железные дороги, уничтожать живую силу противника. Группами командовали и испанские антифашисты — майор Р. Баскуньоно, лейтенант С. Кампильо, лейтенант Х. Лорете. Группы Кампильо и Лорете уничтожили важнейший стратегический мост на Манычском канале, полностью вывели из строя железную дорогу Краснодар — Новороссийск, было подорвано шоссе между Анапой и Крымской. Группа Кампильо за девять дней подбила два танка, уничтожила 11 автомашин с боевой техникой, пустила под откос эшелон в районе Сальска³¹.

Во время боевых действий в Краснодарском крае также отличились испанские бойцы. Основной магистралью, снабжавшей немецкие войска в этом районе, была железная дорога Джанкой — Владиславовка — Керчь. Главное командование требовало у руководства ЦШПД постоянно держать ее под ударами. Поступили сведения о прибытии в оккупированный Крым на один из секретных полигонов новой германской техники. Была подготовлена спецгруппа минеров и разведчиков из 11 человек, в том числе пяти испанцев; командиром назначен 33-летний майор Мигель Бойсо. Группа была заброшена в тыл врага 14 марта 1943 г. недалеко от села Шубина. Лишь на пятый день она сумела выйти на связь по радиации и сообщила ценнейшие сведения о секретном полигоне, об уничтожении ею трех эшелонов. Но больше на связь группа не выходила. Лишь позднее стало известно о судьбе разведчиков: они были окружены, приняли неравный бой и погибли. Однако полученные сведения позволили следующей разведгруппе подобраться к секретному полигону, обнаружить новую технику, получить данные о модифицированном самолете «Фоке-вульф 190А-4»³².

По мнению Х. Рубио, в рядах партизан сражались около 90% из тех 700 испанцев, что участвовали в боях на советском фронте³³. А Старинов признавался: «Только в частях, которыми мне довелось командовать во время партизанской борьбы в тылу врага, участвовало 356 испанцев»³⁴.

Что касается испанских летчиков, то их судьбу проследить сложнее, поскольку, в отличие от партизан, они в основном были по двое-трое рассредоточены по разным соединениям, редко, когда их было больше в составе одного авиаполка. Всего в советских авиационных частях сражались около 70 испанских пилотов³⁵.

Известный летчик Антонио Ариас вспоминал, что конец Гражданской войны застал его полк в Каталонии, в нем оставалось всего четыре самолета, горючее полностью закончилось. Был получен приказ эвакуироваться во Францию; самолеты было решено сжечь. «Мы не хотим, чтобы французы подарили наши самолеты Франко», — сказал командир полка. Ариас пишет: «До чего же мне было больно смотреть, как горит мой

³⁰ Вязьменский С.Б. Формирование и боевой путь интернационального партизанского отряда им. К.Е. Ворошилова. 1942–1943 // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 74.

³¹ Серна Р. Указ. соч. С. 62, 203; Старинов И.Г. Записки диверсанта. С. 337–339.

³² Серна Р. Указ. соч. С. 64; Ибаррури Д. Указ. соч. С. 65; Старинов И.Г. Записки диверсанта. С. 351–352.

³³ Rubio J. Op. cit. P. 445.

³⁴ Старинов И.Г. Добровольцы двух войн: предисловие // Серна Р. Указ. соч. С. 6.

³⁵ Серна Р. Указ. соч. С. 294; Коминтерн... С. 488.

любимый самолет № 260, на котором я столько раз сражался и побеждал...» Далее были французский концлагерь и прибытие в Ленинград на советском корабле «Мария Ульянова»³⁶. В августе 1941 г. Ариас вошел в небольшую группу испанских летчиков, которая, пройдя специальную подготовку, участвовала в составе 1-й воздушной специальной бригады (находящейся в подчинении НКВД) в обороне Москвы³⁷.

Самая многочисленная группа пилотов-испанцев оказалась в Советском Союзе еще до окончания Гражданской войны. В 1937 г. руководство СССР приняло решение помочь Испанской республике в подготовке и повышении квалификации летных кадров. И в 20-й военной школе летчиков в Кировабаде (Азербайджан) были организованы шестимесячные курсы для обучения испанских пилотов. Контроль был возложен на Разведуправление РККА и его руководителя Я.К. Берзина. Всего было пять наборов по 180–190 человек в каждом. Курсанты первых четырех наборов завершили обучение и были отправлены в Испанию, пятый выпуск остался в СССР – к этому времени франкисты одержали победу³⁸.

С начала Великой Отечественной войны испанские авиаторы выразили желание сражаться в советских военно-воздушных силах, мотивируя это лютой ненавистью к фашистской Германии, из-за которой в Испании победили мятежники-франкисты, а они сами стали политическими эмигрантами. Они стремились поквитаться с асами из гитлеровского легиона «Кондор», воевавшего на стороне Франко. Но вступить в ряды ВВС РККА было непросто. Поначалу летчиков, как и других добровольцев, брали только в партизаны, зачисляя на курсы минеров. И они успели проявить себя в диверсионных операциях и под Харьковом, и при обороне Москвы, под Таганрогом и Азовом.

Ситуация изменилась только в 1942 г. благодаря содействию участника боев в Испании, прославленного советского летчика и авиационного военачальника генерала А.С. Осипенко. О горячем стремлении авиаторов-испанцев воевать именно в небе рассказал ему при встрече его хороший знакомый летчик Хосе Мария Браво³⁹. И испанских добровольцев, прошедших профессиональную проверку, стали зачислять в авиационные части Красной армии⁴⁰. Они очень хотели, чтобы из испанских летчиков была создана отдельная воинская часть наподобие французского полка «Нормандия – Неман», в котором они могли бы лучше проявить себя. Такая идея вначале обсуждалась, испанскому полку было даже придумано название «Эбро – Волга», однако по ряду причин от нее отказались⁴¹. Но, например, во второй эскадрилье 439 истребительного авиационного полка (ИАП), которой командовал Антонио Ариас, из десяти пилотов пять были испанцами; она прошла славный боевой путь и до самого конца войны ее называли «испанской»⁴².

Летчик Франсиско Мероньо Пельисер вспоминал: «В годы Великой Отечественной войны мы, испанские летчики, воевали почти на всех фронтах от Москвы до Берлина... мы защищали с воздуха советскую столицу и другие города, участвовали в Сталинградской битве, в боях на Курской дуге... боролись за освобождение Польши и Венгрии... Мы знали и боль утраты. На фронтах погибли наши лучшие летчики...»⁴³.

Одним из асов-испанцев, прошедших всю войну, был Альфонсо Гарсия Мартин. Во время Гражданской войны в Испании его в воздушном бою спас ценой своей жизни советский летчик Александр Герасимов. Самолет Герасимова был сбит тогда

³⁶ *Arias A.* Op. cit. P. 333–349.

³⁷ *Pons Prades E.* Op. cit. P. 560.

³⁸ *Горбунов Е.А.* Сталин и ГРУ. М., 2010. С. 308–309; Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. М., 2018. С. 290–291; *Мероньо Пельисер Ф.* Указ. соч. С. 39–50.

³⁹ *Старинов И.Г.* Записки диверсанта. С. 367; *Madariaga R. de.* Aviadores Españoles en la Union Sovietica // Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании. М., 2021. С. 180.

⁴⁰ *Старинов И.Г.* Записки диверсанта. С. 366–367; *Мероньо Пельисер Ф.* Указ. соч. С. 381.

⁴¹ Видимо, главную роль сыграло то, что Испания официально сохраняла статус нейтральной страны.

⁴² *Серна Р.* Указ. соч. С. 287; *Arias A.* Op. cit. P. 402; *Мероньо Пельисер Ф.* Указ. соч. С. 338.

⁴³ *Мероньо Пельисер Ф.* Указ. соч. С. 399.

«Мессершмитт-109», на фюзеляже которого была изображена змея. Альфонсо взял имя и фамилию своего спасителя. В составе 208 штурмового авиационного полка он сражался на самолете «Ил-2» на Воронежском и Сталинградском фронтах, в Корсунь-Шевченковской операции командовал эскадрильей штурмовиков. В небе над Курском он встретил «мессер» со змеей и сумел его сбить. Этот эпизод, возможно, и легенда, что несколько не умаляет воинской доблести летчика. Всего Гарсия-Герасимов совершил 119 боевых вылетов, в последние дни войны он участвовал в битве за Берлин и в Пражской операции, награжден шестью боевыми орденами⁴⁴.

Брат министра Испанской республики Висенте Урибе – Антонио Урибе был вывезен в годы Гражданской войны в СССР. Вместе с другими десятью юными испанцами обучался в московском аэроклубе ОСОАВИАХИМ, а затем по личному распоряжению К.Е. Ворошилова все они были направлены в Борисоглебское летное училище. Антонио Урибе сражался в небе на Курской дуге, сбив два немецких самолета. Выдержка из его наградного листа: «17 августа 1943 г. в 13.00 в составе четверки Ла-5 младший лейтенант Урибе Антонио вылетел на прикрытие наших войск в район Ахтырка. Во время патрулирования наших самолетов группа вновь введенных в бой немецких штурмовиков ХП-129 пыталась штурмовать наши войска. Тов. Урибе в составе четверки истребителей смело атаковал вражеские самолеты и в воздушном бою сбил один самолет противника ХП-129, который упал в районе Мал. Истороба. Воздушный бой с вражескими самолетами и героическое поведение младшего лейтенанта Урибе и других летчиков нашей группы истребителей наблюдало с земли высшее командование авиационных частей фронта. За успешную борьбу с авиацией противника и проявленный героизм младший лейтенант Урибе Антонио достоин государственной награды – ордена Отечественной войны 1 степени». А. Урибе погиб в воздушном бою 15 декабря 1943 г.⁴⁵

Хосе Паскуаль и Доминго Бонилья служили в 788 ИАП 102-й истребительной авиационной дивизии ПВО. Их эскадрилья в небе под Сталинградом уничтожила 30 фашистских самолетов, Хосе Паскуаль лично сбил 14 (став самым результативным испанским летчиком). В его характеристике говорилось, что он «среди личного состава пользуется большим авторитетом, как боевой смелый летчик. Своим героизмом в боях воодушевляет на боевые подвиги остальной летный состав. При сбитии превосходящим по силе противником комиссара АЭ обеспечил последнему спуск на парашюте, прикрыв от попытки атак истребителей противника». Посмертно он был награжден орденом Ленина⁴⁶.

Мануэль Ороско был единственным испанцем в составе 785 ИАП. Под Курском он пошел на таран, но потом сумел спасти себя и самолет, выйдя из штопора уже совсем близко от земли.

Четырнадцатилетним подростком был эвакуирован в СССР Бенито Игнасио Агирре. Во время Гражданской войны на родине погибли его родители. В Москве Бенито закончил восемь классов, аэроклуб ОСОАВИАХИМ и поступил в Борисоглебскую летную школу. С июля 1943 г. он – боевой летчик 159 ИАП. Командование отмечало, что младший лейтенант Агирре «при выполнении заданий проявляет исключительную храбрость и находчивость. 7 февраля 1944 г. во время штурмовки эшелона 1 ФВ-190 зашел в хвост ведущего и пытался атаковать его, мл. л-т Агирре-Бенито мгновенно развернулся и отсек противника, чем спас жизнь своего командира. Преследуя в паре с ведущим, ФВ-190 был сбит». Награжден орденом Красной Звезды. Агирре погиб 9 марта 1944 г. – немецкие зенитки сбили его самолет в районе Чудского озера. Летчик совершил жесткую

⁴⁴ Серна Р. Указ. соч. С. 278–280; Arias A. Op. cit. P. 374.

⁴⁵ Коминтерн... С. 487–488; Мероньо Пельисер Ф. Указ. соч. С. 359–360; Быков М. Испанская грусть // URL: <https://warspot.ru/1199-ispanskaya-grust> (дата обращения: 10.01.2021).

⁴⁶ Серна Р. Указ. соч. С. 264; Мероньо Пельисер Ф. Указ. соч. С. 339, 352.

посадку, вступил в перестрелку с приближающимися солдатами противника, последний патрон оставил для себя⁴⁷.

Уникальна судьба Хосе Мария Браво. Выпускник летной школы в Кировабаде, он прославился как летчик-ас еще в годы Гражданской войны в Испании. Прибыл в Советский Союз из французского лагеря для интернированных в 1939 г., с первых дней Великой Отечественной войны служил минером в составе диверсионной группы под командованием И.Г. Старина, участвовал в «ледовых походах» под Таганрогом, обучал партизан Белоруссии. Летом 1942 г. добился перевода в авиацию.

В качестве командира 3-й авиаэскадрильи 481 ИАП (8-й Бакинский истребительный авиационный корпус) ему довелось участвовать в сверхсекретном полете в 1943 г. «В конце ноября я получил приказ командира полка полковника Евдокименко прибыть на аэродром Кишлы города Баку... Там мне было отдано распоряжение подняться в воздух, сопровождать два транспортных самолета “Ли-2” и следовать их маршрутом; при приближении к нам любого самолета, и вражеского и нашего, немедленно его сбивать... Мы взлетели, и через 20 минут с севера появились “Ли-2”, сопровождаемые истребителями, которых мы должны были сменить. Нам совершенно не было известно, куда летим и кого сопровождаем, но поскольку “Ли-2” упорно двигались на юг, мы постепенно поняли, что летим в сторону Ирана. Наши 14 самолетов “И-16” окружали оба транспортника со всех сторон. ... Вскоре мы перелетели реку Куру, которая являлась границей между Советским Союзом и Ираном. Примерно через два часа полета мы увидели, что оба “Ли-2” начали снижение в сторону показавшегося аэродрома. Как оказалось, это был ближайший к Тегерану аэропорт... Убедившись, что транспортники благополучно приземлились, мы также начали садиться. Потом всем пилотам поступил приказ построиться на летном поле у своих самолетов. Мы увидели, как из транспортников вышла группа людей и направилась к нам. Когда они приблизились, я узнал в идущем впереди человеке маршала Сталина. Он прошел вдоль строя, пожимая каждому из нас руку. Я замыкал шеренгу, и когда он подошел ко мне, то внимательно посмотрел и спросил, не грузин ли я. Я ответил, что испанец. “Испанец, очень хорошо”, – сказал Сталин. Вскоре они сели в автомобили и покинули аэродром...»

10 декабря 1943 г. в газете «Правда» был опубликован Указ Верховного Совета СССР о награждении большой группы летчиков «за блестящее выполнение важнейшего государственного задания». Только тогда Хосе Мария Браво понял, что он сопровождал советскую делегацию на знаменитую Тегеранскую конференцию «Большой тройки»⁴⁸.

Все испанские летчики были демобилизованы в 1948 г. Х.М. Браво после этого преподавал испанский язык в Московском институте иностранных языков имени Мориса Тореза, в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, несколько лет был деканом переводческого факультета⁴⁹. В 1960 г. он уехал на родину.

Сражались испанцы и в других родах войск, хотя их было совсем немного. Сын министра культуры Испанской республики Маргариты Нелькен, Сантьяго де Пауль Нелькен, подростком эвакуированный в Советский Союз, в ходе войны поступил в артиллерийское училище. Он обучался воевать на реактивных минометах БМ-13, знаменитых «Катюшах». Лейтенант Нелькен был направлен на 1-й Белорусский фронт командиром

⁴⁷ Серна Р. Указ. соч. С. 324; Быков М. Указ. соч.; Люди и награждения. Агирре-Бенито Игнасио 1923 г.р. // Подвиг народа. URL: podvignaroda.ru/?#id=21362654&tab=navDetailDocument (дата обращения: 10.01.2021).

⁴⁸ Arias A. Op. cit. P. 393–402; об этом полете упоминается также в: Серна Р. Указ. соч. С. 296–298; Мероньо Пельисер Ф. Указ. соч. С. 328–331; Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М., 2020. С. 387. Автор статьи слышал рассказ об этом эпизоде самого Х.М. Браво по испанскому телевидению в 1997 г.

⁴⁹ URL: <http://linguanet.ru/fakultety-i-instituty/perevodcheskiy-fakultet/> (дата обращения: 10.01.2021).

батареи 489 минометного полка. В конце января 1945 г. его батарея принимала участие в боях у немецкого города Кюстрина, на западном берегу Одера. Три боевые машины вели огонь термитными снарядами, нанося противнику колоссальный урон. В этом бою мужественный испанец погиб и был посмертно награжден орденом Красного Знамени⁵⁰.

Подростком прибыла в Ленинград и жительница Мадрида Мария Пардина. Она училась в школе, потом работала на фабрике «Красное Знамя». В 1941 г. отказалась эвакуироваться, добилась, чтобы ее приняли медсестрой в дивизию Народного ополчения. В жестоких сражениях лета 1941 г. под пулеметным огнем она выносила раненых с поля боя. Бойцы называли ее «наша Маруся». Мария была награждена орденом Красного Знамени, о ней писала газета «Ленинградская правда». Зимой 1942 г. Мария Пардина погибла⁵¹.

Подводя итог можно сказать, что если в годы Гражданской войны в Испании советские военные советники помогли в подготовке в первую очередь партизан и военных летчиков, то в 1941–1945 гг. именно на этих «фронтах» проявили себя испанские добровольцы, ставшие первыми иностранными бойцами Красной армии. Они своей самоотверженностью и героизмом вписали яркую страницу не только в историю своей страны, но и в историю Великой Отечественной войны.

Библиография

- Ваутиасов С.А.* На тревожных перекрестках. М., 1988.
- Вязьменский С.Б.* Ленинградская битва 1941–1944: испанские добровольцы в 3-й Ленинградской дивизии народного ополчения // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 4 (19). С. 29–44.
- Вязьменский С.Б.* Формирование и боевой путь интернационального партизанского отряда им. К.Е. Ворошилова. 1942–1943 // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 68–82.
- Голованов А.Е.* Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М., 2020.
- Горбунов Е.А.* Сталин и ГРУ. М., 2010.
- Елпатьевский А.В.* Испанская эмиграция в СССР: историография и источники, попытка интерпретации. М.; Тверь, 2002.
- Ибаррури Д.* Воспоминания. Кн. 2. М., 1988.
- Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. М., 2018.
- Кафтанов С.В.* По тревоге // Химия и жизнь. 1985. № 3. С. 6–13.
- Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М., 2001.
- Мещеряков М.Т.* Испанская республика и Коминтерн. М., 1981.
- Мещеряков М.Т.* Вся жизнь – борьба. (О Хосе Диасе). М., 1976.
- Мероньо Пельисер Ф.* No pasaran! Они не пройдут! М., 2008.
- Пихоя Р.Г.* СССР: История власти. 1945–1991. М., 1998.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001.
- Серна Р.* Испанцы в Великой Отечественной войне. М., 1986.
- Старинов И.Г.* Записки диверсанта. М., 1997.
- Старинов И.Г.* Мины замедленного действия. М., 1999.
- Старинов И.Г.* Добровольцы двух войн: предисловие // Серна Р. Испанцы в Великой Отечественной войне. М., 1986. С. 3–8.
- Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. М., 1994.
- Талашова В.А.* Испанские добровольцы в борьбе с германским фашизмом на фронтах Великой Отечественной войны // Проблемы германской истории. Вып. 3. Вологда, 1975. С. 121–128.
- Холловей Д.* Атомоход Лаврентий Берия. М., 2011.
- Чиков В.М., Керн Г.* Охота за атомной бомбой. М., 2001.
- Элита русской разведки: дела этих людей составили бы честь любой разведке мира / сост. В.И. Андриянов, Н.М. Долгопалов. М., 2005.

⁵⁰ *Arias A.* Op. cit. P. 299–300; *Ибаррури Д.* Указ. соч. С. 63.

⁵¹ *Серна Р.* Указ. соч. С. 255–257; *Ибаррури Д.* Указ. соч. С. 91.

- Arias A.* Arde el cielo. Valencia, 1995.
- Colomina Limonero I.* Los Niños de la Guerra de España en la Unión Soviética. Córdoba, 2005.
- Devillard M.J., Castillo S., Medina N.* Los niños españoles en la URSS (1937–1977). Narración y memoria. Barcelona, 2001.
- Gros J.* Abriendo camino. Relatos de un guerrillero comunista español. Paris, 1971.
- Madariaga R. de.* Aviadores Españoles en la URSS. 1936–1938. Valladolid, 2018.
- Madariaga R. de.* Aviadores Españoles en la Union Sovietica // Советско-испанские отношения в период гражданской войны в Испании. М., 2021. С. 174–187.
- Memoria. 1941–1945 / Coord. M. Arce. Madrid, 2001.
- Pons Prades E.* Republicanos españoles en la Segunda Guerra Mundial. Barcelona, 1975.
- Rubio J.* La emigracion de la Guerra civil de 1936–1939. Historia de exodo que es produce con el fin de la II Republica española. Madrid, 1977.
- Serna R.* Heroismo espanol en Rusia. 1941–1945. Madrid, 1981.
- Serrano S.* Maquis. Historia de la guerrilla antifranquista. Madrid, 2006.

References

- Chikov V.M., Kern G.* Okhota za atomnoy bomboy [The Hunt for the Atomic Bomb]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Elita russkoi razvedki: dela etikh liudei sostavili by chest' lubioi razvedke mira / sost. V.I. Andriianov, N.M. Dolgopalov [Elite of Russian Intelligence: the deeds of these people would be an honor to any intelligence service in the world / comp. V.I. Andriianov, N.M. Dolgopalov]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Elpat'evskij A.V.* Ispanskaya emigraciya v SSSR: istoriografiya i istochniki, popytka interpretacii [Spanish emigration to the USSR: historiography and sources, an attempt at interpretation]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Golovanov A.E.* Dal'naya bombardirovochnaya... Vospominaniya Glavnogo marshala aviatsii. 1941–1945 [Long-range bomber... Memoirs of the Chief Marshal of Aviation. 1941–1945]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Gorbunov E.A.* Stalin i GRU [Stalin and GRU]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Holloway D.* Atomokhod Lavrentii Beriia [Atomokhod Lavrentii Beria]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Ibarruri D.* Vospominaniia. Kn. 2 [Memoirs. Book 2]. Moskva, 1988. (In Russ.)
- Spaniia i Rossiia: diplomatiia i dialog kul'tur [Spain and Russia: Diplomacy and Dialogue of Cultures]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Kaftanov S.V.* Po trevoge [On alert] // Khimiia i zhizn' [Chemistry and Life]. 1985. № 3. S. 6–13. (In Russ.)
- Komintern i grazhdanskaia voina v Ispanii. Dokumenty [Comintern and the Spanish Civil War. Documents]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Merogno Pellicer F.* No pasaran! Oni ne proidut! [No pasaran! They won't pass!] Moskva, 2008. (In Russ.)
- Mescheryakov M.T.* Ispanskaia respublika i Komintern [The Spanish Republic and Comintern]. Moskva, 1981. (In Russ.)
- Mescheryakov M.T.* Vsia zhizn' – bor'ba. (O Khose Diase) [The Whole Life is Struggle. (About Jose Diaz)]. Moskva, 1976. (In Russ.)
- Pihoya R.G.* SSSR: Istoriia vlasti. 1945–1991 [USSR: The History of Power. 1945–1991]. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Rossiia i SSSR v voynakh XX veka. Poteri Vooruzhennykh Sil. Statisticheskoe issledovanie / pod red. G.F. Krivosheeva [Russia and the USSR in the Wars of the 20th century. Losses of the Armed Forces. Statistical Research / ed. G.F. Krivosheev]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Serna R.* Ispantsy v Velikoi Otechestvennoi voine [Spaniards in the Great Patriotic War]. Moskva, 1986. (In Russ.)
- Starinov I.G.* Dobrovol'cy dvuh vojn: predislovie [Volunteers of two Wars: preface] // Serna R. Ispancy v Velikoi Otechestvennoi vojne [Spaniards in the Great Patriotic War]. Moskva, 1986. S. 3–8. (In Russ.)
- Starinov I.G.* Miny zamedlennogo deistviia [Mines of Delayed Action]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Starinov I.G.* Zapiski diversanta [Notes of a Commando]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Sudoplatov P.A.* Razvedka i Kremli' [Intelligence and Kremlin]. Moskva, 1994. (In Russ.)
- Talashova V.A.* Ispanskii dobrovol'cy v bor'be s germanskim fashizmom na frontah Velikoi Otechestvennoi vojny [Spanish volunteers in the fight against German fascism on the fronts of the Great Patriotic War] // Problemy germanskoi istorii [Problems of German history]. Iss. 3. Vologda, 1975. S. 121–128. (In Russ.)
- Vaupshasov S.A.* Na trevozhnykh perekrestkakh [At the Alarming Intersections]. Moskva, 1988. (In Russ.)
- Vyaz'menskij S.B.* Leningradskaya bitva 1941–1944: ispanskie dobrovol'cy v 3-j Leningradskoj divizii narodnogo opolcheniia [Leningrad Battle 1941–1944: Spanish volunteers in the 3rd Leningrad Division of the People's Militia] // Zhurnal rossijskikh i vostochnoevropskikh istoricheskikh issledovanij [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies]. 2019. № 4 (19). S. 29–44. (In Russ.)

Vyaz'menskij S.B. Formirovanie i boevoj put' internacional'nogo partizanskogo otryada im. K.E. Voroshilova. 1942–1943 [Formation and combat path of the K.E. Voroshilov international partisan detachment. 1942–1943] // *Novejshaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. 2016. № 2. S. 68–82. (In Russ.)

Arias A. Arde el cielo. Valencia, 1995.

Colomina Limonero I. Los Niños de la Guerra de España en la Unión Soviética. Córdoba, 2005.

Devillard M.J., Castillo S., Medina N. Los niños españoles en la URSS (1937–1977). Narración y memoria. Barcelona, 2001.

Gros J. Abriendo camino. Relatos de un guerrillero comunista español. Paris, 1972.

Madariaga R. de. Aviadores Españoles en la URSS. 1936–1938. Valladolid, 2018.

Madariaga R. de. Aviadores Españoles en la Union Sovietica // *Sovetsko-ispanskije otnosheniia v period grazhdanskoi voiny v Ispanii* [Soviet-Spanish relations during the Spanish Civil War]. Moscow, 2021. S. 174–187.

Memoria. 1941–1945 / Coord. M. Arce. Madrid, 2001.

Pons Prades E. Republicanos españoles en la Segunda Guerra Mundial. Barcelona, 1975.

Rubio J. La emigracion de la Guerra civil de 1936–1939. Historia de exodo que es produce con el fin de la II Republica española. Madrid, 1977.

Serna R. Heroismo espanol en Rusia. 1941–1945. Madrid, 1981.

Serrano S. Maquis. Historia de la guerrilla antifranquista. Madrid, 2006.

DOI: 10.31857/S013038640018290-7

© 2022 г. **А.В. Гордон**

АНТИНОМИИ АКАДЕМИКА ТАРЛЕ

Рец. на книгу: Е.В. Тарле. РОССИЯ И ЗАПАД: ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО И ЗАБЫТОГО / сост., подгот. к печати, вступ. статья и коммент. Б.С. Кагановича. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 528 с.

Гордон Александр Владимирович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Scopus ID: 57193746873

A.V. Gordon

ANTINOMIES OF THE ACADEMICIAN TARLE

Rec. ad op.: E.V. Tarle. RUSSIA AND THE WEST: FROM THE UNPUBLISHED AND FORGOTTEN / compiled, prepared for publication, introductory article and commentary by B.S. Kaganovich. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2021. 528 p.

Alexander Gordon, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Scopus ID: 57193746873

Рецензируемое издание — последний труд скончавшегося в январе 2021 г. петербургского историка, лауреата премии имени Тарле Бориса Соломоновича Кагановича. Замечательный исследователь прославленной Петербургской исторической школы Б.С. Каганович почти все свое творчество посвятил ее выдающемуся представителю. Результат многолетнего историографического труда и систематических архивных и библиографических изысканий — издание уникально публикацией «неканонического» Тарле, не вошедших в собрание сочинений малоизвестных и частично не публиковавшихся работ. Благодаря исключительно вдумчивому отбору составителя читатель получает яркое и целостное впечатление о многообразии творчества Тарле и динамике его научных и общественно-политических взглядов.

Мировоззрение Тарле времени Первой русской революции характеризует очерк 1907 г. о М.А. Бакуanine. Кто-то из классиков заметил: первая фраза текста должна стрелять. Таково

начало очерка: «Немного произвела русская история на свет людей, таких как М.А. Бакунин» (с. 257). Бакунин революционер-пророк, и начавшаяся Русская революция подтверждает его пророчество — таков лейтмотив очерка. Он анархист и к тому же «теоретик и душа всевропейского анархического движения», панславист; но притом «один из самых глубоких и значительных философских пророков всевропейской революции 1848 г.». А в целом «сильный теоретик и неукротимый активный революционер» (с. 257, 259).

Революционная фаза в творчестве, как и в политической деятельности, Тарле завершилась публицистикой 1917 г. После с энтузиазмом принятой Февральской революции он становится ведущим публицистом петроградской газеты плехановского направления «День». Поддерживая Временное правительство Тарле, требует принятия «беспощадных мер» к элементам разложения и дезорганизации, введения смертной казни в армии и экономической диктатуры в тылу.

В качестве образца спасения Родины и Революции Тарле приводит террор якобинской диктатуры: «Гильотина была поставлена, чтобы казнить роялистов», но когда выяснилось, что «контрреволюционны все, грабящие свою родину», начался, согласно Тарле, повальный террор. «Казнили буржуа, крестьян, рабочих, всех, кто противился... таксации [закону о максимуме], казнили за умышленное незасевание земельных участков; казнили за накопление у себя хлебных припасов; казнили за невывоз хлеба на ближайший рынок; казнили за недоставку реквизируемых для армии продуктов» (с. 375).

Тарле уточнял: это должна быть «беспощадная судебная репрессия» (с. 376), сопровождаемая юридическими формами, а главное — отвечающая государственным интересам. Как он выразил эту мысль позднее, входя в образ французского императора: «Ни одной бесцельной жестокости — и совсем беспощадный массовый террор, реки крови, горы трупов, если это политически целесообразно»¹. Так, перед глазами историка возник артефакт тотального государственного террора.

«Вегетарианские» 1920-е годы знаменовали относительно мирный период в жизни и творчестве Тарле, благотворный в обоих отношениях. Он читает лекции в Петроградском/Ленинградском университете, возглавляет ленинградское отделение РАНИОН, где ученые новой формации, так называемые историки-марксисты, сотрудничали с представителями «старой школы», избирается в академики, представляет советскую историческую науку на международных форумах, работает в европейских архивах.

В творческом плане совершается переход от историко-экономической тематики к внешней политике с имплицитным тяготением к тому, что можно назвать «геополитикой», хотя в советской историографии, как замечает Б.С. Каганович, последняя была одиозной из-за ассоциации с внешнеполитической доктриной Третьего Рейха (с. 13). Ученый осмысливает предпосылки и последствия Первой мировой войны, результатом чего становится одно из фундаментальных произведений «Европа в эпоху империализма 1871—1919 гг.». В рассматриваемом издании помещены несколько статей этого периода, выражающие отчетливо критическое отношение к Версальской системе.

В центре внимания Тарле оказываются исторические судьбы Германии, впечатляет статья 1922 г. под выразительным названием «Три катастрофы: Вестфальский мир, Тильзитский мир,

Версальский мир». Составитель прав: статья корректирует представление о Тарле как «антангофиле», за что его критиковали историки-марксисты и особенно М.Н. Покровский. Вероятно, Тарле был по-настоящему озабочен, что из системы международных отношений в Европе выпадает такая великая держава, как Германия. И явно поучителен для него был пример крутого возвышения и катастрофического крушения имперского государства.

Необходимым дополнением к этому, по определению Б.С. Кагановича, «историко-политическому этюду» может служить экскурс в историко-биографическом «этюде» 1921 г. о крупном немецком историке и притом апологете Германской империи Теодоре Шимане (с. 313—314). Тарле живописует бурный экономический подъем и усиление военной мощи Германии, проявившееся в победоносных войнах 1860—1870-х. Как результат — подобная головокружению эйфория, объявшая широкие круги немецкого общества заодно с интеллектуальной элитой и выразившаяся в убеждении о превосходстве Германии над всеми странами мира, включая «старые» метрополии. На ум приходит «шовинизм», но Тарле 1920-х годов избегал подобных ярлыков. Из описания этой эйфории следует вывод (который Тарле, избегая, видимо, нравоучений, не сделал), что катастрофическое поражение 1918 г. явилось жестоким, но исторически справедливым возмездием за национальное ослепление и великодержавное самообольщение.

Своего рода контрастом к экспансионистской политике правящих кругов Германской империи, утративших чувство реальности, предстает выпуклая и, я бы сказал, вдохновенная характеристика имперской политики Англии (статья «Англия и Турция» 1923 г.). Здесь Тарле находит много общего с Германией 1870—1914 гг. — «культ силы умственной и физической, культ приобретения, использования и владычества». И одновременно «глубочайший, сознательный оппортунизм... прирожденная находчивость и чуткость, прирожденная способность в случае нужды... круто изменить весь курс» (с. 93—94).

«Главный грех перед историей, единственный грех, за который она карает, — это слабость» (с. 377), — формулировал историк еще летом 1917 г. Возведение в категорию исторической детерминанты фактора силы, при том, что применение этого фактора должно быть соразмерным обстоятельствам, становится очень значимым в мировоззренческой эволюции Тарле.

Любопытно, что ученый уже тогда обращал внимание в политике Англии на «отчетливую

¹ Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936. С. 69—70.

способность различать слова от дел», на «полнейшее пренебрежение какими-либо сдержками... и умение, в то же время, не бравировать этим пренебрежением» (с. 93). Эти качества становятся для Тарле залогом дипломатического успеха, образцы которого он найдет спустя два десятилетия, обратившись к внешней политике России при Екатерине II.

Еще один архетип, реанимированный в позднейший период творчества, Тарле почерпнул в истории исторической науки (программная статья 1922 г. «Очередная задача»). Исследователь с удивлением заметил оживление в умонастроениях современных ему ученых позиций, свойственных камералистам XVI–XVII вв., «поэтам бюрократии», представителям чиновничества, «только еще выступавшего на историческую арену», аксиомой для которых было, что «интересы абсолютного государя, которому они служат, и интересы народа, которыми управляет этот государь», — «нечто совпадающее» (с. 37).

Соглашусь с Б.С. Кагановичем: убеждение в «огромной роли сильной, выдающейся личности» пребывало в историсофской «органике» ученого (с. 12), подобно многому, что проявилось в творчестве Тарле после драматических событий 30-х годов. И добавлю, что публикуемые составителем материалы начала 20-х, когда Тарле мог творить достаточно свободно, такую «органику» подтверждают.

Тем не менее значение драматических событий, пережитых Тарле в 30-х годах, для его творчества недооценивать нельзя. Они достаточно обстоятельно описаны биографами историка. Хотелось бы обратить внимание на критику с партийного Олимпа биографии Наполеона, в частности на упрек рецензента «Известий», воззвавшего к патриотизму: «С чувством обиды и возмущения читаешь в книге Тарле главу о 1812 году». И категорическое резюме: «Книга Тарле не отвечает на законный интерес читателя к истории... борьбы русского народа за свою национальную независимость»². И хотя эта директивная рецензия (заодно с подобной рецензией в «Правде») была немедленно дезавуирована, на протяжении последующего творческого пути Тарле неоднократно сталкивался с «обиженными» национальными чувствами, к которым апеллировали официозные критики.

Есть некий парадокс, что в 1917 г. Тарле самому доводилось вменять в вину тем же большевикам, тогда интернационалистам, недостаток пат-

риотизма. Критиковал он и коалицию социалистических партий Временного правительства за то, что слова Родина и Россия «конфузливо проглатываются», тогда как настоятельно необходимо придать «империалистической», как твердила пораженческая пропаганда, войне с Германией национально-патриотический характер борьбы за «освобождение от врага» занятых рейхсвером территорий Российской империи (с. 373).

Еще раньше Тарле полемизировал с западниками на тему отсталости России. Задачу вписать ее историю во всемирно-историческое время ученый разрешал на мажорной ноте. «Была ли Екатерининская Россия экономически отсталою страной?» — задавался он вопросом в статье 1910 г. И давал отрицательный ответ, вводя категорию «экстенсивной мощи». Ссылаясь на объемы внешней торговли России, превосходившие внешнеторговый оборот Франции в XVIII в., он доказывал успешность российской экономики и патетически заключал: «Экстенсивная мощь русской империи в конце XVIII столетия является одним из важнейших и грандиознейших феноменов всемирной истории»³.

Если учесть несопоставимость структуры внешнеторгового оборота двух стран — из Франции вывозились промышленные изделия, из России сырье, — показатели внешней торговли последней свидетельствовали именно об экстенсивности народного хозяйства последней. Значение обширной сырьевой базы в структуре российской экономики было в статье приглушено; но спустя десятилетия, в сталинское время тема пространственно-ресурсного потенциала страны, его значение для международного влияния Империи и ее военной мощи получили развитие.

Акцентирование национально-государственных приоритетов, когда понадобилось расширение исторической легитимности постреволюционного режима, обернулось для ученого творческим подъемом, заодно с восхождением к вершинам общенародной славы и государственного почета (три ордена Ленина, три Сталинские премии первой степени). На критику «Наполеона» Тарле ответил циклом военно-патриотических сочинений, начиная с «Нашествия Наполеона на Россию», за которым последовала трилогия о средиземноморских победах русского флота в XVIII в., а также монография о Северной войне.

Б.С. Каганович пишет, что характерный для этого периода творчества ученого «патриотический

² Известия. 10.VI.1937.

³ Тарле Е.В. Сочинения: в 12 томах. М., 1957–1962. Т. IV. 1958. С. 443.

пафос с сильным великодержавным акцентом» соответствовал «идеологическим установкам позднего сталинизма» (с. 14). Восстановленный в статусе академика⁴ и обретший в ту пору широчайшую популярность, Тарле откликнулся на великодержавно-патриотические настроения в советском обществе, в которых укоренялись эти установки. Исходя из отмеченной «органики» могу предположить, что в целом такие настроения соответствовали интенциям ученого, хотя в некоторых случаях, особенно в публичных выступлениях, идеологические установки выглядят инородным телом.

Показательна лекция «Архивы Запада» в Историко-архивном институте в декабре 1939 г., публикуемая Б.С. Кагановичем по стенограмме из Архива РАН. Заметим дату – время резкого усиления в пропаганде антизападной ксенофобии, что и различимо даже в содержательном выступлении перед профессиональной аудиторией.

Тарле по личным впечатлениям, с ностальгическим упоением (ведь с 1930 г. дорога на Запад ему была закрыта) рассказывает об архивных системах чуть ли не в десятке европейских стран, совмещая аналитический подход с голословными утверждениями о полном упадке исторической науки на Западе и печальной судьбе ученых, и в частности архивных работников, столь отличной от жизни в Советском Союзе, где они окружены государственной заботой. Вполне в духе и даже стиле официальной пропаганды о коренном преимуществе советского общественного строя!

Не буду множить образцы аналогичных совпадений, которые налицо в публикуемых текстах. Хочу подчеркнуть, что, оставаясь в рамках официальной идеологии, ученый в своем творчестве искал и находил собственный путь, хотя с теми самыми противоречиями, которые можно назвать «антиномиями».

Выразительна в этом отношении публикация двух лекций Тарле, прочитанных в победоносном мае 1945 г. (думаю, и в данном случае даты важны) и посвященных внешнеполитическим успехам России при Екатерине^{II}. Как установил Б.С. Каганович, публикуемый по стенограмме Архива РАН текст представляет первую главу монографии, над которой ученый работал в 1943–1946 гг. и которая осталась незавершенной. Судя по начальной главе, предполагался историко-биогра-

фический труд вровень с «Наполеоном». Почему же Тарле отказался от продолжения работы?

Составитель упоминает о критике книги Тарле «Крымская война» в редакционной статье «Против объективизма в исторической науке» в журнале «Вопросы истории»: «Была сделана попытка оправдать войны Екатерины II тем соображением, что Россия стремилась якобы к своим естественным границам и что в результате территориальных приобретений Екатерины советский народ в войне с гитлеризмом имел необходимые спасительные плацдармы для обороны» (с. 15).

Второе обвинение действительно делало позицию академика одиозной, поскольку считалось, что спасение принесли героическая борьба советского народа и особо стойкость великого русского народа, мудрое руководство Коммунистической партии и полководческий гений Сталина. В то же время обвинение насчет «естественных границ» цели не достигало, поскольку актуальной оставалась установка на возвращение «исконно русских земель», которое осуществляла советская армия, а раньше русская армия во главе с Суворовым и другими полководцами Екатерины II.

И искушенный в директивных установках Тарле уведомлял читателя будущей книги, дескать, «никому не может и в голову прийти» приравнивать войны СССР к тем, что были в XVIII в. Однако успехи, достигнутые в прошлом, при Петре I и Екатерине II, можно считать «пророчеством об отдаленном, еще более великом будущем, которое суждено русскому народу, когда он получит возможность вполне развить свои силы» (с. 165, 167). В общем академик «пророчествовал» о континуитете русской истории от империи к советскому государству, что режим официально не мог принять, удерживая революционную традицию как источник исходной легитимности.

Не развивая тему коллизии революционно-классовых и государственно-патриотических установок⁵, хочу сосредоточиться на ее личностном аспекте в творчестве выдающегося историка. Недостаточно констатировать расхождение между нормативным акцентированием исторической исключительности советского режима и желанием историка под влиянием общественных настроений, пробужденных Великой Отечественной войной, размышлять о «смутных предчувствиях людей XVIII века» (с. 167). Кроме внешних рамок, вызывают интерес внутренние противоречия в историософии или, может быть, психологии Тарле,

⁴ Избранный в Академию в 1927 г., Тарле был лишен звания в связи с Академическим делом в 1929 г. и восстановлен в звании в 1938 г. Между тем реабилитация последовала лишь посмертно, при оттепели.

⁵ См. Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 120–174.

насколько основание для такого анализа дает часть незавершенной книги.

Выбор Екатерины II был вызовом историографической доминанте, в которой со времен «государственной школы» первое место принадлежало Петру I, а при Сталине Ивану Грозному как подлинно национальному правителю. В национально-патриотической традиции истории страны Екатерина II как бы выпадала. Одиозным делала ее правление «крепостное рабство», которое расширилось и усиливалось, «бесчисленные отрицательные стороны административных и судебных порядков», «разгул произвола, хищений и казнокрадства при дворе и на вершине правительственного аппарата», «личные, очень темные деяния императрицы, лежащие темным пятном на ее историческом имени» (с. 167).

Тарле, для которого XVIII век был эпохой расцвета российской государственности, а правление Екатерины апогеем, отделяется от такой критики, признавая ее справедливость, скороговоркой, чтобы уйти в область внешнеполитических успехов, которые, по мнению самой царицы, а в конечном счете ученого, оправдывали Екатерину. При этом Тарле не удерживается от уничижительных оценок таких корифеев, как С.М. Соловьев или В.О. Ключевский, именно за то, что они не склонны были восторгаться этими успехами.

Самое интересное, однако, и прекрасно характеризующее самого Тарле как исследователя, что он и сам сомневался в убедительности подобной реабилитации. Историк занят апологией внешнеполитических результатов Екатерининского правления, стараясь избежать апологетики личности царицы. При всей двусмысленности такой позиции получалось очень выразительно.

«Дипломатическая инициатива Екатерины часто направлялась к экспансии, а не только к обороне, и закрывать на это глаза значило бы... заменять строгую правду слащавой выдумкой» (с. 165). Достижением советской теории международных отношений он считал отказ от деления войн на оборонительные и наступательные в пользу принципа их справедливости. А можно ли отнести Екатерининскую «экспансию» к «справедливым войнам», Тарле не разглядел; «справедливыми» он объявлял только все войны СССР, осуждая категорически «готтентотскую империалистическую мораль»⁶, возводящую в идеал всякую войну, «лишь бы она окончилась удачным ограблением соседа» (с. 164–165).

Выходит, результаты «экспансии» не всегда могли служить историческим оправданием. А ведь в отношении Екатерины внешнеполитический успех Тарле возводил в высший критерий исторической оценки: «В дипломатии, как и на войне, решающий и безапелляционный суд при их жизни, а часто и после их смерти произносили над историческими деятелями только и исключительно результаты их деятельности» (с. 217).

Верша подобный «безапелляционный суд» над самой продолжительной правительницей России, историк становился поэтом: «Она создала для русского народа такие возможности, так необъятно широко раздвинула пределы Русского государства, с таким упорством, энергией, талантом, негибимой волей помогала и добивалась, чтобы русский народ на вечные времена стал *державным хозяином* огромных территорий и материальных богатств, что ни одна страна в XVIII в. не становилась предметом такой зависти, как Россия, и ни одна страна вместе с тем не получила таких колоссальных плацдармов для организации длительной самообороны (курсив мой. — А.Г.)» (с. 216).

К любимой идее «плацдармов» Тарле добавляет обращение к официальной идеологии «собирателей Русской земли», к ряду которых он причисляет Екатерину. Обращение начинается с упоминания Грозного, в отношении коего внешнеполитические успехи позволили-де пересмотреть неблагоприятное реноме в историографии и исторической памяти, и завершается потеснением Петра I: когда Екатерина «вступала на престол, она застала страну, даже учитывая завоевания Петра, все же более похожую... на бывшее царство XVII в., чем на великую русскую державу» (с. 217).

Для реабилитации царицы был призван и классовый подход в вольной обработке. Екатерина, по Тарле, принципиально была против крепостничества и негодовала по поводу близорукости помещиков, не желавших смягчить крепостной гнет; но видела, что дворяне могущественнее тех, над кем они господствовали. «Ей было вполне очевидно, что крестьяне, оказавшиеся не в силах» обеспечить победу «своему» Пугачеву, которого они считали «законным царем и освободителем», тем более окажутся неспособными «помочь ей, если бы она вздумала» встать на их сторону против дворян. Она бы, по Тарле, могла и самого Пугачева поддержать, если бы тот оказался посильнее (с. 194–195).

То, что начиненная идеями Просвещения царица высказывалась против «крепостного рабства», — чистая правда. А вот предположение, что у нее были колебания, не пойти ли навстречу

⁶ «Готтентотская мораль» здесь эвфемизм «цель оправдывает средства».

требованиям восставших, и разрешил эти сомнения фактор силы, выглядит неубедительным. Соглашусь с другим объяснением позиции Екатерины: именно дворяне в лице гвардейских офицеров были движущей силой, возводившей на русский престол одну правительницу за другой вплоть до ее собственного воцарения. Вот этот, по формулировке Тарле, «эгоистический расчет» увековечил правление ее в качестве «дворянской царицы», поддержавшей «основы крепостничества» и раздававшей целые поселения своим фаворитам и знати (там же).

Тарле нелестно высказывается о моральных принципах своей героини: «лицемерное милосердие», притом «милосердие» в кавычках (с. 199); «считала себя почему-то [!] добрейшей женщиной на свете» (с. 184) и «злбно» преследовала тех, кого считала своими врагами. «Абсолютное отсутствие чего-то бы ни было похожего хотя бы отдаленно на укоры совести» (с. 191); «властолюбивая хищница» (с. 189); искусная интриганка, овладевшая искусством интриги в 16 лет при дворе Елизаветы Петровны и сделавшая эту искусственность основой своего дипломатического искусства.

Все это отходит на второй план, становится как бы несущественным в глазах Тарле в контексте внешнеполитических свершений Екатерины. Но зачем ученый ссылается на многочисленные дифирамбы, цитирует страницу за страницей комплименты, порой сомнительного достоинства, вроде «Богоматери из Петербурга», от Вольтера, хорошо зная полученные тем вознаграждения? Не потому ли, что классик Просвещения, признанный корифей его нравственных принципов должен был своим авторитетом реабилитировать царицу перед европейским общественным мнением, а значит и перед лицом истории?

Людмила Борисовна Вольфцун, помогавшая мужу в работе над книгой, рассказывает, что Б.С. Каганович колебался с включением текста в рецензируемое издание из-за его идеологизированности («апогей тарлевского великодержавия»). К счастью, колебания были отвергнуты и, будучи добросовестным историографом, Б.С. Каганович решил, что содержащаяся в тексте «яркая характеристика Екатерины II как человека и государственного деятеля, при всей ее спорности, должна быть доступна современному читателю» (с. 15).

Думается, в стремлении возвысить царицу в нормативной традиции Тарле продолжал доверенную полемику с представлениями о нравственности исторических деятелей, начавшуюся в советской научной периодике вокруг биографий Наполеона и особенно Талейрана. Б.С. Каганович приводит пример такой полемики, публикуя пере-

печатку статьи академика в «Литературной газете» 30 сентября 1939 г. Примечательно, что гвоздем в полемике двух советских ученых (оппонентом Тарле выступал англовед И.С. Звавич) стала фраза из русской литературной классики: «Мерзавец, но на правильной стезе стоит». Звавич, заодно с Салтыковым-Щедриним, сомневается, «чтоб мерзавец стоял на правильной стезе», критикуя мнение Тарле об «объективной прогрессивности» Талейрана (с. 472–473).

«Что Талейран был вором, взяточником, гнусной в моральном смысле личностью», Тарле отнюдь не отрицает. Но он «служил буржуазии, ее борьбе против феодализма и аристократии» и «постольку играл прогрессивную роль». Это «непре-рекаемый факт», — утверждает академик для яв-шей убедительности, подчеркивая сказанное. «И никакие добродетельные восклицания ничего тут не изменят. Что делать! В истории сплошь да рядом так случалось», — как бы с сожалением добавляет он. И поскольку у Звавича (с Салтыковым-Щедриним) было очевидно немало сторонников, Тарле заканчивал свою сентенцию убойной цитатой Маркса, что «без насилия и железной решимости ничто в истории не делается» (с. 345).

Мне представляется, что противоречивость исторических оценок обусловлена не только стремлением к сбалансированному, без апологетики и критиканства анализу, но и совмещением двух сторон творческого амплуа Тарле времен сталинщины. Любопытна ассоциация позднего Тарле с Трейчке, возникшая у современного немецкого историка⁷. Объект для сравнения, на мой взгляд, выбран крайне неудачно: Трейчке при научных достоинствах, отмеченных Тарле, был прежде всего политиком и идеологом, причем идеологом чисто националистического толка («национал-националистом», по одному из определений). Однако признаю, что имперское направление в творчестве советского академика допускает ассоциации с историками Германской империи. Не случайно тот относился к их творческим судьбам с пристальным интересом, что подтверждает и издание Б.С. Кагановича статьями о Карле Лампрехте (с. 329–332) и Теодоре Шимане (с. 299–321).

Статьи эти, как это не покажется странным, написаны с известной симпатией и некоторым сочувствием. Симпатии рождены личными впечатлениями, а сочувствие, предположу, влиянием катаклизмов на родине, пережитых самим Тарле.

⁷ «Трейчке сталинизма» (цит. по: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 277).

Гениально, не удержусь, прорисованы в творчестве этих выдающихся ученых исторические судьбы отечества — вдохновивший их научные исследования энтузиазм и внутренний скепсис, сопровождавшие взлет и падение Германской империи. Исключительно глубок в этом отношении анализ сочинений Шимана, где Тарле находит некое проричание судеб не только Германской, но и Российской империи. Ученый — выходец из остзейского дворянства — при чуждости России и ее народу уважительно относился к ее государственности и правителям империи. Свой главный многотомный труд он посвятил Николаю I.

Оценки немецкого историка, в которых при явной симпатии выступает объективное и критическое отношение к различным сторонам личности и итогам деятельности царя, очевидно, близки Тарле. Обращает он внимание на то, что в пору, когда Россия выступала самым могущественным государством в Европе, Шиман нащупал уязвимые стороны Империи, которые предвещали ее падение. Тарлевский анализ эволюции взглядов немецкого ученого на Россию поражает афористичностью: «Сначала... уважал и не любил, с Японской войны изучал и не уважал, с 1912 г. изучал, не уважал и ненавидел!» (с. 314–315).

Труд Шимана в историографии России недооценили. Характерно мнение профессора русской истории С.Н. Валка в энциклопедическом издании «Гранат»: «Капитальная история царствования Николая I, в которой придворные отношения и внешняя политика превалируют над всем остальным». Шиман, по Тарле, действительно, ограничивается дворцово-парадной стороной царствования; но в этом и была ценность его труда, поскольку раскрытую с большой жизненной достоверностью среду, в которой жил Николай, тот «принимал за действительную Россию», и подобная близорукость имела фатальные последствия (с. 309).

То, что Тарле был мастером исторического портрета, и текст о Екатерине II подтверждает — широко известно и в обществе, и в профессиональной среде. А.З. Манфред, будучи не менее знаменитым в этом жанре, восторгался «Наполеоном», и такое преклонение долго удерживало его от сильнейшего желания выступить биографом императора. Я.М. Захер приводил мне в пример мастерства психологической характеристики революционных деятелей «Жерминаль и прериль».

Благодаря изданию Б.С. Кагановича очевидным становится признание Тарле мастером историографического портрета и выдающимся историографом. Замечательную эрудицию и глубокое

историографическое чутье демонстрируют публикуемые по фондам ЦГА СПб стенограммы выступлений академика на диссертационных защитах предвоенного времени (с. 381–413). Сдержанно, но твердо Тарле высказывал свою принципиальную позицию историка, который рьяно боролся с социологизированием в духе «школы Покровского». Доброжелательно и тактично он пояснял молодым докторантам, что негоже выводить научные и художественные взгляды из социально-экономических определений эпохи или классового происхождения личности, что историки, о которых они пишут, должны предстать как «научные индивидуальности» (с. 399), наконец, что, невзирая на одиозное, в глазах советских марксистов, происхождение, тот или иной «буржуазный» ученый мог внести ценный вклад в историческую науку.

Тарле выступал в этой критике отнюдь не противником обобщений. Напротив, он презирал восторжествовавшую в советской историографии после разгрома «школы Покровского» фактографию, которая превращала историка в рассказчика, а читателя погружала в то, что академик деликатно назвал «излишней роскошью подробностей» (с. 394).

Против крайностей концептуализации, не подкрепленной достаточной фактологической базой, с одной стороны, и недостатка концептуализации, превращающего историческое сочинение в «хаос фактов» — с другой, Тарле сформулировал замечательный постулат о диалектическом единстве двух сторон исторического исследования: «Чем могущественнее, чем *подлиннее* — обобщающая мысль, тем больше она нуждается в эрудитах и эрудиции» (с. 36).

Б.С. Каганович называет программную статью 1922 г., где, наряду с другими проницательными наблюдениями об истории исторической науки, содержался этот постулат, «наиболее аутентичным и глубоким выражением исторического мировоззрения» Тарле (с. 460). Действительно, работы начала 20-х годов привлекают «аутентичностью». Вместе с тем, развивая мысль Б.С. Кагановича, не могу не поставить принципиальный вопрос. Судя по отзывам современников (см. биографический очерк Е.Л. Ланна в настоящем издании), эрудиция не подводила Тарле до конца, и параллельно различные тексты издания заставляют усомниться в исторической «подлинности» его обобщений позднесталинского времени, в их аутентичности мысли автора. Взывая к «перманентной истине» (с. 359), к которой должен стремиться историк, академик, увы, мог порой выдавать за нее очередные партийные установки.

Когда рассуждения о «буржуазной прогрессивности» стали подозрительными, академик, защищавший «объективную» прогрессивность Талейрана, сместил акцент, и тот оказался кстати для разоблачения «буржуазной дипломатии» и человеконенавистнической морали буржуазного общества, где «человек человеку — волк»⁸. Как широчайшая эрудиция делалась инструментом пропаганды, напоминает дружеский комплимент С.Я. Маршака: «Не только тем нам дорог Тарле, / Что знает он о каждом Карле, / Что понят им Наполеон. / Нет показал его анализ, / Как из Фунсе развился Даллес, / Из Талейрана — Ачесон».

Библиография

Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

⁸*Тарле Е.В.* Талейран. Из мемуаров Талейрана / сост. и авт. предисловия В.А. Дунаевский. М., 1993. С. 23–24 (с издания 1948 г.).

Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014.

Тарле Е.В. Сочинения: в 12 томах. М., 1957–1962. Т. IV. 1958.

Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936.

Тарле Е.В. Талейран. Из мемуаров Талейрана / сост. и авт. предисловия В.А. Дунаевский. М., 1993.

References

Gordon A. V. Velikaja francuskaja revolucija v sovetskoj istoriografii [The Great French Revolution in the Soviet historiography]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Kaganovich B.S. Evgenij Viktorovich Tarle. Istorik i vremena [Evgenij Viktorovich Tarle. Historian and Times]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)

Tarle E.V. Essays: in 12 volumes. Moskva, 1957–1962. T. 4. 1958. (in Russ.)

Tarle E.V. Napoleon [Napoléon]. Moskva, 1936. (In Russ.)

Tarle E.V. Taleyran. Iz memuarov Taleirana / sost. i avt. predislovia V.A. Dunaevskij [Talleyrand. From the memoirs of Talleyrand / comp. and the author preface by V.A. Dunaevskij]. Moskva, 1993. (In Russ.).

DOI: 10.31857/S013038640018293-0

© 2022 г. **В.К. Белозёров**

ИСКУССТВО ПЕРЕГОВОРОВ И РЕШЕНИЕ БЕРЛИНСКОГО ВОПРОСА

Рец. на книгу: Р.В. Долгилевич. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ЧЕТЫРЕХСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРАХ ПО ЗАПАДНОМУ БЕРЛИНУ (26 марта 1970 г. — 3 сентября 1971 г.) / предисл. и публ. Р.В. Долгилевич. СПб.: Алетеия, 2021. 314 с.

Белозёров Василий Клавдиевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета; ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Москва, Россия).

E-mail: vk_belozеров@mail.ru

Scopus ID: 57214752644; SPIN-код: 6702-2440; Author ID: 493768

V.K. Belozerov

THE ART OF NEGOTIATION AND RESOLUTION OF THE BERLIN QUESTION

Rec. ad op.: R.V. Dolgilevich. SOVIET DIPLOMACY ON THE QUADRILATERAL NEGOTIATIONS ON WEST BERLIN (March 26, 1970 — September 3, 1971) / preface. and publ. R.V. Dolgilevich. Saint-Petersburg: Aleteia, 2021. 314 p.

Vasily Belozerov, Moscow State Linguistic University; Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod (Moscow, Russia).

E-mail: vk_belozеров@mail.ru

Scopus ID: 57214752644; SPIN-код: 6702-2440; Author ID: 493768

Научный интерес к.и.н. Р.В. Долгилевича в течение многих лет был сфокусирован на проблеме Западного Берлина. Завершающий эту тему труд российского германиста, основанный на документах Архива внешней политики Российской Федерации, посвящен действиям советской дипломатии на четырехсторонних переговорах, проходивших с 26 марта 1970 г. по 3 сентября 1971 г. Их результатом стало определение политического статуса Западного Берлина почти на два десятилетия.

Автор монографии исходит из того, что добиться мира и спокойствия в Европе в тот период можно было лишь при условии достижения взаимоприемлемого соглашения по Западному Берлину. Дальнейшее ухудшение отношений двух мировых систем грозило губительными последствиями для человечества. Политические руководители СССР, США, Великобритании и Франции, международное сообщество в целом пришли к пониманию необходимости нормализации обстановки.

В феномене Западного Берлина сосредоточились и приобрели символическое значение геополитические, идеологические и иные проблемы мировой политики того времени. К моменту начала переговоров уже почти десятилетие стояла Берлинская стена, став зримым символом холодной войны и разделения мира на два лагеря.

В идеологической и политической борьбе двух систем Западный Берлин позиционировался враждебными СССР кругами как противостоящий тоталитаризму форпост свободы. Здесь холодная война могла стать горячей. Советский МИД располагал информацией, что в НАТО относят Западный Берлин к районам, где наиболее вероятен крупный конфликт между великими державами (с. 37–38).

Осложняло ситуацию и состояние «германского вопроса», составной частью которого был и «берлинский вопрос». ФРГ в период существования двух германских государств никогда не отказывалась от стратегической цели объединения страны, что было закреплено и в Основном законе ФРГ 1949 г. Вплоть до объединения Германии в 1990 г. Западная Германия позиционировала себя как защитница всех немцев. «Закон по делам изгнанных и беженцев» 1953 и 1971 гг. вводил понятие «находящиеся под чужим управлением германские восточные территории». В 1975 г., уже после принятия и ратификации четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, конституционный суд ФРГ принял постановление, по которому окончательное установление границ страны откладывалось до согласованного мирным путем урегулирования для всей Германии. В пра-

вовой системе ФРГ до объединения страны существовала и так называемая «Берлинская оговорка».

Все это создавало, казалось бы, непреодолимые трудности для взаимоприемлемого решения проблемы Западного Берлина. Но ее удалось решить дипломатическим путем. Советская дипломатия работала в непростых условиях. Р.В. Долгилевич, основываясь на широкой базе источников (в том числе и ранее закрытых для исследователей), показал, как развивался переговорный процесс, как трудно преодолевались препятствия, как и почему эволюционировали позиции сторон и достигались компромиссы, как в итоге было найдено компромиссное решение.

Действия советской делегации на переговорах строились на основе директив ЦК КПСС, требовавших безусловного соблюдения интересов СССР и обеспечения европейской безопасности. Предписания ЦК отличались компетентностью и гибкостью и создавали возможности для маневра и достижения компромисса. Это стало важным фактором, определившим постепенное сближение позиций сторон и в конечном счете – заключение соглашения. Подкрепляли позицию советской делегации официальные заявления высшего политического руководства СССР, дававшие всему миру четкие сигналы. Так, выступая на VIII съезде Социалистической единой партии Германии 16 июня 1971 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев сказал, что усилил СССР и ГДР «направлены на то, чтобы Западный Берлин перестал быть детонатором напряженности и чтобы были обеспечены нормальные условия для жизни этого города и его населения, – разумеется, при должном учете законных интересов и суверенных прав Германской Демократической Республики» (с. 194). Советская сторона обеспечила синхронизацию действий высшего руководства СССР и делегации на переговорах по Западному Берлину.

Проведенный в монографии анализ позиций и действий участников переговоров показывает, что де-факто они оказались не четырех-, а двухсторонними (советско-американскими), поскольку Советский Союз столкнулся с консолидированной позицией объединенного Запада, выразителем которой стали США. В действительности рассматривались не проекты урегулирования каждой делегации, а два проекта – западный и советский, – содержание и обсуждение которых подробно представлены в монографии.

Практически сразу после начала переговоров выяснилось, что позиции сторон по многим вопросам резко расходились. Так, уже на первой

встрече посол США К. Раш заявил, что обсуждаться должен статус «всего Берлина». Свою позицию дипломат аргументировал тем, что «права США, Франции и Соединенного Королевства в отношении их пребывания в Берлине вытекают из того же источника, что и права Советского Союза» (с. 31).

Разумеется, предлагаемый подход был неприемлем для СССР и ГДР. Советская дипломатия была нацелена на фиксацию непринадлежности Западного Берлина к ФРГ. Глава советской делегации П.А. Абрахимов сразу отверг притязания Бонна на Западный Берлин, в котором в послевоенный период присутствие государственных и иных институтов ФРГ постоянно расширялось. В целом же проблема свелась к трем комплексам вопросов: а) политическое присутствие ФРГ в Западном Берлине, б) транзит в Западный Берлин и из него, в) доступ жителей Западного Берлина в ГДР, включая ее столицу.

Хотя в силу сложившегося статус-кво ФРГ не могла быть участником переговоров, Западная Германия стремилась оказать воздействие на их ход и результат в соответствии со своими интересами. В период проведения переговоров, 12 августа 1970 г., в Москве был подписан договор между СССР и ФРГ, ставший важным шагом на пути к разрядке напряженности в Европе. В политических кругах ФРГ договор сразу стал оцениваться в связи с идущими переговорами по Западному Берлину, чему в монографии уделено значительное место (с. 48–69). В связи с заключением договора правительство ФРГ передало советскому правительству «Письмо о германском единстве». Имели место и попытки шантажа со стороны представителей западногерманского истеблишмента возможностью нератификации Московского договора. Тем не менее доверительное неформальное общение В.М. Фалина и Э. Бара объективно способствовало усилению позиций советской стороны. Директивы ЦК КПСС от 20 ноября 1970 г. предусматривали обмен мнениями с правительством ФРГ, возглавляемым канцлером В. Брандтом, инициатором новой восточной политики, который в 1957–1966 гг. занимал должность правящего бургомистра Западного Берлина. Такие контакты поддерживались в ходе переговоров. Как показано в монографии, власти ФРГ осознавали, что «неурегулированность западноберлинского вопроса была на руку в основном США, Англии и Франции» (с. 97), что задавало предел их поддержки со стороны Бонна. К тому же глава американской делегации К. Раш неодобрительно высказался в отношении восточной политики В. Брандта.

Одновременно ФРГ не прекращала кампаний против ГДР, на что Советский Союз не мог не реагировать. Эти кампании не закончились с завершением переговоров и продолжались вплоть до объединения Германии. Получается, что позиция ФРГ была двойкой и противоречивой: с одной стороны, имела место поддержка усилий по урегулированию западноберлинской проблемы, с другой — оказывалось почти неприкрытое давление на ГДР.

В ходе переговоров предпринимались попытки провокационного воздействия на советскую делегацию. С этой целью западная сторона прибегла к организации политических демонстраций. П.А. Абрахимов жестко отреагировал на заседание в Западном Берлине фракции ХДС/ХСС бундестага ФРГ и заявил, что «провокации ФРГ в Западном Берлине получали и будут получать соответствующий отпор. Не будет провокаций, не будет и контрмер против них» (с. 96).

Переговоры были весьма интенсивными: 33 официальные встречи послов с 26 марта 1970 г. по 3 сентября 1971 г. Каждая встреча требовала серьезной проработки, многие из них проходили долго и напряженно. Так, заседания 18 и 19 августа продолжались по 13 часов.

В монографии подчеркнута важность состоявшегося качественного перехода в ведении переговоров. Состоял он в осознании сторонами необходимости сосредоточиться на решении конкретных вопросов. В конечном счете заключенное соглашение позволило урегулировать проблему Западного Берлина и получило высокую оценку политиков и экспертного сообщества.

Интересны для читателей сюжеты монографии, где раскрываются профессиональные качества переговорщиков и терминология переговоров. Так, советская сторона отставала терминологическую четкость соглашения, выступая, например, за использование понятия «бесперебойный транзит», а не «беспрепятственный транзит» (с. 176–177).

Вызывает интерес и обсуждение вопроса паспортов для жителей Западного Берлина. К. Раш высказал мнение, что «паспорт не определяет гражданства» (с. 207). Иронизируя, П.А. Абрахимов выразил в ответ надежду, что американские коллеги не станут требовать «изменения советского законодательства ради того, чтобы западноберлинцы ездили к нам с документом, без которого они в СССР на протяжении многих лет отлично обходились и могут обходиться и впредь» (с. 214).

В конечном счете четырехсторонние переговоры стали подтверждением факта, что профессионализм дипломатии является важным ресурсом государственной политики. Компетентные действия,

обеспечивавшие отстаивание интересов СССР, диссонируют с доверчивостью и романтизмом, непониманием национальных интересов и добровольным отказом от их защиты, имевшими впоследствии место во внешней политике нашей страны.

Новая монография Р.В. Долгилевича завершила цикл его исследований истории проблемы Западного Берлина. Осмысление этой проблемы проявляется в России в новых ракурсах: опыт социально-экономического развития города в условиях многолетней изоляции привлек внимание исследователей из Калининграда, западного анклава России¹.

20 ноября 2021 г. пришла печальная новость: Ростислава Владимировича Долгилевича не стало. Ростислав Владимирович родился в 1940 г. на Украине. Окончил Киевский государственный университет им. Т.Г. Шевченко и аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (МГПИ), был среди первых советских аспирантов, стажировавшихся в ГДР. В 1967 г. под научным руководством академика А.Л. Нарочницкого защитил кандидатскую диссертацию «Борьба СССР и ГДР за урегулирование западноберлинского вопроса в 1958–1961 гг.» Р.В. Долгилевич преподавал новейшую историю и историю Германии в МГПИ и в других вузах,

работал в журнале «Международная жизнь» и в Институте истории СССР АН СССР, был постоянным автором «Новой и новейшей истории». Проблема Западного Берлина — центральная в творчестве историка. Он работал над ней в течение многих лет и был крупнейшим в России специалистом по этой теме². Труды ученого отличались убежденностью в важности своего дела, обстоятельностью и доказательностью, знанием немецких и российских источников, многие из которых он ввел в научный оборот. Можно с уверенностью утверждать, что научное наследие Р.В. Долгилевича будет способствовать развитию отечественной германистики и истории международных отношений.

Библиография

Горохов А.Ю., Горохов Е.А., Айкельпаш А. Западный Берлин: стены не преграда. Опыт развития в условиях изоляции. М., 2016.

References

Gorokhov A.Iu., Gorokhov E.A., Aikel'pash A. Zapadnyi Berlin: steny ne pregrada. Opyt razvitiia v usloviakh izoliatsii [West Berlin: the walls are not a barrier. Experience of development in isolation]. Moskva, 2016. (In Russ.)

¹ *Горохов А.Ю., Горохов Е.А., Айкельпаш А.* Западный Берлин: стены не преграда. Опыт развития в условиях изоляции. М., 2016.

² *Долгилевич Р.В.* Советская дипломатия и Западный Берлин (1963–1964 гг.). СПб., 2012; *Его же.* Становление и развитие прямых связей между СССР и Западным Берлином (1963–1964 гг.). СПб., 2013; *Его же.* В тени берлинской стены. Экономика Западного Берлина (1961–1965 гг.). СПб., 2013; *Его же.* Западный Берлин и советская дипломатия (1963–1969 гг.). СПб., 2018.

DOI: 10.31857/S013038640016229-9

© 2022 г. Е.А. Гуськов, Е.П. Барина

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОТ АНТИЧНЫХ ДЕРЖАВ ДО ГЛОБАЛЬНЫХ
ИМПЕРИЙ»**

Гуськов Евгений Александрович — доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета (Самара, Россия).

E-mail: megistos@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0841-6938; Researcher ID: ABB-9152-2021

Барина Екатерина Петровна — профессор кафедры отечественной истории и историографии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, Россия).

E-mail: rfnz25@yandex.ru

Scopus Author ID: 57210285860; ORCID: 0000-0002-2514-9421; Researcher ID: J-1269-2017

Е.А. Guskov, Е.Р. Barinova

**RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “POLITICAL
INSTITUTIONS, POLITICAL CULTURE AND SOCIAL PRACTICES
FROM ANCIENT POWERS TO GLOBAL EMPIRES”**

Evgeniy Guskov, Samara Branch of Moscow City University (Samara, Russia).

E-mail: megistos@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0841-6938; Researcher ID: ABB-9152-2021

Ekaterina Barinova, Korolyov Samara National Research University (Samara, Russia).

E-mail: rfnz25@yandex.ru

Scopus Author ID: 57210285860; ORCID: 0000-0002-2514-9421; Researcher ID: J-1269-2017

13–14 мая 2021 г. в Самарском филиале Московского городского педагогического университета состоялась II Всероссийская научно-практическая конференция «Политические институты, политическая культура и социальные практики от античных держав до глобальных империй», посвященная памяти известного самарского историка проф. С.Б. Семёнова (1954–2018)¹. Главной сферой его научных интересов было изучение развития политической мысли и парламентаризма в Британии². Конференция, прошедшая в очном и онлайн-формате, объединила более 40 участников из Самары, Москвы, Владимира, Орла, Рязани и Саратова, а также Уральска (Казхстан). На пленарном заседании конференции воспоминаниями о Сергее Борисовиче

Семёнове поделились его коллеги, друзья и ученики из Самары и других городов.

Пленарное заседание открыл доклад д.и.н., проф. Т.Л. Лабутиной (Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН). Она рассмотрела обстоятельства возникновения ранних политических партий во второй половине XVII в., специфику зарождения парламентской системы на рубеже XVII–XVIII вв. Она отметила, что к началу XVIII в. политические партии заняли прочное место в структуре государственного правления, а двухпартийная система сделалась

¹ Материалы I конференции: Исследования зарубежной истории. Вып. 1 / под ред. Е.П. Бариновой, Е.А. Гуськова. Самара, 2019 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43794553> (дата обращения: 28.05.2021).

² Семёнов С.Б. Между монархией и республикой: радикальный выбор XVIII века // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 103–111; *Его же*. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995; *Его же*. Консульство и империя Наполеона Бонапарта. Самара, 1997; *Его же*. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

неотъемлемой частью конституционного устройства Англии. Д.и.н., проф. Т.Н. Гелла (Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) посвятила свой доклад отношению английских современников к процессам образования Итальянского королевства, роли видных итальянских политических деятелей на завершающем этапе Рисорджименто и восприятию британцами особенностей национального характера итальянцев. В центре внимания д.и.н. Е.Ю. Сергеева (ИВИ РАН) оказались вопросы развития советско-британских отношений в 1920 – начале 1930-х годов сквозь призму взаимодействия основных политических институтов обеих стран.

В рамках конференции работало четыре секции, относящиеся к разным историческим эпохам – от античности до современности. Самой малочисленной, с учетом специфики конференции, ожидаемо оказалась секция, посвященная анализу восприятия российской истории в зарубежных странах. Д.и.н. С.В. Занин (Самарский государственный медицинский университет, СамГМУ) поделился своими долговременными изысканиями по поводу атрибуции «Замечаний на “Наказ” Екатерины II кн. Н.А. Голицына» на основе документов французских архивов. Д.и.н. Н.Ф. Тагирова (Самарский государственный экономический университет, СГЭУ) проанализировала новейшие подходы в зарубежной историографии к проблемам изучения социально-экономических аспектов истории России начала XX в. В сообщениях остальных участников секции акцентировалось внимание на различии оценок иностранных и российских исследователей, сложностях восприятия иностранцами событий российской истории (кандидаты исторических наук А.С. Фогель (СГЭУ), О.Д. Столяров, П.А. Мистрюгов (оба – СамГМУ), Ю.В. Смирнова (Институт гуманитарных наук Московского государственного педагогического университета, МГПУ), д.и.н. О.А. Чернов (Самарский государственный социально-педагогический университет, СГСПУ)).

В докладах д.и.н. И.Г. Гурина, к.и.н. О.М. Макаровой (оба – Самарский национальный исследовательский университет, Самарский университет), кандидатов исторических наук Ю.Н. Кузьмина, А.Ю. Маркелова, Е.А. Гуськова (все – Самарский филиал МГПУ) были представлены новые оценки социальных практик и исторических событий античного периода. Специфике политической культуры средневекового периода были посвящены выступления к.и.н. М.В. Кузьминой (ИВИ РАН), рассмотревшей критерии допустимого участия женщины в политической жизни Франции в XIV–

XV вв., и д.и.н. Л.Н. Черновой (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратовский университет), выявившей на материале оригинальных источников особенности социокультурных практик и экономического поведения горожан Лондона в период реформации. К.и.н. А.А. Бельцер (Самарский университет) проанализировал изменения в составе мировой комиссии пограничных графств в период правления Генриха VIII.

Самыми активными и масштабными были секции, посвященные политическим институтам, политической культуре и социальным практикам соответственно нового и новейшего времени. Заседанием первой из них руководила Т.Л. Лабутина.

К.и.н. Д.О. Гордиенко (Самарский университет) проанализировал проблемы становления английского военно-морского флота в «долгом XVII в.». Он отметил, что к началу углублявшихся англо-голландских противоречий администрация Карла I развернула широкомасштабное строительство современного флота. Обратной стороной этого процесса стало недовольство сословий налоговой политикой короны. Д.и.н. С.Е. Киясов (Саратовский университет) рассмотрел начальный этап регулярного масонского движения в Англии. Он отметил, что его идеологи сформулировали и применили на практике идеи, соответствующие духу Просвещения. Трансформация организационных традиций «вольных каменщиков» способствовала росту популярности масонских лож и быстрому их распространению за пределами Британии. В докладе к.и.н. Е.А. Куцевой (СГСПУ) были показаны направления развития книжной культуры в Англии в XVIII в., выявлена специфика организации книжного рынка, формирование авторского права, создание системы библиотек.

В докладе к.и.н. Н.С. Иванова (ИВИ РАН) рассматривались вопросы, связанные с генезисом британского имперского сознания под влиянием Великих географических открытий. Докладчик акцентировал внимание на сложном характере слияния гуманистического идеализма эпохи Просвещения со стремлением к колониальным захватам и к власти. К.и.н. М.В. Жолудов (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина) подробно прокомментировал особенности развития двухпартийной системы Великобритании в XIX в., отметив влияние парламентских реформ на формирование партийных структур. Он также проанализировал воздействие политической группы «философских радикалов» на процесс проведения парламентской реформы в 1830–1832 гг. в Великобритании, положившей начало серьезным

преобразованиям парламентской системы государства и трансформации двухпартийного тандема «виги—тори» в связку «либералы—консерваторы», что привело в конце XIX в. к созданию в Великобритании массовых политических партий современного типа.

Ряд выступлений имели биографическую проблематику, в них были рассмотрены взгляды и деятельность английских мыслителей и политических деятелей. П.Ю. Князев (Московский государственный университет (МГУ) им. М.В. Ломоносова) подробно остановился на вкладе английского мыслителя Чарльза Дэвенанта в развитие теории государственного управления, осветил представления мыслителя об идеальном государственном устройстве, истоки его воззрений. Докладчик подчеркнул, что поиск оптимальных моделей управления государством был свойственен общественно-политической мысли Англии рубежа XVII—XVIII вв. К.и.н. М.А. Ковалев (Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых) раскрыл новую грань литературного творчества Хораса Уолпола как политического памфлетиста. На примере анализа его исторических взглядов продемонстрировал своеобразие осмысления того варианта Просвещения, который сложился в Англии. Участие находившегося на русской службе генерала Патрика Гордона в Первом азовском походе было рассмотрено к.и.н. К.В. Станковым (Институт российской истории РАН). Им были доказаны тесные взаимоотношения англичанина с Петром I, что позволяло Гордону отстаивать интересы находившегося в эмиграции Якова II. Онлайн-выступление к.и.н. Е.А. Макаровой (МГУ) было посвящено деятельности и политическим воззрениям британской актрисы, писательницы, драматурга и литературного критика Элизабет Инчбальд (1753—1821), которая в 1790-е годы входила в тесный круг английских политических радикалов вместе с Уильямом Годвином и Томасом Холкрофтом. В своих произведениях Инчбальд отразила события эпохи Французской революции XVIII в., описала проявления нетерпимости и жестокости, по мнению писательницы, их несли с собой силы, приводимые в действие революцией. Е.А. Макарова подчеркнула, что произведения писательницы запомнились современникам размышлениями о природе зависимости личности от социального строя и политической системы.

К.и.н. Л.Р. Сабитова (Саратовский университет) подробно рассмотрела проблему безопасности британских владений в Индии на рубеже XVIII—XIX вв., показала специфику внешнеполитиче-

ской линии Великобритании в отношении своих колониальных владений. К.и.н. Е.П. Макаров (Самарский государственный технический университет) раскрыл взаимоотношения местных элит и колониальной администрации на примере американского штата Виргиния накануне Войны за независимость США. К.и.н. Н.И. Осипов (Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет, г. Уральск) проанализировал радикалистский политический дискурс дебатов в конгрессе США по биллю Канзас—Небраска.

Заседанием секции «Политические институты, политическая культура и социальные практики Новейшего времени» руководила Т.Н. Гелла. Характерной особенностью большей части докладов секции являлась проблематика войны в актуальных методологических и тематических рамках современных гуманитарных исследований. Д.и.н. С.Г. Малкин (СГСПУ) уделил особое внимание интерпретациям понятий «малая война» и «герилья» в рамках «имперской школы» военной мысли Великобритании эпохи Интербеллума. Он проанализировал взаимовлияние работ генералов Ч.Э. Коллвелла и Ч.У. Гвинна о роли армии в обеспечении колониального порядка, уставов и официальных историй восстаний в Британской империи, показал роль этих сочинений в формировании и эволюции британской стратегии антиповстанчества после Великой войны. К.и.н. Ю.А. Жердева (Самарский университет) затронула вопрос о способах отражения в эго-документах Первой мировой войны опыта комбатантов в области «военного туризма», выбрав для анализа регион Галиции, присоединенный во время войны к Российской империи. Были рассмотрены отношения таких «путешественников» в составе действующей армии с местным населением, влияние армейского руководства и официальной пропаганды на эти контакты. В докладе к.и.н. Я.А. Голубинова (Самарский университет) было рассмотрено новое направление англоязычной историографии — экологическая история Первой мировой войны. Им были выделены различные подходы к выявлению ее предмета, показаны основные перспективные направления развития этой отрасли исторического знания. К.и.н. С.М. Николаева (Самарский университет) проанализировала представления американских писателей межвоенного периода о культурных задачах американского общества.

Я.А. Левин (СГСПУ) представил результаты своей работы, посвященной анализу документов, раскрывающих деятельность спецслужб США в годы Гражданской войны в Китае, сделав основной акцент на роли ФБР.

В докладе Д.А. Нестерова (СГСПУ) рассматривались отношения корпорации РЭНД с британской колониальной службой в процессе определения антиповстанческой стратегии США во время войны во Вьетнаме, мотивы, цели и задачи представителей экспертного сообщества в рамках аналитического сопровождения внешней политики США в странах «третьего мира» во время холодной войны.

Участники конференции отметили, что подобные собрания с участием представителей Российской академии наук, московских и региональных педагогических и классических университетов позволяют обмениваться опытом исторических исследований, являются ориентиром в выявлении наиболее приоритетных направлений в работе различных исторических школ, становятся стартовой площадкой для деятельности молодых ученых, и выразили надежду, что конференция станет традиционной. Проведение III конференции «Политические институты, политическая культура и социальные практики от античных держав до глобальных империй» запланировано на май 2023 г.

Библиография

Исследования зарубежной истории. Вып. 1 / под ред. Е.П. Бариновой, Е.А. Гуськова. Самара, 2019 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43794553> (дата обращения: 28.05.2021).

Семёнов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995.

Семёнов С.Б. Между монархией и республикой: радикальный выбор XVIII века // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 103–111.

Семёнов С.Б. Консульство и империя Наполеона Бонапарта. Самара, 1997.

Семёнов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

References

Issledovaniya zarubezhnoj istorii. Vyp. 1 / pod red. E.P. Barinovej, E.A. Gus'kova [Studies of foreign history. Iss. 1 / eds E.P. Barinova, E.A. Guskov]. Samara, 2019 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43794553> (access date: 28.05.2021). (In Russ.)

Semenov S.B. Konsul'stvo i imperiya Napoleona Bonaparta [The Consulate and the Empire of Napoleon Bonaparte]. Samara, 1997. (In Russ.)

Semenov S.B. Mezhdunarhiya i respublikoj: radikal'nyj vybor XVIII veka [Between the Monarchy and the Republic: A Radical Choice of the 18th century] // Monarhiya i narodovlastie v kul'ture Prosveshcheniya [Monarchy and Democracy in the Culture of Enlightenment]. Moscow, 1995. S. 103–111. (In Russ.)

Semenov S.B. Politicheskie vzglyady anglijskih radikalov XVIII veka [Political Views of the English Radicals of the 18th Century]. Samara, 1995. (In Russ.)

Semenov S.B. Radikal'noe dvizhenie i bor'ba za parlamentskuyu reformu v Anglii vo vtoroj polovine XVIII veka [The Radical Movement and the Struggle for Parliamentary Reform in England in the Second Half of the 18th century]. Samara, 2008. (In Russ.)

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте) или по электронной почте редакции: novistor57@mail.ru.
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова, Е.В. Котова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 01.02.2022 г.
Тираж 305 экз.

70•100¹/₁₆.
Зак. 11/1а.

Уч.-изд. л. 23,4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных Технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

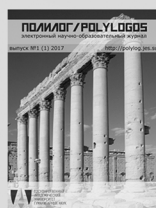
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).